

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

Часть 1

№ 4 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ
ООО Научно-издательский центр «Социосфера»

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин,
кандидат исторических наук, доцент

Редакционная коллегия

И. Г. Дорошина, кандидат психологических наук, доцент
(ответственный за выпуск),
М. А. Антипов, кандидат философских наук,
В. В. Белолипецкий, кандидат исторических наук,
Д. В. Ефимова, кандидат психологических наук, доцент,
Н. В. Саратовцева, кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет

Н. Арабаджийски, доктор экономики, профессор (София, Болгария),
А. С. Берберян, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения),
А. Ю. Большакова, доктор филологических наук, ведущий научный
сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН
(Москва, Россия),
С. Н. Волков, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия),
А. К. Голандам, преподаватель кафедры русского языка,
Гилянского государственного университета (Решт, Иран),
Е. Кашпарова, доктор философии (Прага, Чехия),
М. О. Насимов, кандидат политических наук, проректор по воспитательной
работе и международным связям университета «Болашак», директор
Кызылординского филиала Ассоциации политических исследований
(г. Кызылорда, Казахстан).
М. Сапик, доктор философии, доцент (Колин, Чехия),
Н. А. Хрусталькова, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Междисциплинарный научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует статьи по философии, культурологии, филологии, психологии, педагогике, социологии, праву, истории, экономике и другим социально-гуманитарным дисциплинам, а также методические разработки учебных и воспитательных занятий. Материалы, опубликованные в журнале, размещаются в российской системе научного цитирования (РИНЦ) – на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ), а также в международной базе научных публикаций Directory of open access journals (DOAJ), и индексируются в системе научного цитирования Google Scholar.

ISSN 2078-7081

© ООО Научно-издательский
центр «Социосфера», 2013.

Scientifically-methodical and theoretical journal

SOCIOSPHERE

Part 1

№ 4 2013

THE FOUNDER
The science publishing centre «Sociosphere»

The chief editor – Boris Doroshin,
candidate of historical sciences, associate professor

Editorial board

I. G. Doroshina, candidate of psychological sciences, associate professor (responsible for release),
M. A. Antipov, candidate of philosophical sciences,
V. V. Belolipeckiy, candidate of historical sciences.
D. V. Efimova, candidate of psychological sciences, associate professor,
N. V. Saratovceva, candidate of pedagogical sciences, associate professor.

The international editorial council

N. Arabadzhiiski, PhD, professor (Sofia, Bulgaria),
A. Yu. Bolshakova, doctor of philological sciences, professor (Moscow, Russia),
A. S. Berberyan, doctor of psychological sciences, professor (Erevan, Armenia),
S. N. Volkov, doctor of philosophical sciences, professor (Penza, Russia),
A. K. Golandam, lecturer of the department of Russian language of The university of Gilan (Rasht, Iran),
E. Kashparova, PhDr., Ph.D. (Prague, Czech Republic),
M. O. Nasimov, candidate of political sciences, vice-rector of education and international relations of the University «Bolashak», the director of the Kyzylorda branch of Association of Political Studies (Kyzylorda, Kazakhstan).
M. Sapik, PhDr., Ph.D., associate professor (Kolin, Czech Republic),
N. A. Hrustalkova, doctor of pedagogical sciences, professor (Penza, Russia).

Interdisciplinary scientific and methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes articles on philosophy, philology, psychology, pedagogy, sociology, law, history, economics and other social and human sciences, and also methodological manuals of training and educational activities. The papers that are published in the journal are placed in the Russian system of scientific citation (RSSC) – on the site of Scientific electronic library (SEL), and also in the international database of scientific publications Directory of open access journals (DOAJ), and are indexed in the science citation system Google Scholar.

ISSN 2078-7081

© The science publishing
centre «Sociosphere», 2013.

Содержание

НАУКА

ФИЛОСОФИЯ

Иванов Д. В.

Человековедение А. П. Сумарокова: к философским и психологическим
взглядам русского просветителя 11

Abidjanova F. A.

Interpretation of dreams and it's aesthetic aspects..... 14

Ганаба С. А.

Феномен творчества: путь от хаоса к гармонии 18

Мороз Е. В.

Гуманистическая парадигма как объект религиозного анализа 25

Ларьяновский И. С.

Интегральные ценности и социокультурная динамика..... 30

Бойко Н. Н.

Социально-философское значение принципа законности 37

Bekchanov S. I.

The historical – philosophical analysis of the theory of modernization 39

Мюлдер Е. В.

Составляющие концепции устойчивого развития:
экологическая, экономическая и социальная 44

Олексенко Р. И.

Роль философии образования в социально-экономическом определении
рыночной экономики 46

Гулько О. В.

Проектное образование в проблемном поле философии образования 52

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

Гукалова Л. А.

Что ни гора, что ни озеро – всюду легенды об этой зачарованной земле..... 60

Куликова И. М.

Тенденции межкультурного взаимодействия:
двуязычие в культурном пространстве регионов..... 64

Сагитова А. Ф.

Внутренняя форма слова как один из способов кодирования смысла..... 71

Хайруллина Р. Х., Пожидаев Р. А.

Картина мира в русском словообразовании (микрокосм)..... 75

Сагитова А. Ф., Бозташ Х.

Репрезентация концепта «Работа» в паремиях русского языка..... 79

Моисеева Е. С.

Оттопонимические и отпатронимические фамилии 86

Киреева Е. В.

Своеобразие пьесы Е. Кротевича «Жакерия»
(по мотивам одноимённого произведения П. Мериме)..... 89

Яструбецкая Г. И. Парадигма примитива в поэтике экспрессионизма (по творчеству Теодосия Осьмачки).....	93
---	----

ПСИХОЛОГИЯ

Буравцова Н. В., Дмитриева Н. В. Харизма: от божьей благодати до совокупности личностных характеристик	103
Савельева А. Г. Психологические особенности развития самоактуализирующейся личности	107
Романюк Л. В. Становление ценностей личности: структурно-функциональная модель	109
Тригуб Т. Н. Сравнительный анализ ценностно-смысловой сферы учеников с разным социометрическим статусом.....	115
Наумова М. Л. Коррекция межличностных отношений детей младшего школьного возраста методами арт-терапии	121
Баубекова К. Н. Нравственно-волевое развитие подростков, занимающихся восточными боевыми единоборствами	129
Брюхова Н. Г., Слесарева О. А. Эмпатия в нравственном развитии подростков.....	130
Брюхова Н. Г., Капустина С. М. Психологические особенности развития эмпатии психолога-консультанта.....	133
Брюхова Н. Г., Ильященко Ю. В. Ответственность как нравственная основа личностного развития молодёжи.....	133
Брюхова Н. Г., Бородай Т. В. Психологические особенности развития ответственности в зрелом возрасте	135
Павлова Е. Н. Совесь в духовно-нравственном развитии личности будущего психолога	136
Павлова Е. Н. Совесь как основной нравственный ориентир будущих психологов	138
Савельева А. Г. Психологические особенности духовно-нравственного развития современной молодёжи	139
Дубнякова А. И. Общие подходы к исследованию креативности.....	141
Паламарчук О. Н. Исследование личностных стимулов субъектов предпринимательства к профессиональной деятельности	143
Дворник М. С. Типология социально-психологических практик отсрочки.....	150
Белавин С. П. Факторная структура социальной перцепции представителей этнолингвистических общностей	156
Баляев С. И. «Мы» – «Они» в этническом самосознании эрзян и мокшан.....	162

Тучина О. Р. Толерантность и этнокультурная идентичность: субъектно-бытийный подход	164
--	-----

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА И ПРАВО

Kozhukhar A. I. Specific channels of intercultural communication in historical context: criteria, definition, functions	168
Panahi A. The geographical importance of darband and its role in the relations between Russia and Iran in the safavid era	173
Митюков Н. В., Порцева Л. П. Военно-технический аспект испано-мексиканского военно-морского сотрудничества периода республики	180
Насимов М. О., Паридинова Б. Ж. Консалтинг как объект политической науки	183
Гайко О. С. Современное государство и кризис либеральной модели демократии	186
Каминченко Д. И. «Новые» СМИ как агент распространения определённых политических ценностей	191
Арьков В. В. Приоритетные направления деятельности национально-общественных объединений в процессе формирования гражданской идентичности	194
Мовчан У. И. Роль президента в формировании коалиций в постсоветских полупрезидентских системах	200
Изюмов И. В. Совершенствование правового регулирования международной и внешне экономической деятельности высших учебных заведений.....	205
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши, Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2014 году.....	211
Информация о журнале «Социосфера»	216
Информация о журнале Acta Humanitas	220
Информация о журнале «Обучение и воспитание одаренного ребенка: теория и практика», рекомендованном ВАК Украины.....	222

CONTENTS

SCIENCE

PHILOSOPHY

Ivanov D. V. Humanities of A.P. Sumarokov: philosophical and psychological views of russian educator	11
Abidjanova F. A. Interpretation of dreams and it's aesthetic aspects.....	14
Hanaba S. A. The phenomenon of creativity: the path from chaos to harmony	18
Moroz E. V. Humanistic paradigm as an object of religious analysis	25
Laryanovsky I. S. Integrate values and social-cultural dynamics	30
Boyko N. N. Socio-philosophical meaning the principle of legality	37
Bekchanov S. I. The historical – philosophical analysis of the theory of modernization	39
Mulder E. V. The components of the concept of sustainable development: ecological, economic and social	44
Oleksenko R. The role of education in the philosophy of social and economic definition of market economy	46
Gulko O. V. Project education in the problematic field of the philosophy of education.....	52

CULTURAL STUDIES AND PHILOLOGY

Gukalova L. A. Neither mountain nor lake – there are legends everywhere about this charming place	60
Kulikova I. M. Trends cross-cultural interaction: bilingualism in the cultural space of regions	64
Sagitova A. F. The inner form of words as one wayto methods of coding of sense.....	71
Khyayrullina R. Kh., Porzidaev R. A. Linguistic picture of the world in russian word formation (microcosm).....	75
Sagitova A. F., Boztash H. The representation of the concept of «Work» in proverbs of russian language.....	79
Moiseeva E. S. Correlation of oiconymical and pathronymical substantive vocabulary (on the lexis of the Penza region)	86
Kireeva E. V. Singularity of «Jacquerie» play by E. Krotevich (based upon P. Merimee composition).....	89

Yastrubetskaya G. I. The paradigm of the primitive in the expressionist poetics of Theodosius Osmachka's art	9
--	---

PSYCHOLOGY

Buravtsova N. V., Dmitrieva N. V. Charisma: from god's grace to the aggregate of personal characteristics.....	103
Savelieva A. G. Psychological peculiarities of development self-actualizations personality	107
Romanyuk L. V. The personality values' becoming: structural and functional model	109
Trigub T. N. The comparative analysis of the valuable and semantic sphere of pupils with the different sociometric status.....	115
Naumova M. L. Correction of the interpersonal relationship of children of younger school age by art therapy methods.....	121
Baubekova K. N. Morally-strong-willed development of adolescents engaged in oriental martial arts.....	129
Bryukhova N. G., Slesareva O. A. Empathy and moral development of adolescents.....	130
Bryukhova N. G., Kapustina S. M. Psychological peculiarities of the development of empathy of the psychologist-adviser	132
Bryukhova N. G., Ilyashchenko Y. V. Responsibility as the moral basis of personal development of young people	133
Bryukhova N. G., Boroday T. V. Psychological peculiarities of the development of liability in adulthood.....	135
Pavlova E. N. Conscience in spiritually-moral development of the personality of a future psychologist.....	136
Pavlova E. N. Conscience as the main moral landmark future psychologists	138
Savelieva A. G. Psychological peculiarities of spiritually-moral development of modern youth.....	139
Dubnyakova A. I. The general approaches to creativity research	141
Palamarchuk O. N. The study of subjects' of business personal incentives to professional activity	143
Dvornyk M. S. The typology of socio-psychological postponing practices.....	150
Belavin S. The factor structure of social perception ethno-linguistic communities' representatives.....	156
Balyaev S. I. «We» – «They» in Erzyas and Mokshas ethnic identity	162
Tuchena O. R. Tolerance and ethnocultural identity: subject approach.....	164

HISTORY, POLITICAL SCIENCE AND LAW

Kozhukhar A. I. Specific channels of intercultural communication in historical context: criteria, definition, functions	168
--	-----

Panahi A.	
The geographical importance of darband and its role in the relations between Russia and Iran in the safavid era	173
Mitiukov N. W., Portseva L. P.	
Combat-technical aspect of spanish-mexican naval cooperation of the republic's period	180
Nassimov M. O. , Paridinova B. Zh.	
Consulting as object of political science.....	183
Gaiko O. S.	
Modern state and crisis of liberal model of democracy	186
Kaminchenko D. I.	
«New» Media as an agent of certain political values distribution	191
Arkov V. V.	
The priority directions of actions of national associationsn the formation of civic identity	194
Movchan U. I.	
A president's role in the formation of coalitions in post-soviet semipresidential systems	200
Izumov I. V.	
To improve legal regulation of international and foreign economic activities of higher educational institutions.....	205
Plan of international conferences held by universities of Russia, Azerbaijan, Armenia, Belarus, Bulgaria, Iran, Kazakhstan, Poland, Ukraine and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2014.....	211
About the journal «Sociosphere».....	216
About the journal «Acta Humanitas»	220
Information about the journal «Teaching the Gifted Child: Theory and Practice», recommended by the HAC of Ukraine	222

НАУКА

ФИЛОСОФИЯ

УДК 159.9.01

ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЕ А. П. СУМАРОКОВА: К ФИЛОСОФСКИМ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ВЗГЛЯДАМ РУССКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ

Д. В. Иванов

Иркутская государственная сельскохозяйственная академия,
г. Иркутск, Россия

HUMANITIES OF A.P. SUMAROKOV: PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL VIEWS OF RUSSIAN EDUCATOR

D. V. Ivanov

Irkutsk state academy of agriculture, Irkutsk, Russia

Summary. The article considers the problems of humanities in the creative heritage of prominent Russian philosopher and writer of the 18th century A. P. Sumarokov. His views on human nature, the development of the individual, the problems of education and human improvement are reconstructed and interpreted.

Key words: human nature; struggling men; wisdom; heart; cardiognostic philosophy; improvement; education; morality.

В эпоху Просвещения возникает огромный интерес к человеку, его природе, нраву, потенциальным возможностям и способностям, его эмоционально-чувственному миру. Появился «новый» человек, движимый петровским желанием переустройства России, готовый проявить свои способности и занять достойное место в обществе по праву своего труда. Именно он заметил горизонты будущего и желал познать собственный внутренний мир и то, как им управлять. Идущие навстречу потребностям «нового» человека, охваченные идеей преобразования человеческой природы, русские просветители намечали пути и подыскивали адекватные методы её совершенствования.

Человековедение как область познания человеческой природы и описания человеческих нравов, благодаря обширной философской, психологической, художественной литературе, создаваемой в эпоху Просвещения, обретает новое дыхание и активно развивается. В этой столь значимой для эпохи области приложения сил трудится «цвет рыцарства», воспитанный на «Юности честном зерцале», борющийся за претворение петровских преобразований в жизнь. Среди них – представитель древнего рода, русский поэт-философ, писатель, просветитель А. П. Сумароков (1717–1777), который «близок нашему сегодняшнему мироощущению, возможно, даже в большей степени, чем своим поздним современникам» [1, с. 183].

Сумароков оставил ряд философско-психологических писем и статей дидактического характера, в которых обозначил свой поиск ответа на вопрос о сущности человека. Мыслитель уверен, что каждый человек «рождается ради себя к добру» и «худу» для другого [3, с. 149]. Утверждая подобное, Сумароков обнаруживает солидарность с теорией естественного права и взглядами Ж.-Ж. Руссо, в частности, с его «естественным человеком» (*L'homme naturel*), который «весь для себя», «абсолютное целое» [4, р. 9–10]. По мнению Сумарокова, в человеческой природе «сожительствуют» добро и зло [3, с. 147]. Однако он предполагает, что в самой природе человека заложена потенция к преобразованию, стремление к борьбе, самосовершенствованию. При этом для Сумарокова совершенство «не имеет степеней» [3, с. 148]. Просветитель уверен, что, даже рождаясь «к худу»

для «другого человека», каждый имеет возможность преобразить себя, снискать добродетельность. Над проблемой человеческого совершенствования Сумароков работает всю свою жизнь. Этому поиску посвящены его «некоторые» статьи о добродетели и письма [2, с. 245–280; 357–383].

Свой путь философско-психологических «разысканий» Сумароков начинает с осознания потребности человека в потребности для себя правды (честности). В статье «О слове мораль» он пишет о необходимости честности, создающей базис формирования для всего «рода человеческого» [3, с. 153]. Без этой основы существование человечества практически невозможно. Заметим, что в рамках сложившейся в эпоху Просвещения, в том числе, сумароковской рефлексии о правде (честности), будут творить и следующие поколения мыслителей, оставивших ряд психологических высказываний и работ по поводу этого столь существенного предмета размышлений (Херасков, Княжнин, Радищев, Новиков, Веневитинов, Куницын и даже Чаадаев). Формируется нравственная философская психология, отвечающая запросам и чаяниям человека Нового времени. В контексте этой психологии обосновывается представление о борьбе как должном пути поиска правды, имеющем и своё «оружие». «Оружием» правды Сумароков призывает считать «любочестие, источник добродетели» [3, с. 152].

«Любочестие» заложено в основание сумароковской системы воспитания и формирования человеческих качеств. В статьях о добродетели и письмах Сумароков, излагая свой взгляд на природу человека, даёт исходные утверждения как аксиомы её понимания [2, с. 245–280]. Так, Сумароков уверен, что «любочестие» и «самолюбие» «природно» всем индивидам [2, с. 245]. В то же время основными системными качествами, которыми должен обладать человек, «снискавший» добродетель, являются: человеколюбие, благодеяние, просвещённость, благородство, богопочитание, великодушие и мужество [2, с. 253; 255; 257; 258; 262; 268; 390].

Базисом подобной рефлексии у Сумарокова выступает отечественная кардиогностическая философия («философия Сердца»), архетип древнерусской философии, оказывающийся всё ещё востребованным в эпоху позднего Просвещения. «Сердце» как метафора отражения складывающегося эмоционально-волевого мира, движения русской души, а также как концепт философско-психологических умозаключений и размышлений Сумарокова, позволяет ему реконструировать ментальные константы психологии человека. «Сердце» становится тем духовным, психологическим критерием, который позволяет оценить благополучие состоявшегося в этом мире человека. Сумароков глубоко осознаёт ценность концепта «сердце» в представлениях о человечности. Так, в статье «О безбожии и безчеловечии» он пишет, что «человек без человечности» – это тот, кто «ожесточен сердцем» [3, с. 151]. В своих размышлениях Сумароков использует и понятие «благодарное сердце». Для него это оказывается существенно, поскольку, просветитель замечает: «Человек, не имущий благодарного сердца, почти совсем добродетелей лишается и не достоин никакой милости» [3, с. 269]. Человек не имеет возможностей для совершенствования, он не выполняет задач борьбы за добродетельность для себя, внутренний мир его однообразен.

Психическая жизнь человека, его внутренний мир привлекает особое внимание Сумарокова. Здесь мыслитель ориентируется на «естественное», «возможное» в человеческой природе, на общее жизнеотношение индивида. В сумароковских статьях и письмах представлены его размышления и высказывания о памяти, воображении, воле, чувствах, разуме, речи человека.

Человеческая речь, умение выразить мысль, передать при этом оттенки чувств – особый предмет рассмотрения в эпоху Просвещения. Так, например, Сумароков со знанием дела замечает, что «словесностью» человек отличается от всех других живых существ, подчёркивает обнаруживающуюся индивидуальность человека, проявляемую в речи, письме, умении декламировать. По декламации Сумароков готов определять «существо вкуса», который «выше всего по природе человеческой» [2, с. 262]. Проблемы речи Сумароков рассматривает в работе «О российском духовном красноречии» [2, с. 295–302], где он специально останавливается на умении человека «красиво» говорить. Главным

для Сумарокова, остающегося верным традициям просвещения, является то, что духовное красноречие способствуют наставлению человека в добродетели. Призывы Сумарокова к упражнениям в красноречии, признание за словесностью огромного потенциала в борьбе за совершенствование человека будут значимы в отечественной философско-психологической мысли и позднее, в начале XIX столетия.

Сумароков как истинный просветитель обращается с глубокой верой в разумность человека. В статье «О разности между пылким и острым разумом» [2, с. 316–318] Сумароков даёт психологическую характеристику человеческому разуму, выделяя некоторые его разновидности. Так, «острый» разум способствует пониманию «оснований» существа изучаемого вопроса, формированию устойчивых мыслительных операций в интеллектуальной жизни индивида. «Разумный человек, – пишет Сумароков, – есть человек основательный» [2, с. 316]. Попытки функционального анализа мыслительных процессов приводят Сумарокова к противопоставлению характеристик «острого» (проницательность, пылкость, основательность и т. д.) и «медлительного» разума. Сумароков настаивает на воспитании основательности в размышлениях человека, развитии у него конструктивных, творческих функций мысли, что будет способствовать и позитивному его жизнеотношению, старательности в поиске добродетельности.

Сам Сумароков соглашается с положением, существующим в то время в психологии, что разум – «действия души, в движение чувствами приведенныя» [2, с. 322]. Сумароков также склонен связывать разумность человека с присущим ему воображением и чувствами, придавая последним особое значение. «Эмоциональный контур» (Е. Б. Старовойтенко) человеческой разумности, переживания человека дают возможность проявлять отношения оценочного характера к познанию, миру, другим людям. Поэтому Сумароков считает необходимыми воздействия на природу человека, «движения» души, «употребление чувств» с тем, что бы сформировать ценностное отношение к добродетельности, предрасположить индивида к человечности и лучшим человеческим качествам. Особую надежду здесь он возлагает на «мораль», «политику» и «воспитание». Для Сумарокова всё «необозреваемое» в человеке, в его внутреннем мире (психике) становятся целостным выражением жизнеотношений индивида.

В целом, можно заметить, что человековедение этого, не оценённого в полной мере, просветителя основано на подчёркнуто уважительном отношении к психологии, базирующейся на кардиогностической философии, на его глубоком интересе к проблемам человеческой нравственности. Сумароковский человек борется, нравственно совершенствуясь, восходит к осознанию необходимости добродетельности, сам становится добродетельным.

Библиографический список

1. Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему: философия истории и утопия в России эпохи Просвещения : моногр. – СПб. : Алетейя, 2005. – 496 с.
2. Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений : в 10 ч. – М. : Универ. тип. Н. Новикова, 1781. – Ч. 6. – 395 с.
3. Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений : в 10 ч. – М. : Универ. тип. Н. Новикова, 1782. – Ч. 10. – 248 с., прилож.
4. Rousseau J. J. Emile, ou de l'education. – Paris; Belin : Libraire, 1793. – Tome 1. – 393 p.

© Иванов Д. В.

INTERPRETATION OF DREAMS AND IT'S AESTHETIC ASPECTS

F. A. Abidjanova

National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Summary. In article is considered the philosophical essence of symbolism on dreams and creative work from the point of view of a psychoanalytical aesthetics. It is analyzed aesthetic aspects of dreams – dialectic features sublime and beauty. It is proved a role of aesthetic education in a spiritual life of the person.

Key words: aesthetic education; art creativity; interpretation of dreams; consciousness; unconscious; base; awful; sublime; ugliness and the beauty; philosophical essence of symbolism; management of libido; imagination; psychoanalytical aesthetics.

For a long time interpretation of dreams had a special interest, especially in the Islamic east dreams were considered as a certain bridge for an inner world. They were perceived dreams as a prophecy of the next day. For this reason correct interpretation of dreams was considered as the privilege of scientists. From the interpreter of dreams some knowledge was required, ability clearly to realise symbolical and creative sequence in dreams, skilfully to distinguish imagination of the person with the real sincere phenomenon. That is, the interpreter of dreams should have ability to do the logic conclusion, distinguishing sensual and abstraction in dreams connecting their conscious and unconscious aspects.

For example, Uzbek scientists Asror Samad and Najibbek Rustami in the books «Interpretation of dreams» assert, that interest to theories of dreams has appeared from the East, where that in regions of Babylon. Later these sights concerning interpretation have been extended by merchants, travellers and ambassadors to other continents of the world.

«So, skills of interpretation of dreams the East product, they have been extended by merchants, travellers and ambassadors to other continents of the world. In the West there is a big inscription named «Texts of tombs of the Pharaoh» and being one of pearls of the world literature. In these inscriptions the set of cases is told about dreams of Pharaohs. Besides there is a number of the created works of East scientists such as – Abu Bakr Muhammad ibn Yaman Samarqandi, Abu Nasr Farobiy, Abu Rayhon Beruniy, Abu Ali ibn Sino, Abdulloh Ansori and other scientists in sphere of medicine, astronomy, an astrology and divinity» [1].

That is aforementioned scientists studied the reasons vision of dreams, a role and influence of a sincere condition of the person in dreams.

Studying of interpretation of the dreams, begun with the East, has reached to science level in Europe.

For this reason in psychoanalysis the theory of dreams is applied not only for treatment of sincere diseases, but also with a view of detailed studying of process of the art creativity having a considerable role in researches in sphere of ability, talent and genius of the creator. For example, the founder of psychoanalysis has paid special attention to researches of concerning theories of dreams and their aesthetic essence: «Thanks to an analytical explanation of typical dreams there was possible an understanding of many myths and fairy tales» [2]. In «Interpretation of dreams» of Freud dreams, are closely connected by memoirs of the childhood and in these dreams dominates the phenomena of libido.

«And it is valid, own «I» appear in any dream and plays it a leading role even if it is skilfully hidden in the obvious maintenance. This *sacro egoism* (sacred egoism) dreams, is certainly connected with installation on a dream which consists in falling of interest to all external world.

Free from all ethical bonds «I» meet half-way all claims of a sexual inclination including such which are condemned for a long time by our aesthetic education and contradicts all ethical restrictive requirements» [3].

If Alfred Adler asserts, that the person could not reach is compensated by dreams for Carl Gustav Jung dreams are a certain prophecy of soul and a body and as a certain bridge for collective unconscious.

Interpretation of dreams has theoretical substantiations of psychoanalysts of concerning researches about artistic images in a work of art. Thus scientific conclusions of

research came up to aesthetization of psychoanalysis, which became as a psychoanalytical aesthetics. As images and symbolics of dreams it is closely connected with folklore, has started to come to light new tendencies in psychoanalysis specifying a leading role of aesthetic requirement for the person.

Dreams are small «products» of the seeing dream, comprising not only individual, but also imaginations collective unconscious through symbolics and artistic images. As well as in works of art aesthetic features such as the beauty, sublime, interesting, base, ugliness and awful are created by imagination of person. And all it occurs in sphere unconscious as well as in dreams, and in the course of art creativity. Research of archetypes say about psychological requirement of the person to beauty and to sublime which turn in aesthetic requirement and it is carried out by aesthetic activity – imagination. And it proves the psychoanalysis theory about influence of collective unconscious to individual unconscious of person. For this reason, philosophical essence of symbolism has the very importance role on interpretation of dream.

For example the full moon in dreams symbolises the beauty: «If the full moon has dreamt, you can count on good luck in business and success in affairs warm. Mysterious, big moon – messenger of adverse intimacy, troubles in a house circle, the disappointment connected with affairs» [4].

«In Athenes the new moon was considered as favorable time for wedding celebrations, and the Arabian custom to play this day weddings exists and until now; the Sun and the Moon – marriage partners which incorporate for the twenty eighth day of month» [5]. From this follows, that the moon symbolises beauty which has generated the sublime. And the most interesting that the symbol of the sun and the moon in dreams are unequivocal sense in art creativity:

Хуршид тулұь этса, кўёшинг соғинурмен,
Кўргач янги ой милини, қошинг соғинурмен [6]¹.

Sun beams are symbolised the love of hero, and the new moon reminds its beauty. In verses of the great poet of the sun and the moon designates that unique – love of the hero. If the person who doesn't know about meaning or image itself of creation he couldn't deny that the sun and the moon in dreams arouse such feelings as beauty and sublime identically. That is symbolism has universal feature.

Ойни рухсоринг дедим гўё қоронғу эрди тун,
Ким манга асру йироқтин воқий ўлмиш бу ғалат [7]².

In moonlight the light gives hope to the enamoured in his life which full of sufferings – the moon symbolized his love – the light in his life. But next line enamoured recognises that he was in bluded – the light of moon in darkness not her love on reality. It was only his fantasy.

The poet through an artistic image tried to show hope of the hero to light in darkness – aspiration from decline to optimism. That is love as the light moon shining dark human life. Means, the poet wishes to tell that without love the person as though lives in darkness without hope or light.

On the other hand the moon which takes all light and warmth from the sun – as dream which giving joy of life even if it is imagination of unconscious. It is the force which helps to live further.

One of great minds of Muslim East Imom Ghazzoli has put forward a number of theories about beauty which appears by images. In opinion Ghazzoli object of beauty is the love. That we love seems to us always beautifully.

But the love not only a symbol of beauty, most likely it is closer to the sublime. And consequently the moon symbolises aspiration of the person to beauty and to sublime in simultaneously. Means, the moon in dreams symbolises not carried out dreams and grief on it.

The nature of the person unites in itself ugliness and the beauty, sublime and base, evil and awful in one world. So there are many scientific disputes about primary overweight of good or evil in soul of the person.

¹ If the Sun shines I miss on your love like a sunshine. When there ascends the new moon recollect about your thin eyebrows.

² The moon in darkness seemed to me as your shape. But I've mistaken. Who could be able to help me from such distance?

For example, wild animals in dreams symbolises sublime and low, so awful in human nature. But some images have opposite values. For example, «the Snake in dreams means the latent enemies, the woman, the child, wealth, housing improvement ...» [8].

Actually, the symbol of a snake and a dragon in dreams has double meaning. That is there is a distinction between East and Western interpretation. In Miller's «Dream book» of a dragon and a dragon symbolise base and awful:

«Dreams about snakes – foretell harm in its various embodiments and forms» [9]. And in China, in Korea and in Japan and as the Muslim East the dragon personifies sublime:

«At some interpreters of a dragon in dreams foretells far way, but basically she prophesies a high post or wealth to person. As one of in the Uzbek national proverbs to be spoken «if you see them in reality kill, but in dreams they are – treasure» [10].

Such both way of the relation to this symbol depends on different methods of the approach of the West and the East. There west trying to pay attention more conscious – reason, and the East is the follower of unconscious – spirit. If in the western interpretation of a dragon, the dragon and wild animals warn the person from malicious, awful and tragic the East flight from them does not give nothing like – it needs ability from person transforming base and awful to sublime. But in psychoanalysis they are symbolizes the sublime and base simultaneously:

«Animals (a dragon, a lion, the snake etc.) symbolize malicious passions which, eventually, take the form of substance. They perish because of own predatory nature just as the Sun and the moon, whose higher desire with the evidence finds the culmination in an incest. But as «all event has the morals», the incest as we spoke above, is the preliminary form unio oppositorum [unity of contrasts.] From chaos, darkness and sinfulness raises new light, one death expiating «inevitable intrigues» of Belial» [11].

That is if in the West the snake, a dragon and a lion are nayward of a soul, in the East, this dark energy could get to light owing to ability of management libido. That is ability of management libido could give the chance sublimation of passion to found a family, the anger to restraint, aspiration to be a rich to be gratitude, vanity for a modest life.

Similar³ feature of this symbolics we can meet in fairy tales and in national legends. For example, in one of the Uzbek fairy tales so-called «Zumrad and Khimmat (Emerald and Costly)» opening a chest, Khimmat and her mother have seen two big snakes. That is, these snakes actually are malicious in soul of heroes – their harm has swallowed them. Similar symbols in art creativity warn the person from themselves – from its nayward of soul. The smallest harm turns in the present horror in a shower of the person. The person who has created harm – created awful against itself. Or heroes in fairy tales «Magic horse», «Three strong brothers» we meet with like this philosophical meaning. For example, on «Magic horse» the hero is helped by a white horse. The analysis allows knowing, that the white horse as a virtue symbol – kindly in the hero who helps to overcome a dragon – a symbol of harm. Only in this case the hero can reach happiness [12]. Or in the «Three strong brothers» the junior brother bit a dragon that his brothers could not won [13]. If with a fairy tale «Magic horse» the hero was helped by a horse – a virtue and knowledge symbol in a fairy tale «Three strong brothers» – symbolizes will of the person. Besides dragon we meet with such situation by other images too. For example, the image of birds in fairy tales has an especial role on researchinr artistic features of images:

«Birds as vivid reflexions of essence of unconscious passing when passing to conscious have permanent specificity which cannot back return to sphere of unconscious» [14].

For example, in one of the Uzbek fairy tales, so-called «The dragon-bird» the hero, having struck a dragon, had take with himself a gold horn of a dragon. By means of these it will open a horn to a door in a cave where there lived a dragon. There he meets the happiness – his love. And both found there a fine garden. This garden has revived from tears of the captive in sad days of girl who lived in a captivity of a dragon.

In this fairy tale the dragon – a nayward of unconscious this was passing to conscious by means of introspection of the hero. That is, happiness searches in fairy tales – in the

³ Етти about ққ уш. Олмон plaited white bread қ эртақлари. Чўлпон. – Тошкент, 1991. – 62 с.

real world consciousness. Struggle for happiness with dragons and other malicious beings is a struggle against libido or against wills of human. The interesting in this fairy tale that hero who overcame a dragon was not a suitor of the princess. By means of a gold horn of a dragon he opened a door in a cave and chooses the simple captive, that girl whose tears had created a fine garden. In our opinion the gold horn of a dragon symbolizes anima of hero. May be therefore, the hero prefers not life of queen, which everything dream, not realizing true essence of happiness, and desired, that unique, not under society requirements, and him. It means that, only winning libido or directing it on a good way it is possible to achieve the happiness. On the other hand, the consciousness helps the person to realise, that he wants actually, to distinguish desires of society from the personal. And process of consciousness also is struggle against malicious forces of the Universe of the «I». The fine garden, for enamoured grown from tears of the girl connects tragical to the fine. It mentions even some ethical questions – the theory about an unfortunate and heavy life giving rise to harm in human hearts is denied. The heavy life kills passions, bring up «I» of a human – such is the fairy tale conclusion. But there is also other conclusion from this fairy tale: immorality cannot be justified a heavy life or desperate positions of the person. So spoke Jaloliddin Rumi:

«Are there beams of the moon, my darling,
Fall on everyone good and bad in darkness?» [15]

If fairy tales in a similar way notify about wisdom of the Universe, the dreams prophecies about the phenomena of the small Universe which is connected with the big world. Interpretation of dreams has given chance to study not only a sincere condition of the person, but also process, and symbolics of art creativity.

Bibliography

1. Асрор Самад, Нажиббек Рустамий. 999 тушлар таъбири. – Т.: Фан, 2005. – 18 бет (Asror Samad, Najibbek Rustami. 999 interpretation of dreams).
2. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. – 2004. – С. 34.
3. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. - СПб.: Питер, 2007. – С. 80.
4. Miller G. H. Ten thousand dreams interpreted. A dictionary of dreams. Sterling. Rev Upd edition. – p. 34.
5. Jung C. G. Mysterium coniunctions. (Collected works of C. G. Jung. Vol. 14) P.U.P., p. 132.
6. Навоий А. Бадойи ул-бидоя. Мукаммал асарлар тўплами. – Т.: Фан., 1987. 404-б. (Navoiy A. Badoil-bidoya).
7. Навоий А. Бадойи ул-бидоя. Мукаммал асарлар тўплами. – Т.: Фан, 1987. – С. 252. (Navoiy A. Badoil-bidoya).
8. Энг яхши тушлар таъбирлари. – Қарши :Насаф, 2010. – 32 бет (The best interpretation of dreams. Nasaf).
9. Miller G. H. Ten thousand dreams interpreted. A dictionary of dreams. Sterling; Rev Upd edition. – p. 28.
10. Асрор Самад, Нажиббек Рустамий. 999 тушлар таъбири. – Т.: Фан, 2005. 210–б (Asror Samad, Najibbek Rustami. 999 interpretation of dreams).
11. Jung C. G. Mysterium coniunctions. (Collected works of C. G. Jung. Vol. 14) P.U.P. – p. 161.
12. Бир бор экан ... Ўзбек халқ эртаклари. Ўзбекистон. – Т., 2008. – 6 б (Once upon a time... Uzbek folk fairy tales. Uzbekistan).
13. Jung C. G. Mysterium coniunctions. (Collected works of C. G. Jung. Vol.14) P.U.P. – p. 155.
14. Аждар қуш. Ўзбек халқ эртаклари. Эртаклар яхшиликка етаклар. – Т.: Ўқитувчи, 2012. – С. 64. (The bird dragon. Uzbek folk fairy tales. The fairy tales following to goodness. Ukituvchi press).
15. Мавлоно Жалолiddин Румий. Най ноласи. Ҳикматлар. Юрист медиа маркази. – Т., 2011. – 41 бет (Jaloliddin Rumi. The moan of pipe. Aforisms. Yurist-media centre.)

© Абиджанова Ф. А.

ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСТВА: ПУТЬ ОТ ХАОСА К ГАРМОНИИ

С. А. Ганаба

**Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова,
г. Киев, Украина**

**THE PHENOMENON OF CREATIVITY:
THE PATH FROM CHAOS TO HARMONY**

S. A. Hanaba

National Pedagogical Dragomanov University, Kyiv, Ukraine

Summary. The article discusses the phenomenon of creativity as a complex phenomenon of self-organization. Analyzes the role of creativity in disclosure man of his inner peace. In this sphere the creative phenomenon of chaos is considered. Chaos is considered like motive power in providing the unity of many-sidedness. It is under scored that creativity as an acntegrul part of personality existence allows to lift up abstract knowledge, make an educational process interesting a clear, the one to be related to a child's life experience.

Key words: creative; complex phenomenon; chaos; harmony; educational process.

Проблема развития творчества и творческих способностей человека была и остается одной из актуальных и значимых в научных исследованиях. Творчество как один из фундаментальных способов отношения личности к миру и к себе символизирует культурно-цивилизационное развитие человечества, определяя в некоторой мере «дух эпохи» (Г. Гегель). Творческий порыв отдельного человека как мистический микрокосмос создает адаптивные изменения и в макрокосмосе, свидетельствуя о созидательных и разрушительных процессах в общественной жизни.

Особенную роль играет творчество в современном обществе, развитие которого происходит под влиянием научно-технологических, информационно-компьютерных революций. Они создают кардинально новый образ общества. Главным атрибутом этого общества является информационный продукт, благодаря которому можно получить новые ценности в производстве и обмене. В современном обществе информация имеет свойство постоянно увеличиваться, достигая тревожных размеров. Это явление исследователи обозначают как «информационный бум» и связывают с ним явление «информационного кризиса», что символизирует ограниченность возможностей человека усваивать ежедневный, быстро изменяемый информационный поток. Человек всё более чувствует растерянность и неспособность познать, усвоить и использовать постоянно изменяемый информационный ресурс. Он всё менее рассматривается как хранитель или транслятор информации. Свою духовную энергию и деятельность он больше направляет на создание нового информационного ресурса, способность его использовать в быстро изменяемом мире, проявляя гибкость и творчество в решении проблемных ситуаций. Эра современных изменений требует не человека-потребителя, а человека-творца. В калейдоскопе изменчивого мира роль интеллектуала становится всё менее эффективной и значимой. Поэтому, насколько в человека будет развито творческое начало, настолько высокой будет его способность адаптироваться в реалиях изменчивого мира, сохраняя при этом свою идентичность и самобытность, приумножая духовный и интеллектуальный потенциал эпохи.

Целью статьи является рассмотрение природы творчества как сложного феномена, который сам выстраивается, разворачивается в себе, используя конструктивный потенциал хаоса.

К проблемам творчества, творческого мышления и деятельности обращались исследователи различных эпох, предлагая множество разноплановых концепций, идей, подходов. Так, проблемы развития творческой личности рассматриваются в работах представителей гуманистической психологии. Ее основатели А. Маслоу и К. Роджерс представляют человека как целостную, открытую систему, способную к самоактуализации. Именно в процессе самоактуализации, по их мнению,

раскрывается и реализуется творческий потенциал личности. Феномен творчества как акт свободы анализируется в работах Н. Бердяева.

Творчество как процесс созидания смыслов рассматривают Я. Войцехович, А. Горелов, И. Демченко, Н. Смирнова и другие, анализирует перестройку личностного опыта в процессе творчества С. Филипенко. Вопросами развития творческого мышления занимаются В. Аршинов, Ю. Данилов, К. Делокаров, В. Делия, Е. Князева, М. Нестерова, Я. Свирский, Н. Шахотина. Психологию творчества как подход в изучении одаренности рассматривают В. Бехтерев, А. Моляко. Свои версии стадий прохождения творческого процесса предлагают П. Энгельмаер, А. Половинкин, В. Матюшкин и другие.

Несмотря на большое количество и многообразие исследований этого феномена, единого подхода в объяснении категории «творчество» не существует. Это обстоятельство свидетельствует, прежде всего, об абсолютизации учеными определенного аспекта этого явления (психологического, педагогического, философского, физиологического и т. д.). В итоге многоаспектность данной дефиниции формирует неполные, частичные определения. Так, в философском контексте это понятие рассматривается как «деятельность, в которой происходит появление принципиально нового в человеческой культуре. Принципиально новое есть результат разрешения противоречия, поэтому творчество можно определить как осознанное разрешение противоречий, ставших на путь развития человека и его мира» [12, с. 153]. Более емкое и широкое объяснение данной категории предлагает А. Горелов. Он обращается к лексическим истокам термина, считая, что «творю» во многих языках (в т. ч. в древнеславянском и греческом) совпадает со словом «делаю». Древнерусский корень «твор», по мнению исследователя, означает вид, внешность, создание, объединение и относится к индоевропейскому «*verǵi*» – «открывать». В словаре Даля одно из значений творчества – «давать бытие» [4, с. 144]. Таким образом, творчество рассматривается как рождение бытия из не бытия. Его истоки необходимо искать в природе самой жизни. Это жизненная сила, энергия человека, что заложена в нём от природы.

Способность к творчеству, творению вокруг себя и в себе другого отличительного мира выделяет человека из мира животных, позволяя подняться над собой, преодолеть свою сущностную ограниченность, открыть новые горизонты своего бытия. Человек есть всегда неизвестное, которое приобретает свои значения и характеристики, лишь живя в мире и будучи «открытым миру». В отличие от животного, которое, по мнению М. Шелера, по существу привязано к жизненной деятельности, соответствующей его органическому состоянию, человек является свободным от окружающего мира. Он есть духовное существо, которое создает свой мир и себя в нём [13, с. 53–55]. Этот процесс становления человеческого происходит не благодаря, а скорее вопреки. И прежде всего вопреки тому «биологическому», которое заложено в человеке. «То, что делает человека человеком, есть принцип, противоположный всей жизни вообще, он как таковой вообще не сводим к «естественной эволюции жизни», и если его к чему можно возвести, то только к высшей основе самих вещей – к той основе, частной манифестацией которой является и «жизнь», – пишет М. Шелер [13, с. 53]. Онтологическое бытие человека лишено гарантий. Оно очень хрупкое и уязвимое, поскольку зависит только от одухотворенных усилий человека. Поэтому человек и его духовный мир постоянно пребывают в состоянии становления, изменения и движения, выстраивая собственный личностный образ.

По мнению С. Гессена, личность является не физическим, не психическим явлением, а только духовным. «Поскольку личность никогда не дается готовой, она всегда создается, она не является пассивной вещью, а творческим процессом: чтобы познать личность, необходимо посмотреть на нее в напряжении волевого устремления, в том, что она притаилась перед совершением свободного акта, перед самым моментом, когда акт готов от нее отделиться», – считает С. Гессен [3, с. 73]. Она является делом рук самого человека и общества, в котором он живет. Если в основе развития и биоэволюции различных жизненных форм находится соматическое подражание популяционных новообразований, то развитие человека является возможным благодаря подражанию морфофизиологическим

важнейшим средствам и способам взаимодействия с природой и друг с другом, что в целом определяет способы и образ жизни человека [10, с. 207].

Творчество является необходимым условием развития личности. Соответственно с концептуальной дихотомией Й. Фихте «Я» и «не-Я», личностное Я постоянно приобретает новые характеристики и свойства. Творческой человек – это человек, который сознательно и свободно переступает границы собственного Я, постоянно делает выбор, приобретает новые качества, характеристики, открывает новые смыслы своего бытия. Он создает мир в себе и мир вокруг себя, преодолевая пределы, установленные диктатом разума. Человек не тождественный самому себе. С. Филипенко отмечает, что процесс творчества влияет на структуру личностного опыта, поскольку трансформирует сознание человека, восприятие им реальности и самого себя. «Творческий человек способен увидеть трудности в тех сферах, на какие никто ранее не обращал внимания, придать значение случайному и незначительному... проявить оригинальные сочетания», – пишет он [11, с. 114].

Субъективная природа творчества свидетельствует о его способности не просто жить в мире, а жить, его создавая. Человек проявляет свою активность, показывая сложность своей природы и своего бытия. Сложность возникает процессуально, демонстрируя взаимодействие макромира и микромира (Сократ). Мир как бы рождается заново для каждого отдельного человека. В процессе этого рождения происходит своеобразное единение внутреннего мира человека с внешними объективными реалиями, которое обуславливает новое видение, понимание, переживание, проживание мира внешнего, намечая его дальнейшие горизонты развития. Соответственно, «творчество создает нового человека и новый космос, новое общение человека с человеком и человека с космосом», – считает Н. Бердяев [1, с. 16]. Многогранную сущность личности можно понять исходя из творческого порыва, который представляется своеобразным господством духа над природой и душой. «Личность может быть понятной как акт, она противоположна пассивности, она всегда означает творческое сопротивление», – утверждает Н. Бердяев [1, с. 98].

Творчество как процесс объективизации внутреннего мира человека и проявление его индивидуальной природы продуцирует кардинально новый продукт, прежде всего, для человека, в тоже время он может не иметь новизны для общества. С этой точки зрения наиболее творческим является ребенок, который впервые создает, делает, творит свой мир. Поэтому не каждый творческий продукт является инновационным. Творчество является основой инноваций, поскольку отражает в них общую часть, «связанную с высшим уровнем новизны, эта новизна выходит из творческого содержания мышления» [5, с. 59]. Инновация является более узким понятием, которое свидетельствует о возникновении продукта, ранее не существовавшего в обществе. Она, по образному сравнению В. Делия, является вершиной айсберга новшеств, которые продуцируются человеком и символизируют прорыв в иную сферу существующей картины мира [5, с. 59].

Одной из существенных особенностей творческого акта является свобода. Творчество зиждется на свободе воли и вдохновения. Однако она понимается не как вседозволенность, а как позитивная творческая сила личности в создании нового особенного пути, который раньше для нее не существовал. По мнению Н. Бердяева, только свободный человек может творить. Если необходимость предусматривает рождение эволюции, то творчество возникает в актах свободы [1, с. 368]. Нестандартная проблема или трудное задание, которое возникают перед человеком, требуют от него поиска решений. И насколько они будут непредсказуемы и свободны от различных условностей и детерминаций, настолько они будут творческими и эффективными. Творчество не предусматривает механического, репродуктивного познания и освоения, оно протекает в форме создания пространства новых возможностей деяния.

Однако развивать творческий потенциал, продуцировать креативные мысли человек может в условиях культивирования многообразия. Мир многообразия нацелен на ликвидацию стереотипов мышления и выход на новые пути поиска. Позитивную роль в этом смысле играет забвенье (необходимо забывать, чтобы

открывать и творить). Интересными и заслуживающими внимания в данном контексте являются научные разработки П. Рикера. В работе «Память, история, забвение» он показывает позитивный смысл забвения негативного исторического опыта. Исследователь утверждает, что именно творческий «момент забвения» является эффективным для конструирования социальных практик будущего, очищая их от деструктивного наложения опыта прошедших событий [9]. Данные мысли могут служить методологическим ориентиром в осмыслении релевантности процесса забвения как нового шанса на получение и увеличение личностного пространства свободы. Это пространство, вырастая из своего контекста, благодаря актам творчества, формирует новый свой контекст. В то же время искаженное, поверхностное и необоснованное забвение может привести к утрате творческих функций, гипертрофируя их в принудительные, универсальные наставления.

Процесс творчества не заключен в логические рамки исследования проблемы и поиска решений. Существенное место в этом процессе занимает бессознательная сфера. Эта сфера связана с внутренними переживаниями, духовными поисками и другими процессами природной сущности человека, главную роль в которых играют воображение, мечты, фантазии, эмоции, интуиция и т. д. Демонстрируя инстинктивный непредсказуемый процесс познания, они выводят личность из состояния закрытости и завершённой целостности, являясь мощным средством проникновения в скрытые тайны ее природы. С их помощью можно, не испытывая страха, разрушить старый опыт и привычные каноны мышления, стереотипное видение проблем и путей их решения. Продуктивные образы фантазии, интуитивные видения, идеи, озарения и догадки, не детерминированные влиянием других элементов, делают категорию «возможного» продуктивной и необходимой в процессе творчества. Именно они задают направление творческого поиска. По мнению П. Вайнцвайга, интуиция есть «прямое, моментальное знание без вмешательства логики, концептуализации или какой-либо другой формы умственной деятельности» [2, с. 143]. Поскольку в интуиции происходит осознание несознательного или полусознательного восприятия, то она, по мнению исследователя, демонстрирует безграничные способности подсознания принимать, хранить, обрабатывать информацию со скоростью, не мыслимой даже для самого мощного компьютера [2, с. 144].

Сфера бессознательного как стихия биологических сил обеспечивает человеку выход за границы логического мышления, даруя неожиданное «озарение». Как утверждает А. Горелов, «основная часть творческого процесса – это озарение, свет, который продуцируется самим человеком, духовной энергией, которая причудливым способом создается в ее телесной субстанции» [4, с. 163]. Озарение, творческая интуиция, инсайт являются возможными благодаря процессу самодостраивания. В этом процессе происходит дополнение тех цепочек и недостающих элементов, которые помогают создать целостный образ, «наводя мосты» между отдельными движениями мысли, чувствами и эмоциями, которые позволяют создавать «единство в многообразии» и т. д. Существенную роль в этом процессе играют незначительные детали, несущественные нюансы. Именно они могут показать новые и оригинальные связи между привычными явлениями и объектами. При этом они могут пребывать на периферии внимания или иметь скрытый характер, тем не менее порождая плодотворные ассоциации, определяющие новое целостное видение, что зачастую становится ключом к открытию. Анализируя самодостраивание как механизм работы интуиции, Е. Князева считает, что целое возникает в форме образа. Оно чувствуется, а не мыслится! И это чувство целого обусловлено в творчестве [7, с. 12]. Интуитивный, образный и целостный процесс самодостраивания выражает способность представить решение проблемы во всей своей полноте. В то же время стремление к преобразованию, созданию новой действительности вызывает хаотический диссонанс в сознании творца. Это состояние побуждает его к действию, перестраиванию своих внутренних душевных сил, мотивационных установок, интеллектуальных приоритетов и т. д. Это неустойчивое хаотичное состояние является предпосылкой к созданию новой гармонии. В качестве примера проявления данного состояния можно привести принципы работы человеческого мозга. Мозг, по мнению

К. Майнцера, является сложной динамической системой возбужденных и невозбужденных нейронов, которые демонстрируют способность самоорганизоваться в макроскопические паттерны ансамблей клеток, посредством нейрохимических взаимодействий. Именно создание ими динамических аттракторов соответствует состоянию восприятия, движения, эмоций, мыслей и даже сознания [8, с. 22]. В процессах деятельности мозга не существует единого «материнского нейрона», который бы координировал и активизировал работу соответствующих нейронов. Процессы происходят хаотично, создавая уникальное индивидуальное измерение человеческих действий и поведения, образуя новые мотивации, неповторимые комбинации решений, эмоции, вдохновения, переживания и т. д. Таким образом, находясь в постоянном ситуативном взаимодействии с миром, живая система самовыстраивается только по присущему ей уникальному сценарию развития и жизнедеятельности. Саморазвитие, самодообраивание (практики ауто-поззиса) не являются наперед спланированными, поскольку не происходят по директивным предписаниям и инструкциям.

Творить – это значит уметь объединять и создавать новые конфигурации не только из неизвестных элементов, но и из известных, преодолевая их стереотипное единство и производя хаос, с которого и создается новое единство. Хаос представляется как абсолютно не детерминированная никакими схемами или теоретическими конструкциями вероятность разных путей развития. Конечно, при реализации некоторых из них хаос может привести к гибели существующего объекта или явления, но в других случаях хаос представляется как двигательная сила дальнейшего развития. Его конструктивная сила предполагает создание структур нового порядка с новым смысловым наполнением явлений действительности. Природа хаоса демонстрирует гармонию сложности мира, свидетельствуя о его загадочности и неопределенности. Создание гармонии как определенного порядка не предусматривает ликвидацию хаоса. Он потенциально остается в порядке и может активизироваться благодаря незначительной случайности, позволяя скрытым формам реализоваться в бытии. Присутствие хаоса в гармонии позволяет ей быть жизнеспособной, поскольку постоянно ее обновляет, меняя ее структуру, формы, высвобождая еще не реализованный потенциал. Таким образом, в процессе творчества как процессе самоорганизации ликвидируется оппозиция хаоса и гармонии. Они – необходимые составляющие в создании новых явлений и образов будущего, которые не являются запланированными. В творческом процессе человек определяет только контекст, не заикливаясь на отдельных его частях, поскольку предусматривает, какими они должны быть. Творение рассматривается как способность к единению элементов опыта, к интерпретации смысла частей с точки зрения целого. Следует отметить, что сфера бессознательного больше задействована в познании и создании реалий действительности у детей. Они на более интуитивном уровне, чем взрослые, познают мир до тех пор, пока их сознание не засорено суевериями, «канонизированной» обществом информацией, боязнью ошибиться или принять неверное решение.

Рассмотрение природы творчества как сложного феномена, который возникает в процессах самоорганизации, само выстраивание новой целостной гармонии из хаотической множественности имеет эвристический потенциал для сферы образования. Поскольку образование как социальный институт общества реагирует на все изменения, которые происходят в нём, то развитие творческого потенциала личности, ее личностный рост и раскрытие индивидуальных черт являются его основными задачами. Имея своей целью содействие становлению человека как культурного «коллективного персонажа» эпохи, оно играет существенную роль в раскрытии личностного потенциала человека в контексте социокультурных изменений. Следует отметить, что развитие творческого потенциала личности было всегда одной из центральных проблем образования. Однако принципы, подходы, формы, способы его реализации отличались, во многом проявляя зависимость от идеологической компоненты эпохи. Например, целью советской образовательной системы было формирование всесторонне развитой гармоничной личности. И соответственно этой цели предлагался набор форм и методов воздействия на личность. Качество и эффективность образования определялись трансляцией

определенной суммы знаний, формированием у человека определенного набора компетенций, образа мышления, ценностей и приоритетов, мировоззренческих идей и чувств. При этом мало учитывались ее индивидуальная природа, мечты, устремления и т. д. Создавался некий социальный стандарт эпохи, где творческая индивидуальная природа человека за идеологическими установками и приоритетами мало просматривалась.

В тоже время творчество как общее антропологическое свойство, по сути, не формируется, не воспитывается путем внешнего «вживления» определенным набором методов и приемов. Поучениями, принуждением, казенным дидактизмом этого достичь невозможно. Оно не рождается под действием объективных условий, поскольку частично находится за границей доступного для рационального ума человека и в силу этого обстоятельства мало поддается описанию, диагностированию, контролю, предвидению и т. д. Творчество как одну из существенных характеристик человека можно только «разбудить», актуализируя и активизируя внутренний потенциал человека. Как пример данной позиции выступает использование в учебной деятельности методов «мозгового штурма» (брейншторминга) и синектики. Эти методики базируются на теории психоанализа З. Фрейда. Согласно этой теории сознание, которым можно управлять, является тонким слоем, покрывающим сферу бессознательного. Эта сфера внешнему управлению не поддается, но именно в ней бушуют эмоции, чувства, желания и т. д. Они существенно влияют на сферу сознательного, во многом определяя мысли и действия людей. Методы «мозгового штурма» и синектики помогают освободиться от них в виде произвольных идей, ассоциаций, представлений и поэтому являются необходимыми в использовании на стадии поиска и создания новой информации.

Учебная деятельность рассматривается как среда, в которой рождаются новые идеи, мысли, где раскрывается и реализуется индивидуальная природа каждого участника образовательного взаимодействия. Их деятельность происходит в позитивной психологической атмосфере. Они перестают прятаться за определенные социальные роли, открывая свое человеческое лицо. Условия реализации творческого потенциала создаются непосредственно участниками образовательного взаимодействия в процессе их деятельности. Учащиеся должны не просто обнаруживать своё «присутствие» в учебном процессе, а превращаться в творцов знаний, являясь исследователями, которые конструктивно относятся к разнообразию идей и их интерпретаций, выявляют способность адекватно воспринимать и анализировать разноплановую и даже противоречивую информацию, высказывать и отстаивать собственную позицию, принимать взвешенные решения и т. д. В таких условиях образовательный процесс сосредотачивается на культурной трансформации личности, а не на ее социальной адаптации.

Образовательный ресурс лишается характеристик стандартно обустроенной структуры, а учебный материал своей объективной формы, которая назначена для использования и потребления. В учебном процессе создаются такие педагогические ситуации, в которых участники образовательного взаимодействия не могут не учиться. Одним из таких дидактических приемов в организации и проведении учебных занятий, по мнению С. Гессена, является собственное определение целей. Цели и задачи, «хотя они и предлагаются учителем ученику, должны быть всегда такими, вроде ученик сам их поставил. Поэтому они должны быть понятными ученику, очевидными в своем значении, с интересом и восхищением ими освоены», – советует исследователь [3, с. 123]. Рассматривая особенности дидактики учебного занятия, исследователь высказывает убеждение, что учебное занятие должно быть творческой мастерской, в которой рождаются новые знания, происходит переориентация учебного процесса на нужды тех, кто обучается, раскрывая их внутреннее, творческое естество. Именно такой образовательный процесс будет творческим и ценностно значимым. В таком понимании творчество рассматривается как сложный процесс самовыстраивания личности в образовательном процессе. По мнению К. Делокарова, «в действительности человек реализует себя на границе между порядком и хаосом в той мере, в какой он творит» [6, с. 252].

Таким образом, феномен творчества символизирует сложность человека и мира, созданного им. Конструктивную роль в творческих процессах играет хаос. Хаотическая множественность и недетерминированность являются основой к созданию новой гармонии. Они свидетельствуют о творческом развитии человека и его мира. Творчество присуще каждому человеку, это его антропологическая сущность. Развить творческий потенциал человека можно только путем активизации внутреннего потенциала человека.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М. : Правда, 1989. – 443 с.
2. Вайнцвайг П. Десять заповедей творческой личности / пер. с англ. С. Л. Лойко, Ф. Б. Сарнова. – М. : Прогресс, 1990. – 187 с.
3. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / отв. ред. и сост. П. В. Алексеев. – М. : Школа-Пресс, 1995. – 448 с.
4. Горелов А. Л. Творчество и истина // Творчество: эпистемологический анализ / Российская академия наук, Институт философии; отв. ред. Е. Н. Князева. – М. : ИФРАН, 2011. – С. 143–165.
5. Делия В. П. Инновационное мышление в XX веке. – Балашиха : Де-По, 2011. – 232 с.
6. Делокаров К. Х. Вызовы сложности глобализирующегося мира в контексте постнеклассической науки // Синергетическая парадигма. «Синергетика инновационной сложности». – М. : Прогресс-Традиция, 2011. – С. 248–253.
7. Князева Е. Н. Творческое мышление: натуралистическое видение // Творчество: эпистемологический анализ / Российская академия наук, Институт философии ; отв. ред. Е. Н. Князева. – М. : ИФРАН, 2011. – С. 5–25.
8. Майнцер К. Вызовы сложности в XXI веке: междисциплинарное видение // Синергетическая парадигма. «Синергетика инновационной сложности». – М. : Прогресс-Традиция, 2011. – С. 12–37.
9. Рикёр П. Память, история, забвение. – М. : Весь мир, 2004. – С. 675–690.
10. Социальная философия. – Киев – Харьков : Единорог, 2002. – 735 с.
11. Филипенко С. А. Перестройка личностного опыта в процессе творчества // Творчество: эпистемологический анализ / Российская академия наук, Институт философии; отв. ред. Е. Н. Князева. – М. : ИФРАН, 2011. – С. 112–122.
12. Хамитов Н., Крылова С. Философский словарь. Человек и мир. – К. : КНТ, Центр учебной литературы, 2006. – 308 с.
13. Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. – М. : Мысль, 1994. – С. 28–58.

© Ганаба С. А.

**ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА
КАК ОБЪЕКТ РЕЛИГИОЗНОГО АНАЛИЗА**

Е. В. Мороз

**Житомирский государственный университет имени Ивана Франко,
г. Житомир, Украина**

HUMANISTIC PARADIGM AS AN OBJECT OF RELIGIOUS ANALYSIS

E. V. Moroz

Zhytomyr State University named after Ivan Franko, Zhytomyr, Ukraine

Summary. In the article the definition of the term «humanistic paradigm» in the context of the Christian religion is provided. Proved that in the analysis process of humanistic paradigm of worldview fixed and variable segments are isolated, comprehension of human nature as an open system is realized in the context of human interaction with the Other-being. Author comes to conclusion that analysis of the humanistic paradigm as an object of religious studies should be conducted in the context of the ideas of humanity and theocentrism.

Key words: humanism; paradigm; humanistic paradigm; God; man; Christian humanism; Other.

Современное общество, насыщенное достижениями научно-технического прогресса, информационной базой, практической рационализацией всё чаще забывает о своей общей судьбе и общечеловеческих ценностях и идеалах, которые должны занимать далеко не последнее место в сегодняшнем бытии. При таких условиях всё больше актуализируется проблема гуманистических приоритетов развития, связанная с концепцией человека в современном гуманизме, пониманием его сущности и составляющих частей в процессе поиска нравственных ориентиров бытия.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что гуманистическое учение тяготеет к различным моделям научного, философского, религиозного дискурса. При таких условиях важным остаётся анализ гуманистической парадигмы мировоззрения в процессе осмысления целостности личности, которая обусловлена духовной, физической, психической и другими составляющими человеческой жизнедеятельности.

Выяснение человеческой сущности, основных гуманистических критериев её бытия наиболее присуще православному учению, согласно которому человек рассматривается как самое совершенное Божье творение и высшая ценность на земле. Основные положения гуманистического учения имеют много точек соприкосновения с указанными выше положениями. Поэтому приобретает особую актуальность выяснение методологических основ гуманистической парадигмы миропонимания в контексте православного учения.

Цель данного исследования – определить сущности гуманистической парадигмы в контексте религиозного анализа. Выполнение этой цели требует формулировки следующих задач: дать авторское определение понятия «гуманистическая парадигма»; доказать, что гуманистическая парадигма как объект религиозных исследований наиболее близка к христианскому гуманизму; рассмотреть гуманистическую парадигму в контексте отношений «человек – Другой».

Научная новизна этого религиозно-философского дискурса состоит, прежде всего, в том, что автор рассматривает гуманистическую парадигму в контексте христианского (православного) учения. Для достижения цели и задач внимание было обращено на новейшие теоретико-методологические разработки представителей российской религиозной философии конца XIX – начала XX вв. (В. И. Несмелов, Н. А. Бердяев), отечественного православия (Е. К. Веселова, Н. И. Сазонова, В. Ю. Даренский и др.), философов (А. Н. Саган, М. М. Черенков, Т. А. Силаева и др.).

Рассмотрение и объяснение понятия «парадигма» как ведущего концепта в современном научном мире мы можем найти в работе «Структура научных революций» Т. С. Куна, который выделяет два её основных аспекта: эпистемический и социальный [6, с. 217]. С одной стороны, парадигма выступает объединяющим

фактором определённого научного общества, с другой стороны, научное общество состоит из лиц, которые признают эту парадигму.

В философских взглядах ведущих украинских философов термин «парадигма» имеет следующую трактовку: картина мира и идеальная теория, которая определяет способ объяснения изучаемых явлений [14, с. 341]; конкретно-историческое целостное представление о реальности, в рамках которой упорядочивается всё разнообразие философских идей индивидуальных представителей философии определённой эпохи [4, с. 5]; принятая определённым научным сообществом модель постановки и решения проблем, которая обеспечивает существование научной традиции [8, с. 465]. Таким образом, автор статьи на основе указанных выше теоретико-методологических установок даёт своё определение понятию «парадигма» – модель, которая раскрывает внутреннюю сущность (идеи, мысли) миропонимания определённого круга лиц, обладающих сходными взглядами, в процессе решения определённой проблемы.

В современном философском дискурсе, по убеждению И. В. Усанова, понятие «гуманизм» употребляется в разных значениях, в частности: «Как творческое самосозидание человеком собственной сущности (аутентичный гуманизм), стратегия и тактика самосохранения во «враждебном мире», антропологизация проблематики человека, акцентирование личностного существования, антропный принцип в науке и социальной практике, выяснения самого факта бытия человека» [15]. Однако следует подчеркнуть, что автор указывает на обновление содержания гуманистических доктрин в современной науке, поэтому возникает необходимость кардинального переосмысления классического понятия гуманизма.

В ракурсе современного истолкования гуманистической парадигмы мировоззрения необходимо проанализировать мнение американского философа П. Куртца, который рассматривает принципы светского гуманизма в плоскости атеизма, полностью отрицая существование трансцендентного, поскольку ведущими методами полагает логику, наблюдение и науку: «Гуманизм предлагает набор ценностей и предпочтений, вытекающих из признания человеческой свободы и самостоятельности. Его этика противостоит этике религиозно-авторитарной» [7, с. 34]. Из вышесказанного следует, что смысловое толкование гуманистической парадигмы мировоззрения находится в совершенно противоположной позиции относительно православной концепции человека. В подтверждение этому отмечаем мнение Е. К. Веселовой: «Гуманизм хочет из земных корней вырастить небесные плоды, а христианство делает противоположное» [2, с. 319–320]. При этом происходит демаркация оптимизма атеистического и духовно-православного, который частично проявляется в возможностях личного контакта человека с Богом через Таинства церкви: покаяние и исполнение заповедей, стремление к идеалу Богочеловека Иисуса Христа и тому подобное.

Уровень развития системы взглядов и убеждений человеческого общества реализуется сквозь призму теоретической и практической деятельности отдельных представителей, носителей идей. Гуманистическая парадигма, на наш взгляд, есть совокупность однородных научных установок, понятий, идей, терминов о феномене человека, сочетание трансцендентального и реального в человеческом бытии, которое признает и поддерживает определенная часть человеческого сообщества. Гуманистическая парадигма связана с гуманистическим учением, согласно которому человек признаётся высшей ценностью в мире, имеет право на счастье в жизни, проявление естественных чувств, способностей и т. д. В современном научном дискурсе понятие парадигмы целесообразно используется при описании эталонных теоретико-методологических основ научного поиска, поскольку апеллирует и рассматривает идеализированные сущности бытия. Среди таких основополагающих идей находится гуманизм, ведущие положения которого не теряют актуальности в контексте развития не только научных исследований, но и религиозно-философских, светских и т. д. Различные концепции гуманизма объединяются в один теоретический феномен – осмысление сущности человека и признание его высшей ценностью в мире. Целесообразно констатировать тот факт, что изучение дисциплинарной матрицы гуманистической парадигмы, как объекта религиозно-философских исследований, определяется

целесообразностью, поскольку только человек, как наивысшая ценность Вселенной, и, совершенное творение Божье, способен осознать наличие высшей силы, в свою очередь, гуманизм также детерминирует человека как высшую ценность. В данном случае, идеи человеколюбия связаны с теоцентризмом, что и составляет основу христианского гуманизма.

По словам Д. Полохова, только в XIX – начале XX вв. появляются исследования феномена человеческой личности у философов. Он также указывает на многогранность понятия «личность», поскольку «его концепт может быть представлен как совокупность характеристик личностного бытия: несводимость к природе, свобода, уникальность, общение, открытость, творчество, единство, любовь, но которыми до конца не исчерпывается его определение» [11]. Всестороннее осмысление феномена человека возможно сквозь призму религиозного сознания, поскольку по словам Н. А. Бердяева, понять человека можно лишь в его отношении к Богу: «Нельзя понять человека из того, что ниже его, понять его можно только из того, что выше его» [1, с. 58]. Последнее даёт основания утверждать, что понимание целостной сущности человека невозможно без существования трансцендентного (Бога), а затем можно говорить и о существовании богословско-антропологических корреляций, которые взаимно дополняют друг друга. Антропоцентризм в христианской теологии означает превосходство человека над другими творениями, ответственность за судьбу других, поэтому он генетически связан с гуманизмом.

В ракурсе концептуализации гуманизма на современном этапе возникают определённые трудности. В частности, понимание гуманизма как антропоцентризма неуклонно ведёт, по словам ученого-педагога Г. И. Михайлишиной, к игнорированию или недооценке космоцентризма, теоцентризма, логоцентризма, социоцентризма и других типов приоритетности. Поэтому крайне важен трезвый, самокритичный взгляд на степень антропоцентризма в гуманистической парадигме [9, с. 110]. С точки зрения нашего исследования, данное мнение является уместным, поскольку в процессе осмысления гуманистической парадигмы, как объекта исследования, мы пользуемся раскрытием его сущности не только в русле антрополого-гуманистических принципов, но и через отношение «человек – Бог».

Религиозная антропология апеллирует к духовному и телесному человеческим началам, толкованию его сущности в контексте признания высшей силы – Бога, поскольку осмыслить сущность человека невозможно, не осознав сущности Творца. Стоит отметить, что антропологические аспекты религии и философии взаимосвязаны, поскольку направлены на изучение целостной сущности человека (физическая, психическая, эмоциональная, духовная сферы), притом религия больше относится к трансцендентному, а философия определяет деятельностные мотивы в процессе смысложизненного утверждения человека.

Положения христианской антропологии легли в основу религиозно-философского исследования гуманистической парадигмы, которая, так или иначе, апеллирует к философскому осмыслению человека. В частности, Н. А. Бердяев высказывал большой интерес к человеку со стороны христианской догматики, в основе которой лежит отношение «человек – человек – Бог». Идеальное построение религиозно-философского мышления, при котором загадка о человеке становится действительно понятной, а возможность решения этой загадки становится действительно мыслимой, философ В. И. Несмелов видит в христианстве [10]. То есть мы можем утверждать, что признание ценности индивидуальной личности в христианской религии созвучно идеям гуманизма.

В процессе религиозно-философского анализа методологических основ гуманистической парадигмы можно выделить постоянные и переменные сегменты, поскольку, как было отмечено выше, концепт гуманизма испытывает видоизменение в историко-культурном развитии. К постоянным константам можно отнести осмысление человеческой сущности вообще, так как кристаллизация переменных констант относится к её анализу в русле научно-философских, религиозно-исторических исследований с соответствующей методологической базой.

С точки зрения нашего исследования, постоянной номинацией гуманистической парадигмы выступает человекоцентризм в непосредственном соотношении с теоцентризмом. Коннотационная составляющая гуманистической парадигмы моделирует это отношение сквозь призму гуманистических концептов. Приоритетом светского (рационального) гуманизма является антропоцентризм, по которому человек признается центром Вселенной, а отличительной чертой иррационального (теологического) гуманизма является путь приближения к Богу благодаря исполнению религиозных догматов и нравственного совершенствования. Предметом нашего интереса выступает гуманистическая парадигма мировоззрения в контексте её функционирования в рамках христианского (в частности, православного) миропонимания. Общечеловеческие ценности гуманизма находят интерпретации в русле православного учения, основные положения, ведущие идеи которого апеллируют, по убеждению А. Н. Сагана, к демократизму, нравственности Церкви; высокой, по сравнению с другими Церквями, веротерпимости; гуманизма; евангелизма т. д. [12, с. 151]. В таком случае, следует рассматривать гуманистическую парадигму мировоззрения в русле христианского учения, в частности с точки зрения аксиологических, хамартиологических, сотериологических, эсхатологических аспектов религиозной антропологии.

Гуманистическая модель религиозного осмысления бытия реализуется в русле взаимодействия человека с Другим бытием, поскольку осмысление целостности последнего невозможно в пределах замкнутой системы. Сущность данного тезиса трактуется ещё в текстах Священного Писания, по которому каноном праведной жизни православного верующего выступает главная заповедь Иисуса Христа – любовь к Богу и ближнему. Концепт Другого как один из модулей гуманистической модели целостного понимания человека отражает прежде всего трансцендентную специфичность, толкование которой можем найти в работах современных исследователей-гуманистов: М. М. Черенкова, В. В. Катеринич, Н. И. Сазоновой, В. Ю. Даренского и др. Так, М. М. Черенков в русле философско-исторического переосмысления гуманизма в истории философии сформулировал проблему взаимоотношений с Другим, который, по словам учёного, в современной гуманистике ассоциируется с трансцендентным и трансцендентальной реальностью, ино-бытием. При этом равнодействующими оказываются гуманизм Другого, гуманизм гармонии и открытости во взаимоотношениях, гуманизм ответственной свободы, где есть место жертвенной любви и бескорыстной добродетельности, где главное не иметь-для-себя, а быть-для-Другого [16, с. 156]. Человека, как отмечает В. В. Катеринич [5, с. 23], нельзя рассматривать как замкнутую систему, а только в пространстве диалога с Другим бытием. Символическая насыщенность любого богослужебного текста, который воспринимается адептом, формирует у последнего религиозный опыт. Он проявляется, по словам Н. И. Сазоновой [13, с. 108], в мистическом контакте с Другим, причём отдача в этом контакте присуща как человеческому «Я», так «Другому» Богу. С учётом вышеуказанных мыслей стоит отметить, что методологической основой религиозного анализа гуманистической парадигмы выступает концепт Другого, который побуждает к раскрытию сущности человека в диалогическом взаимодействии с Богом (Трансцендентным).

Вектором исследовательского поиска философа В. Ю. Даренского является гносеологическая парадигма христианской философии, в русле которой рассматривается сущность диалогизма христианского сознания как обращённость к вечному Ты своего Творца и Спасителя, а также обращённость к Ты ближнего, в котором проглядывает образ Божий. В данном случае автор обращает внимание на принципиально первостепенное значение диалога, который в значительной степени присущ именно религиозному сознанию и толкуется в рамках «единого, сверхсубъектного слова, сквозь которое только и возможно общение и взаимопонимание людей с разными жизненными мирами» [3, с. 110]. Реализацию концепта Другого в христианском миропонимании не следует трактовать только в русле диалогических взаимоотношений человека с Богом, но через призму тривиальных связей в плоскости взаимоотношений «Я – Бог – Другой».

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: гуманистическая парадигма как объект религиозных исследований наиболее близка к идеям христианского гуманизма, христианской антропологии, поскольку основные догматические положения христианской религии созвучны с гуманистическими идеями; рассмотрение гуманистической парадигмы православия реализуется в контексте взаимодействия человека с Другим (Богом, человеком). Поэтому, на наш взгляд, анализ гуманистической парадигмы как объекта религиозных исследований тяготеет к идеям человеколюбия, которые связаны с теоцентризмом.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. – М. : Республика, 1993. – 383 с.
2. Веселова Е. К. Гуманистическая концепция человека с православной точки зрения // Диалог отечественных светской и церковной образовательных традиций. – СПб., 2004. – С. 319–320.
3. Даренський В. Ю. Гносеологічна парадигма християнської філософії // Філософська думка. – 2007. – № 3. – С. 100–118.
4. Історія філософії: підручник / В. І. Ярошовець, Г. Є. Аляєв, В. В. Бедь, І. В. Бичко та ін.; голова ред. кол. В. І. Ярошовець. – 2-ге вид., виправ. і доп. – Ужгород. : Інформаційно-видавничий центр Карпатського університету імені Августина Волошина, 2010. – 821 с.
5. Катеринич В. В. Проблема Іншого в контексті сучасної гуманістичної парадигми // Вісник Київського університету. Серія: Філософія. Політологія. – 2006. – Випуск 76/79. – С. 22–25.
6. Кун Т. С. Парадигмы и структура научного сообщества // Структура научных революций. – М., 2009. – 310 с.
7. Куртц П. Мужество стать. Добродетели гуманизма. – М.: Российское гуманистическое общество, 2000. – 161 с.
8. Філософський енциклопедичний словник / гол. ред. В. І. Шинкарук. – К. : Абрис, 2002. – 742 с.
9. Михайлишин Г. Й. Аксіомістивні аспекти гуманізму на сучасному етапі розвитку людства // Мультиверсум. – 2012. – № 8(116). – С. 105 – 117.
10. Несмелов В. И. Наука о человеке в двух томах. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/nesme01/index.htm> (дата обращения: 21.08.2013).
11. Полохов Д. Концепт личности в православном богословии. URL: <http://www.eparhia-saratov.ru/index.php> (дата обращения: 25.02.2012).
12. Саган О. Н. Православна проблематика в дослідницьких здобутках українських релігієзнавців // Українське релігієзнавство. – 2006. – № 40. – С. 145–161.
13. Сазонова Н. И. Православный Богослужебный текст как семиотическая система // Религиоведение. – 2008. – № 2. – С. 107–114.
14. Сілаєва Т. О. Філософія : Навчальний посібник / за ред. Т. О. Сілаєвої. – Тернопіль. : Астон, 2008. – 360 с.
15. Усанов И. В. Идеи гуманизма в контексте современного философского дискурса. URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/intelekt/2010_8/Usanov.pdf (дата обращения: 3.03.2013).
16. Черенков М. М. Філософсько-історичне переосмислення європейського гуманізму : дис. ... кандидата філос. наук. – Донецьк, 2003. – 202 с.

© Мороз Е.В.

ИНТЕГРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА

И. С. Ларьяновский

Одесская национальная академия пищевых технологий, г. Одесса, Украина

INTEGRATE VALUES AND SOCIAL-CULTURAL DYNAMICS

I. S. Laryanovsky

Odessa national academy of food technology, Odessa, Ukraine

Summary. Integrate non-classical conception of human values has been proposed. The latter are understood as universal cultural creative innovations, which discover new life sense perspectives to the humanity.

Key words: axiology; civilization; cultural dynamics; epistemology; human values; non-classical science; philosophy; social cognition; universal evolution.

Вся мировая философия, какой она нам известна в её традиционных, классических формах, устремлена к предельному, всеобъемлющему, непреходящему, торжествующему благу. Философское мышление – это, так или иначе, возвышающее нас вопрошание о таинственном единстве истины, добра и красоты, которое ценней, достойней, совершенней чего бы то ни было [10; 11; 13; 17; 21; 30]. Это, конечно, не исключает того обстоятельства, что некоторому мыслителю может быть более близка позиция радикальной критики блага, как предмета спекулятивного, не имеющего реального онтологического статуса. Но, как уже неоднократно бывало, в переломные, кризисные исторические эпохи, когда остро ощущается необходимость глобальной «переоценки ценностей», приписываемый Сократу основополагающий аксиологический вопрос «что есть благо?», всякий раз неумолимо выходит на первый план философского дискурса. Если в попытке ответить на этот вечно актуальный вопрос мы попробуем отталкиваться от идей новейшей эволюционно-синергетической парадигмы [2; 12; 25; 31–35], то тогда благо, в первом приближении, может быть рассмотрено нами как общезначимый эволюционный успех, т. е. как конкретное позитивное изменение человеческого бытия, которое способно увеличивать адаптационные возможности человеческого вида. И нам также следует учесть, что развитие человечества есть эволюция синтетическая, двухуровневая, а именно – биологическая и социокультурная, причём темп и влияние социокультурной составляющей всё более возрастает. Тогда правомерно выглядит следующая гипотеза: для закрепления позитивных адаптационных достижений человеческому виду в его социальном бытии должны быть присущи дополнительные – внебиологические носители наследственности и соответствующие им специфические механизмы социокультурного наследования. Т. е. речь здесь у нас идёт о предположительном функционировании в социальной реальности некоторых стабильных внебиологических образований, которые обеспечивали бы накопление и фиксацию позитивных эволюционных адаптаций, сохраняя и транслируя их в качестве констант-инвариантов человеческого способа бытия в мире. Причём инвариантов достаточно глубоких, которые бы были весьма устойчивы к вариациям биологических, психологических, этнических, конфессиональных, культурных и других особенностей человеческих индивидов и групп. Мы полагаем, что функцию таких инвариантов постбиологической, социокультурной «наследственности» выполняют базовые интегральные ценности. Будучи воплощёнными в социальную практику и многообразие создаваемых человеком культурных форм, а именно – в общезначимые морально-этические идеалы и нормы [8; 9], религиозные догматы, художественные символы, принципы научной рациональности [13; 14] и т. д., интегральные ценности образуют своеобразный материально-идеальный субстрат внебиологического, внетелесного человеческого механизма наследования. Поэтому интегральные ценности могут быть также определены нами как универсальные, синтетические социальные блага, ибо в них выкристаллизованы представления человеческих сообществ о природе реальности и смысле человеческого существования. Таким образом, в нашем понимании,

блага или ценности есть общезначимые инвариантные принципы человеческого бытия в мире, в которых аккумулируется позитивный опыт эволюционных обретений, причём этот опыт как бы «напластовывается» над собственно биологическими механизмами функционирования живого на Земле.

Интегральные ценности-блага тем важны и интересны, что способны непосредственно регулировать многообразную социальную и духовную деятельность человеческого вида [1; 19; 20], в том числе научно-познавательную деятельность, помещая собственно биологические процессы в более масштабный эволюционный контекст – в контекст постбиологического, ноосферного, прогрессивно-мутагенного бытия. Тогда, по аналогии, вполне правомерно рассматривать интегральные ценности-блага как своеобразные «социокультурные гены», внешние по отношению к исходной биологической природе человека, которые распределены во времени и пространстве за пределами органической телесности. Будучи спроецированными в материально-вещественную и информационно-энергетическую структуру окружающего мира, «социокультурные гены» как бы опредмечивают (в преобразованных формах) актуально или потенциально присущие человеку экзистенциальные духовно-творческие силы. Кроме того, внебиологические (экзосоматические) гены, при условии их комплиментарности, складываются в социальные системы-генотипы, благодаря стабильным структурам которых возможно устойчивое существование человеческих общностей, государственных образований, цивилизационных комплексов в периоды времени, существенно большей длительности, чем время жизни нескольких поколений. Таким образом, ценности могут быть поняты как универсальные принципы гомеостаза социокультурных систем, в которых живёт, эволюционирует и воспроизводит себя человек.

Многие исследователи, изучавшие историко-культурные процессы в их макрокосмосе, неоднократно обращали внимание на основополагающую роль духовных ценностей в функционировании социальных систем [1; 7; 9; 19; 20]. При этом ими имелись в виду общезначимые, наиболее масштабные или, в нашей терминологии, интегральные ценности, которые своим содержанием и характером задают смысложизненную стратегию человечества. И если возможно сегодня появление действительно новых интегральных ценностей, то нам должно помнить, что они обретаются человеком в переломные эпохи, в «осевые времена», когда эволюционный вектор, задающий преимущественное направление культуротворческих «мутаций», стремительно и непредсказуемым образом переориентируется в связи с вхождением в человеческий мир альтернативных бытийных измерений. В такие эпохи эволюционные процессы получают возможность сформировать новую «траекторию» во впервые открывшемся пространстве возможностей. Причём в пространстве, – существенно более сложном и многомерном, продвигаясь и восходя в котором человечество всё более удаляется от своих биологических инстинктивных истоков и программ жизни, надстраивая над ними иные – трансфизические и трансбиологические слои и способы бытия. Тем самым человеческий вид как бы учится адаптироваться к многоуровневой реальности, оказываясь жителем не только природного мира, но и психоментального, и трансцендентально-виртуального миров. И если так, то новые, общепланетарного масштаба ценности по сравнению с традиционными «вечными» ценностями локальных цивилизаций, должны становиться всё более ёмкими, всевекторными и всеуровневыми, т. е. многомерными, синтетическими, такими, чтобы обеспечивалась жизнеспособность и эволюция человеческого вида одновременно во всех доступных человеку сферах бытия.

Как известно, в современном физико-математическом естествознании всё большее значение приобретает идея симметрии, которая рассматривается научным сообществом как фундаментальный принцип вселенского космического бытия [4; 6; 24; 26; 27; 36; 37]. И если симметрия действительно универсальный принцип, то она каким-либо образом должна проявлять себя и на уровне социокультурного бытия. Мы полагаем, что принцип симметрии себя обнаруживает, как минимум, в инвариантности социального функционирования интегральных ценностей, т. е. фундаментальных, базовых ценностей смысложизненного, культуротворческого

масштаба. Сказанное следует понимать так, что в многообразии культурных форм и социальных благ, а также в вариативности человеческих поступков, принимаемых решений и связанных с ними исторических изменений, всегда присутствуют устойчиво-инвариантные ценностно-смысловые комплексы, увязывающие всё это хаотическое множество социально-культурных движений в целостные динамические паттерны. Благодаря последнему обстоятельству сверхсложное многообразие социальной и культурной жизни на основе принципа симметрии может быть формально обобщено и непротиворечивым образом приведено к нескольким философско-логическим концептуальным схемам и моделям, научно-теоретический анализ которых должен дать нам возможность понимать генетические истоки и результирующий эволюционный вектор каждой из основных социокультурных общностей (цивилизаций) современного человечества. Выявить ценностно-смысловую симметрию – это, в конечном итоге, означает подобрать эффективный философско-методологический ключ к актуальной стратегической задаче обновляющего социально-культурного синтеза. Современный мир нуждается в таком глобальном социокультурном синтезе, ибо только лишь экономической глобализации для обретения новых устойчивых эволюционных перспектив явно недостаточно. Однако не исключено также, что в социально-практическом плане в периоды перманентных исторических бифуркаций, культурное многообразие даже генетически близких социокультурных образований к целостному, всеединому ценностно-смысловому знаменателю не сводимо.

Возникает вопрос: возможен ли в принципе широкий мультикультурный синтез в ближайшей исторической перспективе, такой, чтобы он по содержанию и генеральной направленности был адекватен, как теперь принято говорить, эпохе постмодерна? Едва ли кто-то готов дать исчерпывающий ответ уже сегодня [7]. Но примем во внимание следующее обстоятельство: современная постнеклассическая наука, являясь неоспоримым лидером познания и локомотивом технологических и социальных инноваций, причём не только лишь в форме физико-математических дисциплин, но всё более и более, – в форме трансдисциплинарных исследовательских программ, подходит к такому пункту своего развития, в котором начинает плодотворно взаимодействовать с философией и нуждаться в ней. Таким образом, к философии постепенно возвращается её методологическая и координирующая роль в познании, почти было утраченная в XX ст. [14; 15; 32]. Это становится особенно заметным, когда речь идёт о познании сверхсложных саморазвивающихся систем, например, систем социокультурных. Не исключено, что подобные трансдисциплинарные исследования помогут выработать универсальные для нашей эпохи стратегические подходы, способные вплотную подвести к новому социокультурному синтезу, адекватному современным масштабам формирующейся общепланетарной цивилизации. Однако искомый позитивный результат существенным образом зависит, в том числе и от того, способна ли новейшая постнеклассическая наука при координирующей роли философии, генерировать масштабные инновационные ценности, превосходящие по своему смысложизненному содержанию и эволюционному потенциалу ценности традиционные, а именно религиозные, метафизические, техногенные? Т. е. проблема сегодня состоит не в том, является ли наука мощным мутагенным фактором культуры и цивилизации, а в том, обладает ли она потенциалом, так сказать, трансцендентальным, превосходящим рационально-алгоритмизированное, техногенное мышление. Ведь наука сама есть порождение этого мышления. Нам же для нового цивилизационного синтеза нужно мышление эмерджентное, культуропорождающее, трансформирующее, а не только лишь адаптирующее. Т. е. мышление, которое не стремится быть отражением бытия, а способно творить принципиально иное бытие, эволюционно «вращивать» в нём всё новые и новые слои. Такое мышление может быть названо ценностно-ориентированным. Поэтому отнюдь не достаточно в нынешних условиях методологического умения критически оценивать научный поиск, соотнося его результаты с доминирующими в социуме ценностями. Необходимо приближать нормы научной рациональности к высокому трансцендентальному идеалу, посредством которого сквозь стандартизированную обыденность современной жизни начинают просвечивать ценности

будущей эпохи. Пока же научное сообщество всё ещё придерживается в своём большинстве, критическо-позитивистских взглядов на смысл и предназначение науки [13; 15; 29]: наука должна лаконично и непротиворечиво описывать реальность, без того чтобы претендовать на действительное к ней приближение. Мы же видим роль науки не только лишь в описании реальности и даже не в рационально-практическом приближении к ней, но в сотворении реальности более высокого эволюционного уровня, чем реальность физическая и биологическая. Человечеству нашей эпохи нужен контакт с многомерной, плюралистической реальностью, в которой творческая работа разума завершила бы «фазовый переход» от эволюции биосоциальной к превосходящей её своим бытийным объёмом эволюции социоментальной (ноосферной). Т. е. «фазовый переход», о котором мы ведём речь, – это глобальная социокультурная «мутация», направленная на необратимое вхождение человечества в системный ноосферогенез (вполне возможно, что не только планетарный, но и космический!).

Дистанцирование современной мировой науки, – на самом деле мнимое, – от ценностей есть принципиальная, хоть и вполне объяснимая методологическая ошибка. Классическая наука вынуждена была декларативно дистанцироваться от религиозно-этических ценностей, чтобы обрести организационную и мировоззренческую автономию. Хотя окончательно вырваться из «поля притяжения» базовых ценностей (посредством продекларированного дистанцирования от них) и достичь цели полной аксиологической нейтральности, по нашему мнению, так и не удалось. Да это и не представляется возможным в принципе, ибо именно благодаря наличию базовых интегральных ценностей человеческие сообщества (в т. ч. научные) находят – более-менее оптимальную – «историческую колею», по которой непосредственно (или опосредованно) продвигается любая культуротворческая деятельность. Чтобы преодолеть силу притяжения базовых ценностей, необходимо сформировать в социуме принципиально иной эволюционный вектор, обрести новые экзистенциально-ценностные основания и соответствующую им социокультурную динамику.

Зададим в связи со сказанным выше следующий вопрос: зреют ли в современной науке условия для создания человеком новых масштабных, со значительным культуропорождающим динамизмом ценностей? Есть явные признаки того, что зреют. В качестве примера возьмёт современную физическую космологию – синтетическую естественно-математическую науку о Вселенной в целом, её строении и эволюции. Как известно, космология наиболее мировоззренчески нагруженная из естественных наук, наиболее философичная [6; 16; 22; 23; 28]. Характер выводов, которые делает космология относительно природы мироздания, непосредственно зависит от избранной научной и философской методологии. Здесь всегда значительный вес имеют гипотетические интерпретации, здесь невозможно существенно продвинуться без опоры на эксплицитно сформулированные философские принципы. Т. е. философские мировоззренческие и методологические принципы из космологии не устранимы, как не устранимы и ценности. Всё это даёт основание некоторым современным методологам не считать космологию стопроцентной наукой, а только лишь учением, в отношении которого нормы научной рациональности чрезмерно ослаблены. Но даже если и так, то, тем не менее, следует иметь в виду, что от теоретических результатов, а также от естественнонаучной и эпистемологической интерпретации астрономических наблюдательных данных, устанавливаемых на космологических пространственно-временных масштабах, непосредственно зависит то, каким путём пойдёт современная наука и, прежде всего, физика микромира – фундамент всего естествознания. Таким образом, космология – это есть такое учение, которое может оказать решающее влияние на ход естественнонаучного познания в целом и более того – на выбор ценностно-культурных приоритетов современной цивилизации.

Исследователи-философы, изучающие становление и методологические основания современной космологии, обращают также внимание на то обстоятельство, что именно космология во все времена письменной истории человечества во многом формировала результирующий мировоззренческий вектор культуры [16; 23]. (Хотя в эпоху модерна влияние космологии на культуру было неявным).

В современную нам эпоху ситуация меняется. И если культууроформирующая роль космологии сегодня неуклонно растёт, то жёсткие каноны эмпирической верификации в отношении этой области междисциплинарного знания, по-видимому, действительно должны быть пересмотрены в сторону смягчения. От космологии теперь требуется особое «умное видение» (усмотрение) реальности, в котором ценностно-эстетические критерии (наряду с традиционными эпистемологическими критериями) приобретают первостепенную роль. Т. е. перед учёными и мыслителями с необходимостью встаёт сегодня сверхсложная задача – свершить синтетически-творческое усмотрение-конструирование «нового космоса» для современной цивилизации. Такое усмотрение («умное видение») и есть, как можно предположить, перспективный и адекватный эпохе научно-философский способ обретения инновационных постнеклассических ценностей, могущих быть спроецированными не только в область системы наук, но и в многоуровневый пласт всей глобализирующейся культуры. Таким образом, современная космология должна быть оценена как одна из приоритетных сфер нерыночной, прагматической, ценностно-ориентированной науки где, тем не менее, созидаются реальные внеэкономические богатства новой эпохи и пролагаются перспективные пути социоментальной эволюции человека. Поэтому, мы полагаем, что совершенно правы те исследователи, которые настаивают на следующем тезисе: космологическое просвещение народов следует начинать со школьной скамьи, чтобы формировать хотя бы в зачаточной стадии способность к эстетико-космологическому умозрению, соотнося с ним на государственном уровне стратегические цели культурной и образовательной политики.

С учётом сказанного выше, обратимся теперь в заключительной части нашей статьи к насущным вопросам реформы вузовского образования, которая, как утверждают, должна быть основана на принципах Болонской конвенции.

Как мы уже подчёркивали ранее, интегральные базовые ценности многообразно пронизывают собой все сферы общественной жизни и задают результирующий вектор цивилизационной динамики. Что касается образовательной сферы современного социума, то она есть одна из наиболее функционально значимых сфер, открытых и ёмких по отношению к ценностям. Именно здесь, в конечном итоге, и производится социально-санкционированная трансляция тех интегральных ценностей, которые доминируют в обществе на определённом этапе его исторического развития. И хотя ценности есть по преимуществу феномены экзистенциально-смысловые, они, тем не менее, способны оказывать влияние на темп и характер общественного развития с силой не меньшей, чем всеми сегодня признаваемые – в качестве определяющих движущих сил общества – факторы материально-экономические. Образование, при этом, является именно той важнейшей компонентой социальной системой, качественное состояние которой непосредственно зависит от содержания и направленности доминирующих культурных ценностей и призвано благотворно влиять на общецивилизационный процесс поиска ценностей инновационных, постнеклассических, способствовать скорейшему нахождению антикризисных перспектив будущего развития. Поскольку старые советско-коммунистические ценности (как в России, так и на Украине) подверглись катастрофическому обесцениванию, то современная политическая элита посредством ангажированных ею новых идеологов стремится распространить в образовательном поле «альтернативные» либерально-рыночные ценности. Однако пока эти попытки выглядят как мера, принципиально неадекватная как нашим духовным традициям, так и новейшим европейским социокультурным тенденциям. И так выходит во многом потому, что стратегические вопросы развития образования подчиняют требованиям текущей экономической конъюнктуры. Ярким примером здесь служит практика внедрения у нас Болонской системы.

Принято считать, что основной целью Болонского процесса является создание единого унифицированного европейского образовательного пространства. Но действительно ли именно эта цель есть главенствующая? В ней ли заключена стратегическая идея творцов Болонского процесса? Лишь поверхностный взгляд ограничивается тем мнением, что введение Болонской системы необходимо для унификации и сближения образовательных систем стран Европы. И что

планируемое сближение не возможно осуществить без тотальной технологизации учебного процесса, т. е. без создания своего рода общеевропейского «конвейера», который позволит «изготавливать» стереотипно выученных работников двух основных квалификационных уровней – бакалавров и магистров. Это должен быть весьма гибкий «конвейер», который будет оперативно реагировать на изменения в экономической конъюнктуре и «производить» специалистов, совместимых с экономико-технологическими ритмами постиндустриальной рыночной инфраструктуры. Однако если обратить внимание на культурно-ценностные истоки европейской образовательной реформы, то станет ясно, что всё это не более чем тактическая цель. И только лишь на ближайшую перспективу. Стратегической целью, как можно сделать вывод, исходя из новейших подходов в западной философии образования, так или иначе заложенных в основу Болонской системы, является глубокая транскультурная интеграция Европы. Это означает создание на базе европейской мультикультурности сверхмощной по своей духовно-порождающей силе ценностной парадигмы. Такая парадигма, способная к инновационному культурному синтезу, как предполагают, может быть «вращена» за счёт так называемого синергетического эффекта, возникающего в сложных самоорганизующихся системах. Это потребует создания условий для динамичного взаимно согласованного обмена значимыми культурно-созидающими академическими ценностями, которые без ограничений способны будут исходить от различных национально-культурных и языковых традиций и, переплетаясь, порождать в Европе «цветущую сложность». Если движение к столь масштабной цели приобретёт реальные очертания, то Европа по праву способна будет претендовать на статус мирового цивилизационного лидера. И если наши страны видят себя весомыми социокультурными составляющими в разворачивающемся европейском образовательном процессе, то стратегической целью внедрения Болонской системы для нас должно стать присоединение к общеевропейскому межкультурному взаимодействию. А это означает следующее: вместо «горизонтальной» узко-прагматической ориентации в вузовском образовании перейти к вертикально-ценностной, т. е. такой ориентации, которая способствовала бы глубокому освоению и многовекторной обогащающей трансляции наиболее масштабных культурных ценностей человечества, причём во всём их широчайшем смысловом диапазоне, а именно: от социально-прагматических, насущно-утилитарных до духовно-синтетических, идеально-трансцендентальных. И делать это нужно, конечно, вне непосредственной связи с колебаниями рыночной конъюнктуры.

Библиографический список

1. Бессонов Б. Н. Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий : учебное пособие. – М. : Норма, 2011. – 320 с.
2. Болдачев А. В. Новации. Суждения в русле эволюционной парадигмы. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2007. – 256 с.
3. Будущее науки в XXI веке. Следующие пятьдесят лет : сборник статей / под ред. Джона Брокмана; пер. с англ. Ю. В. Букановой. – М. : АСТ, Астрель ; Владимир : ВТК, 2011. – 255 с.
4. Вигнер Э. П. Инвариантность и законы сохранения. Этюды о симметрии / пер. с англ. ; под ред. Я. А. Смородинского. – 2-е изд. стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 320 с.
5. Гриб А. А. Основные представления современной космологии: учебное пособие для высших учебных заведений. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2008. – 108 с.
6. Грин Брайан. Ткань космоса: пространство, время и текстура реальности / пер. с англ. под общ. рук. Б. С. Ишханова ; под ред. В. О. Малышенко и А. Д. Панова. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 608 с.
7. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма: беседы с ведущими историками и философами истории XX века / пер. с англ. М. А. Кукарцевой. – М. : «Канон + » РООИ «Реабилитация», 2010. – 400 с.
8. Епифанова Н. Н. Нравственность и жизненный мир человека: осмысление трансцендентального идеала / под. ред. проф. Л. И. Тетюева. – Саратов : Научная книга, 2009. – 155 с.
9. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М. : Политиздат, 1986. – 223 с.
10. Ивин А. А. Аксиология : научное издание. – М. : Высшая школа, 2006. – 390 с.
11. Ильин В. В. Аксиология : научное издание. – М. : Изд-во МГУ, 2005. – 216 с.

12. Ильин И. В. Глобальный эволюционизм: идеи, проблемы, гипотезы / И. В. Ильин, А. Д. Урсул, Т. А. Урсул. – М. : Издательство Московского университета, 2012. – 616 с.
13. Кузнецов Б. Г. Ценность познания: очерки современной теории науки. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 168 с.
14. Кузнецов Б. Г. Этюды о меганауке / отв. ред. М. К. Мамардашвили. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 136 с.
15. На пути к неклассической эпистемологии : сборник статей / Автономова Н. С., Лекторский В. А., Пружинин Б. И., Юдин Б. Г. и др.; отв. редактор В. А. Лекторский. – М. : ИФ РАН, 2009. – 237 с.
16. Павленко А. Н. Европейская космология: основания эпистемологического поворота. – М. : Институт философии РАН – Интрада, 1997. – 256 с.
17. Родзинский Д. Л. Сознание античного мудреца. – М. : Аграф, 2003. – 320 с.
18. Сажин М. В. Современная космология в популярном изложении. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
19. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / перевод с англ. ; вступ. статья и комментарии В. В. Сапова. – М. : Астрель, 2006. – 1176 с.
20. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предислов. А. Ю. Согомонова ; перевод с англ. С. А. Сидоренко. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
21. Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина: очерк истории эстетической аксиологии. – М. : Республика, 1994. – 464 с.
22. Тараров Я. В. Онтологические основания современной физики и космологии. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 264 с.
23. Турсунов А. Философия и современная космология. – М. : Политиздат, 1977. – 191 с.
24. Урманцев Ю. А. Симметрия природы и природа симметрии: философские и естественнонаучные аспекты. – 4-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 232 с.
25. Урманцев Ю. А. Эволюционика, или общая теория развития систем природы, общества и мышления. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 240 с.
26. Урусов В. С. Симметрия-диссимметрия в эволюции Мира: от рождения Вселенной до развития жизни на Земле. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 266 с.
27. Фундаментальная структура материи / Уилкинсон Д., Пайерлс Р., Льюэллин-Смит К., Перкинс Д., Салам А., Эллис Дж., Адамс Дж., Гелл-Ман М. ; пер. с англ. под ред. и с предислов. А. Д. Суханова. – М. : Мир, 1984. – 312 с.
28. Хван М. П. Неистовая Вселенная: от Большого взрыва до ускоренного расширения, от кварков до суперструн. – 2-е изд., исп. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 408 с.
29. Хокинг С. Теория всего. Происхождение и судьба Вселенной / пер. с англ. И. Иванова ; под ред. Г. Бурбы. – СПб. : Амфора, 2009. – 148 с.
30. Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль : монография. – М. : РУДН, 2006. – 457 с.
31. Эволюционная эпистемология : антология / Кэмпбелл Д, Лоренц К., Поппер К., Ридль Р. и др. ; науч. ред. и сост. Е. Н. Князева. – М. : Центр гуманитарных инициатив, 20012. – 704 с.
32. Эволюционная эпистемология: современные дискуссии и тенденции : сборник статей / Князева Е. Н., Бескова И. А., Смирнова Н. М., Ивин А. А. и др. ; отв. ред. Е. Н. Князева. – М. : ИФ РАН, 2012. – 236 с.
33. Эволюция Вселенной и происхождение жизни / Теерикорпи Пекка, Валтонен Маури, Лехто Кирси, Лехто Харри и др. ; перевод с англ. и ред. В. Г. Сурдина. – М. : Эксмо, 2010. – 624 с.
34. Эволюция: дискуссионные аспекты глобальных эволюционных процессов : коллективная монография / Голубев В. С., Гринченко С. Н., Урсул А. Д. и др. ; отв. ред. Л. Е. Гринин, И. В. Ильин, А. В. Коротаев, А. В. Марков. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 368 с.
35. Эволюция: космическая, биологическая, социальная : коллективная монография / Гринин Л. Е., Назаретян А. П., Панов А. Д., Савинов А. Б. и др. ; отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаев. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 368 с.
36. Эрекаев В. Д. Современная философия и квантовая физика / отв. ред. А. И. Панченко. – М. : РАН. ИНИОН: Отдел философии, 2007. – 110 с.
37. Эткинз П. Десять великих идей науки. Как устроен наш мир / Питер Эткинз ; пер. с англ. В. Герцика. – М. : АСТ, Астрель, 2008. – 384 с.

© Ларьяновский И. С.

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ**

Н. Н. Бойко

**Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия**

SOCIO-PHILOSOPHICAL MEANING THE PRINCIPLE OF LEGALITY

N. N. Boyko

**Sterlitamak branch of Bashkir State University, Sterlitamak,
the P Republic of Bashkortostan, Russia**

Summary. In the article the author reveals the concept and content of the principle of legality. Addressing socio-philosophical and legal aspects of legality in the modern law.

Key words: the principle of legality; social norms; law; government; civil society and legal state.

В философском смысле принцип есть теоретическое обобщение наиболее типичного, что констатирует и выражает закономерность, положенную в основу познания вообще или в основу какой-либо отрасли знания. В переводе с латинского термин «принцип» означает «основу», «начало», «руководящую идею», «основное правило поведения».

Социологи и философы считают, что принцип – есть непосредственное обобщение опыта и фактов, результатом которых может быть какая-то основная идея, служащая для построения теории, а также закон, поскольку в нём выражаются существенные необходимые отношения действительности (С. Е. Зак, О. М. Сивчица и др.) [3].

Опираясь на философскую методологию, следует различать субъективные и объективные начала в содержании принципа права. В объективном смысле принцип – отражение общественной закономерности; он существует потому, что таковы законы природы или общества, и не может быть иным. Субъективная сторона принципа заключается в том, что он представляет собой фундаментальную идею, нормативно-руководящее начало, регулирующее поведение людей, их коллективов и организаций.

В отечественной философии права проблема понимания феномена законности всегда носила дискуссионный характер. Опираясь на накопленные научные знания по данному вопросу, можно выделить несколько концептуальных подходов к пониманию законности.

Так, советская юридическая наука рассматривала сложившуюся концепцию господствующего понимания социалистической законности как строго неукоснительного исполнения законов всеми субъектами права (органами государственной власти, организациями, должностными лицами и гражданами). Большинство учёных в настоящее время признают сложный характер законности, поскольку она соотносится с другими категориями, такими как правопорядок, правосознание и т. д. Несомненно, и то, что реализация принципа законности отражает современные особенности общественной жизни, связанные с принципами гражданского общества и правового государства.

Разносторонний и многоплановый подход к определению законности находит поддержку у многих исследователей. Так, например, профессор М. И. Байтин определяет законность как «принцип, метод, режим формирования и функционирования правового государства и гражданского общества, в основе которых лежит точное соблюдение и исполнение законов всеми государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, должностными лицами и гражданами» [1]. Академик В. Н. Кудрявцев отмечает: «законность – это определённый режим общественной жизни, метод государственного руководства, состоящий в организации общественных отношений, посредством издания и неуклонного осуществления законов и других правовых актов» [2]. По мнению

профессора А. С. Шабурова, законность представляет собой «комплексное политико-правовое явление, отражающее правовой характер организации общественно-политической жизни, органическую связь права и власти, права и государства» [4].

Анализируя данные определения, следует сделать вывод о том, что принцип законности охватывает все сферы общественной жизни, обеспечивает охрану социальных, политических, духовно-нравственных, цивилизованных устоев жизнедеятельности людей. Вместе с тем, обеспечить интересы человека и гражданина можно только тогда, когда законы государства соответствуют требованиям естественного права и устанавливают равные права, обязанности и ответственность человека, гражданина, государства и должностных лиц перед законом.

Иными словами, принцип законности – это обязательное исполнение требований законодательства всеми субъектами права. Этот вывод подкрепляется статьёй 15 Конституции РФ. Для социально-философского понимания законности существенное значение имеет содержание самих норм права, в которых воплощаются общечеловеческие идеалы и ценности, насущные потребности и интересы людей, объективный характер развития социального прогресса.

Библиографический список

1. Байтин М. И. Сущность права // Современное правопонимание на грани двух веков. – Саратов, 2001. – С. 246.
2. Кудрявцев В. Н. Законность // Законность в Российской Федерации. – М., 1998. – С. 4.
3. Фролов С. Е. Принципы права (вопросы теории и методологии): автореф. ... канд. дисс. – Н. Новгород, 2001. – С. 10.
4. Шабуров А. С. Законность и правопорядок // Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. – М., 2000. – С. 437.

© Бойко Н.Н.

**THE HISTORICAL – PHILOSOPHICAL ANALYSIS
OF THE THEORY OF MODERNIZATION**

S. I. Bekchanov

National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Summary. This article includes various stages of the theory of modernization in aspect of historical-philosophical analysis, it demonstrates social, economical and spiritual modernization in many societies of West and East. Especially it has considered that it was difficult to realize the modernization refusing traditional manners.

Key words: modernization; democracy; society; renovation; culture; value; spirituality; tradition; theory; development; structure; legacy.

Ideas of renovation and modernity cover political, economical, social and spiritual spheres in the life of the society, it is a important factor of liberalization for building of a state and society. «For years of independent growth, our country obtained new and great successes during the historical short period, as a result of it, the appearance of our country changed quietly and its place and prestige in the world community are enhancing» [4, p. 39]. In essence in our country during the period of changes, rise of relation for problems of modernization of society is natural. This process takes account of renovation and making modernization quite in the whole sphere in the life of the society. Together with that modernization of the society is coming true in the complicated conditions.

The theory of modernization began to form in 50–60s of the XX century. «In that period, the phrase «modernization» meant either the stage of social renovation and process of transition to modern societies in the same time. It has incarnated itself norms, charge of transition to «modern», standards of up to date society which rather highly developed societies should pay attention to» [8].

The founders of the theory of modernization, scientists in the beginning of the XIX and XX centuries leant on M. Veber who brought forward an idea of development on the basis of rationalization of moral for European civilization from traditional society to up to date society, F. Tyonnis who has suggested a conception of transition on the basis of subdividing labour to societies named «limited of unanimity» from societies named «mechanic unanimity» and the theoretic legacy by E. Dyurkgeim. The principle rules of structural-functional analysis, the imaginations about the social development of supporters of that doctrine too fulfilled a duty of the theoretical base which the theorists of modernization have leant on.

In opinion of many scientists, modernization has a civilized social-cultural feature, in other words, it includes all of branches of the social relations. The goal and significance of the modernization consists of only not economical growth but an acquisition of known degree of progress of social culture which include a technological culture, governing culture, political and civilized cultures [see 9, p. 17].

In our opinion, modernization is to put a certain society in practical life by facing a progress on the basis of traditional features and modernization, by reflecting wish of people in administration of a state and society, by incarnating any advanced idea with national and common to all mankind interests which serves for its interests.

The theory of modernization covered the stage of the three developments in its progress conditionally: 50–60s, 60–70s and 80–90s of the XX century.

In 50–60s of the XX century, the theory of modernization was based on the principle of the universalism. The development of all countries and nations were being regarded as a universal phenomenon, that is which had occurred in one direction, had had the same stages and regularity. Though availability of national features is recognized but they were considered that they have had importance with the second degree.

As a matter of fact, modernization was being imagined as a process of development in direction to up to date society from the traditional one. The technological determination was making up the methodical foundation of the universalism. It was taking development of civil society out technological and economical progress which has led to fully welfare and social stability. In essence there were views that such development has damaged social-cultural and political peculiarities of different countries, has made its demands of each society [see 9]. As a result of progress of science-technology, the society «is modernized» through way of transition to up to date, intellectual values and social structures.

The modernization is realized in the first stage of the theory of modernization in the following manner:

- to democratize developing countries on the basis of model of the society of West, to make up national states and to strengthen them, to establish liberal economical principles, to organize branches of government representatives, to subdivide government, to set up the elective office.

- to change structure of values, to develop methods of legislation for individual values and government, to consider that the modern methods must except the traditional methods.

The representatives of the theory of modernization have distinguished convenient and inconvenient factors of processes of modernization in the developing countries. In total of convenient factors, the successful social-economical development of countries of «the third world», also developed countries in the western Europe and close collaboration with the USA were included. In the ranks of inconvenient factors, the preservation of features of traditional society, unwillingness of repudiation from their interest of ruling sections for renovation of the country, illiteracy, lack of advanced political consciousness in majority of population, availability of traditional social sections and the sphere of traditional manufacture were fixed. In opinion of supporters of mentioned theory, inconvenient factors were to be settled gradually in the process of modernization.

Well, what may modernization of spheres in the life of the society mean?

In the social sphere, the modernization is bound up with specialization according to aspects of activities of human, common and state institutions, in essence, the mentioned specialization is not bound up with sex, age, social origin, personal relation of men much but with personal qualities, experiences, education, aspiration of a person more by improvement of modernization. The theorists of modernization have studied how the place and function of a family, demographic structure had changed in the process of transition to up to date society from traditional one, what degree the growing urbanization have been bound up with mentioned changes.

In the economical modernization the technology based on the scientific knowledge, development of sources of profitable energy in high standard and use of them, introduction of social and technical division of labour, development of goods, money and market of labour and then regulating them, continuously improvement of organization of manufacture, creation of technological and organizing renovation and availability of promotions of putting them were being meant. But some scientists have already affirmed in 60 years that it was necessary to strengthen attention to the sphere of education. For example F. Harbison said «Acceleration of process of formation of factor of a man is a chief problem of all countries which are modernized». That view meant repudiation from attempts for connection only by means of realization of technical-economical innovation for modernization from the conception of technological determination.

The political modernization, first, expansion of the areas and order of administrative and political frontiers, organization of national or federative states, strengthening of central (legislative and executive) government and at the same time, division of the government.

- second, while maintaining stability and inside unanimity in the society, taking into consideration of ability of a state for realization of structural changes in the political and social sphere.

- third, attraction of broad sections of the public to the political process (even if through elections) was important aspect of modernization.

- fourth, the political modernization meant to establish political democracy or if even populous ruling to change ways of legalization of government. At the same time the founders of the theories of modernization recorded that there were not developed civil society in Asian, African and South American countries because it was so difficult to realize political modernization in them [see 2, p. 345].

Spiritual modernization has considered division of structures of culture and values also, views, secularization of education and improvement of literacy, variety of schools and trends (tendency, current) in philosophy and science, religious tolerance (confessional pluralism), informing and development of means of spreading it, acquainting population with achievement of culture, values of individualism. Besides modernization was taken into account development of consciousness on the basis of scientific knowledge and repudiation of moral according to traditions. Some scientists, for example,

Sh. Ezenshtadt thought even «improvement of new cultural stereotype» has made up «foundation» of process of modernization.

The social-political phenomenon which took place in 60s of the XX century, especially the inculcation of cyclic economic crises inherent in capitalism and spreading of its scale, required that the theory of modernization was not perfect and it must be brought to perfection. These phenomenon created a number of critical trends that it was possible to distinguish two traditions in their range conditionally.

The first trend includes representatives of developing countries mainly and also radical criticism which representatives of movement of «the left» have carried out who had acted in 60s of the XX century in the western Europe. In their opinion, the theory of modernization was standing for colonization. The representatives of mentioned trend resisted to the west expansion, modernization in the western model.

The second trend criticized developed modernization in the range of «backward theory» of «the left» radicals in some developing countries and western countries. They criticized the theory of modernization because it made the picture of progress simple, ignored peculiar aspects of societies, cultures, did not explain about mechanisms of factors which prevented from improvement of new relations, institutes and such those. In opinion of investigators, modernization on the basis of west model leads to conservation of backwardness and obedience, destruction of economical structure, damage of environment and social contradictions [6, p. 46–48].

The first stage of progress of the theory of modernization is described by the means of appearance of accurate comments relatively which has based on different factors of political, social and economical development, including, the factors of the political culture. All in all, a lot of phenomenon which have been appeared in that period, concerned to deviation from Eurocentric outlook. The problem of efficiency of democratizing countries of «the third world» remained disputable in aspects of realization of purposes of economical growth and social-economical development.

The majority of representatives of the theory of modernization in that period suggested a view that «stable» political development was condition of social-political progress. The scientists created various «recipes» of that stability to preserve. All in all representatives of trends «conservative» and «liberal» answered by their own what the factor of stability was in sources dedicated to theories of modernization.

The representatives of the trend «conservative» (S. Hangtinton, J. Nelson, H. Lins and others) thought that the main problem of modernization has been contradiction between mobilization of population, its attraction to political life with institutionalization, protection of interests of population and necessary structures for their realization and availability of mechanisms. At the same time, unreadiness of people in use from government institutes caused instability of political structure. S. Hangtinton shows that the accordance of political institutions to changing conditions is a main duty of modernization. The strict authoritarian system which controls discipline only, is able to gather necessary potential for changing a society, also to transit to market relations and to secure a national unanimity. The views appeared which have based on realization of that phenomena more complexly, repudiation from contrast to modernity and traditional features in the progress of the society absolutely, in the second stage of development of the theories of modernization. Many authors of the theory of modernization concluded that modernization has meant not disappearance of traditional features at all the wrong side out, development which have determined features of that process and also by using the tradition served as a factor to stabilize it.

The ideas about irregularity of strict contrast to each other of modernity and traditional features began to disseminate widely in the third stage of the theory of modernization. Not refusing importance of factors such as putting into practice of technologic progress, «western» institutions and norms, many authors recorded that the second-rate of the mentioned factors has been bound up with social-cultural values and ruling social relations in one or other society.

It was accepted to distinguish two historical types in view of mechanism of modernization which have been used in the scientific sources at the present period.

«Organic» or «primary» type concerned countries such as Great Britain, the USA, Canada, some European countries making up «base of modernization» together. It appeared in the period of the revolutionary of industry, cessation of traditional hereditary privileges, equal civil rights, democratizing and announcement of others. Modernization

in these countries was mainly carried out on the basis of the national cultural traditions and modules by the evolutionary way.

«Organic» or «second» type (Russia, Brazil, Turkey and others). The social-cultural relations with base of modernization of countries which have lagged behind in its development are main factors and worked up processes service as a main mechanism there. «Secondary» modernization means that some elements of society «have hastened», have corresponded to development in the «advanced» countries, other elements have not ripened yet, have lagged behind in development or have been absent at all.

It is necessary to say that this typology was founded on the difference of any ideal types. In practice obtained mechanisms are used in development around the base of «classic» modernization too, as above mentioned assimilation can have different characters and it can not have important place in political progress in the countries of «secondary» modernization. Difference of three types of modernization considers perfect typology relatively: endogen, that is, modernization which is carried out in its foundation (European countries, the USA and so on); endogen-exogen, that is, modernization which is carried out in its foundation and on the basis of obtaining (Uzbekistan, Russia, Turkey and so on); exogen modernization which is carried out on the basis of obtaining in order not to have its foundation (There are imitation, imitation-simulation and simulation versions).

As compared with countries concerning the first type, the political factor has important place in the countries of «secondary» modernization (or endogen-exogen, exogen modernization). It is a natural case, in essence, the sufficient conditions have been not created for unexpected changes of traditional, economical, social, social-cultural and political structures in those countries, so sometimes a state must be an organizer of processes of changes. The establishment of authoritative structure is often commented by it. This event is called «authoritarian development».

At present difference to primary, middle and perform modern stages of modernization is accepted. Therefore M.V. Ilin has made up an ideal module which had included the three stages of modernization and had grounded it in the image process of modernization in the West European countries [see 5, p. 108].

The primary modern means foundation of a national sovereign state, also building and development of civil society out of violence of state government included the stage of the political progress. Strengthening of foundations of a state and a civil society in «constitutions named the first generation» is end of this stage.

Section takes place inside a state and a civil society in the period of middle modern. These interests reflect in appearance of groups, parties and division of government. The structure of political representation which connects relations of a state and a civil society, appears as result of that section. Acceptance of «constitutions named the second generation» which strengthens principles of structure of republic, concerns this stage.

The perfect modern is commented by exchange for political ways and trends, solution of duties of legit Imation and dislegit Imation. These duties are solved by the means of introduction of progresses of democratizing. The democratic disputable institutions and mechanisms (for example elective institute) are strengthened in it.

According to another typology, modernization has divided into four main types as a social phenomena in view of which technological method of production was turning in its foundation into.

The first type can be called modernization before industrializing. It is bound up with transition to social productive forces from natural productive forces. The manufacture is a symbol of technologic method of production which forms as result of that transition.

The second type – primary industrial modernization – is determined by transition to production of factory-mill from production of workmanship manufacture in the technological aspect.

The third type – final industrial modernization – differs with transition to production of line conveyor from production of factory-mill.

The fourth type – postindustrial modernization or post modernization has appeared as a result of the present up to date technologic revolutionary and it is carried out in the countries which is being shifted to a stage called «postindustrial society».

Today the scientists and politicians pay attention to the social-economical and political processes which are taking place in East Europe, China, CIS (the concord of the

independent states) and Central Asia carefully. The investigators of modernization are turning their attention especially to difficulties and crisis events in the stable development. The conceptions such as «partially modernizing», «blind alley modernization», «syndrome with crisis of modernization» appeared as a result of it. Possibility of successful realization of modernization has been recognized generally in case of changing of values and views of wide social sections in the society.

At the end of 80s of the XX century, the conception of the political progress which has based on preservation of social-cultural traditions, appeared named «modernization by ignoring modernity», that is, not obtaining strange (West) modules by mechanic way. (A. Abdul-Malik, A. Turen, S. Hantington, Sh. Eyzenshtadt and others). The universality of social and political development is not refused in this conception. Nevertheless, the principle of universalism incarnates with particularism, this incarnation is considered guarantee of success of progress of modernization. The terms «contra modernization» and «anti modernization» are developing around this conception (A. Turen). The contra modernization means alternative version of modernization not based on the Western modules and anti modernization means that active contradiction to process of changes. In opinion of A. Turen, these two versions make up main tendency of social-cultural development in the XX century.

So today modernization is not meant as classic modernization, but «modernity» that is, as modernization based on national social-cultural features, traditions and particularism. How degree the western experience or other one are attractive, we must not forget our features and must pay attention to our peculiarity and mentality. In essence, process of any modernization can fail which national features were not taken notice. Yielding positive or negative results of process of modernization in the society is bound up with a number of factors (social, political, economical, spiritual) and also its subjective aspects too. In our opinion, modernization which carries out traditional values on the modern basis, corresponds with human principles and also guarantees to preserve national values carefully. «Modernization in its foundation requires to take care of national and civilized features, traditions of that country, to consider cultural features and peculiarity, by differing modernization which attracts and follows» [7, p. 121].

In this sense, process of renovation and changes which is carrying out in Uzbekistan, is important that they are realizing on the base of social –economical progress, view of people, its mentality and of course preservation of national spiritual features. It is necessary to record that it was organized on the base of spiritual legacy of our people and collaboration of achievement of social thought of the world. We found necessary to quote the following citation at the end of our opinion: «The future progress of humanity carries out by means of incarnation of scientific-technical achievements of West with spiritual legacy of East, moral standards, positive conservatism in religious, spiritual spheres. The contrast of the East with the West or exaggeration of difference between both especially is a sight of a territorial stupidity or incomprehension of progressive laws» [1, c. 87].

Bibliography

1. Alimasov V. Philosophy or thirst of thought. – Tashkent : Philosophy and law, 2007.
2. Common and applied politology (political education). Under common editorial board by Jukova V. I., Krasnova B I. – Moscow, 1997.
3. Ezenshtad Sh. Revolution and reeducation of society: comparative study of civilization. – Moscow, 1999.
4. Karimov I. A. The conception of introduction of democratic reforms and development of civil society still more in our country. Still more introduction of democratic reforms and development of civil society in our country – principle criterion of progress of our country. – Tashkent. Uzbekistan. – Vol. 19.
5. Krasilshikov V. A., Zaborov G. M., Riyabov V. L. A chance for renovation of Russia (The foreign experience of modernization and Russian perspectives) // Russian word. Sociology. Ethnology. Culturology – 2008. – № 1.
6. Pantin V. I. The cycles and wages are as phenomena of social progress. – Moscow, 1997.
7. Shapalov V. F. Foundation of philosophy of modernity. To total of the XX century. – Moscow : Flinta-nauka, 1998.
8. Solovev A. I. Politology: politological theory, politological technology. – Moscow, 2000.
9. Starostin B. S. Modernization and national culture. – Moscow, 1995.

© Бекчанов С.

**СОСТАВЛЯЮЩИЕ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ:
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ**

Е. В. Мюлдер

**Региональный экспертный центр образования для устойчивого развития
(РЭЦ Рейн-Мейзе), Университет ООН, Керкраде, Нидерланды**

**THE COMPONENTS OF THE CONCEPT OF SUSTAINABLE
DEVELOPMENT: ECOLOGICAL, ECONOMIC AND SOCIAL**

E. V. Mulder

**The Regional Centre of Expertise on Education for Sustainable Development
(RCE Rhine-Meuse), United Nations University, Kerkrade, the Netherlands**

Summary. In 1987 the UN report called «Our Common Future» for the first time defined the concept of sustainable development as development that current generations meet their needs without compromising the ability of future generations to meet their own needs. It was also indicated that the concept of sustainable development consists of three interrelated components, namely: environmental, economic and social.

Key words: sustainable development; environmental component; economic component; social component.

В 1987 г. в докладе ООН «Наше общее будущее» было впервые определено понятие устойчивого развития как развития, при котором нынешние поколения удовлетворяют свои потребности, не ставя под угрозу возможность будущих поколений удовлетворить свои потребности [3]. Тогда же было обозначено, что концепция устойчивого развития содержит в себе три взаимосвязанных компонента, а именно: экологическую, экономическую и социальную.

Рассмотрим сначала экономическую компоненту, поскольку именно создание экологически-сбалансированной экономики является первоочередной задачей для многих стран мира, взявших курс на построение устойчивого будущего. Построение такого будущего на основе традиционной экономики представляется невозможным, т. к. в её основе лежат интересы потребителей. Реализация этих интересов является доминирующим фактором развития.

Экологически-сбалансированная экономика отличается, прежде всего, тем, что учитывает последствия взаимоотношений между экологическими и экономическими системами. Такая экономика рассматривает человека как один из важных компонентов экономической системы, но только с тем условием, что развитие интересов людей должно происходить совместно с эволюцией природы, т. е. в рамках естественных возможностей окружающей среды.

Для человечества важно сейчас осознать тот факт, что использование природных ресурсов не может быть бесконечным. Бесконечное их использование лишит их возможности восстановления, и тогда глобальная экологическая катастрофа окажется неизбежной. Поэтому усилия стран должны быть направлены на то, чтобы функционирование их экономик основывалось на использовании экологически чистых, энергосберегающих и материалосберегающих технологий, учитывающих минимизацию и рециклинг отходов.

Экологическая компонента концепции устойчивого развития подразумевает, прежде всего, сохранение способности экосистемы Земли к самовосстановлению. Ведь от состояния экосистемы зависит состояние жизни на Земле. И как пишет Марфени Н. Н., «важным условием функционирования экосистемы является сохранение биоразнообразия и качества компонентов окружающей среды (воды, воздуха, почв и др.) на уровне, обеспечивающем сохранность жизни и здоровья человека» [2].

Умение людей поменять своё мировоззрение и поведенческие установки являются сутью социальной компоненты. Именно от их поведения зависит уровень качества жизни. Особого внимания заслуживает и участие человека в делах по созданию равноправного общества, ликвидации нищеты, снижению безработицы, обеспечению всеобщего начального образования, которые ООН

провозгласил в своём документе под названием «Цели развития тысячелетия» в сентябре 2000 г. в Нью-Йорке [4].

Итак, концепция устойчивого развития имеет триединую основу. Трудно определить границы между её составляющими – экономической, экологической и социальной. Достижение баланса между ними и есть устойчивое развитие. В. Н. Зеркалов в своей работе «Проблемы устойчивого социального развития» приводит в качестве примера «распределение ресурсов, которое лежит на пересечении социальной и экологической составляющих устойчивого развития, а создание экологически чистых производств лежит на пересечении экономической и экологической составляющих» [1].

Принцип, сформулированный в конце прошлого века, – «Думай глобально, действуй локально!» – несёт в себе глубокий смысл того. Ведь любое действие человека и общества в целом неизбежно ведёт к ответной реакции окружающей его среды. Общество может и должно научиться жить экономически, экологически и социально более устойчиво.

Безусловно, идеи устойчивого развития отвечают объективному требованию времени, а их осуществление может решающим образом повлиять на определение приоритетов стран, стратегий их социально-экономического развития, перспектив реформирования и т. д.

Необходимо объединить наши усилия для построения устойчивого будущего. И здесь важно отметить, что Россия также взяла на себя серьёзные обязательства по реализации этой концепции. Но, к сожалению, Россия не относится к числу самых передовых государств в сфере устойчивого развития. Тем не менее, за последнее десятилетие произошли изменения, которые вполне можно считать революционными. Был принят ФЗРФ «Об охране окружающей природной среды» в 1991 г. Были приняты десятки других законодательных актов. Их общее количество исчисляется сотнями. Среди них. – Федеральные законы «О недрах», «О животном мире», «Об особо охраняемых природных территориях», «Об экологической экспертизе» и др.

Библиографический список

1. Зеркалов Д. В. Проблемы устойчивого социального развития : моногр. // Междисциплинарный познавательный ресурс : сайт. – URL: <http://www.zerkalov.org>.
2. Марфенин Н. Н. Концепция «устойчивого развития» в развитии // Россия в окружающем мире: сайт. – URL: <http://www.rus-stat.ru>.
3. Наше общее будущее // Организация Объединенных Наций: сайт. – URL: <http://www.un.org>.
4. Цели развития тысячелетия // Организация Объединенных Наций: сайт. – URL: <http://www.un.org>.

© Мюлдер Е.В.

**РОЛЬ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ
В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ
РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ**

Р. И. Олексенко

**Мелитопольский Государственный педагогический университет имени
Богдана Хмельницкого, г. Мелитополь, Украина**

**THE ROLE OF EDUCATION IN THE PHILOSOPHY OF SOCIAL
AND ECONOMIC DEFINITION OF MARKET ECONOMY**

R. Oleksenko

**Melitopol State Pedagogical University named after Bogdan Khmelnytsky
in Melitopol, Ukraine**

Summary. The main socio-economic processes of economic development and the establishment of business since the time of the Russian Empire to the present through the prism of time.

Key words: philosophy; market power; market economics; politics.

Чрезвычайно сложная политическая и экономическая ситуация, которая сложилась в Украине, обусловлена особенностями переходного периода от тоталитарной системы к гражданскому, демократическому обществу, к социально ориентированной рыночной экономике.

Главный вопрос, который возникает в процессе структуризации общества, заключается именно в том, на основе какой экономической парадигмы должно формироваться это общество, какие доминанты должны пронизывать все структурные уровни системы, в конце концов, какие константы должны скреплять его каркас. Интеллектуальные поиски сейчас ведутся преимущественно вокруг цивилизационной парадигмы, одно из направлений которой предусматривает постепенное и неуклонное включения всех структур Украины в мировые политические и экономические процессы.

Современное эффективное функционирование рыночной экономики возможно только при наличии в стране определённых внешних и внутренних факторов, обеспечивающих благоприятную почву для развития предпринимательства. Для характеристики условий, в которых осуществляется предпринимательская деятельность, используют понятие предпринимательской среды. «Под предпринимательской средой, – пишет О. Кудласевич, – понимают совокупность разнородных составляющих, окружающих предпринимателя в его хозяйственной деятельности, благоприятные социально-экономические, политические, общественно-правовые условия, гарантирующие экономическую свободу для занятия предпринимательской деятельностью. Предпринимательская среда формирует интегрированную совокупность объективных и субъективных факторов, что даёт возможность предпринимателям преуспевать в реализации поставленных целей и в осуществлении предпринимательских проектов, получении прибыли. В широком плане предпринимательская среда и её основные составляющие задаются экономической системой каждого государства» [1].

Современное предпринимательство отличается от подобной деятельности прошлых веков именно тем, что стремится не вступать в противоречия с общепринятыми морально-этическими принципами, а наоборот инновационно их использовать или даже определять тенденции нравственного самовыражения современного человека. В связи с этим «человек экономический» современного типа выступает как феноменологическая целостность экономически коммерческих бизнесово-предпринимательских целей и мотивов и мировоззренческо-ценностных, морально-этических установок, принципов, идеалов, личностно-творческих энергетических самопроявлений [3].

Условия становления и развития предпринимательства на украинских землях вследствие различного типа государственного управления существенно отличались от западноевропейских. Как показывает Т. Лазанська, из-за низкого уровня первичного накопления капитала отечественное предпринимательство зародилось как государственное (казённое). Следует признать, что сотни лет российское государство держалось на эксплуатации крепостных крестьян и поддерживалось

незаинтересованным в промышленном росте дворянстве, которое выполняло военные и административные функции. Большой прослойки свободного населения, способного на свободное предпринимательство, в Российской империи просто не было, поэтому управление промышленностью осуществлялось административными методами, в отличие от Западной Европы, где организатором мануфактурного производства были купеческие гильдии, которые пользовались достаточно широкими правами (не последнюю роль в их распространении сыграло и Магдебургское право, которое распространялось на значительное количество европейских городов) [2].

В XVIII веке развитию украинского предпринимательства мешало отсутствие наёмной рабочей силы, поскольку крепостничество тормозило формирование рынка труда, не могла достаточно широко развиваться мануфактура. Примечательно, что правительство направляло на мануфактуры солдат, заключённых и пленных, то есть переносило методы административного, репрессивного хозяйствования и в раннюю мануфактурную промышленность. Посессионные (контролируемые государством) мануфактуры находились под строгим надзором правительства, государство имело право их конфисковать, руководствуясь бюрократической логикой, а не положениями закона. Предпринимательство в Российской империи развивалось, как справедливо доказывает О. Кудласевич, государственно-крепостническим путём за счёт безжалостной эксплуатации человеческих ресурсов и за счёт непрерывного расширения вмешательства государства в социальную жизнь [2].

Так же и в XIX в. значительная доля распорядительных и исполнительных функций сосредотачивались в центральных звеньях бюрократического аппарата, а это приводило к торможению частной активности и независимой от власти предпринимательской инициативы. Крепостническо-бюрократическая система привела общество к глубокому социально-экономическому кризису. В результате отмены крепостного права в 1861 г. открылся новый этап в истории общества и предпринимательства. Было освобождено из крепостной зависимости примерно 52 миллиона человек, введены земельная, судебная и другие реформы. Они способствовали ослаблению бюрократической централизации и постепенному утверждению рыночного способа хозяйствования, развитию товарно-денежных отношений, формированию рынка труда, появлению большего количества частных капиталов, росту производства товаров, что положительно повлияло на темпы развития хозяйства.

Период XIX – начала XX в. в России характеризуется быстрым ростом хозяйства и существенными изменениями в его структуре. Российская империя очень отставала в своём экономическом развитии от передовых западноевропейских стран, а становление рыночного предпринимательства на фоне пережитков крепостничества отрицательно сказалось на социальном развитии. Этот период стал временем ускоренного роста капитализма, но элементы рынка тесно переплетались с командно-административным вмешательством государства. Объективные факторы роста – экономические законы рынка, которые дали жизнь крупной фабрично-заводской промышленности, сосуществовали с субъективными – покровительственной политикой правительства и патронатом бюрократии над новой буржуазией. Переход от умеренной до откровенно протекционистской экономической политики в конце XIX века предусматривал активное вмешательство государства в экономическую жизнь общества, обуславливал укрепление экономического могущества самодержавия и препятствовал развитию рыночных отношений.

Охранные принципы государственного протекционизма нашли своё яркое проявление в таможенной политике, вводились высокие таможенные тарифы с целью поощрения отраслей промышленности (под активным давлением со стороны местной буржуазии). Вопрос таможенной политики нашёл свою трактовку и в работах тогдашних учёных-экономистов. Экономисты украинского происхождения видели в политике таможенного протекционизма экономический дуализм (Д. Пихно [4]), называли её обоюдоострым (М. Туган-Барановский [5]) и характеризовали как временную меру. Они отмечали, что протекционистская политика опирается на систему высоких таможенных пошлин, которые дают возможность ослабить иностранную конкуренцию и увеличить прибыль. В то же время отечественные учёные обращали внимание на избирательность такой системы, защищались только определённые отрасли производства, а все остальные превращались в отсталые, несли убытки. Результатом проведения такой политики экономисты предполагали

противодействие и репрессивные меры со стороны других стран, что негативно повлияло бы на национальное хозяйство. Таким образом, украинские учёные видели в таможенной политике мощный инструмент воздействия на экономику и развитие предпринимательства. Одновременно с этим экономисты отмечали, что необходимо постоянно согласовывать таможенную политику с интересами отечественных производителей, населения, а также с интересами стран-партнёров по внешней торговле. Научная и политическая дискуссия завершилась принятием нового таможенного законодательства, которое начало действовать с 1868 года и стало выгодным как для промышленников, так и для правительства [1].

С середины 60-х годов XIX в. правительство расширяет практику казённых заказов, которые стали ведущей формой поддержки государственных предприятий крупной промышленности. Благодаря государственным авансам лояльная буржуазия без рыночного риска и серьёзных технических усовершенствований получала большие прибыли. Крупнейшим заказчиком промышленной продукции выступало государство, финансирование предоставлялось на годы вперёд и было вдвое дороже обычной рыночной стоимости. С 60-х годов XIX в. государственным банком предоставлялись займы, которые стали поддержкой крупного капитала.

Первыми объектами правительственной поддержки стали металлургические заводы Украины (тогдашней Малороссии), где с помощью протекционизма были заложены основы для организации крупного капиталистического предпринимательства монопольного типа. Практика широкого неуставного финансирования продолжалась до конца XIX века, поэтому ускорение промышленного развития сопровождалось прямым государственным вмешательством в промышленность. Главной целью экономической политики правительства в то время стало создание крупных предприятий в отраслях тяжёлой промышленности как основы военной мощи Российской империи. Протекционистская политика царизма создавала благоприятную среду для крупных предпринимателей Украины. «Вся практика государственного финансирования южных предприятий нацелилась на поддержку небольшого количества самых крупнейших из них, и поэтому такую помощь получал достаточно ограниченный круг предпринимателей. Металлургическая промышленность Украины возникла в форме крупных капиталистических предприятий с привлечением больших капиталов, доступных только паевым и акционерным обществам, уже на ранней стадии развития появились государственно-капиталистические тенденции» [1].

Нобелевский лауреат Д. Норт известен как один из основателей новой институциональной экономики, а также Б. Уейнгаст и Дж. Дж. Уоллиспоказали что мировые лидеры движутся в следующем направлении: от общественного порядка «с ограниченным доступом» к «с открытым доступом». Эти общественные уклады, по версии этих влиятельных экономистов, принципиально отличаются способами поддержания общественного порядка (в противовес насилию) [7].

При «ограниченном доступе» к распределению благ в обществе насилие сдерживается путём преобразования социальных групп, стремящихся доминировать, в «респектабельных» бизнесменов. Авторитарная власть, или олигархия, в обществе представляет реальную угрозу её собственникам и доступу к богатству. Власть придаёт этим политически ангажированным предпринимателям (олигархам) возможность доступа к наиболее выгодным сферам распределения экономических благ и (или) искусственно ограничивает доступ привлекательных экономических возможностей конкурирующих социальных групп (например, мелким предпринимателям), устраняет конкуренцию, чтобы наделить своих союзников сверхбольшими доходами. Таким образом, наиболее хищнические политико-экономические группировки (как их метко называет отечественная социальная философия – «кланы») получают возможность, как и раньше, грабить сограждан, но уже упорядочено, в рамках действующего законодательства. Им становится выгоднее эксплуатировать, получать на них ренту (через доступ в государственный бюджет), чем применять методы прямого насилия.

В олигархическом и авторитарном обществе всё определяют привилегии, неважно, формальные или неформальные, главное, что гарантированные персональными связями с бюрократической верхушкой государства. Если субъект экономической жизни не «человек от власти», он – «никто» и прав у него реально никаких нет. Накапливать становится рискованно, потому что всё равно рано или поздно могут отобрать «приближённые к власти». Открыть собственный бизнес – нужны

«связи», развивать его – нужна «крыша», получить доступ к лучшим условиям на рынке – нужно «дать на лапу» или «стать своим». Власть и собственность в таком типе социума являются нераздельными. Поэтому украинские специалисты отмечают, что у нас выстраивается «в лучшем случае – феодализм, в худшем – крепостничество и рабство. Правда, в наше время у таких стран появилась возможность расти, и даже довольно быстро, за счёт индустриализации, основанной на заимствовании технологий. Впрочем, для Украины это было актуально более полувека назад» [8].

Зато развитие экономики существует в режиме открытого доступа. Внеэкономического принуждения и насилия в таких обществах гораздо меньше, чем при ограниченном доступе. Монополию на насилие крепко держит в руках государство, контролируя граждан через механизм политической конкуренции. Д. Норт, Б. Уейнгайт и Дж. Дж. Уоллис настаивают на том, что именно конкуренция, а не выборность как таковая, является определяющим признаком нового уклада. Политическая конкуренция поддерживается также экономической, благодаря чему оппозиция имеет возможность опираться на поддержку независимого от власти бизнеса. А политическая конкуренция, в свою очередь, обеспечивает устойчивость и защищённость экономической, потому что обиженные действиями власти и отстранённые от доступа к экономическим возможностям предприниматели (или определённые социальные группы) находят защиту своих прав в политической оппозиции. Действительно современные западные общества показывают, что в условиях политической конкуренции монополизировать экономику и «выстраивать схемы» разворовывания государственного бюджета значительно сложнее и почти невозможно, поскольку оппозиция и свободная пресса стоят на страже общественных интересов ради собственного успеха в политической конкуренции. Популярный в украинской экономической мысли последних лет термин «модернизация» означает не что иное, как переход от общества ограниченного доступа к обществу открытого доступа к благам. Такой переход невозможно осуществить по воле действующей власти, если в конкретно-историческом обществе «не созрели» соответствующие социально-экономические предпосылки. Если власть сосредоточена в руках одного лица, то исторические примеры такого перехода очень редки. Ведь удержаться от соблазна злоупотреблять политической монополией ради создания экономической при ослабленном социальном контроле со стороны конкурирующих политических и экономических элит почти невозможно.

Опыт модернизации центрально- и восточноевропейских стран доказывает, что переход между двумя системами, которые основываются на взаимоисключающих принципах, не может быть безболезненным для общества, поэтому его желательно не затягивать. В современной ситуации в Украине переходное состояние между этими системами доказывает свою опасность: одни социально-экономические механизмы и институты уже неэффективны, другие ещё не созданы (и, похоже, не имеют шансов на создание). Именно поэтому на данном этапе, через который никак не может пройти украинская экономика и политическая система, особенно необходимо проведение системных реформ с целью установления «системы открытого доступа» к социально-экономическим благам.

Действующая в Украине власть «отчитывается» гражданам и международным партнёрам о «системных реформах», но реально проводит лишь «косметические правки» системы. Если подойти к строгому определению понятия, «экономические реформы» – это сознательные и скоординированные действия легитимной власти, которые приводят к качественному изменению поведения и отношений субъектов экономики – фирм, домохозяйств и органов самого государства. В этом состоит их коренное отличие от обычных мер правительства (например, изменения уровня регулируемых цен, корректировки цифр налогов и т. д.). Относительно последних действий отечественной власти по пенсионной проблеме: повышение возраста, стажа и другие изменения не являются реформой по сути. Это было бы реформой, если бы внедрялось накопительное страхование, обеспечение деятельности негосударственных пенсионных инвестиционных фондов и т. д.

Теория и практика показывает, что абсолютное большинство таких политических действий, как сокращение определённых статей бюджета или повышения налогов – стандартный пакет «затягивания поясов», прямого отношения к реформам не имеют (хотя это не означает, что такие меры не сопровождают настоящие реформы). Напротив, реформы могут заменять такие непопулярные меры благодаря оптимизации

экономического взаимодействия субъектов и изъятия «непрозрачных схем». Например, реформа жилищно-коммунального хозяйства: внедрение прозрачных механизмов, реальной взаимной ответственности плательщиков и поставщиков и другие нововведения позволили бы, во-первых, сразу уменьшить существующие злоупотребления, во-вторых, создать стимулы и механизмы для экономии у всех сторон, прежде всего уменьшение энергетических потерь. При этом тарифы регулировались бы рынком, а не озабоченной следующими выборами властью. Реформы образования, медицины и социальной помощи с целью оптимизации использования бюджетных средств и привлечения на легальной основе внебюджетных средств являются реальной альтернативой повышению бюджетных расходов на эти сферы. Однако указанные выше качественные изменения взаимодействия власти, экономики и общества требуют системных реформ, непосредственно создают предпосылки для «открытого доступа» и устраняют: ограничения для «неполитического бизнеса», монополизм и возможности для системной коррупции. «Отсутствие политической воли» теория Д. Норта объясняет очень просто: кто будет разрушать систему, на недостатках которой можно заработать огромные личные состояния и привилегии?

Возражением против теории Норта мог бы стать аргумент краха СССР – советская номенклатура «потеряла» командно-административную экономику и сделала рыночные преобразования. Некоторые публицисты утверждают, что никаких системных реформ в постсоветской Украине не происходило, но это не соответствует действительности. Вопреки описанной выше логике сохранения закрытого доступа, в Украине в кризисных 1990-х были проведены и многочисленные текущие реформы, которые создали институты независимого государства, и ряд системных (в частности, либерализацию цен, возможность свободно создавать предприятия, приватизацию с последующим отлучением предприятий от государственного бюджета и т. д.).

Советская «система» прогнила настолько, что на рубеже 80–90-х годов XX века сама разрушилась под тяжестью номенклатуры, особенно после Чернобыля и войны в Афганистане, которые ускорили экономический упадок. Но коммунистическая номенклатура успела переориентироваться на более жизнеспособную систему ограниченного доступа, которую называют олигархическим капитализмом. Страх перед падением в пропасть гражданской войны был той силой, которая заставила номенклатуру ограничивать сферу своего влияния до тех пор, пока её размеры не сузились до рамок реального контроля. Но после завершения необходимых реформ по оформлению независимой от Москвы страны, её «обновлённая» предпринимательно-клановая элита не изменила принципы ограниченного доступа и покорила своему влиянию государственные институты, на этом этапе системные реформы закончились, что устраивает олигархические кланы. Хуже для украинского гражданского общества было то, что при этом не была воплощена одна из главных предпосылок открытого доступа – «власть закона» (или «верховенство права», которое так и остаётся чисто декларативным и в Конституции, и в других актах государства). Строгость законов, как и во времена тоталитарно-авторитарной власти, умалняется необязательностью их выполнения, особенно чиновниками и привилегированными членами общества. А на избирательном применении нерациональных законов держится власть новой бюрократически экономической элиты, поскольку «своих» она от невыполнения законов «отмазывает», а врагов (политических и экономических конкурентов) наказывает (формально правильно, но не справедливо).

Такие неформальные привилегии превращают скромного (по западным стандартам) чиновника или представителя «силовых ведомств» во всемогущего «Начальника» и обеспечивают ему уровень жизни роскошнее, чем у большинства предпринимателей. Такое положение дел нарушает вторую важнейшую предпосылку рыночной экономики открытого доступа: политический контроль над силовыми структурами государства. Здесь находится основная пропасть между Украиной и Европой, которую действующие руководители страны не желают замечать. А различия между нами не в действующем законодательстве, а в системных подходах – при открытом доступе законы имеют власть над всеми гражданами, а в Украине (и других постсоветских республиках), как известно, только над самыми бедными и безвластными. К сожалению, оранжевая революция создала только одну составляющую открытого доступа – политическую конкуренцию, но не оправдала надежд на системные реформы. Она продемонстрировала, что пока на первом

месте для элит только передел общественного «пирога» в рамках ограниченного доступа, демократия сводится к грубому популизму. Пост-оранжевая власть уничтожает политическую конкуренцию как составляющую политической системы, поэтому на реформы в политической и экономической сфере надеяться не следует.

Экономическое благосостояние напрямую связано с вопросом о демократии, как доказывают американские исследователи Д. Асемоглу и Дж. Робинсон «Экономические основы диктатуры и демократии» [9]. Они доказывают, что бедные социальные группы создают опасность для существования наиболее обеспеченных – элиты, поэтому олигархи рискуют своей собственностью в условиях авторитаризма (хотя и получают огромные шансы на быстрое обогащение). Чем больше успели накопить олигархи, тем дороже обходится нестабильность и проявляется большая готовность «поделиться», откупиться от опасности. Однако пример Ходорковского в России показывает, что угроза не всегда идёт от «низов общества», иногда авторитарные правители сами посягают на собственность олигархов. Тем не менее, чтобы народ поверил обещаниям политиков «делиться» доходами олигархов с народом, утверждают Асемоглу и Робинсон, олигархическим элитам нужна демократия. Лучше, конечно, демократия ограниченная («управляемая», как в России), она без проблем вписывается в логику ограниченного взаимодействия с мятежным народом в роли возмутителя спокойствия, от которого власть откупается некоторыми социальными льготами для бедных.

Асемоглу и Робинсон дают оптимистичный прогноз, что при определённых условиях для богатых «делиться» становится слишком накладным – тогда им выгоднее немного открывать возможности, чтобы бедные зарабатывали на себя сами (но при этом не становились серьезными конкурентами, ни в экономической, ни в политической сфере). Например, такую нишу для условно свободных предпринимателей создала предыдущая отечественная власть посредством системы упрощённого налогообложения, действующая власть пытается и эту резервацию условно открытой экономики поставить под жёсткий контроль (с целью получения «политической ренты»). Но для осуществления системных реформ, нужно требовать от политиков не «подачки» из бюджета, а свободу и равные возможности в экономической сфере, только тогда демократия всерьёз станет инструментом реформ цивилизованного типа.

Нужно также, чтобы подавляющее большинство украинских граждан поняли, что рыночная экономика – это не «игра с нулевой суммой», а бюджет не может быть бесконечно дефицитным по причине нецелевых расходов и чрезмерных льгот. Поэтому в интересах большинства нужно осознать, что бороться следует не за перераспределение собственности и благ из бюджета, а при возможности правильного хозяйствования и не только за имущественное или доходное равенство, а за институционализированное равенство в правах, и не только за социальную защиту, а за защиту прав собственности. Только тогда Украина превратится в демократическую страну с развитой рыночной экономикой «открытого доступа».

Библиографический список

1. Кудласевич А. Н. Особенности развития предпринимательской среды на украинских землях во второй половине XIX – начале XX в. // История народного хозяйства и экономической мысли Украины. – 2010. – Вып. 43. – С. 91–105.
2. Лазанська Т. И. История предпринимательства в Украине (на материалах торгово-промышленной статистики XIX в.) / НАН Украины, Институт истории Украины. – М., 1999. – 282 с.
3. Олексенко Р. И. Философия, мировоззрение и мораль современного предпринимателя как составная экономико-социального развития общества // Социосфера. – 2013. – № 1. – С. 32.
4. Олексенко Р. И. Философия образования как неотъемлемый фактор экономического развития общества // Социосфера. – 2013. – № 3.
5. Пихно Д. И. О свободе международной торговли и протекционизме. – М., 1889. – 26 с.
6. Туган-Барановский М. И. Политическая экономия. Курс популярный. – М., 1994. – 262 с.
7. Кудласевич А. Н. Особенности развития предпринимательской среды на украинских землях.
8. Douglass C. North, John Joseph Wallis, Barry R. Weingast. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge University Press, 2009.
9. Боярчук Д. Интересная реформистика, или Почему власть не хочет и не может делать реформы? / Д. Боярчук, В. Дубровский // Зеркало недели. – 2012. – № 10.
10. Daron Acemoglu, James A. Robinson, Economic Origins of Dictatorship and Democracy. – Cambridge : Cambridge University Press – 415 p.

**ПРОЕКТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ**

О. В. Гулько

**Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова,
г. Киев, Украина**

**PROJECT EDUCATION IN THE PROBLEMATIC FIELD
OF THE PHILOSOPHY OF EDUCATION**

O. V. Gulko

National Pedagogical University named after M. P. Dragomanov, Kyiv, Ukraine

Summary. The article deals with the project education as a complex philosophical phenomenon. Historical origins of projecting are defined; the formation of educational projecting philosophy influenced by modern philosophical trends is researched.

Key words: information society; projecting; project education; project consciousness.

Современная эпоха характеризуется такими фундаментальными явлениями, как глобализация и информационная революция. Их влияние на все сферы жизни оказывается таким мощным и всеобъемлющим, что ни один из происходящих процессов не может быть рационально познанным без их адекватной рефлексии в контексте отмеченных явлений. Как утверждает украинский исследователь В. Андрущенко, «мы стоим на пороге нового поворота истории, удивительной трансформации социума, всестороннего изменения всех форм социального и индивидуального бытия» [1, с. 5].

В соответствии с быстроменяющимися общественными реалиями человек постоянно ощущает потребность в адаптации и самоизменении. Особенность современной эпохи заключается в том, что способность использовать информацию, оперировать ею становится важнее, чем умение ее накапливать и усваивать. Современный человек, вооруженный информационными технологиями, новыми видами портативных изделий и товаров, стоит перед проблемой, как правильно направить эти необъятные возможности для работы, образования, творчества, коммуникации.

Все эти изменения актуализируют потребность в личности, умеющей не только накапливать информацию, но и владеющей способностью ее использовать для достижения собственных жизненных целей, находящейся в состоянии творческого поиска, планирования и действия. Решающее значение для человека имеет не только его интеллектуальный потенциал, но и умение проектировать себя и мир вокруг себя в водовороте динамичности и неопределенности. Ведь от того, насколько развитая проектная культура в индивидуе, зависит его уровень достижений, умение сберечь и формировать свою идентичность. Поэтому социальным запросом становится человек, который всю свою деятельность рассматривает сквозь призму проектирования: в построении отношений с друзьями, открытии счета в банке, ремонте квартиры, воспитании ребенка, тем самым пытается упорядочить, запрограммировать жизнь, застраховаться от возможных неурядиц.

Такая ситуация изменяет роль образовательных институций как в жизни общества, так и в жизни отдельного человека. Современное образование ориентируется не только на информационные, научные, ценностные, нормативные стороны личности, но и на составляющие, которые сфокусированы на познавательных, коммуникативных, праксеологических возможностях личности. Украинский профессор И. Предборская считает, что целью новой парадигмы образования должно стать формирование инновационной личности, то есть такой, которая «находится в состоянии поиска, способной самостоятельно принимать нестандартное решение, изобретательной, творческой личности» [20, с. 37]. Проектирование в образовании выступает катализатором новых общечеловеческих ценностей, нуждающихся в формировании нового типа личности, которая

мыслит более масштабными категориями, в результате чего становится не подверженной манипуляциям, а свободно мыслящей, способной совершать собственный выбор. В общефилософском контексте проектное образование конкретизирует первичные абстрактные цели человеческой деятельности, которые не могут однозначно определить образ будущего, но определяют основной вектор для достижения результата. Заполняя промежуток между теорией и практикой, между существующим идеальным представлением и реальной жизнью, проектирование перевоплощает установки как на создание новых объектов, так и на познание, формирует «особенный тип научности» (Г. Щедровицкий, Ю. Громыко). Во время проектирования личность транслирует субъективную реальность в объективную, идея совмещается с деятельностью, наука презентует себя как «кодировка, воссоздание и трансляция знаний, опыта» (М. Мамардашвили).

Следует отметить, что изучению проблемы проектирования посвящено немало трудов. В частности можно назвать научные разработки Ю. Громыко, Г. Ильина, Г. Петрова, П. Щедровицкого, касающиеся методологических основ проектирования. Заслуживают внимания труды О. Генисаретского, К. Кантора, А. Ракитова, В. Пузанова, В. Сидоренко, В. П. Климова, в которых проектирование рассматривается как феномен «проектной культуры» и важная предпосылка развития современного общества. Исследуемая проблематика стала предметом изучения А. Криулина, Е. Ткаченко, В. Штейнберга, которые определили проектное образование как самостоятельное направление в проектной культуре, назвав «дизайном ориентационного образования». В работах П. Балабанова, И. Блацберга, В. Курбатова, В. Лукова, Я. Дитриха исследовано проектирование как способ влияния на социальную действительность. В. Розин представляет проектирование как фактор становления образования самого человека в процессе конструирования социальной практики. Г. Прокументов понимает проектирование как самореализацию личности.

Во многих случаях понятие проектирования в образовании ассоциируется с деятельностью, которая имеет четкую цель, алгоритм и средства выполнения. Современные исследования акцентируют особое внимание на современных проектных возможностях в формировании компетентной личности, где проектирование рассматривается как дидактичная технология в широком понимании и метод достижения цели – в узком. Однако до сих пор остается вне поля зрения рассмотрение образовательного проектирования как сложного философского явления и многомерного феномена, который имеет собственные философско-исторические истоки и является предметом изучения многих современных философских направлений, что актуализируется в контексте определения перспектив модернизации образования. Поэтому цель данной статьи – показать проектное образование как одну из его моделей, имеющую исторические истоки и отражающую основные тенденции современной философии образования.

Слово «проектирование» образовано от слова «проект», известного с начала XVIII века и происходящего от латинского «projektus», что означало «вытягивание», «вытянутое положение». В переводе с латинского «проект» означает «брошенный вперед», то есть замысел в виде прототипа объекта. Как отмечает В. Розин, «проектирование как социальное явление сложилось еще в период античности, когда появляются знаковые средства, на основе которых разрабатываются сооружения, научные составляющие, философия» [16, с. 128]. Наглядный пример проектирования, по мнению В. Розина, можно найти в поздних работах Платона «Государство» и «Законы», где философ набрасывает и детально обсуждает проект того, что потом получило название «идеальное государство». В «Государстве», в частности, Платон пишет: «Поэтому давайте займемся мысленно построением государства с самого начала» [16, с. 402]. Он не предстает здесь как практик создания государства, но предлагает государство сначала построить мысленно. Таким образом, уже в эпоху античности заложены первые предпосылки проектирования.

Изучение эпохи Ренессанса показывает, что проблема проектирования и превращения механизмов нынешнего в будущее не исчезала с повестки дня того времени. Впервые стали строить в городах часовые башни, время экспроприруется

у Бога и становится аспектом деятельности человека. Анализ актов конструирования и теоретико-познавательных средств, с помощью которых строится феномен проекта, был проведен в новое время И. Кантом, который впервые показал, что между эмпирической и теоретической деятельностью выступает творческая сила производительного воображения, которая опосредствует эти когнитивные сферы актами конструктивизации. Именно он в своей «Критике чистого разума» ввел понятие «множество возможных миров», где возможный мир – это мир, который может быть или мог бы быть [8]. По отношению к миру, что существует, актуальному, он такая же реальность, но реальность не реализованная. Однако кто может доказать, что эта реальность не будет реализована, если сложатся необходимые условия? Создание этих условий – задание проектирования.

Исторический экскурс в постклассическую философию позволяет определить философские аспекты проектирования. В частности, Э. Гуссерль и М. Хайдеггер акцентируют внимание на саморазвитии и самореализации личности, на движении от предпосылок вещей к их проектированию, на формировании собственного опыта личностью, на переходе от внутреннего опыта к внешнему, определяя основной формой перехода именно проектирование. Постклассическая философия рассматривает проект как зондаж путей реализации определенных перспектив, выход на информационную зону будущего, целеустремленный процесс получения ожидаемого результата. Экзистенциальная философия утверждает, что человек и есть свой собственный проект. Так Ж.-П. Сартр указывает, что человек находится постоянно вне себя, но проектируя, он существует как человек. «Нет другого мира, кроме человеческого мира, мира человеческой субъективности, нет другого законодателя, кроме его самого, в замкнутости он будет решать свою судьбу, и поскольку мы показываем, что реализовать себя по-человечески человек может не путем погружения в самого себя, а в поиске цели извне» [17, с. 322].

Научное осмысление процесса и результатов проектирования как специального вида деятельности удалось определить на рубеже XX–XXI вв., когда складывается специфическая рефлексия и деятельность проектирования, развернута проектная терминология. Первую методологическую концепцию находим в трудах А. Розенберга, который ввел общие представления о процессе, массе процесса, организации процесса, организации морфологии, необходимости анализа процесса, что считается первым методологическим подходом в отрасли проектирования. Следующий этап в развитии проектирования – 20–30 годы прошлого века, когда в научном мире возникает потребность проектировать не только заводы и здания, но и социальные запросы. «Методологи проектирования убеждены, что проектировать можно всё: город, наглядную среду, науку, управление, поведение людей, системы деятельностей, образование и даже само проектирование» [22, с. 202].

Проектирование в образовании в XX в. приобрело также и практическое применение. Ярким примером образовательного проектирования в 20-х годах XX ст. является разработка проектной системы образования американским педагогом В. Килпатриком, которая базировалась на прагматизме Д. Дьюи, цель которой «проектирование человека, который умеет работать, постоянно проявляет свою инициативу, ставит себе масштабные практические задания и умеет их использовать» [22, с. 143]. Другим примером образовательного проектирования является авторский образовательный проект С. Френе «Школа успеха и радости», базирующийся на идеях гуманизма в отношении к формированию личности. Конечным результатом этого процесса является личность, владеющая «ядром ценностей» и «максимально развитая в разумно организованном обществе, которое будет служить ей и которому она будет служить» [19, с. 111]. Образовательный проект С. Френе получил популярность среди педагогов стран Европы, Америки, Африки, ломая общественные стереотипы консервативного образования, поддерживая идеи популярного на то время движения «Новое воспитание».

Основателями проектной парадигмы в отечественном образовании, по мнению Н. Зотовой, являются А. Макаренко и другие выдающиеся педагоги 20–30-х годов, которые выступили в роли конструкторов нового образования. По словам А. Макаренко, «всё лучшее в человеке, формирование сильной, богатой

натуры необходимо проектировать. К следующему поколению будут предъявлены измененные требования, причем изменения эти будут вноситься постепенно по мере роста и совершенствования всей общественной жизни» [11, с. 258]. Философская концепция образовательного проектирования А. Макаренко направлена на разработку своей «воспитательной технологии», поставив перед наукой и практикой проблему «проектирования личности». Идеи А. Макаренко актуализируют концепцию непрерывного проектного образования, совмещающего целевую установку с включением смысловых ориентиров личности, которые помогают выстроить значимую линию «сюжетного жизненного движения современного человека» [11, с. 53].

Современная опережающая (ноосферная) образовательная модель обуславливает изменение философии подготовки человека к жизни, философии образования, на которой базируются учебные и воспитательные технологии. В более широком понимании – разворачивается процесс социализации личности. Современное образование выполняет не только социальную функцию передачи знаний, опыта и культуры, от прошлых и нынешних поколений в будущее, но и выполняет функцию подготовки человека к опережающим действиям по выживанию в условиях глобализации и перехода к стремительному развитию. Решение приоритетных образовательных заданий возможно на принципах новой рационализации и прагматизма, фокусирующих внимание на воссоздании условий и структуры проблемных ситуаций, в которые попадает современный человек в своих взаимоотношениях с реальностью, на формировании умения предусматривать и прогнозировать будущее, умения предпринимать опережающие практические действия по выходу из кризисных ситуаций. Поэтому проектирование – это качественно новая философская образовательная модель, которая демонстрирует основные метанарративы образования, направленные на формирование инновационной личности.

Согласно мнению украинских философов, «сегодня современному обществу нужен не исполнитель, а творец. Деятельность от проблемы к заданию, от задания к проекту, от проекта к воплощению и защите предъявляет новые требования к образовательному пространству. Проектирование формирует мотивацию к творению, проявляются умения учитывать и преодолевать препятствия для достижения целей, формируется стойкая подчиненность мотивов, что способствует творческому и социальному становлению личности» [10, с. 8]. С. Крымский определяет образовательное проектирование как процесс «практизации» теоретических разработок, современных инноваций, заполнения гносеологического интервала между теорией и практикой. Философ считает, что «развитие современного образования показало невозможность автоматического сочетания теории и практики личностью. Для этого нужна особая промежуточная деятельность и ее социотехническое обеспечение. Такой особенной деятельностью и выступает в настоящий момент проектирование в образовательном пространстве, которое становится важнейшей формой организации научного знания и его связи с практикой, поскольку владение личностью научной теорией является универсальной формой теоретического познания современного мира, а проектирование является универсальной формой его конструирования, подготовки к жизни в изменчивом социуме» [10, с. 13].

В работах А. Забирко и А. Корбута проектирование отождествляется со способом человеческого существования в ситуации однозначно непредсказуемого будущего, с действиями разнонаправленных сил в динамически переменных условиях. Образовательное проектирование, соответственно, направлено на создание условий для овладения личностью основными способами благоустройства (рационализации) реальности, организацию многих факторов и тенденций, направленных на обеспечение эффективности социальной деятельности.

Методология российского философа Ю. В. Громыко представляет проектирование через структуру мышления и деятельность индивида, выделяя две стороны образовательного проектирования: нормирующую и перспективно ориентирующую. «Выделение теории и построение виденья будущего внутренне связаны в проектном мышлении, потому речь идет не о хаотичном строительстве будущего,

а о строительстве, которое осуществляется на основе особенной организации сознания, что в науке называется «проектное сознание» [4, с. 126].

Украинский ученый И. Г. Ермаков образовательное проектирование направляет на разработку перспективных вариативных моделей достижения нового качественного этапа развития современного образования, поскольку «проектирование является действенным инструментом для конструирования возможных будущих ситуаций, нахождения оптимальных альтернатив в процессе развития современного образовательного пространства» [6, с. 16]. Л. В. Сохань в своей философской концепции приоритетной задачей образования ставит создание условий для самореализации и творческого жизненного проектирования, определения жизненных стратегий. «Образование должно научить личность сознательно творить свою жизнь, разрабатывать собственную жизненную стратегию и правильно ее спроектировать», – пишет она [18, с. 262]. Украинский педагог Р. А. Ануфриева проектирование рассматривает через призму самопрезентации личности, своего творческого потенциала. «Познание и превращение мира начинается с активной изобретательности и удачного моделирования желаемого будущего, направленного на преодоление внешних препятствий и борьба за нужный результат» [2, с. 306]. В. Жадько акцентирует внимание на том, что образовательное проектирование «очерчивает духовно практическую среду личности, побуждает к самообразованию, активному участию в жизни социума, и, что важно, побуждает к творческой деятельности» [7, с. 20]. С. Шевцова успех современного человека связывает со способностью организовывать свою жизнь как проект: определять далекую и ближайшую перспективу, привлекать необходимые ресурсы, начертить план действий и объективно оценить достигнутый результат, то есть в совершенстве владеть проектным мышлением. «Образование XXI века должно помочь личности овладеть искусством жизни в таком обществе, которое мы не можем даже представить» [21, с. 224]. О. С. Полат проектирование в образовании называет «стратегией XXI века, которая помогает личности быть жизнеспособной, конкурентоспособной и мобильной» [10, с. 13]. Как видим, в контексте современных исследований проектное образование презентует себя как модель преодоления созерцательного отношения к учебе и жизни. Смысловой акцент смещается с познания на превращение, на участие в освоении жизненных и социальных ролей, которые готовят к жизни личность в динамическом мире.

Становление современной философии образовательного проектирования происходит под воздействием современных философских подходов, что стимулирует научное познание и практическое применение проектирования в образовательном пространстве. В данной статье мы ограничимся рассмотрением трех современных направлений философии образования, наиболее презентабельно иллюстрирующих, на наш взгляд, проблемы проектного образования. Один из них – неопрагматичное направление (А. Комбс, Э. Келли, А. Маслоу, К. Роджерс, Г. Рорти, С. Хук и др.), сводящее главную сущность образования к самоутверждению личности, усилению индивидуалистской направленности. Его представители исходят из признания внутренней детерминации поведения человека и оценки внешней среды, обладающей своими функциями контроля, критики, которые будут мешать самому выражению и росту личности. Они отстаивают произвольность в поведении, выборе и оценках личности, в чём видится источник ее активности, поскольку в своих действиях она руководствуется лишь своими желаниями и волей. Неопрагматики считают «реконструкцию человеческого опыта», «естественную учебу» и «любопытность» основными образовательными темами, раскрывающими преимущество развития практических умений и любопытности личности. В основу учебы, по их мнению, должна быть положена постоянно изменяющаяся реальность, а человек постоянно находится в познавательной ситуации, взаимодействуя с миром, изменяясь под его влиянием, развиваясь и трансформируя сам мир. Поэтому проектное образование находится в непосредственной связи с жизнью, представляя собой непрерывный процесс приобретения опыта в постоянно изменяющемся мире. В процессе проектирования осуществляется самовыражение присущих личности от рождения инстинктов и склонностей.

Эмансипаторско-педагогическое направление (критическая педагогика П. Фрейре, феминистская педагогика, граничная педагогика Г. Жиру, антипедагогика А. Иллича, революционная педагогика П. Макларена) отрицает образовательные концепции, которые не учитывают противоречий индустриального общества и влияния политики на образование; признаёт необходимость включения образования в движение за освобождение личности от господства отчужденных структур и идеологий, воспитания эмансипированных субъектов, способных к свободному дискурсу путем формирования в них критического мышления. Эмансипаторская педагогика основывается на таких трех позициях:

- 1) понимание образования как одного из источников несправедливости в современном обществе;
- 2) толкование образования в свете методологии М. Фуко как результата диффузии власти;
- 3) понимание образования, согласно П. Фрейре, как практики свободы, связанной с преодолением социальной несправедливости.

Соответственно, современная система образования должна быть направлена на поддержку освобождения человека от любого унижения, борьбы против классизма, сексизма, расизма, эйджизма.

Проектное образование – это та качественно новая образовательная модель, пропагандирующая проблемноориентированное образование, при этом образование – это политический акт, связанный с проблемой социального изменения, преодоления несправедливости в мире. Доминирующим компонентом проектирования выступает активность личности, реализация ее внутреннего потенциала, призвания. Как отмечает российский философ Л. Микешина, «современное образование состоит из двух касательных процессов: первый, по Гегелю, подъем индивидом всеобщему опыту и значению, поскольку человек от природы не бывает тем, кем он должен быть; второй – субъективизирование всеобщего опыта и знание в уникально-единичных формах «Я» и «самосознание». Поэтому проектное образование, выступая против «накопительного» знания, задает личности направление для трансгрессии, определяет вектор движения к запланированному будущему, когда происходит не просто накопление информации, усвоения открытых знаний, умений и навыков, а аккумуляция определенной информации, которая необходима для успешной реализации жизненных планов. Это, как у Даля, «давать вид, образ», направляя активность к определенному, представленному в мышлении объекту [12, с. 229]. Задачей проектного образования, согласно эмансипаторско-педагогическому направлению, является создание таких условий, в которых участники учебно-воспитательного процесса, обучаемые и обучающие, становятся «трансгрессорами», приобретают способность преодолеть границы своего социокультурного, исторического опыта, психоэмоционального, когнитивного поля путем опровержения существующих пределов знания и сознания новым путем привлечения разных культурных кодов с последующей их децентрацией и демистификацией.

Социал-конструктивистское направление в философии образования (Г. Будон, П. Жиральделли, Т. Б. Альвес-Маззотти др.) базируется на прагматизме, социологической теории познания (П. Бергера, Т. Лукмана), генетической эпистемологии Ж. Пиаже, феноменологии. Представители этого направления исходят из эмпирического тезиса о тождественности между высказываниями и реальностью, согласно которому реальность может выражаться лишь через личностную интерпретацию. Поэтому допускается многочисленность возможных интерпретаций объекта, сознательное конструирование субъектами учебного процесса социальной реальности в соответствии с их ценностными ориентациями с целью переосмысления существующего интеллектуального опыта, формирования новых знаний. Проектное образование формирует личность, которая умеет правильно формулировать глобальные цели своей жизни и, исходя из этого, определять промежуточные цели: получать образование, создавать семью, карьеру и т. д.; аргументировать выбранную жизненную позицию, конструировать повседневное существование; владеть рефлексивным мышлением, самоконтролем, объективной самооценкой.

Диалогическое направление в современной философии образования (М. Бубер, Ф. Розенцвейг, О. Розеншток-Гюсси и др.) абсолютизирует роль диалога в межчеловеческих отношениях, признает его как доминирующий принцип построения образовательного процесса. Поэтому в поле зрения исследователей – вопрос о взаимосвязи субъектов образования в ситуации их встречи. Как отмечает М. Бубер, человечность и человечество формируются при формальных встречах, где человек находит себя и самоутверждается среди бытия других. Именно во время встречи осуществляется право и необходимость видеть истину, в которой душа «достигает себя со стороны осеняемой светом души другого человека» [3, с. 98]. Образовательный процесс – это диалогическое взаимодействие, которое в той или иной мере обусловлено стихией охватывания, когда одновременно опыт достижения личного действия и действия партнера по диалогу ведет к конструктивному результату, влияет на становление личности. Диалог в образовании учит мышлению и развитию мысли, дает возможность восхождения к смыслу, выполняет функцию поиска новых научных истин, взаимно обогащает участников образовательного процесса, способствует толерантности и учит восприятию Другого – как других культур, так и других людей, что выступает толчком для последующей самореализации, проектирования своего жизненного пространства. Коллективное соучастие, сотрудничество значительного числа индивидуальных агентов образовательного взаимодействия, способных критиковать, менять мнения, идеи, взгляды играют решающую роль при поиске ошибок, проверке гипотез и теорий, способствуют формированию творческого, вероятностного, поискового мышления. Представители коммуникативной философии К.-О. Апель, М. Бубер, О. Больнов, С. Франк, К. Ясперс и др. обращают внимание на то обстоятельство, что человек онтогенетический не начинается с субъект-объектных отношений. Я как что-то обособленное не существует, а приобретает смысл и значение лишь в коммуникативной взаимосвязи «Я – Ты». Коммуникация является выражением способности человека к сосуществованию, выступает неопровержимым условием жизни. Проектное образование предусматривает организацию учебного процесса как создание участниками образовательного взаимодействия условий, способствующих совместному осуществлению поиска и рождению знаний. Проектная деятельность является творческим коммуникативным действием, которое связано не только с передачей известных, но и с продуцированием новых смыслов в сообществе обмена знаний и информации, в «сообществе практики» (community of practice).

Целью проектного образования выступает личность, которая определяется такими коммуникативными характеристиками, как: умение взаимодействовать с другими людьми, объектами вещественного мира, информационным пространством; стремление исполнять разные социальные роли в группе и коллективе; умение использовать современные коммуникационные технологии; владение толерантностью, терпимостью, умением прощать и одновременно отстаивать свою точку зрения.

С позиции названных направлений философии образования можно сказать, что проектное образование сегодня это: формирование самоосознающей и самодостаточной личности; диалогическая диада педагогического взаимодействия всех участников образовательного процесса; инновационный процесс, развивающий критическое и проектное сознание; становление инновационной личности.

Следовательно, проектное образование – это качественно новая образовательная модель, которая имеет свои исторические корни, собственную философскую концепцию, сориентированную на подготовку нового поколения, которое умеет предусматривать и прогнозировать будущее, предпринимать опережающие практические действия по выходу из кризисных ситуаций, прогнозировать действия по выживанию в условиях глобализации и информатизации. Приоритетной задачей образовательного проектирования является переход от учебы, обеспечивающей репродуктивное восприятие, к учебе, формирующей поисковоориентации, творческий подход, конструктивные способности современного человека.

Библиографический список

1. Андрущенко В. Философия образования XXI века: поиск приоритетов // Философия образования. – 2005. – № 1. – С. 6–15.
2. Ануфриева Р. А. Проект и проектирование в современной цивилизации // Метод проектов: традиции, перспективы, жизненные результаты. Практико-ориентированный сб. – К. : Департамент, 2003. – Вып. 2. – С.306.
3. Бубер М. Диалог // Два образа веры. – М. : Республика, 1995. – С.94–124.
4. Громько Ю. В. Проектное сознание. – М. : Институт ученика Пайдея, 1998. – 551с.
5. Дьюи Д. Реконструкция в философии. – М. : Логос, 2001. – 168 с. ; Философия образования / под ред. В. Андрущенко, И. Предборской. – Киев, 2009. – 230 с.
6. Ермаков И. Г. Метод проектов в контексте жизненных результатов деятельности учащихся // Метод проектов: традиции, перспективы, жизненные результаты. Практико-ориентированный сб. – К. : Департамент, 2003. – Вып. 2. – С.16.
7. Жадько В. Проектная деятельность и духовность личности учителя // Метод проектов: традиции, перспективы, жизненные результаты. Практико-ориентированный сб. – К. : Департамент, 2003. – Вып. 2. – С.20.
8. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным. – М. : Эксмо, 2007. – 736 с.
9. Кошманова Т. С. Неопрагматизм как современная философия американского образования. Американская философия глазами украинских исследователей // Мат-лы Всеукр. науч.-практ. конф., 22 дек. 2005 г., Полтава. – 2005. – С. 120.
10. Крымский С. Б. Проект и проектирование в современной цивилизации // Метод проектов: традиции, перспективы, жизненные результаты. Практико-ориентированный сб. – К. : Департамент, 2003. – Вып. 2. – С. 6–15.
11. Макаренко А. С. Опыты методики работы детской трудовой колонии. Педагогические сочинения // Макаренко А. С. Сочинения в 8 т.Т.1. – М. : Педагогика, 1983.
12. Микешина Л. А. Философия познания. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – С. 229.
13. Полат О. С. Проект и проектирование в современной цивилизации // Метод проектов: традиции, перспективы, жизненные результаты. Практико-ориентированный сб. – К. : Департамент, 2003. – Вып. 2. – С. 115.
14. Предборская И. М. Революционная педагогика П. Макларена // Философия образования.– 2009. – № 1–2 (8).– С. 237–251.
15. Радченко Н. В. Феномен диалога в образовательном процессе // Філософіяосвіти.2010. – № 1–2 (9). – С. 154.
16. Розин В. М. Этюды по социальной инженерии: от утопии до организации. – М. : Прогресс, 2002. – 421с.
17. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с франц. В. И. Колядко.– М. : Республика, 2000. – 639с.
18. Сохань Л. В. Проектирование жизни : концепция и психологический механизм // Метод проектов: традиции, перспективы, жизненные результаты. Практико-ориентированный сб. – К. : Департамент, 2003. – Вып. 2. – С.262.
19. Френе С. Избранные педагогические произведения / пер. с франц. В. Лубенко. – М. : Прогресс, 1990. – 201 с.
20. Философия образования / под ред. В. Андрущенко, И. Предборской. – Киев, 2009. – 230 с.
21. Шевцова С. Использование проектирования в формировании одаренной личности // Метод проектов: традиции, перспективы, жизненные результаты. Практико-ориентированный сб.– К. : Департамент, 2003. – Вып. 2. – С. 224.
22. Юлина Н. С. Очерки по философии США. XX век.– М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 304 с.

© Гулько О. В.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

УДК – 82 (091)

ЧТО НИ ГОРА, ЧТО НИ ОЗЕРО – ВСЮДУ ЛЕГЕНДЫ ОБ ЭТОЙ ЗАЧАРОВАННОЙ ЗЕМЛЕ

Л. А. Гукалова

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 276»,
г. Гаджиево Мурманской области, Россия

NEITHER MOUNTAIN NOR LAKE – THERE ARE LEGENDS EVERYWHERE ABOUT THIS CHARMING PLACE

L. A. Gukalova

Secondary comprehensive school № 276, Gadjievo the Murmansk region, Russia

Summary. I love northern region with my whole heart. I love the land of white silence for this courageous and majestic fight which the men directed there. Anymore, I love my land for its mysteries which many generations will try to guess.

Key words: Mysteries of the North; the Northern lights; travelling across the Kola Peninsula; seitas; explorers.

*Пусть каждый выскажет свое мнение, не беспокоясь о том,
что другие думают не так, как он. Надо иметь терпимость
к чужим мнениям. Нельзя заставить всех думать одно.*

В. Г. Белинский

Пусть недолюбливают и чураются северной земли те, кто бывал здесь заезжим гостем, и те, кто вовсе не бывал и не собирается сюда; пусть иронически улыбаются «ветераны Севера», которые сидели здесь по обязанностям, по долгу службы, ожидая, когда наступит срок или удачный предлог уехать отсюда. Пусть. Я люблю этот край всей душой, всем сердцем, ведь это моя родина. Люблю страну белого безмолвия за ту мужественную и величавую борьбу, которую ведёт здесь человек. Люблю вьюгу, которая, не утихая ни на час, неделями, а то и месяцами воет, как голодный волк, над нашим маленьким городком моряков-подводников, продувая насквозь дома, сбившиеся в беспорядке на скалистом неровном берегу. Ещё очень люблю свой край за его тайны, которые будет пытаться разгадать ещё не одно поколение.

На Крайнем Севере, где живут саамы, нет другого народа, историю и этнографию которого изучают уже более четырёхсот лет. С незапамятных времён рассказывали: где-то на севере Европы есть таинственная Лапландия – страна холода и мрака. Люди там ходят в звериных шкурах, без промаху стреляют из лука и умеют колдовать – по желанию даже летом могут вызвать снежную бурю. Бывает, рассказывали ещё старые мореплаватели, что небо там загорается, и прокатываются по нему волны зелёного и малинового огня.

Что здесь правда? А почти всё. Действительно, на территории нынешних четырёх стран: Норвегии, России, Финляндии и Швеции издавна живут охотники и рыболовы саамы (раньше их называли лопарями). Были они меткими стрелками, а одежду и обувь шили – и сейчас шьют – из шкур оленя. Что же до снежных бурь летом, то они и сейчас случаются – безо всякого колдовства. Полярным северным сиянием любуемся каждый год. И всё же хранит народ ещё свои тайны.

Десятки учёных посвятили свою жизнь разгадыванию многих загадок, связанных с происхождением и духовной культурой этих северных аборигенов, однако и до сих пор исследователям далеко не все ясно. Самобытная материальная и духовная культура саамов представляет большой познавательный и научный интерес. В основе их дохристианских верований лежали тотемистические (первобытный культ тотемов) представления, культ гор, камней, деревьев, животных

и обожествление различных явлений природы. Особенно распространено было поклонение священным камням – сейдам.

На туристских тропах Кольского полуострова встречаются сейды. От простых нагромождений камней их отличает кладка – валуны поставлены друг на друга. Сооружение по форме отдаленно напоминает фигуру человека или какого-то существа с головой. По саамским верованиям, в эти камни воплотились божества и духи. По отношению к человеку сейды могли быть и злыми, и добрыми. Саамы старались расположить их в свою пользу: приносили жертвы – мясо, сало, кровь оленей или другие угощения – и поклонялись сейдам.

Во всех трудных случаях жизни сейдам приносили жертвы, чтобы они способствовали хорошему улову, удачной охоте, давали хорошую погоду и т. п. Жертвоприношения совершались около самих сейдов: место, где стоял священный камень, считалось святым. Женщины к сейдам, как к родовой святыне, не допускались. Пока сейд оставался семейной, родовой собственностью, жертву ему приносил глава семьи, рода; в тех местностях, где сейды превратились уже в богов общественных, утратили исключительный характер божеств родовых или семейных, жертву сейду приносил «нойд». Лопари-охотники отдавали в жертву сейду ноги (крылья) и голову своей добычи. Лопари-рыболовы мазали свои сейды рыбьим жиром, и, когда он засыхал под лучами солнца, полагали, что сейд съел жертву.

«Кончался промысел сёмги, наступала пора ловли оленей, затем переезд в леса. Саам-хозяин шёл к сейду, приносил ему свою жертву – табак или голову рыбы, или украшения из сукна. Он испрашивал совета, разрешения на переезд. По приезде в леса саам нёс свою жертву священному дереву, в котором также жил сейд. Весною опять жертва и моление по поводу переезда к берегам моря, где опять надо было помолиться сейду», – писал А. Кастрен. Сейдам, стоявшим на высоких, недоступных местах, жертву приносили следующим образом: смачивали камень оленьей кровью и затем бросали в сторону сейда.

Датировка святилищ остаётся нерешённой, поскольку не обнаружено следов саамских жилищ и находок, позволяющих определить время возникновения святилищ. Появились сейды ещё в языческую эпоху, но саамы почитали их и совершали жертвоприношения уже будучи христианами. У древних обитателей Кольского полуострова и Карельского Беломорья в дохристианское время существовало два религиозных культа: высших богов и священных камней – сейдов. В местностях, где была сильно развита вера в высших богов, где им приносили частые жертвы, культ сейдов отходил на второй план, и, наоборот: там, где культ высших богов был развит слабее, почитались сейды. Хотя и в разной степени, культ сейдов бытовал на всей территории обитания саамов, исследователи, сообщавшие о верованиях древних лопарей, всегда упоминали и о сейдах. На островах Белого моря – Немецком и Русском Кузовах – саамы создали настоящие пантеоны своих каменных божеств. Эти святилища были открыты и исследованы экспедицией Карельского историко-краеведческого музея под руководством И. М. Мулло.

Сейды на Большом Немецком Кузове – это огромные угловатые валуны, поставленные на «ножки» – мелкие камни. На верхней плоскости сейда, как правило, установлено несколько небольших камней, а под ними в некоторых случаях – разноцветные мелкие камешки.

Другие сейды, меньшего размера, имеют разные формы. Среди них выделяются сейды в виде грубого скульптурного бюста человека. Это валуны, напоминающие по форме и размерам верхнюю часть человеческого туловища, на которых лежат камни, имеющие форму головы человека, птицы или собаки. Поставленные спереди цилиндрической формы камни напоминают вытянутые руки.

Третья, наиболее многочисленная группа, – среднего размера и разной формы валуны, на возвышенную часть которых установлены один или несколько камней размером с булыжник. С этими сейдами связана интересная поморская легенда об «окаменевших немцах». Предание повествует о том, что когда-то очень давно, «немецкие люди» (так поморы называли шведов) хотели напасть на Соловецкий монастырь. В море их застигла буря. «Немцы» укрылись на северных Кузовах. С вершины горы острова они видели белокаменные стены Соловецкого монастыря. Но частые бури на море не позволяли плыть дальше. Однажды, когда

«немецкие люди» сидели за трапезой вокруг костра, бог покарал ворогов, превратив их в камни. С той поры и называется тот остров Большим Немецким Кузовом. Основой легенды послужило историческое событие начала XVII века, связанное с попыткой шведского отряда совершить нападение на Соловецкий монастырь со стороны Кузовов, и саамское поверье о превращении человека в камень.

Памятники второго святилища сохранились на вершине Лысой горы острова Русский Кузов. Здесь насчитывается до двухсот сейдов. Среди них несколько своеобразных, напоминающих по форме каменную «бабу». Поставленная вертикально продолговатая гранитная плита подпирается с обеих сторон двумя плитами округлой формы. В саамских сказках рассказывается о появлении такой каменной «бабы». Например, в сказке «Морская бабушка» говорится: «...Моресь-аканчъ... вмиг окаменела, и стала она главным морским сейдом, добрым духом моря. Много раз саамы-промышленники к каменной бабушке ходили, китовые позвонки ей в подарок приносили, рыбу всякую. И всем она удачу в морском промысле давала.

Много лет прошло, столько, что и не сосчитать. Стоит и стоит сейд – большой камень над морем возвышается».

В обоих святилищах памятники, как правило, установлены на пологих скалистых склонах, с которых хорошо видны море, проливы между островами, места рыбного и зверобойного промысла.

В 1973–1974 годах учёные обследовали группу сейдов, расположенных на скалистой возвышенности в полутора километрах от поселка Серебрянский на правом берегу реки Воронья. Валуны высотой от 0,7 до 3,5 метра, поставленные на три или четыре «ножки» – таков внешний вид сейдов. Под основаниями трёх сейдов были найдены мелкие гранитные и кварцевые отщепы. Возможно, в прошлом саамы носили их в качестве магических амулетов. Многие сейды напоминают силуэтные изображения морских животных и птиц. Вероятно, саамы связывали их с тотемными животными.

Имеются сообщения исследователей о местонахождениях отдельных священных камней. Финский учёный А. Кастрен, изучавший саамов в 50-х годах XIX века, в своих путевых заметках передаёт рассказ об одном сейде, стоявшем на берегу озера Сейдь.

Русский этнограф Н. Харузин путешествовал по Кольскому полуострову и сообщает предание, связанное со священным камнем, находящимся недалеко от Печенги, в тундре Уч-Ойв. Он упоминает и о горе Сидовар (недалеко от Чалмозера), около которой в старину совершались жертвоприношения. В соответствии с желанием приносящих жертвы священная гора даровала ту или иную погоду.

Геолог В. Визе во время обоих путешествий по Кольскому полуострову, в 1910 и 1911 годах, знакомился с культом священных камней у ловозерских саамов. Ему удалось узнать, что на Сейдозере находятся три сейда, из которых самым популярным считается «куив», что по-лопарски означает «старик». Этот сейд стоит на северном берегу озера и хорошо виден. В. Визе сообщает также, что в юго-восточной части Хибинских гор находится гора Коашва. С неё к Умбозеру спускаются два лога. Наверху лога, что ближе к вершине горы, лежит священный «дикарский камень». Отправляясь на охоту за дикими оленями, лопари приносили здесь жертвы, полагая, что удачный исход охоты зависит от священного камня. В чём состояли эти жертвы в прежние времена, ему не удалось узнать, но во время пребывания у саамов В. Визе отмечал, что они поднимаются на гору Коашву и оставляют около «дикарского камня» в качестве жертвы несколько пуль.

Итак, в начале второго десятилетия 20 века почитание сейдов на Кольском полуострове ещё не совсем исчезло среди саамов. Сейд (или «сейде», «сейте», «сайво») по-саамски – «священный камень». В словаре Е. Линдаля сейды определяются как каменные или деревянные изображения, которые употреблялись лопарями в их религиозном культе. Почти сходное толкование даёт Кастрен: «Сейды означают идолов, которыми лопари пользовались при колдовании». Г. Дюбен усматривает в сейдах главным образом домашних богов, покровительствующих либо лопарской семье, либо отдельной личности.

Наиболее верное, на мой взгляд, определение даёт немецкий путешественник И. Шеффер, посетивший Лапландию в XVII веке. «Слово сейд, – пишет он, –

обозначает всякого рода божественность». В правоте Шеффера убеждает следующее: шведский путешественник Торнеус упоминает, что саамы имеют каменные изображения бога Сторьюнкаре и в некоторых местностях Лапландии называют их сейдами. Кроме того, сам Шеффер сообщает, что «изображение бога грома Тиермеса саамы делают из дерева и такое изображение также называют сейдом. Видимо, под сейдами древние саамы понимали всякий предмет, который, по их мнению, обладал чудодейственной, волшебной силой».

Некоторые исследователи (Моне, Дюбен, Н. Харузин) объясняют происхождение сейдов поклонением предкам. Н. Харузин зафиксировал одно предание о происхождении сейда от предка. В камень превратился большой колдун «нойд». Он предупредил сыновей и внуков, что уходит на гору Уч-Ойв, где и окаменел. Камень на этой горе имеет вид сидящего человека. Предполагается, что саамы некогда отмечали места погребения умерших камнем. «Раз в эти камни вселяется дух предка, – писал Н. Харузин, – раз этот камень есть даже просто окаменелый предок, и сейду даётся название, тождественное с названием душ усопших («сайво») или домашнего духа («Сторьюнкаре»), то чем другим можно объяснить поклонение камню, как не тем, что культ предка был перенесён на стоящий одиноко камень, около которого в честь умершего совершались жертвоприношения».

По мнению других исследователей (В. Визе, С. Паулахарью, И. М. Мулло), саамский сейд – покровитель, владыка рода, дающий промысловое счастье приносящему жертвы. В поклонении сейдам у древних саамов проявлялись две линии верований. С одной стороны, сейды рассматривались как покровители промыслов (сейды зооморфного вида), с другой, – этот культ связан с поклонением предкам (сейды антропоморфного вида).

Часть саамских сейдов – естественного происхождения (камни и скалы необычной формы), иные представляют собой каменные пирамиды.

В. Чарнолуский так описывает антропоморфный сейд, расположенный недалеко от Большого Верхнекаменного погоста: «Высота истукана – 128 сантиметров, наибольшая окружность головы – 128–129 сантиметров. Издали каменная фигура напоминает приземистого человека в печке (своеобразная старинная саамская одежда из оленьего меха). Весь «человек» сложен из семи больших плоских камней, только голова имеет вид усечённой пирамиды – четырёхугольного основания с вершиной (т. е. лицом), обращённой к востоку. Семь маленьких камней-прокладок вложены между большими камнями. Отсутствует камень, изображающий шапку... Вокруг истукана достаточно свободного места – здесь, вероятно, происходили общие собрания старцев погоста, приносились жертвы этому каменному богу, производились гадания. Он грубо сложен из камней, и притом так, что действительно производит впечатление божества».

Следы культа камней в той или иной мере обнаруживаются у всех народов тундровой зоны Евразии, от Кольского полуострова до Камчатки.

«Что ни гора, что ни озеро – всюду легенды об этой зачарованной земле», – писал известный советский этнограф Владимир Чарнолуский.

Библиографический список

1. Коренева Л. А., Коренева А. В., Махиборода Н. А. Край наш северный. – Мурманск : НИЦ «Пазори», 2004.
2. Меркурьев И. С. Живая речь Кольских поморов. – СПб., 1998.
3. Мужиков В. Г. Географический словарь Мурманской области. – Мурманск : Кн. изд-во, 1996.
4. Пантелеева Л. Г., Лявданский Э. К. Храни огонь родного очага. – Мурманск : Мурманский государственный педагогический институт, 1993.
5. Сборник саамских сказок «Семилетний стрелок из лука». – Мурманск : Кн. изд-во, 1990.

© Гукалова Л.А.

**ТЕНДЕНЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ:
ДВУЯЗЫЧИЕ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНОВ**

И. М. Куликова

**Сургутский государственный университет, г. Сургут, Ханта-Мансийский
Автономный Округ–Югра, Россия**

**TRENDS CROSS-CULTURAL INTERACTION:
BILINGUALISM IN THE CULTURAL SPACE OF REGIONS**

I. M. Kulikova

Surgut State University, Surgut, Khanty-Mansi Autonomous District-Yugra, Russia

Summary. The article deals with the problem of bilingualism from the position of cross-cultural communication. Bilingualism as a speech practice and as interaction in the sphere of literary work is analyzed in the context of such processes of cultural interaction. In this aspect, it can be regarded as the result of cultural integration, and as a criterion for the delimitation of the processes of interaction of cultures.

Key words: cross-cultural interaction; bilingualism; acculturation; assimilation.

Стремительное расширение культурных контактов и обмена в современном мире, заимствование культурных ценностей, миграции индивидов и целых групп из одной культуры в другую привели к резкому увеличению сфер общения, в том числе и на языковом уровне. Распространение двуязычия в речевой практике носителей разных языков и проникновение его в сферы профессионального творчества становится характерной особенностью культуры регионов, на территории которых сосуществуют разные народы.

Признавая верным утверждение В. Хаугена о том, что всё, связанное с двуязычием, соотносится не столько с самими языками, сколько с ситуацией общения между представителями разных культур, рассмотрим явление двуязычия-билингвизма в русле концепций межкультурной коммуникации. В работе мы будем использовать данные социологических опросов, проведённых в Ханты-Мансийском автономном округе, и опыт некоторых этнических литератур Западной Сибири, где билингвизм способствует формированию оригинального художественного стиля.

Феномен двуязычия активно разрабатывался и в русском языкознании (Л.В. Щерба, Е.М. Верещагин, В.А. Виноградов, Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, Л.П. Крысин, М.В. Дьячков и др.), и в зарубежной лингвистике. В западной науке социо- и психолингвистический аспекты билингвизма исследовались в работах У. Вейнрайха, В. Хаугена, Р. Белла, Дж. Гамперца, Г. Клосса, Ч. Осгуда, С. Эрвин-Трипп, Б. Гавранка, А. Табуре-Келлер и др. Однако само понятие остается недостаточно разработанным. Наряду с расширительным толкованием билингвизма как владения двумя языками (в словарях Ж. Марузо, О.С. Ахмановой, Г.А. Зограф, А.И. Кравченко и др.) существует более строгое его понимание как поочередного использования двух языков в разных ситуациях: «... Двуязычие (билингвизм) – это не только и не столько способность и возможность переключения на другой язык, но и реальное закрепление функций двух...языков за разными сферами общения». Билингв – «не тот, кто свободно пользуется одним из языков в одних и тех же ситуациях..., а тот, кто в различных ситуациях общения пользуется разными языками...» [3, с.47, 54–55]. В российской этнологии билингвизм определяется как «функционирование двух языков для обслуживания нужд этнического коллектива и его отдельных членов; отличается от простого знания ещё одного языка наравне с родным и предполагает возможность пользоваться разными языками в различных жизненных ситуациях» [5, с. 288]. Данные социологических опросов, проведённых в районах ХМАО, показывают, что в практике бытового общения представителей коренных этносов региона можно выявить наличие как одного, так и другого понимания двуязычия. Так, анализ опросных листов, приведённых в работе Т.Г. Харамзина и Н.Г. Хайруллиной [7, с. 177–178], а также устные свидетельства представителей автохтонов позволяют сделать следующие

выводы. При ответе на вопрос об их этнической принадлежности общее количество опрошенных в районах компактного проживания различных коренных этносов, например, Кондинском и Белоярском, составило 158,5 и 124,8 % соответственно. Это может означать только то, что 58,5 % респондентов в одном районе и 24,8 % в другом идентифицировали себя одновременно с двумя этносами, считали себя принадлежащими к двум народам, а, следовательно, в практике бытового общения в одних и тех же ситуациях пользуются разными языками, нередко смешивая языки. Вместе с тем двуязычие в детстве отметили в Кондинском районе только 11,3 % (русский и ханты – 3,6 %, русский и манси – 7,2 %, русский и ненецкий – 0,5 %). В Белоярском районе двуязычие отмечено у 27,6 % респондентов (русским и ханты владели в детстве 25,3 %, русским и манси – 1,1 %, русским и ненецким – 0,6 %, русским и коми – 0,6 %). В тех районах, где совместно проживают коренные и пришлые этносы, показатель билингвизма выше. Так, в Берёзовском районе двумя языками в детстве (преимущественно русским и родным) владели 12,0 % ханты, 14,0 % манси, 2,0 % ненцев, а также 2,0 % – языками манси и коми, то есть в целом – 30 % респондентов. В Октябрьском районе из 67,6 % опрошенных представителей автохтонных этносов двуязычие отметили 18,4 % респондентов: русским и ханты владели с детства 11,6 %, русским и манси – 6,8 %. Но здесь интересны другие показатели: к ханты отнесли себя 32,1 % опрошенных, но языком детства хантыйский язык считали 12,2 % из них. Соответственно к манси отнесли себя 20,7 % и только 6,1 % считали его языком детства, к ненцам – соответственно 14,8 и 0,7 %. Русский языком детства назвали 61,9 % респондентов. Ещё более странная ситуация сложилась в Конде. Родным языком (языком детства) считают 1,4 % из 23,7 % относящих себя к ханты, 8,1 % из 64,1 % манси, 0,9 % из 25,2 % ненцев, 0,5 % из 45,5 % коми. Русский язык языком детства здесь назвали 77,9 % респондентов. Отличаются показатели соотносённости этнической идентификации с родным языком и в Белоярском районе: язык ханты считали родным 23,1 % из 36,5 % опрошенных, язык манси – 2,8 % из 2,7 %, ненецкий – 1,1 % из 58,3 %, коми – 0,6 % из 27,3 %. Русский язык языком детства назвали 45,1 % респондентов.

В связи с этим встаёт вопрос о понимании родного и «другого» языка. Понимание родного языка не определено достаточно чётко и осуществляется на основе разных критериев. С позиций этнологии может быть принято понимание родного языка как «языка этноса, с которым данный человек себя идентифицирует (язык этнической самоидентификации) и с которым его идентифицирует его окружение (язык этнической идентификации)» [3, с. 18]. Родной язык нередко проявляет себя только в форме устных видов речевой деятельности. При этом уровень владения языком этнической самоидентификации может быть различным. Так, этнические диаспоры, существующие длительное время в окружении сильного инокультурного влияния, часто демонстрируют практически полное незнание или слабое владение родным языком. Значительная часть писателей Западной Сибири создают свои произведения на русском языке, хотя родной язык эти писатели знают и пользуются им в практике общения внутри своих этнических групп.

Что касается «второго» языка, то в качестве такового выступает, как правило, язык доминантной культуры, нередко имеющий статус государственного или языка межнационального общения. Этот язык может стать доминирующим языком билингва (о чём свидетельствуют, в частности, данные приведённых выше социологических опросов). Вслед за У. Вейнрайхом примем понимание доминирующего языка как языка, которым билингв в данный момент наиболее полно и глубоко владеет и который он наиболее широко использует (хотя доминирующий язык зависит от меняющихся характеристик, изменения языковой среды, от отношения к языку и других факторов).

Если соотнести приводимые выше показатели этнической самоидентификации респондентов четырех районов ХМАО и признаваемые ими языки в качестве родного языка (то есть языка детства), можно сделать следующие промежуточные выводы. Прежде отметим полную ассимиляцию селькупов, ибо следов их языка не выявлено. Селькупы вместе с ненцами населяли Среднее Приобье до прихода туда угорских племён. Ненцы и пришлые коми («вырванные» из своей языковой среды) также подверглись сильнейшей ассимиляции со стороны угров

и русских. Особенно это заметно в Кондинском, Белоярском и Октябрьском районах. Напомним: в Белоярском районе ненецкий язык считали родным 1,1 % из 58,3 % респондентов, коми – 0,6 % из 27,3 % (дома говорили на коми 0,6 и 0 % на ненецком). В Кондинском районе из 25,2 % считавших себя ненцами дома говорили на нём лишь 0,5 %. А далее ситуация несколько парадоксальна. В районах с большей численностью коренных этносов ассимиляция в их среде более сильная, в районах присутствия значительного числа пришлых этносов степень ассимиляции автохтонов ниже. Так, в Берёзовском районе языки ханты, манси и русский имели примерно одинаковую степень употребления (с учётом двуязычия русский язык несколько более распространён). В Кондинском районе – самый высокий уровень ассимиляции (77,9 % назвали русский язык родным, то есть языком детства). В Октябрьском районе русский язык в качестве языка детства считают 61,9 % респондентов. В Белоярском районе наблюдается частичная ассимиляция ханты: 23,1 % из 36,5 % хантыйский язык считали родным; 45,1 % респондентов назвали русский язык в качестве языка детства. Однако для выявления полной картины, следует выявить степень разделённости (разграниченности) сфер употребления языков, закрепление языков за разными сферами общения.

В связи с активной разработкой феномена двуязычия в социолингвистике были выделены два типа соотношения языковых кодов – смешанный (compound) и координированный, или координативный (coordinate), который значительной частью учёных считается основой билингвизма [4]. Р. Белл выделяет шесть групп отношений между языком и культурой, среди которых мы выделяем бикультурно-смешанный и бикультурно-координированный типы билингвизма. Смешанный билингвизм предполагает наличие «единой концептуальной системы», что не равнозначно наличию единой культурной системы. Исследователь считает, что такое тождество возможно при возникновении некой «смешанной культуры» [1, с. 173–175.]. Бикультурно-координированный билингвизм ориентирован на обращение к двум разным культурам. При этом два языка функционируют относительно независимо друг от друга. И хотя все исследователи по проблемам языковых контактов свидетельствуют, что билингвы не соблюдают разделённость языковых систем, что реально существует некий «симбиоз» координативности/смешанности двуязычия, тем не менее разделение сфер функционирования двух языков выделяется в качестве параметра подлинного (чистого – у Л. Щербы, координированного – у Ч. Осгуда, С. Эрвин-Трипп, координативного – у У. Вейнрайха) билингвизма.

Данные социологических опросов показывают, что, например, в районах ХМАО [7, с. 183–184] можно найти примеры как координированного, так и бикультурно-смешанного билингвизма. Конечно, здесь речь пойдёт в основном о соотносённости коренных и русского языков, поскольку данная территория оказалась в зоне преимущественного влияния русскоязычного населения. Анализ данных социологических опросов показал наличие функционального разграничения языков, использование разных языков в профессиональной и бытовой сферах. Наиболее резкое увеличение доли русского языка в профессиональной сфере (общение на работе по сравнению с употреблением в домашнем общении) и уменьшение роли языка ханты было отмечено в Октябрьском районе: соответственно с 0 % (дома) до 97,2 % (на работе) и с 83,6 % (дома) до 0,7 % (на работе). Та же тенденция, хотя и в меньшей степени, коснулась других этнических языков. Очень существенное увеличение доли русского языка в профессиональной сфере произошло в Берёзовском районе – с 47,1 % (дома) до 76,5 % (на работе) – и уменьшение роли языка ханты – с 7,8 % (дома) до 2,0 % (на работе). Но одновременно было выявлено небольшое увеличение доли двуязычия (языки русский и ханты) – с 17,7 % (дома) до 18,8 % (на работе). Вместе с тем снизился процент двуязычия с манси – соответственно с 17,7 % до 2,0 %. И практически без изменения употребляются в названных сферах язык манси (3,9 %) и двуязычие с ненецким и коми (по 2 %). Русский язык стал основным языком общения в профессиональной сфере (78,8 %) и в быту (60,1 %) в Белоярском районе. С учётом двуязычия этот процент увеличился на 31,2 % в быту и на 11,8 % на работе и составил в обеих сферах свыше 90 %. Но самый большой процент доли русского языка наблюдался в Кондинском районе: 93,2 %

в быту и 97,3 % на работе. Здесь отмечалась значительная ассимиляция манси: из 64,1 % относящих себя к этому этносу респондентов 3,2 % говорили на родном языке дома, ещё 2,2 % владели двуязычием на бытовом уровне и в профессиональной сфере 0,9 % общались на манси и 0,9 % на двух языках. Фактически произошла полная ассимиляция ханты: из 23,7 % дома говорят на родном языке только 0,5 % и 0,9 % – на работе (двуязычие не отмечено ни в одной из сфер). Таким образом, происходит интенсивное вытеснение родных языков из сферы профессиональной деятельности. Процент двуязычия в этой сфере незначителен. В бытовой сфере двуязычие (смешанный билингвизм) сохраняется в большей степени, но и здесь происходит постепенное вытеснение родных языков, усиливается процесс ассимиляции культур коренных этносов.

Сравнение статистических данных за 1994 и 1997 гг. по трём районам (Берёзовскому, Октябрьскому и Ханты-Мансийскому) показывает, что осознание утраты этнического языка как угрозы будущему своего народа возросло с 43 до 47 %. Это рассматривалось как вторая по значимости опасность для будущего северных этносов. На третьем месте указывалась утрата национальных обычаев и традиций. Причину вытеснения родных языков из всех сфер общения исследователи справедливо видят в «сложности совмещения традиционно-культурного типа развития этноса и внешней для него социально-культурной среды, создаваемой современным индустриальным типом развития. Оптимальный выход здесь, казалось бы, в двуязычии – владении родным языком и языком межнационального общения, то есть русским. Но поскольку сферы и среды применения родного языка ограничены, объективно возникает как сложность формирования двуязычия, так и опасность последующего вытеснения родного языка языком межэтнического общения» [6, с. 60–61]. Невозможность сохранения традиционных отраслей производства в условиях современного экономического уклада и немногочисленность коренных этносов действительно создают большие сложности для сохранения родного языка. Осознание угрозы полной утраты языка, возможно, объясняет, почему в районах смешанного проживания этносов процент хорошо знающих родной язык нередко выше, чем в других районах. Так, в Берёзовском районе русский язык знали лучше 43,8 % респондентов, язык ханты – 16,7 %, манси – 12,5 %, ненецкий язык – 2,1 %. Высок здесь и процент двуязычия: в целом он составлял 25 %. А в Кондинском районе в качестве языка, который знают лучше других, 80,2 % опрошенных назвали русский язык, 7,2 % – ненецкий, 5,9 % – манси, 1,8 % – ханты. И только 5 % хорошо владели двуязычием. В Октябрьском районе почти 70 % респондентов знали русский язык лучше других, язык ханты знали 11,0 %, и по 8,0 % – языки манси и ненецкий. Около 3 % хорошо владели двумя языками. Идеальнее всего ситуация выглядела в Белоярском районе: русский лучше других знали 25,3 % респондентов, ханты – 23,0 %, ненецкий – 19,7 %, манси – 8,4 %, коми – 3,9 %. Двуязычие здесь отметили лишь в одном варианте – русский и ханты (20,0 %) [7, с. 183].

Таким образом, наличие двуязычия в каждой из сфер жизнедеятельности – бытовой и профессиональной – может служить доказательством наличия смешанного билингвизма. Вместе с тем значительное расхождение показателей употребления разных языков в разных ситуациях общения свидетельствует о присутствии координативного билингвизма. В целом в устном общении, безусловно, разделённость языковых систем соблюдается редко.

Наличие в реальной практике культурного общения двух типов билингвизма – координативного и смешанного – своеобразно преломляется в художественном творчестве. В региональной этнической литературе, создаваемой преимущественно писателями-билингвами на языке доминантной культуры, с нашей точки зрения, наиболее ярко проявляются тенденции взаимодействия двух языков, представляющих коренные и доминантную культуры. «Переплетение» двух языков в едином тексте придаёт этим произведениям своеобразный облик благодаря особому сплаву в единой стилиевой манере лингвоментальных единиц и образности различных языковых систем.

Произведения, созданные писателями-билингвами, являют собой, прежде всего, образец координативного или бикультурно-координированного билингвизма, поскольку являются результатом функционального разделения сфер

употребления двух языков. Так, значительная часть современных литераторов Западной Сибири не владеют родным языком. Статус русскоязычных писателей имеют и те, кто владеет родным языком, но пишет преимущественно на языке доминантной культуры (Е. Айпин, Ю. Шесталов, А. Неркаги, Ю. Вэлла, Т. Молданова и др.). Образование, в том числе профессиональное, они получили на русском языке, изучение лаборатории творчества, систему изобразительных средств – в границах традиций и опыта русской культуры. Их произведения, хотя и несут колорит этнической культуры, вписаны в русскую литературную традицию. Многие из них занимаются государственной, общественной, научной, педагогической деятельностью, то есть, связаны преимущественно с областями функционирования русского языка. Сфера использования родного языка сужена до пределов проживания их этнических групп, ограничена сферой устного общения либо отсутствует вообще.

Вместе с тем писатели активно вводят в текст лингвоментальные единицы из родного языка, используя традиционные для русской литературной практики приёмы. Билингвизм в такой ситуации становится механизмом «переключения» языковых либо культурных кодов. Языковые переключения в таких текстах часто связаны с введением собственных имён, переводом на русский язык «говорящих» имён и названий. Например: «Когалым-Лор с хантыйского переводится «Озеро, Где Вымер Мужчина». Западносибирские нефтяники из «ЛУКойл» почему-то именно так назвали свою столицу» (Ю. Вэлла). Нередко введение слов и выражений из родного языка (L1) оформляется как приложение либо с помощью функционально идентичных синтаксических конструкций L2: «Золотая Богиня – Сорни-най», «ПойксянСяньхотал – сакральный день молитв», «Что ты гонишь Уринэкви, охранительницу свою?» (Ю. Шесталов); «быки-хоры», «плел жильники – вар сахл», «Ворнги-Тылысь – Вороны месяц – апрель» (Е. Айпин); «Торумвайлын! Видишь, боже небесный...», «Страшно... Астюх!» (А. Конькова, Г. Сазонов). Такое повторение сообщения на двух языках в их текстах становится стилистическим приёмом, выполняющим функцию воссоздания особого этнического мировосприятия и колорита. Дополнительный эмоциональный эффект достигается даже в том случае, когда в тексты вводятся «семантически пустые конструкции» (Р. Белл) – междометия, звукоподражания, вульгаризмы из L1: «Ы-ы-у-у... Елноер! – ругались старики» (А. Конькова, Г. Сазонов, «И лун медлительных поток»). При отсутствии номинации концепта в языке L2 писатели используют лексические единицы L1 для выражения некоего конкретного значения, которое они стремятся передать в образной форме. Например: «Говорит он, точно струны санквалтапа трогают. И я вижу мир, невидимый моему глазу» (Ю. Шесталов). Нередко передача значения концепта сопровождается развёрнутым описанием явления и может растянуться на всё произведение («Синий ветер каслания», «роман-камлание» «Откровение Крылатого Пастора» Ю. Шесталова). Художественный эффект создаётся и введением имён языческих богов и мифологических персонажей. В подобных случаях через языковое переключение, оформленное с помощью лексики L1, одновременно осуществляется переключение культурного кода.

Переключение культурного кода может осуществляться латентно, на уровне ментальных концептов. В этих случаях переключение будет осуществляться через внутреннюю форму L2 (то есть выражение ментального концепта одной культуры на языке другой культуры), через ритмику, через синтаксическое переключение (как синтаксический приём), поскольку осознание своей этнической принадлежности зачастую не связывается со знанием соответствующего языка, как считают этнопсихологи. Подобное переключение можно наблюдать в ненецкой, хантыйской, мансийской литературе России. Потому в таких текстах присутствует немало фольклорно-мифологических реалий, воспринимаемых как символы и философские категории, и связанных с ними народных поверий (Хозяйка чума, Дух огня, Дух оленя – у А. Неркаги; Дом, Очаг, Отец, Мама, Солнце, Богиня – у Е. Айпина). Имена персонажей часто восходят к архетипическим образцам (Матерь Детей – у Е. Айпина, Апраксинья – Журавлиный Крик и шаман Волчий Глаз – у А. Коньковой, Г. Сазонова); названия селений соотносимы с реалиями места (Гора Осеннего Селения – у Е. Айпина), что подчёркивает особенности этнического мировосприятия. В текст нередко включены иноязыковые эквиваленты лингвоментальных

единиц – народных афоризмов, пословиц, поговорок. Например: «Жизнь не охота, повадки зверя в ней ни к чему», «Душа не хвост, ею не помашешь (А. Неркаги); «Жизнь не имеет предела», «Зачем чужое, когда есть своё» (Е. Айпин). Переключение кодов осуществляется и через введение культурогенных концептов. К таковым относятся мировое дерево; кедр, сосна, ель, лиственница, берёза; медведь, олень и др. Нередки примеры наложения нескольких разноментальных концептов. Подобные «совмещения» можно обнаружить при анализе концептов «медведь», «рассвет» и др. В целом можно говорить о том, что любое переключение кодов – языковых либо культурных – в художественном тексте направлено на создание образной (метафорической) картины мира.

Выявленные примеры переключения языковых и культурных кодов – на языковом, ритмическом, образном, структурном уровнях – подтверждают следующее. Во-первых, налицо разделение сфер функционирования двух языков; во-вторых, охват сфер функционирования второго (неродного, ставшего доминирующим) языка оказывается шире и больше, чем родного, то есть присутствует многофункциональное владение неродным, вторым языком. В своё время А.А. Леонтьев писал о «процессе редукции», приводящем к «полному» владению иностранным языком или «мышлению» на иностранном языке. Поскольку язык обуславливает способ мышления народа, а язык мышления определяет способ познания мира (Сепир-Уорф), постольку изменение языка ведёт к смене способов мышления и познания. Поскольку национальный характер всякой культуры выражен в языке посредством особого видения мира, а внутренняя форма языка – это выражение «народного духа» (В. Гумбольдт), то есть язык выражает специфические черты ментальности того или иного народа, постольку смена языка ведет к смене ментальности. Попытка проникнуть в дух чужого языка – важнейшая особенность этнической литературы Сибири; писатели «создают свою литературу на чужом им русском языке», отсюда «творческий конфликт писателя, вынужденного думать на языке чужой культуры, и края, у которого есть свой «язык»», – отмечают исследователи [2, с. 35]. Профессиональная культура народов Сибири создана в основном маргиналами, находящимися в пространстве между двумя культурами и испытывающими – в разной степени – чувство раздвоенности; перенесшими отношения со своей «корневой», «материнской» культурой из сферы материальной в сферу духовную. Потому исследователи подчёркивают маргинальность их мышления (М. Литовская, О. Лагунова, Д. Самсон, В. Огрызко и др.). Следовательно, мы сталкиваемся с явлением неполной ассимиляции. О полной ассимиляции в данной ситуации говорить нельзя, поскольку литераторы сохраняют этническую самоидентификацию. При смене языка в профессиональной сфере они сохраняют родной язык в бытовом общении и некоторые особенности этнического мировосприятия, миропонимания.

Подводя итог самому общему и первоначальному рассуждению о феномене билингвизма в современном культурном пространстве регионов – как результате и одновременно критерии разграничения процессов межкультурного взаимодействия – можно утверждать, что процессы взаимодействия культур приводят к культурной интеграции во многих областях культуры. В реальных исторических условиях результаты контактов во многом определяются конкретными социокультурными условиями коммуникаций народов. Двужычие в широком понимании, или «смешанный билингвизм», когда два языка могут употребляться в одной и той же ситуации, не сопровождается сменой этнокультурной идентичности и сужением сферы функционирования родного языка либо – теоретически – может оформиться в некую синтетическую форму, идентифицируемую с иным (новым) культурным образованием. Пока такое смешение не произошло, «смешанный» билингвизм представляется возможным рассматривать в русле процесса аккультурации. «Координированный» билингв в определённом смысле принадлежит двум разным культурам и языкам. В ситуации, когда доминирующим языком билингва остаётся родной язык (при наличии сильного инокультурного влияния), можно говорить о процессе аккультурации. Если сфера функционирования «неродного» языка шире и касается профессиональной и других сфер деятельности, происходит постепенная замена языка этнической (само)идентификации неродным,

доминирующим в культурном пространстве билингва. Это ведёт к смене способа мышления и, в конечном счёте, к смене мировоззренческих и ценностных основ на ментальном уровне. Начинается процесс «растворения» в другой культуре, или процесс ассимиляции, сопровождающийся утратой родного языка и этнической идентичности. Степень ассимиляции может быть различной – от ситуации маргинальности (самоощущения на стыке двух культур) до так называемой «билингвальной шизофрении» (Э. Трипп), то есть ощущения смены своей личности при смене языка, а на более глобальном уровне – смены культурной идентичности. Но вместе с тем в ситуации бикультурно-координированного билингвизма человек не может утратить свою идентичность окончательно. Лингвокультурная маргинальность стала культурной реалией современности. Это находит отражение в художественном творчестве русскоязычных писателей: несоблюдение разделённости языковых систем (координативности / смешанности), приводит к созданию особой стилистической манеры повествования. Билингвизм в этом контексте можно рассматривать как способ переключения языковых и культурных кодов и одновременно как критерий разграничения начавшегося процесса ассимиляции.

Если сфера функционирования родного языка шире, чем неродного, если налицо более частое его употребление, его доминирование по степени употребления в обыденной жизни и профессиональной деятельности, но вместе с тем носитель владеет и активно пользуется языком доминантной культуры, в таком случае имеет место явление аккультурации. Активное внедрение русского языка в практику общения «малых» народов во многих случаях приводит к частичной смене культурных парадигм, но не приводит к изменению этнической самоидентификации и способности мыслить на этом языке. К явлениям такого типа можно отнести профессиональное творчество этнических писателей, создающих свои произведения на родных языках (П. Салтыков, А. Сенгепов, М. Вагатова, У. Шульгина и др.). Явление аккультурации, согласно анализу социологических опросов, присутствует в исследуемом регионе, но не является доминирующим процессом. В гораздо большей степени распространено явление ассимиляции. Изучение данных социологических исследований, проведённых в ХМАО, убедительно доказывает усиление процесса исчезновения языков коренных народов, а вместе с этим – и ассимиляции их культур. Сохранение отдельных элементов культуры селькупов и исчезновение этого языка на исследуемой территории свидетельствует о полной ассимиляции этноса. Весьма сильной ассимиляции подверглись коми и ненцы. В меньшей степени этот процесс коснулся народов ханты и манси. Однако нынешнее состояние языковой сферы этносов свидетельствует об активном вытеснении их языков из всех сфер жизни и профессиональной деятельности. Встаёт вопрос о реальной угрозе потери автохтонных культур и исчезновении коренных языков.

Библиографический список

1. Белл Р. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. – М.: Международные отношения, 1980. – 310 с.
2. Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. – 260 с.
3. Маркосян А. С. Очерк теории овладения вторым языком. – М.: УМК «Психология», 2004. – 382 с.
4. Осгуд Ч., Эрвин-Трипп С. Усвоение второго языка и билингвизм // Психоллингвистика. – Блумингтон, 1965.
5. Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология. – М.: ИЦ «Академия», Высшая школа, 2000. – 304 с.
6. Удалова И. В., Мархинин В. В., Выдрин Г. А. Динамика межэтнических отношений в Югре (по материалам социологических исследований 1991–2009 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе) / отв. ред. Ю. В. Попков. – Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2010. – 176 с.
7. Харамзин Т. Г., Хайруллина Н. Г. Обские угры: социально-экономическая ситуация на пороге третьего тысячелетия. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2000. – 186 с.

© Куликова И. М.

**ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА КАК ОДИН
ИЗ СПОСОБОВ КОДИРОВАНИЯ СМЫСЛА**

А. Ф. Сагитова

**Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия**

**THE INNER FORM OF WORDS AS ONE WAY TO METHODS
OF CODING OF SENSE**

A. F. Sagitova

**Bashkir State Pedagogical University named after. M. Akmulla, Ufa,
the Republic of Bashkortostan, Russia**

Summary. The article is devoted to the cultural codes in the Russian language. The article examines the inner form of words as one way to methods of coding of cultural sense.

Keywords: code; cultural code; the inner form of words.

В XXI веке в лингвистике активно развивается направление, рассматривающее язык как культурный код нации, а не просто средство коммуникации и познания. Фундаментальные основы такого подхода были заложены трудами В. Гумбольдта, А. А. Потебни и др. учёных, «утверждающих тезис о том, что границы языка нации означают границы мировоззрения конкретного человека, ибо человек только тогда становится человеком, когда он с детства усваивает язык и вместе с ним культуру своего народа. Все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует в себе мир и человека в нём» [3].

Понятие «код» впервые появилось в научно-технической среде (вычислительной технике, кибернетике, математике, генетике). Необходимость в культурном коде возникает тогда, когда происходит переход от мира сигналов к миру смысла. Мир смысла – это те значащие формы, которые связывают человека с миром идей, образов и ценностей данной культуры. Другими словами, кодом считают модель и правила формирования ряда конкретных сообщений. Все коды могут быть сопоставлены между собой на базе общего кода, более простого, всеобъемлющего. Сообщение, культурный текст может быть по-разному прочитан в зависимости от используемого кода. Код позволяет проникнуть на смысловой уровень культуры, без знания кода культурный текст окажется закрытым, непонятным, не воспринятым. Человек будет видеть систему знаков, а не систему значений и смыслов.

В своей работе «О кодовых переходах во внутренней речи» Н. И. Жинкин определяет код как «систему материальных сигналов, в которых может быть реализован какой-нибудь определённый язык» [4, с. 26]. Он говорит о буквенном, звуковом, речедвигательном, предметном, субъективном и предметно-изобразительном коде.

В лингвистике некоторые исследователи (В. И. Беликов, Л. П. Крысин, Н. Б. Мечковская) под кодом понимают «языковые образования (язык, территориальный или социальный диалект, городское койне), то есть те варианты языка, которые используют участники данного коммуникативного акта» [7, с. 14].

В. М. Савицкий определяет код как «генеративно-интерпретативное начало языковой системы», как «язык в функции генератора текстов при порождении речи и в функции регенератора смыслов при понимании речи» [9, с. 24]. Следовательно, знаковую систему именуют кодом тогда, когда рассматривают механизмы возникновения и функционирования текстов на её основе.

Таким образом, при помощи кодов можно вскрыть информацию разных уровней кодирования.

Понимание есть перекодирование с «чужого» кода на «свой». Усвоенный «чужой» код ассимилируется субъектом и обычно присоединяется к «своему».

Но иногда код остаётся для субъекта «чужим», т. е. человек не принимает его душой. Таковы коды, содержащие идеи и ценности, несовместимые (или плохо совместимые) с когнитивно-аксиологической системой данного индивида [2].

В. М. Савицкий отмечает, что одной из входящих в культуру подсистем является обширная парадигма образов, выполняющая знаковую функцию в процессе общения. В неё входят «... образы, почерпнутые из хозяйственной практики, ритуалов, игр, расхожих житейских представлений, поверий, фольклора, мифологии, религии, литературы и т. д.

Образные знаки, извлечённые из «текстов культуры» (как вербальных, так и невербальных), со временем могут отрываться от них, обретать относительную самостоятельность и, в свою очередь, способствовать созданию новых текстов культуры» [9, с. 117]. Эти «парадигмы образов» обретают знаковую форму и имеют «переменную субстанцию плана выражения» [2]. Таким образом, они могут воплощаться в живописи, скульптуре, архитектуре, музыке, лексике и др. Следовательно, коды пронизывают всю культуру. Их взаимодействие – это «перевод» информации с одних кодов на другие, и как следствие, преобразование и создание новой информации.

В современных лингвистических исследованиях код рассматривается как важное понятие лингвокультурологии. Правила его прочтения «задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора» [6, с. 19]. Следовательно, код вырабатывается и функционирует в культуре. В этом случае говорят о существовании «кодов культуры» (культурных кодов). Д. Б. Гудков, В. В. Красных подчёркивают, что «код культуры» представляет собой передачу материального и духовного опыта (достижений, нравственных заветов), выработанных человечеством в период реальной истории. То есть, истории, подтверждённой материально и имеющей свидетельства (артефакты и описания, письма, летописи, дневники, отзывы путешественников).

Понятие культурного кода используется в качестве ключа к пониманию культурной картины мира. Культурный код – это ключ к пониманию данного типа культуры; уникальные культурные особенности, которые достались народам от предков; это закодированная в некой форме информация, позволяющая идентифицировать культуру. Культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. Это культурное бессознательное – не то, что говорится или чётко осознаётся, а то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступках. Культурный код нации помогает понимать поведенческие реакции.

В рамках семиотического (знакового) подхода культура представляется как система коммуникаций, обмена информацией, а явления культуры рассматриваются как система знаков. Возможности понимания и трансляции культуры могут реализовываться с помощью различных знаковых систем (или языков культуры): естественного языка, фольклора, традиций, предметов быта, охоты или другого вида деятельности, ритуалов, обрядов, церемоний, этикета, типа жилища, посредством художественных образов разных видов искусства, письменного текста и многого другого. Язык культуры – это совокупность всех знаковых способов вербальной (словесной) и невербальной коммуникации, с помощью которых передаётся культурно значимая информация. Назначение языков культуры заключается в том, чтобы отразить смыслы культуры, т. е. то содержание, которое не может быть выражено непосредственно и однозначно. Эти смыслы имеют несколько уровней:

- *верхний* – это так называемый здравый смысл, который уже проявился на уровне сознания, рационализированный и общепринятый;
- *самый глубокий* – это непроявленное содержание, связывающее человека с миром ценностей, законов, образцов поведения данной культуры;
- *средний, располагающийся между этими крайними уровнями*, – это те горизонтальные смыслы, которые и нуждаются в кодах культуры, т. е. в особых смысло-различимых признаках.

Если все феномены культуры рассматривать как факты коммуникации, как сообщения, то понять их можно лишь в соотношении с кодом, потому что связь

знаковых систем с отражаемой ими реальностью не является непосредственной. Код обнаруживается тогда, когда различные феномены сравниваются между собой и сводятся в единую систему. Поэтому код строится как система смысловых признаков.

В качестве основы для культурного кода может послужить любой комплекс чувственно воспринимаемых реалий действительности – флора, фауна, явления природы, оружие, орудие труда, хозяйственная утварь, одежда, пищевые продукты, здания и прочие артефакты. А также культурные сценарии (трудовые процессы, празднества, игры, состязания, битвы, шоу, торги и другие социокультурные трансакции).

Одним из способов кодирования смысла можно считать внутреннюю форму слова, так как она содержит информацию о происхождении, истории, национальном поведении определённого этноса, составляющие, таким образом, содержание культуры и воплощающие в себе культурные коды.

Внутренняя форма слова обладает этнокультурным содержанием. Такое этнокультурное содержание представляет:

- а) не объективированную в знаке часть концепта – когнитивного субстрата значения;
- б) экстралингвистические знания, расширяющие и углубляющие первичные представления об объекте познания;
- в) этноязыковые смыслы, косвенно исходящие от знаков первичной номинации, послуживших деривационной базой для вторичной номинации;
- г) коммуникативно-прагматические смыслы, рождённые в процессе взаимодействия языковых значений в соответствующих речевых и ситуативных контекстах [1, с. 139].

Внутренняя форма слова может быть живой, ясно воспринимаемой и мотивирующей семантическую (словообразовательную) связь с образующей основой. Например: *ротик* – маленький рот. *Нательный* – надеваемый прямо на тело (нательное белье). *Подорожник* – сорная трава, которая обычно растёт возле дорог. *Летун* – «тот, кто летает». *Незабудка* – та, которая не забывает или не забывается. *Желток* – жёлтая середина яйца. *Подсолнух* – растущий под солнцем. *Богомол* – насекомое, которое напоминает позу молящегося человека. *Вьюнок* – растение, которое вьётся.

Внутренняя форма слова вскрывает какой-нибудь признак предмета, на основе которого произошло наименование. Так, например, птица *горихвостка* некогда поразила человека своим необычайно ярким (словно горящим) хвостом. Этот поразивший человека признак и был положен в основу названия данной птицы.

На способ номинации могут влиять различные факторы: место, способ, форма, особенности звукового восприятия, время появления, запах, сходство с чем-либо и т. д.

Выявляя и анализируя признаки, закладываемые человеком в основу названий предметов окружающей действительности, мы можем косвенно судить о том, каково было мышление народа в ранние периоды его существования, реконструировать в какой-то степени в основных чертах когнитивную картину мира.

По выражению Ю. С. Маслова, внутренняя форма слова – «сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова» [5, с. 113]. Именно во внутренней форме слова содержится многовековой опыт когнитивно-оценочной деятельности человека. Так, внутренняя форма слова чертополох хранит в себе национально-культурную информацию. Название травы *чертополох* (образовано сложением древнего, общеславянского слова *черт* и *полох* «тревога, испуг») восходит к мистическому значению. «Чертополох» – полошит чертей, враг нечистой силы. В давние времена верили, что это растение наделено сверхъестественными свойствами. По М. Фасмеру, это «колючее растение применяют для окуливания хлебов, чтобы охранить скотину от нечистой силы и болезней» [10, с. 348]. Слово *полох* устарело, а родственный глагол *полохнуть* («ударить с силой») теперь по стилю просторечный (полохнуть дверь). Наименование *волчье лыко* (луб молодой липы, ивы и некоторых других деревьев, разделяемый на слои и узкие полосы) своим происхождением

обязано тому, что у кустарника необычайно прочная кора. Русский человек назвал этот кустарник из-за ядовитых плодов. Внутренняя форма этого слова сигнализирует о том, чтобы его не применяли в пищу. Название гриба *мухомор* представляет собой сложное существительное, семантика которого складывается из внутренней формы производящих основ: «морить» + «муха». Ядовитый гриб, отваром из которого раньше в деревнях морили мух.

Таким образом, внутренняя форма слова является одним из способов кодирования культурных смыслов. Анализ культурных кодов позволяет реконструировать отдельные фрагменты языковой картины мира.

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Бувевич А. А. Язык сквозь призму культурных кодов. URL:<http://sibac.info>.
3. Головкин Ж. С. Культура и язык: аспекты взаимодействия. URL: <http://cyberleninka.ru>.
4. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. – М., 1964. – № 6. – С. 26–38.
5. Маслов Ю. С. Введение в языкознание: учеб. для вузов. – М. : Высшая школа, 1987. – 272 с.
6. Маслова В. А. Национальные ценности и язык: духовный код культуры // Лингвистика. – 2010. – № 2 (20). – С. 19–30.
7. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. – М. : Аспект-Пресс, 2000. – 207 с.
8. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. – М. : Прайм-Еврознак, 2003. – 672 с.
9. Савицкий В. М. Английская фразеология: проблемы моделирования. – Самара : Самарский ун-т, 1993. – 172 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. – М. : Терра, 2008. – Т. IV, 670–671.

© Сагитова А. Ф.

КАРТИНА МИРА В РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ (МИКРОКОСМ)

Р. Х. Хайруллина, Р. А. Пожидаев

**Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия**

**LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD IN RUSSIAN
WORD FORMATION (MICROCOSM)**

R. Kh. Khyayrullina, R. A. Porzidaev

**Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa,
the Republic of Bashkortostan, Russia**

Summary. The article deals with particularities of Russian suffixal word formation as a fragment of linguistic picture of the world.

Key words: affix; national particularity of a derivative; linguistic picture of the world; cognition; word-building pattern.

Как известно, язык служит не только средством формирования и передачи мыслей, но и отражает способности классифицирующей деятельности ума, то есть мыслительной деятельности человека в процессе познания мира. Это находит выражение и в словообразовании, когда посредством словообразовательных аффиксов, моделей и деривационных значений маркируется то, что имеет аксиологическую значимость для народа – носителя языка. В таком случае, как отмечает Т. И. Вендина, «словообразовательная система языка предстаёт в виде своеобразной классификации человеческого опыта» [1, с. 45].

Антропоцентрические подходы к описанию языковых единиц разных уровней дают возможность рассмотреть, наряду с другими уровнями, и словообразовательную систему как механизм вербализации общечеловеческого и национального опыта познания мира человеком, и в первую очередь – в области самопознания, а именно описания своего бытия.

Культурологический аспект словообразования сегодня находится лишь в стадии разработки. В трудах дериватологов говорится о наличии национальной специфики у отдельных словообразовательных аффиксов, моделей, освещаются некоторые вопросы формирования картины мира в словообразовании (Е. С. Кубрякова, Т. И. Вендина, И. Г. Милославский и др.). Однако проблема описания словообразовательной картины мира до сих пор является актуальной. Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что, несмотря на то, что словообразование является «строительным» уровнем языка и оперирует в основном структурными единицами – морфемами для создания новых слов, оно также не лишено культурологически значимого содержания. Морфемы, казалось бы, не способны закреплять или отражать лексическую семантику, так как они (особенно служебные) не несут самостоятельных лексических значений, их значения либо лексико-грамматические (словообразовательные), либо грамматические. Однако мыслительная деятельность человека на уровне деривации так же выявляет пути формирования концептуальной и языковой картины мира, как и другие уровни языка.

Отражение осмысления онтологических связей между понятиями в когнитивной деятельности человека обуславливает вербализацию связей между языковыми единицами. Так, осмысление того, что есть действие и субъект, выполняющий это действие, предмет и субъект, умеющий пользоваться этим предметом, и другие характеристики человека, передаваемые через систему деривационных значений, формирует в языках разные словообразовательные модели. Например, модель образования отглагольных имён существительных со значением деятеля. Сравним: русск. читать – читатель, англ. read – reader, турецк. okumak – okur или модель образования имён существительных от существительных же с конкретным значением: русск. гармонь – гармонист, англ. Accordion – accordionist, турецк. motosiklet – motosikletçi.

Сами аффиксы, образующие производные слова в разных языках, универсальны по онтологическому содержанию, национальным является только их формальная сторона. Большой интерес вызывает развитие определённого класса аффиксов уже внутри конкретной языковой системы, что отражает особенности национального миропонимания.

Большую роль в вербализации когнитивно-оценочной деятельности человека играют суффиксы, «посредством которых классифицируется в русском языке всё разнообразие предметов мира» [2, с. 136]. И, прежде всего, микрокосм – сам человек, его внешние и внутренние свойства и качества, его тело, душа, эмоции и состояния, речемыслительная и физическая деятельность, поведение и межличностные отношения в социуме.

Вербализация внешних и внутренних качеств человека в словообразовательной картине мира обуславливается не только самими суффиксами, характеризующими определёнными деривационными значениями (деятеля, носителя признака, обладателя каких-то предметов и т. д.), но и возможностью *выбора* определённого суффикса при образовании производного слова с учётом внеязыковых знаний говорящего и лингвокультурологических традиций народа, носителя языка. Это находит выражение в семантической дифференциации деривационного значения суффиксов одного грамматического класса в процессе когнитивной деятельности человека. Наиболее ярко это видно на примерах имён существительных, образованных от одного и того же глагола с помощью разных суффиксов.

И. Г. Милославский пишет: «Значение многоморфемного слова ... представляет собой ... не простую сумму значений составляющих слово морфем. Не вызывает сомнения тот факт, что приращённое значение представляет собою функцию от семантики в слове соположенных морфем. Например: суффиксальные образования от названий лиц обозначают представителей, приверженцев, сторонников идей и соответствующих лиц: *кантианец, эпикуреец, прудонист* и т. д.

Суффиксальные образования от прилагательных, выражающих модальное качество, обозначают лиц, обладающих этими качествами: *подлец, скупец, гордец*;

Суффиксальные образования от глаголов, выражающих обычные для человека действия, обозначают лиц, совершающих указанное действие больше «нормы»: *говорун, хохотун*» [3, с. 21].

Тезис об особенностях развития значений суффиксов под влиянием внеязыкового опыта человека можно проиллюстрировать на примере одной словообразовательной категории в русском языке. Суффиксы со значением деятеля в русском языке многочисленны и разнообразны по своему деривационному значению, но в каждом конкретном случае формирования семантики производного слова они придают ему – слову – специфическое значение. Роль познавательной деятельности человека в формировании словообразовательной системы, таким образом, можно проследить на дериватах одной словообразовательной категории.

Так, в словообразовательную категорию с общим значением «наименование лица по действию» объединяется несколько словообразовательных типов. От глаголов образуются имена существительные с помощью суффиксов *-тель, -чик, -ик, -ец, -ун* и др. (около 10 суффиксов), причём от одного и того же глагола могут образовываться несколько имён существительных с разными суффиксами, обозначающими «деятеля».

Например: *жить* – *житель, жилец*; *петь* – *певец, певчий, петух, певун*; *играть* – *игрок, игрец, игрун*; *плакать* – *плакса, плакун, плакальщица*; *летать* – *летчик, летун, летяга*, *писать* – *писец, писарь, писака, писатель* и так далее.

Формирование семантики деривата с этими суффиксами обусловлено, во-первых, особенностями семантической структуры производящей основы, а во-вторых, особенностями миропонимания говорящего человека.

Рассмотрим это на конкретных примерах. Глагол «играть» имеет более 15 значений. Из них на базе трёх отдельных значений образуются имена существительные со значением «деятеля» – *игрун, игрок, игрец*.

Например: *Жнец, косец* и на дудке *игрец* (поговорка). *Кот-игрун. Игрок* футбольной команды.

Помимо своего словообразовательного значения, эти суффиксы имеют определённые коннотации, оценку, что также является результатом мыслительной деятельности человека. Суффиксы *-ок* и *-ец* можно рассматривать как синонимичные, обозначающие лицо, *знающее, умеющее*, разбирающееся в выполняемой деятельности, однако суффикс *-ец* добавляет иногда оттенок «профессионального знания». Ср. *чтец* – актер, профессионально занятый художественным чтением вслух, публичным исполнением литературных произведений, *игрок* – профессионал в области спорта, каких-либо соревнований. Суффикс *-ун* обозначает лицо, *любящее* заниматься определённой деятельностью или же лицо, которому выполняемое им действие доставляет удовлетворение, удовольствие (для забавы, для души) или неудовольствие (ср. *болтун, говорун – молчун; певун* – «охотник петь»), либо выполняющее действие сверх меры (*хохотун*). В вышеприведённой пословице слова *косец, жнец и игрец* включают в свою структуру суффикс с универсальным словообразовательным значением («тот, кто *умеет* косить, жать и играть на дудке»), а в современном русском языке произошла дифференциация значений, что получает закрепление в лексикографическом толковании слов с этими суффиксами. Для передачи значения – «тот, кто *умеет* что-л. делать профессионально» в образовании слова используются суффиксы *-ок* и *-ец*, а для передачи значения – «тот, кто *любит* что-л. делать или делает это действие *сверх меры*» суффикс *-ун*. Причём, частотность употребления того или иного суффикса для образования новых слов также различна (ср. суффиксы *-ец* и *-ок* и суффикс *-ун*).

Таким образом, при образовании существительного от глагола говорящим учитывается и онтологически обусловленная смысловая информация. Можно сказать, что в ходе развития когнитивной деятельности человека происходит дифференциация значений некогда синонимичных суффиксов со значением деятеля для более глубокого осознания действительности.

Деривационное значение суффикса, обозначающего деятеля, может менять своё значение в ходе культурно-исторического развития общества. Так, суффиксы *-тель, -щик, -чик*, имевшие некогда единственное деривационное значение «наименование лица по действию, деятель», получают новое значение – «устройство, механизм для выполнения каких-либо действий» (*выключатель, выпрямитель, счётчик*). Этот факт можно объяснить только экстралингвистическими причинами, а именно влиянием научно-технического прогресса на развитие языка: ручной труд стал механизированным, а машины заменили человека в выполнении многих трудовых процессов.

Все суффиксы, посредством которых описывается микрокосм (человек – его внешние и внутренние качества, его действия и поведение) можно классифицировать по идеографическому признаку, то есть по тем понятийным семам, благодаря которым формируется семантика производного слова.

Как отмечается в «Грамматике русского языка» (М., 1970), суффиксы имеют следующие деривационные значения, включающие антропоцентрическое содержание: «деятель», «человек, обладающий предметом N», где N – мотивирующая основа, «человек, характеризующийся активным действием» и т. д.

Мотивирующей основой для таких производных слов могут выступать глаголы, именные части речи. Производное слово является по частеречной принадлежности глаголом, именем существительным или прилагательным. В первом случае суффикс обозначает признаки человека как деятеля, во втором – как носителя предметного или качественного признака. Назовём данные разряды слов, ярко отражающие, на наш взгляд, онтологическую сущность аффиксов.

1. Суффиксы, характеризующие человека с точки зрения его действий и поступков (отглагольные существительные).

А) *суффиксы со значением субъекта действия («деятеля»):*

-тель (учитель, спасатель), -щик (мойщик), -чик (летчик), -льщик (болельщик), -арь (пахарь), -аль (враль), -лец (кормилец), -ец (жнец), -ака (писака), -ак (вожак), -ня (сводня), -енник (предшественник) и т. д.

Б) *суффиксы со значением носителя процессуального признака:*

-ач (хохмач), -уля (капризуля), -ох(а) (выпивоха), -ушк(а) (хохотушка), -ень (увалень), -аг(а) (бродяга), -л(о) (трепло), -лк(а) (балаболка) и т. д.

2. Суффиксы, характеризующие человека с точки зрения предметного признака (отсубстантивные существительные).

А) суффиксы со значением носителя предметного признака:

-ист (гармонист), -ач (бородач), -ник (затейник), -щик (банщик), -ак (рыбак), -арь (псарь) и др.

Б) суффиксы со значением незрелости:

-онок (медвежонок), -енок (ягненок), -еньш (змееныш) и т. д.

В) суффиксы со значением внешнего интенсивного признака:

-ат (бородастый), -аст (глазастый), -ист (шелковистый) и др.

3. Суффиксы, характеризующие человека с точки зрения качественного признака (отадъективные существительные):

А) суффиксы со значением носителя признака:

-ик (старик), -ец (ленивец), -янк(а) (смутлянка), -ул(я), -юл(я) (грязнуля), -уг(а), -юг(а) (жадюга), -ин(а) (жадина) и т. д.

Б) суффиксы со значением носителя действительного признака:

-к(а) (невидимка), -ыш (оборвыш) и др.

4. Суффиксы, характеризующие человека с точки зрения свойств характера (отглагольные прилагательные):

-ист- (прижимистый), -лив- (говорливый), -уч- (приставучий), -ав- (гнусавый), -чив- (разговорчивый).

Как видно из примеров, формирование семантики производного слова происходит под влиянием классифицирующей деятельности человеческого познания. Определённые словообразовательные модели отражают тот оттенок значения, который осознаёт говорящий при номинации субъекта с определёнными признаками, свойствами, действиями. Словообразовательное поле, в которое входят эти словообразовательные модели, дают возможность описать микрокосм средствами деривационной системы языка. При описании суффиксальных моделей лексическое значение производных выявляется также с помощью семантических схем. Использование схем лексикографического толкования, например «тот, кто много, сверх нормы делает что-л.», «тот, кто имеет слишком большой по размеру N», где N – наименование предмета (соматизм), «тот, кто любит делать или интенсивно V», где V – глагол и т. д., позволяет понять семантику производного слова уже по значению входящих в него морфем. Выделение таких семантических схем формирует смысловое пространство словообразовательной картины мира в русском языке. Такой подход к изучению русского словообразования имеет и прикладной характер: изучение таких схем в национальной (иностранной) аудитории позволит обучаемым глубже понять национальные особенности словообразовательной системы русского языка.

Изучение картины мира в словообразовании и выявление культурологически значимой семантики деривационных аффиксов определяет «следы человека в каждом слове» (Н. Д. Арутюнова), что дополняет антропоцентрическую лингвистику новыми научными идеями.

Библиографический список

1. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М. : Изд-во «Индрик», 1998.
2. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). – 5-е изд-е, перераб. – М.; Л. : Государственное социально-экономическое изд-во, 1935. – 156 с.
3. Милославский И. Г. Многоморфемное слово, его лексическая парадигма и семантическая структура // Актуальные проблемы русского словообразования: учёные записки. – Т. 143. – Ташкент, 1975.

© Хайруллина Р.Х.

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «РАБОТА»
В ПАРЕМИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА**

А. Ф. Сагитова, Х. Бозташ

**Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия**

**THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF «WORK»
IN PROVERBS OF RUSSIAN LANGUAGE**

A. F. Sagitova, H. Boztash

**Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa,
the Republic of Bashkortostan, Russia**

Summary. The article is devoted to the peculiarities of representation of the concept of «work» in the Russian language. The article examines the conceptual, figurative and value components of the concept of «work» in Proverbs of Russian language.

Keywords: concept; Lingvocultural concept; «work».

Исследования природы концепта в современной лингвистике имеют перво-степенное значение. Однако вопрос о том, что такое концепт, в настоящее время окончательно не решён, поскольку многое требует прояснения.

Термин «концепт» ещё недавно воспринимался в лингвистике как эквивалент термина «понятие». В последние годы наметилось существенное размежевание этих терминов на фоне их дублетности. Постепенно за термином «концепт» закрепилось совершенно особое содержание.

Ю. Е. Прохоров в монографии «В поисках концепта» выделяет следующие подходы в определении концепта:

- 1) концепт как лингвокогнитивное явление (Кубрякова, 1996);
- 2) концепт как психолингвистическое явление (Залевская, 2001);
- 3) концепт как абстрактное научное понятие (Соломоник, 1995);
- 4) концепт как базовая единица культуры (Степанов, 1997);
- 5) концепт как лингвокультурное явление (Слышкин, 2000, Карасик и др., 2001).

Концепт рассматривается нами как лингвокультурное явление в рамках новой научной дисциплины – лингвокогнитологии. Мы, вслед за В. А. Масловой, В. И. Карасиком, Г. Г. Слышкиным, С. Г. Воркачевым и др., считаем, что концепт – это семантическое образование, которое характеризуется лингвокультурной спецификой. Концепт, «отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком» для строительства «дома бытия» (по М. Хайдеггеру) [4, с. 47].

Ю. С. Степанов относит к числу концептов семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определённой этнокультуры: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на неё» [7, с. 10].

Концепт не обязательно вербален: он может эксплицироваться «предметными действиями». В. И. Карасик пишет о том, что концепт реализуется в различных сферах бытия в зависимости от специфики освоения человеком окружающего мира, типа сознания в виде понятия в сфере науки, в виде образа – в сфере искусства и в деятельностном аспекте – в обыденной жизни [2, с. 6–7]. В рамках интегративного подхода культурный концепт рассматривается как ценностная доминанта определённого типа культуры.

Концепт, по мнению В. И. Карасика, является как минимум трёхмерным ментальным образованием. Он имеет три важнейших измерения – «образное, понятийное и ценностное. Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые,

тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти. Это релевантные признаки практического знания. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые иногда не существуют изолированно, их важнейшее качество – голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта. Ценностная сторона концепта – важность этого психического образования, как для индивидуума, так и для коллектива» [3, с. 10].

Лингвокультурный концепт – важнейшая культурная универсалия, обеспечивающая взаимопонимание между людьми различных культур и языков, и в то же время имеющая свои особенности в каждом языке.

Формальной характеристикой лингвокультурного концепта является «номинативная плотность» или «номинативная дробность» – наличие в языке ряда равноуровневых средств его реализации, что напрямую связано с важностью концепта в глазах лингвокультурного социума.

Способность ассоциироваться с вербальными, символическими либо событийными феноменами, известными всем членам этнокультурного социума, является специфической чертой лингвокультурного концепта.

Типологизация концептов остаётся спорным вопросом лингвокультурологии. Наиболее существенным в методологическом отношении представляется выделение концептов универсальных, существующих в той или иной форме в любой этнокультуре, и концептов идиоэтнических, специфических для какой-то определённой лингвокультуры.

Основанием для выделения лингвокультурных концептов можно считать следующие критерии: высокочастотность имени концепта, переживаемость, лингвокультурная маркированность, мировоззренческая ориентированность, номинативная плотность, этимологическая память и др.

Таким образом, в нашем понимании, концепт приобретает статус лингвокультурного элемента при его культурной или национальной окрашенности, а также при наличии ярко выраженной ценностной составляющей в его структуре.

Для того чтобы слово обрело статус концепта, нужно, чтобы оно стало общепотребительным, т. е. национальным, активно включалось в состав фразеологических единиц, пословиц и поговорок, приобрело номинативную плотность. Безусловно, одним из таких концептов является концепт «работа».

Концепт «работа» актуализирует общечеловеческие ценности наиболее ярко по сравнению с другими концептами в русском языке, так как труд неотъемлемая сторона жизнедеятельности человека.

Концепт «работа» в русском языке репрезентирован основными лексическими единицами работа, труд, дело, занятие, деятельность.

Изучению данного концепта уже были посвящены труды таких авторов, как Л. В. Басова, Т. В. Гоннова, К. А. Жуков, Р. Х. Каримова, Е. В. Кормакова, В. Г. Токарев, О. Е. Чернова, Р. М. Скорнякова. Большинство исследований проводилось на материале русского языка, на паремиологическом материале, и носили сопоставительный характер. Так, Л. В. Басова исследовала концепт «труд» в русском языке на материале пословиц и поговорок (2004). Т. В. Гоннова в своей работе «О концепте «труд»» (2003) также обращается к паремиологическому материалу русского языка. Монографическое исследование К. А. Жукова (2004) «Языковое воплощение концепта «труд» в пословичной картине мира» выполнено в сопоставительном плане: сравниваются пословичные картины мира русского и английского языков. Е. В. Кормакова исследует концепт «труд» в русской и американской лингвокультурах (2005). О. Е. Чернова, обращаясь к газетным текстам, рассматривает концепт «труд» как объект идеологизации (2004). Л. Ф. Шангараева исследует фразеологические единицы английской и русской лингвокультур, характеризующие трудовую деятельность (2004). Р. М. Скорнякова исследует концепт «труд» в немецкой языковой картине мира (2006), обращаясь к различным типам дискурса (Библия, художественная литература, фразеология и др.). Р. Х. Каримова в своём исследовании «Концепт «труд/лень» (2004) в паремиологии неродственных

языков» также обращается к паремиологическому материалу, сравнивая немецкий, английский, русский, башкирский, татарский языки. Автор даёт общий обзор паремий, захватывая малую часть паремиологических единиц во всех исследуемых языках. Особое внимание Р. Х. Каримова уделяет зоонимам. Они имеются во всех фразеологических единицах и паремиях исследованных языков.

Понятийный слой концепта «труд/ лень» легко восстанавливается из словарных определений ключевых слов, входящий в понятийное ядро данного концепта. Сравним эти дефиниции:

РАБОТА – 1. То, чем кто-н. занят, занятие, труд.

2. Производственные операции по созданию, сооружению, изготовлению, обработке чего-н.

ЛЕНЬ – отсутствие желания работать, нелюбовь к труду.

БЕЗДЕЛЬЕ – пребывание в праздности.

ТРУД – целесообразная деятельность человека, работа, требующая умственного и физического напряжения.

ДЕЛО – 1. Работа, занятие, то, чем кто-н. занят.

2. Деловая надобность, нужда. Заинтересованное, заботливое отношение (разг.).

3. Полезное занятие (разг.).

В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля приводятся следующие значения: «**Работать, работывать** что, робить сев. или робить южн. делать, трудиться; производить что руками, телесной силой и умением, а иногда и умственно; упражняться, заниматься чем, образовать что, трудиться над чем, потеть, стараться. *Работаем, не покладаячи рук.* || церк. быть в рабстве; служить кому, на кого. *Одна забота: работай (работа) до пота! Либо пить да плясать, либо работать. Он на ватагах работывал, неводное дело знает. Работать Господу, исполнять волю Его. Работать на ветер, без пользы. Чей хлеб ем, на того и работаю (того и вем). Работать по конец пальцев, лишь бы спустить. Работай – сыт будешь; молись – спасешься; терпи – взмилуются. Лежа не работают. Без хлеба не работать, без вина не плясать. Стол поставят, так и работать заставят. Работать не заставят, так и есть не посадят. На которой воде работаешь, ту и пей. Каково **работается?** Хорошо ли? Сапоги эти работают кимряками. Вработаться, втянуться в дело, привыкнуть. Выработать, заработать деньги. Доработать, кончить дело. Изработали запасы. Нарботали много, наработались вдоволь. Обрабатывать пеньку. Отработать, пошабашить. Поработать немного. Переработать хорошенько пашню. Проработать всю ночь. Разрабатывать руду. Сработать пару сапог. **Работанье** ср. длит. **работа** ж. об. действие по глаг. работа, труд, занятие, дело, упражнение, деланье; || церк. рабство, или состоянье в рабстве (начально *работа?*). || Самое дело, вещь, что сработано, и || качество её, по отделке. *Вот моя работа: пара носков. Чья это работа? Кто сделал? Работа эта плоха, небрежна. Египетская работа, тяжкая и долгая. Чёрная работа, ломовая, где не нужно знанье и умение, а труд и силы. Срочная работа, которую должно кончить к сроку; урочная или на урок, не по часам, на шабаш, до окончанья заданного. Работа на урок поспорее. Молотба не работа, а страда работа! Девушки на вечерки с работой пришли, а с вечерок пошли и работ не нашли! Работа мастера кажет (боится). Есть работка, есть хлеб. Работишками на стороне промышляем, кой-чем. Работа не медведь, в лес не уйдёт. Работа хлеб вабит. От работы не будешь богат, а будешь горбат. Собака эта хороша в работе, охотнич. Ружье это в работу не годится, охотнич. в дело. Ямская работа, гоньба, езда. Работа, винокур. первый квас затора, который сливается в рабочее место куба. Работа, у ездовых, наездников, выездка, школа лошади на деле, чтобы дать ей искусственную осанку и выступку. С молитвой в устах, с работой в руках. Пой, корми и одевай, да на работу посылай (жену). Не кори, холоп, работой (или бегом), а барин – хлебом. Одна работа (одно ремесло) не кормит. По работе и работника знать. День в день, а топор в пень; смотрю не на работу, а на солнышко (говорят о барщине,**

т. е. не пора ли кончить). *Работа любит не молодца, а незалежливого. Работный*, к работе относящийся. *Работные дни*, будни; – часы, урочные, рабочие, когда работают. *Работный стан*, для какой-либо работы, ремесла. *Работная пора*, страда. *Работный мужик*, сев. де-ловой, **работящий** пск. *работящий*, говорят и **работливый**, усердный, ражий, охочий работать. || *Работный*, церк. кто в рабах. *Им же бо кто побеждён бывает, сему и работен есть*. || **Работная**, мастерская, ремесловая, покой, где работают что-либо. *Это изба жилия, а на задворке работная, где катаем валенки. Рабочий, работный. *Рабочие дни*, часы. *Рабочие деньги*, заработные. *Рабочая лошадь*, ломовая; – человек, живущий трудами рук своих. *Он мужик рабочий*, работящий, усердный. *Работный* или *рабочий дом*, исправительное, карательное заведение, где осуждённые работают под затвором. *Рабочие роты*, сбор провинившихся нижних чинов в ротный состав, для работ, больше земляных. *Рабочий куб*, винокурен. деревянный чан, куда спускается, для перегонки парами, выбродившее сусло. *Рабочий день*, казённый, летний – 12 часов, осенний – 8 и 10, зимний – 6 и 8; помещичий – 10; фабричный – от 12 до 14. *Рабочая пчела*, бесполоя, занятая только выделкою сотов и уходом за приплодом; *трутн* – это мужские пчёлы; *матка* – одна женская на весь улей. || **Рабочий** сущ. м. **работник**, **ница**, взятый куда для работ, простых, чёрных, или сельских, или фабричных и заводских; простой прислужник, батрак, наймист, служитель. *На десять работников по одному указчику. Указчику (десятнику) рубль, а работнику полтина. Овин гори, а работников (а молотильщиков) корми. Все мы на грехи свои безответные работнички! Богу работник, царю слуга. Ну, я на тебя не работник. Один работник, семеро едоков в семье. Белоручка не работник. По работе и работника (мастера) знать. Каков работник, такова ему и плата. По работе и плата. Или я вам не слуга была, или не работница! Время времени работник. Работников, – ницын, что лично их; – ничий, к ним относящийся. Рабочка ж. женский швейный ларчик, баульчик, прибор. **Работуха** ж. работящая, трудолюбивая женщина. **Работяга** м. работящий человек. **Работничество** ср. состоянье, промысл, быт работника. **Работничать**, промышлять в работниках наймом у людей, жить в работниках» [1, с. 512].**

Языковую основу концепта «работа» образуют значения, которые указывают на деятельность, требующую усилий; на результат труда или его следствие. Именно эти значения и обнаруживаются у слов «труд», «работа», «дело», где лексема «труд» является доминантой, так как имеет самый высокий уровень абстрактности значения.

Нами выявлена неравнозначность объёмов исследуемых понятий. Обнаружено, что при сравнении узувальных частей содержания понятий, объём лексических единиц «занятие» и «деятельность» шире понятия «труд». «Занятие» – это не обязательно трудовая деятельность, это всевозможное времяпрепровождение. «Деятельность» – это любая активность.

Слова «труд», «работа», «дело», «занятие», «деятельность», репрезентирующие один и тот же концепт, актуализируют совершенно разные признаки концепта «работа». При исследовании синонимических и антонимических рядов, в которые входит слово «работа», были выявлены дополнительные семы, актуализирующиеся во вторичных значениях слова или в его отдельных употреблениях. Эти компоненты содержания лексемы «работа», несомненно, важны для более полного представления рассматриваемого концепта. Анализ лексического значения слова «работа» позволила актуализировать имплицитную сему служба «выполнение чужой воли», что указывает на сохранение в сознании носителей русского языка этимологического значения слова «работа» «рабство, неволя».

Анализ словообразовательного потенциала лексем-репрезентантов концепта «работа» (по данным словообразовательного словаря русского языка) выявил, что словообразовательные гнезда с исходными словами «занять», «деять» в несколько раз меньше гнезд с производящими лексемами «трудиться», «делать», «работать».

Большинство слов в гнездах, которые мы анализировали, с исходными лексемами «трудиться», «делать», «работать» выполняют преимущественно номинативную функцию. Ср.: выработка, трудящийся, отделка, обработка, работница, трудовик.

С помощью словообразовательных средств актуализируются те признаки и свойства слова, которые отражают аксиологические и эмоциональные сферы человека. В анализируемых гнездах присутствуют слова с эмоционально-оценочным компонентом, причём дериваты со значением незначительности и пренебрежительности образованы только от исходных слов «работа» и «дело» (ср.: работешка, работка, дяляга, делишки). Производных слов с отрицательной оценкой, образованных от слова «труд», не обнаружено.

В словообразовательных гнездах наблюдаются слова, выходящие из употребления, устаревшие (ср.: трудодень, работный).

Изучение любого концепта невозможно без обращения к этимологии его ключевой лексемы. Этимологическая реконструкция позволяет вскрыть первоначальные семантические признаки слова и, следовательно, воссоздать первоначальную образную картину мира. Данные этимологических словарей помогают не только раскрыть историю развития значений у лексем, лексикализирующих концепт, но также и наметить возможные направления его дальнейшего смыслового варьирования.

Ядерной лексемой, репрезентирующей концепт «работа» в русском языке, является лексема работа. Согласно данным этимологических словарей, образовано от др.-русс. робота «работа, рабство, неволя», производное от и.-е. *orbhos (см. раб, ребёнок), родственное гот. «нужда», д.-в.-н. ar(a)beit ж. «работа, тягота, нужда» [8, т. 3. с. 427].

Лексема труд образовано от др.-русс. трудъ «труд, работа, рвение, забота, страдание, скорбь» [8, т. 4, с. 427].

В древнерусском языке слово «труд» имело следующие значения:

- 1) трудом добытое, сделанное;
- 2) трудность;
- 3) деятельность;
- 4) старание;
- 5) забота;
- 6) беспокойство;
- 7) подвиг;
- 8) страдание;
- 9) скорбь;
- 10) боль;
- 11) болезнь, недуг;
- 12) грех [6, с. 63–64].

В этимологическом словаре П. Я. Черных указывается, что слово «труд» сначала значило примерно то же, что средневерхненемецкое droz – «тяжёлая ноша», «досада», «печаль» [9, с. 266].

Несомненно, что первоначально общеславянское trudъ не могло иметь только значения «усилие, направленное на достижение чего-нибудь», «работа, занятие». Примечательно, что в древнерусском языке слово «труд» уже имело значения, тождественные современным: «деятельность», «трудом добытое, сделанное». Однако в синхронии не сохранились другие значения. Они не зафиксированы в современных толковых словарях. Например: «подвиг», «страдание», «забота», «скорбь», «боль», «болезнь», «грех». Значения «трудности, тяготы» даются в современных толковых словарях с пометой «устаревшие».

Данные этимологических словарей показали, что словообразовательные гнезда с производящими словами «раб» и «работать», «трудиться» и «трудный» имели общие этимологические гнезда.

Основные мысли о труде, выраженные в русском паремиологическом фонде, могут быть сведены к семи общим логемам:

1. Труд присутствует в нашей жизни постоянно (*Воскресный день не нам, а господам. Были бы руки, а молотило дадут/найдём*). Эта логема даёт понять, что работа никогда не закончится, она может сменяться, но не прекращаться. Труд не просто является постоянным спутником человека, он заполняет почти всё время.

2. Труд требует усилий (*Лёжа не работают. Лес сечь – не жалеть плеч*). Мысль об интенсивности труда переплетена с мыслью о его нескончаемости: процессы труда везде обозначены с помощью глаголов несовершенного вида.

3. Труд носит подневольный характер (*Не куплен – не холоп, не закабалён – не работник. Мужик за спасибо семь лет работал – 17 единиц*). Труд не доставляет человеку удовлетворения и не даёт материального достатка, поскольку носит вынужденный характер.

4. Труд имеет свои следствия, как положительные, так и отрицательные (*Где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто. Не отрубить дубка, не надыся пупка*). В зависимости от характера труд может приносить либо улучшение быта, либо не нести никаких улучшений, а только болезни вследствие физического истощения.

5. Следует выработать отношение к труду (*На дело не набивайся и от дела не отбивайся. Не покидай в запас дела, а покидай в запас хлеба*). Непомерная затрата сил и прогнозирование отрицательных последствий отвращают человека от труда, подталкивают его к отказу от работы, однако не стоит забывать о ценности труда, его первоочерёдность перед бездельем.

6. Не все одинаково относятся к труду (*Двое пашут, а семеро руками машут. Сер мужичок, да сердит на работу*). Бездельники спокойно сосуществуют рядом с тружениками, но того, кто не сторонится трудовой деятельности, всегда можно узнать по его поведению.

7. Отношение к труду определяет положение и ценность человека в обществе (*Без дела жить – только небо коптить. Ленивый и могилы не стоит. Хвалят на девке шёлк, коли в девке толк*). Поскольку подавляющее большинство людей трудится, постольку именно тот, кто способен заработать на жизнь своими силами, оказывается уважаемым членом общества.

На основе данных паремий можно сделать вывод о том, что работа воспринималась как нечто подневольное, не приносящее радости или материального достатка, поэтому существовало много оправданий для избегания работы, однако во все времена ценились люди трудолюбивые, так как труд – нравственная ценность.

В понятийном слое концепта содержатся указания на общие представления народа-носителя языка на тот или иной объект. А в образном и оценочном слоях – национально-культурная информация. Именно характер образности и оценочности позволяет выделить культурно маркированные элементы семантики языкового знака.

Паремии о работе включают оценочную лексику. Явление, которое оценивается будто бы положительное, с точки зрения идеальных представлений оказывается несоответствующим идеалу: *Стол поставят, так и работать заставят; Нем, да своё ем; а речист, да плечист – голодный сидит; Ретивая лошадка не долго живёт*.

Понятие «работа» в национальном сознании – ценность, которая оценивается неоднозначно: *Не потрудиться, так и хлеба не добиться; Муравей не велик, а горы копает; Дело учит, и мучит, и кормит*. Часто противопоставляется «работа» и «праздность»: *Труд человека кормит, а лень портит; Где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто; Работе время, а досугу час; После дела и гулять хорошо*. Очень часто работа ассоциируется с разочарованием, болезнью: *Не столько богачей на свете, сколько горбунов (т.е. сутулых); С топора не богатеют, а горбеют; От работы не будешь богат, а будешь горбат*.

Паремии о работе можно разделить на три группы:

1. Роль работы в жизни человека.
2. Результат работы (положительный/отрицательный).
3. Работа ориентирует человека в жизни.

Первая группа содержит паремии о значимости работы для жизни каждого человека, например: *Хочешь есть калачи, так не сиди на печи!; На бога уповай, а без дела не бывай; Работай до поту, так поешь в охоту; Ешь хлеб в поте лица!; В поле серпом да вилой, так и дома ножом да вилкой; Без труда не вынешь и рыбку из пруда; Не тёрши, не мявши – не будет калач. В поле Маланья не ради гулянья, а спинушку гнёт для запаса вперёд; Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится*.

Работа в русской культуре – жизненно важная потребность человека, требующая определенных усилий: *За один раз дерева не срубить; Не отрубить дубка, не насадя пупка; Посеяно с лукошко, так и выросло немножко.*

Осуждается плохая работа, праздность: *В полплеча работа тяжела: оба подставишь – легче справишь; От нечего делать и таракан на полати лезет; Без дела жить – только небо коптить; Ленивый и могилы не стоит; Пряди, девица, не ленись, по лавкам не тянись!; Леня мужика не кормит; На полатях лежать – ломтя не видать; На чужую работу глядя, сыт не будешь; Делать как-нибудь, так никак и не будет.*

Ко второй группе относятся пословицы, рассматривающие понятие работа как антипод понятию праздность: *Труд человека кормит, а лень портит; Ранняя птичка носок прочищает, а поздняя глаза продирает; Горька работа, да хлеб сладок; Работа черна, да денежка бела; Ни на какое дело не называйся и ни от какого дела не отказывайся!; На дело не набивайся и от дела не отбивайся!*

Осуждается лень и ленивый человек: *Проглотить-то хочется, да прожевать лень; Ему дай яичко, да ещё и облувленное; Работает, как ребёнок, а ест, как детина.*

В паремиях третьей группы говорится о том, что человек не всегда бывает трудолюбивым и живёт праведным трудом: *Пилось бы да елось, да работа на ум не шла; Всех работ не переработает; У бога дней впереди много: нарабатываемся; Я ещё в пелёнках, а лень моя была уж с телёнком; В красный день прясть ленно; Легко добыто, легко и прожито. Легко пришло, легко и ушло. Как ни мечи, а лучше на печи. От безделья и то рукоделье. На работу позадь последних, на еду наперёд первых.*

О русском человеке судят по его делам: *После хлеба, после соли отдохнуть часок, так завернётся сала кусок да лени мешок; Пролениться – и хлеба лишиться; Ел бы да пил – вот моё дело.*

Таким образом, концепт «работа» представляет собой сложное ментальное образование, в составе которого в русском языковом сознании выделяются следующие компоненты:

1) образный – человек (или другое живое существо), напряжённо выполняющий необходимые для жизни действия, обычно физические;

2) понятийный – целенаправленная деятельность, требующая умственного или физического напряжения, направленная на производство чего-либо или на достижение результата и противопоставляемая безделью, отдыху и игре;

3) ценностный – положительная и отрицательная оценка результата работы.

В результате нашего исследования была получена информация собственно лингвистического характера (уточнение значения слова, синонимических и антонимических отношений, этимона слов и т.д.) и экстралингвистического (отношение русского народа к труду, раскрывающее черты национального характера).

Библиографический список

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.: ИД Весь, 2004.
2. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск, 1996.
3. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград, 2001.
4. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. – М., 2007.
5. Мукатдесова Ч. Р. Концепт «труд» в татарском и немецком языках (на материале пословиц и поговорок) : автореф. дис. ... канд. филолог. наук/ URL: <http://dissers.ru>
6. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. – М. : Книга, 1989. – Т. III.
7. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М. : Терра, 2008.
9. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М. : Русский язык, 1999. – Т. II.

© Сагитова А. Ф., Бозташ Х.

ОТТОПОНИМИЧЕСКИЕ И ОТПАТРОНИМИЧЕСКИЕ ФАМИЛИИ

Е. С. Моисеева

**Пензенский государственный педагогический университет
им. В. Г. Белинского, г. Пенза, Россия**

**CORRELATION OF OICONYMICAL AND PATHRONYMICAL
SUBSTANTIVE VOCABULARY (ON THE LEXIS OF THE PENZA REGION)**

E. S. Moiseeva

Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky, Penza, Russia

Summary. The article is dedicated to the surnames which are formed by the toponyms and pathronyms.

Key words: pathronyms (names of residents); toponyms (place names); oiconyms (settlements); hydronyms; surnames (family names).

Связь человека с местностью, откуда родом он или его предки, может обозначаться не только патронимами (названиями жителей), но и проявляться через фамилию. Люди могли давно покинуть место проживания, но благодаря фамилиям остаются сведения, откуда пошёл тот или иной род.

Для научного анализа нами изучены следующие словари: Т. Ф. Вединая «Энциклопедия русских фамилий» (М., 2008), И. М. Ганжина «Словарь современных русских фамилий» (М., 2001), Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев «Фамилии» (М., 1998), В. А. Никонов «Словарь русских фамилий» (М., 1993).

Подобные фамилии весьма частотны. В словаре В. А. Никонова из 1281 фамилий 95 (7,41%) являются производными (прямо или опосредованно) от топонимов, в словаре Е. А. Грушко и Ю. М. Медведева – 259 из 9233 (2,81%), в словаре И. М. Ганжиной – 263 из 8212 (3,2%), в словаре Т. Ф. Вединой – 162 из 9860 (1,64%).

В первую очередь такие фамилии образуются непосредственно от топонимов (ойконимов или гидронимов). Наиболее продуктивны здесь фамилии-прилагательные, которые образуются при помощи прибавления суффиксов -ск(ий) / -ск(ой) / -ск(их) или -к(ий) / -к(ой) / -к(их): *Белозёрский, Белолипецкий, Вяземский, Волконский, Езерский, Невельский, Невельской, Тверской, Тверских, Яицкий, Яицкой*. Эта модель была продуктивна в XVIII–XIX вв. Такие фамилии нередко давались семинаристам и священникам: *Белинский* (р. Бельнь), *Пазельский* (р. и с. Пазелки), *Ряжский* (г. Ряжск), *Свияжский* (р. Свияга). Производящей основой служило название географического объекта (города, села, реке – реки или озера), откуда были родом семинаристы или где служили их отцы (как правило, в духовную семинарию шли дети священнослужителей). Иногда семинаристская оттопонимическая фамилия не обозначала связь с местом рождения или жительства – в качестве производящей основы брался топоним из Ветхого или Нового Завета: *Вифлеемский, Елеонский* (гора Елеон рядом с Иерусалимом).

От таких оттопонимических фамилий следует отличать фамилии, образованные по той же модели, но в основе которых лежит имя святого или название праздника, в честь которого была освящена церковь: *Георгиевский, Дмитревский, Дмитриевский, Николаевский, Никольский, Богородицкий, Богородский, Воскресенский, Вознесенский, Покровский, Преображенский, Рождественский*. Имелись в виду церкви во имя Георгия Победоносца, Благоверного великого князя Дмитрия Донского, Николая (в народной речи – Николы) Чудотворца Мирликийского, Воскресения Господня, Вознесения Господня, Покрова Пресвятой Богородицы, Преображения Господня, Рождества Христова.

Семинарист мог получить фамилию по церкви, прихожанином которой он являлся или где был священником его отец, священник – по церкви, в которой он служил. По этой же модели искусственно создавались и семинаристские фамилии, в основе которых были латинские и греческие корни или христианские символы. Например, *Агриколянский* – от лат. *agricola* «земледелец», *Елтидинский* – от греч. *elpis* «надежда», *Сперанский* – (от лат. *spes* «надежда», *spere* «надеяться»),

Флоренский, Флоринский – от лат. *florentis* «цветущий», *Виноградский* – виноград – символ спасения, возрождения, истины, *Львовский* – лев – символ евангелиста Марка.

Происхождение некоторых фамилий на -ск(ий) и -к(ий) можно трактовать двояко: *Воскресенский* – от Церкви Воскресения Господня и от населённого пункта Воскресенское, *Николаевский* – от церкви Николая Чудотворца и от населённых пунктов типа Николаев, Николаево, Николаевка, Николаевское, *Петропавловский* – от церкви Петра и Павла и от городов Петропавловск-Камчатский, Петропавловск. При этом следует помнить, что нередко населённый пункт назывался по имени церкви, и что образование фамилий чаще всего шло именно от её названия.

Во времена царствования Екатерины II полководцы получали фамилии на -ск(ий), образованные от географических названий, в качестве второго компонента. Эти фамилии жаловались вместе с титулом за боевые заслуги: князь Долгоруков-Крымский – за покорение Крыма, граф Румянцев-Задунайский – за переправу через Дунай, граф Суворов-Рымникский – за победу при реке Рымник, князь Потёмкин-Таврический – за присоединение Крыма. Эта же традиция продолжилась и в XIX веке: граф Дибич-Забалканский – за переход через Балканы, граф Муравьёв-Амурский – за присоединение Амура.

Оттопонимические фамилии на -ск(ий) характерны не только для русского языка, но и для украинского (*Бершадский, Богуславский, Выгодский, Завадский, Каврайский, Подгаевский, Сквирский, Чайковский*), белорусского (*Слонимский, Шкловский*) и польского (*Томашевский, Циолковский*). Некоторые из подобных фамилий характерны для всех территорий, лежащих к Западу от России: *Барановский, Тарновский, Туровский*.

Фамилии на -ск(ий) могут служить и производящей основой. При помощи суффикса -ов от них образуются новые фамилии: *Елансков, Елецков, Островсков, Хопёрсков, Чирсков, Шацков, Яцков*. Эта модель непродуктивна и встречается нечасто.

Второй тип оттопонимических фамилий образуется от названий ойконимов и гидронимов при помощи патронимических суффиксов (суффиксов, используемых для обозначения названий жителей):

✓ -итин (*Волхови́тин, Лали́тин, Москви́тин, Перми́тин, Твери́тин, Часови́тин, Чусови́тин*);

✓ -енин (*Важе́нин, Вологже́нин, Меже́нин, Мезе́нин, Тотме́нин, Устюже́нин*);

✓ -етин (*Коломне́тин, Коломле́тин, Лале́тин, Твере́тин*);

✓ -ец (*Волы́нец, Коломи́ец, Колмого́рец, Мстисла́вец, Ха́рьковец, Черни́говец*);

✓ – нулевой (*Колмого́р*);

✓ -як (*Пермя́к, Мещеря́к* – эта фамилия может быть как застывшим патронимом, так и заставшим этнонимом).

Во многих случаях говорящими не осознаётся связь этих фамилий с географическими объектами, поскольку подавляющая часть омонимичных патронимов уже не употребляется. В современной речи житель *Лальска* не *лалитин* или *лалетин*, а *лальча́нин, лалетья́нин* или *ла́лич*, уроженец *Коло́мны* – не *коломнетин, коломлетин, колومی́ец*, а *коло́менец, коло́мнич*, проживающий близ *Мезе́ни* – не *мезетин* или *межетин*, а *мезе́нец*. У других такая связь осознаётся – либо потому, что фамилия равна современному патрониму (*Волы́нец, Ха́рьковец, Черни́говец*), либо потому, что устаревший патроним хорошо известен и узнаётся большинством людей благодаря значимости географического объекта (*Москви́тин, Перми́тин, Твери́тин, Чусови́тин, Вологже́нин, Устюже́нин*).

Третий тип оттопонимических фамилий – те, которые образованы от названий населённых пунктов или рек при помощи суффиксов -ов, -ев, -ин: *Ветлугин, Вологдин, Коломнин, Костромин, Мологин, Москвин, Наровчатов, Пензин, Самарин, Самаркин, Свягин*. Иногда в образовании таких фамилий могут участвовать приставки *Замологин* (живущий за рекой Мологой),

К четвёртому типу оттопонимических фамилий относятся те, основа которых равна топониму: *Астрахань, Буг, Волга, Галич, Донец, Дунай, Корсунь, Кострома, Одесса, Пярну, Харьков*.

Иногда фамилии могут указывать не на конкретный населённый пункт, а на местность, где родился человек, или откуда он пришёл, на характер этой местности, а иногда и на характеристику самого человека: *Береговой* («с берега»), *Городов, Городков* («из города»), *Ламбин* (в северных говорах *ламба* – «глухое озеро»), *Заболотский, Заболоцкий, Заблоцкий* («за болотом»), *Конецкий, Кончевский* («с конца», т. е. с окраины), *Ластин* (в пермских говорах *ласта* – «плоская равнина»), *Наугольный, Наугольных* (живущий «на углу»), *Новосёлов* («недавно поселившийся»), *Сельский* («из села»), *Солонцов* (*солонец* – «солёное озеро»), *Стародворцев* («со старого двора, из старого поселения»). Иногда такие фамилии составляют в антонимические пары: *Новодворцев, Новодворский, Новосельский* – *Стародворцев, Стародворский, Старосельский* (жители, переселившиеся на новое место после пожара или по другой причине – жители, оставшиеся на месте старого селения или переселившиеся позже).

Кроме оттопонимических, весьма распространены фамилии, образованные от патронимов (названий жителей) при помощи суффиксов *-ев, -ов, -ин*: *арзамасец* (человек, принятый на воинскую службу и получивший поместье в Арзамасском уезде) – *Арзамасцев, брянец* – *Брянцев, Брянцов* (г. Брянск), *донец* (живущий на Дону) – *Донцов, самарец* – *Самарцев* (г. и р. Самара) – *Самарцев, тукумец* – *Тукумцев* (г. Тукумс), *туровец* – *Туровцев* (г. Туров), *усолец* – *Усольцев* (г. Усолье Сибирское, с. и р. Усолье), *чердынец* – *Чердынцев* (г. Чердынь).

Нередки случаи, когда от одного населённого пункта образуются фамилии по разным моделям – непосредственно от топонима или через патроним: *Веневитин* и *Веневитинов*; *Москвитин, Москвин* и *Москвичёв*; *Тотьменин* и *Тотьмянин*.

Безусловно, в проанализированных словарях указаны далеко не все фамилии с топонимом в основе, причём у каждого автора свой материал. Количество фамилий, общих для всех указанных источников, очень мало – всего 43. С одной стороны, это обусловлено небольшим объёмом словаря В. А. Никонова (в среднем он в 7 раз меньше остальных), но с другой – в каждом из словарей есть определённый набор фамилий, характерный только для него. Например, фамилии, равные топониму, без каких-либо аффиксов, представлены только в словаре Т. Ф. Вединой.

Оттопонимические и отпатронимические фамилии – уникальный пласт исторической лексики, который интересен многим учёным (не только лингвистам, но и историкам, географам, этнографам) и который позволяет определить, откуда родом предки того или иного человека, где образовалась фамилия и как шло переселение людей.

Библиографический список

1. Вединая Т. Ф. Энциклопедия русских фамилий. – М. : Астрель – АСТ, 2008. – 768 с.
2. Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. – М. : Астрель – АСТ, 2001. – 672 с.
3. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Фамилии. – М. : Рольф – Айрис-Пресс, 1998. – 576 с.
4. Никонов В. А. Словарь русских фамилий / сост. Е. Л. Крушельницкий. – М. : Школа-Пресс, 1993. – 224 с.
5. Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. – М. : Учпедгиз, 1959. – 128 с.

© Мусеева Е. С.

**СВОЕОБРАЗИЕ ПЬЕСЫ Е. КРОТЕВИЧА «ЖАКЕРИЯ»
(ПО МОТИВАМ ОДНОИМЁННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ П. МЕРИМЕ)**

Е. В. Киреева

**Бердянский государственный педагогический университет,
г. Бердянск, Украина**

**SINGULARITY OF «JACQUERIE» PLAY BY E. KROTEVICH
(BASED UPON P. MERIMEE COMPOSITION)**

E. V. Kireeva

Berdyansk State Pedagogical University, Berdyansk, Ukraine

Summary. The article presents a comparative analysis of the E. Krotevich musical tragedy «Jacquerie» and P. Merimee drama. As a result of the research it was established that playwrights' pieces have a lot of correspondences in their plots but Ukrainian writer's work is very much different from the original in a form of embodiment and the free handling with its content.

Key words: Eugene Krotevich; music tragedy.

Евгений Максимович Кротевич (1884–1968) – яркий представитель украинского литературного процесса XX ст. Он является автором стихотворений, рассказов, новелл, романов, басен, фельетонов, воспоминаний о деятелях культуры его столетия. Творческое наследие писателя – это также значительное количество пьес, среди которых есть те, которые в своё время ставились на сцене, но не издавались. К сожалению, произведения Е. Кротевича малоизучены и до сих пор учёные-литературоведы отдельно не рассматривали ни драматургию писателя, ни его творчество в целом. Поэтому проблема исследования драматических произведений Е. Кротевича в системе литературного процесса его времени является актуальной не только в настоящее время, но остаётся таковой и в дальнейшем.

Пьесу «Жакерия» (1937) Е. Кротевич написал по мотивам одноимённой драмы П. Мериме. В основу произведения французского писателя «Жакерия. Сцены феодальных времён» положены настоящие исторические события, которые произошли во Франции в 1358 году: наиболее масштабное за всю историю французского государства восстание крестьянства. Е. Кротевич, беря за основу изображение тех же событий и называя практически всех своих персонажей теми же именами, не изменяет время действия своего произведения («діється на півночі Франції 1358 року»), но, взяв идею, конфликт, сюжет, фабулу пьесы французского драматурга, создаёт иную фабулу и иной сюжет. Отметим, что на рукописи «Жакерии» украинского писателя стоит печать «Дозволено Головреперткомом УСРР» и имеется надпись, сделанная начальником отдела репертуарного контроля «Дозволено до роботи в театрі», из чего можем сделать вывод, что пьеса в своё время была поставлена на сцене.

Несоответствие между произведениями французского и украинского авторов весьма значительно. Так, пьеса П. Мериме состоит из тридцати шести картин, Е. Кротевича – из трёх действий, разделённых на шесть актов.

Известно, что крестьянское восстание во Франции 1358 г. было названо Жакерией из-за прозвища «Жак-Простак», данное крестьянам французскими дворянами [1, с. 395]. Есть упоминание об этом и в пьесе П. Мериме («Не надо выводить из себя Жака-Простака; с некоторых пор он ворчит, когда его бьют» [5, с. 262]), и в пьесе Е. Кротевича («Хіба ж він зможе керувати / Серцями жаків простаків...» [3, с. 17]). Однако изображение крестьянского восстания и событий, связанных с ним, у французского и украинского авторов различно.

Произведение Е. Кротевича открывает сцена в землянке, где крестьяне плачут над телом убитой сенешалем беременной женщины. Та же сцена у П. Мериме открывает пятую картину. Отметим, что несоответствие прослеживается и в именах персонажей: у французского писателя убитую женщину зовут Елизаветой, её

мужа – Симоном; у украинского – Катрин и Андре. Делая описанное событие начальным, Е. Кротевич связывает его непосредственно с восставшими, тогда как у П. Мериме та же сцена является общим изображением восстания.

П. Мериме исторические сведения развил в сюжет произведения с большим количеством действующих лиц, представляющих различные сословия общества. Е. Кротевич в своей «Жакерии» оставил лишь несколько персонажей из пьесы французского писателя, изменив имена некоторых из них, а также ввёл в действие собственных – Шуана, крестьянина из имения де-Батфоль, и монаха, посланника Епископа.

Но и оставленные украинским писателем персонажи обладают в его произведении другими характеристиками. Например, образ дочери барона Жильбера Д'Апремона Изабеллы у П. Мериме, как утверждает Вл. Луков, претерпевает эволюцию: «вначале именно она кажется воплощением идеального начала. Но в сцене, когда Изабелла узнаёт о любви к ней Пьера (крестьянина, получившего воспитание в замке), она изгоняет его, считая себя оскорблённой <...>. История Изабеллы кончается её полным унижением, когда она просит опозорившего её предводителя одного из вольных английских отрядов Сиварда жениться на ней, ибо тот – дворянин» [4, с. 60]. Напротив, образ Изабо Е. Кротевича уже с самого начала произведения не вызывает симпатии. Она нервничает, вышивая «сумний, такий негарний і нудний» узор для церкви; уверенно заявляет, что рождена только для счастья. («За мене хай працюють вбогі – / Їм працю й сумм навік дано. / Мені ж судилося від бога / В житті лиш щастя мать одно [3, с. 8]). Она раздражённо прогоняет Пьера, так же чувствуя себя оскорблённой («О, ганьба!.. Вік не зможу я / забуть зухвалість цю мужлана: / Поводивсь так, немовби я / Його уже кохана... / Ах, стид мені такий нежданий!...» [3, с. 12]) А в конце произведения, угнетённая смертью любимого в бою с крестьянами, готова за спасение отдать ненавистному ей Пьеру тело, но не душу («Коханий мій сконав в бою / Із мужиками – / Його уже нема, нема, / Та в серці в мене постать ця жива!.. / Я душу богові навік віддам з одчаю, / А тілог рішне П'єр хай забирає...» [3, с. 31]).

Атаман воровской шайки Кретьен Франк («Его звали Кретьеном Франком, когда он жил ещё в этом мире» [5, с. 267]), по прозвищу Оборотень, у Е. Кротевича является атаманом разбойников из крестьян-крепостных Стефаном Ковалем, по прозвищу Серый Волк («Привіт тобі, Коваль Стефан!» [3, с. 19]). Как и у П. Мериме, он «вовсе не романтический благородный разбойник, смелость и ум сочетаются в нём с жестокостью и утратой каких-либо нравственных ориентиров» [4, с. 61]. Однако у Е. Кротевича Серый Волк мстит дворянам за издевательства над крестьянами: «Вбогих де-Батфоль гнітив, / Сам же пив, гуляв, в добрі лиш жив. / Відомстили ми йому / За всі злочини тяжкі – / Більш не буде він знущатись, / Як знущався, з кріпаків. / Всіх панів, купців це жде – / На них в свій час біда прийде» [3, с. 19]. Как и у П. Мериме, в произведении украинского писателя этот персонаж оставляет восставших в тяжёлую для них минуту, не желая прощаться со своей жизнью: «Чи дурень я ризикувати головою / І захищати вас усіх собою, – / Коли кругом вас військо оточило, / Як стіною!» [3, с. 42]. Но у Е. Кротевича это не обрекает крестьян на поражение и гибель, а, напротив, приводит к тому, что в бой их выводит один из них – Жак Рено.

Изменил Е. Кротевич и образ баронского стремени Ламброн Пьера, влюблённого в Изабо. У П. Мериме этот «выходец из низов», который постиг душу поэзии и искренне любит свою прекрасную госпожу, «храбр, благороден, способен на подвиг во имя любви (спасает Изабеллу в момент смертельной опасности). Но, приняв участие в восстании, он оказывается ненадёжным союзником крестьян и в конце концов идёт на прямое предательство их интересов, устраивая побег Жильбера, Изабеллы и других феодалов из осаждённого замка» [4, с. 61]. У Е. Кротевича Пьер лицемерен и самовлюблён. Обиженный Изабо, которая прогнала его, «як проказу, як мужика», он размышляет о мести: «...Вмирати буду, / цього їй не забуду! / Тому, коли почнеться колотнеча, / Я їй влаштую втечу, / І тоді... тоді вона – моя!.. / Тоді їй відомщу наругу я: / Вона дочка барона Д'Апремона – / І все ж візьме її слуга!» [3, с. 16]. Именно с этой целью он

присоединяется к восставшим и, пользуясь безысходностью ситуации для Изабо, пытается воплотить в жизнь свой замысел.

Резко отличаются у писателей и образы монаха Жана, желающего отомстить барону Д'Апремону за обиду. У П. Мериме он является главным персонажем, предводителем восстания, на что указывает и сам автор: «Я думаю, что не погрешил против исторического правдоподобия, поставив во главе восставших монаха. Частые распри разделяли тогда духовенство и дворянство» [5, с. 249]. Ум, хитрость, плутовство, сила воли, раздражительность, энергичность – вот те качества, по мнению Вл. Лукова, которые сочетаются в этом образе в «Жакерии» П. Мериме, и находят «выражение в симпатии к нему, то есть восприятию его как живого человека, а не как образной оболочки некоего морального урока» [4, с. 62]. Однако именно образ Жана у украинского писателя претерпевает эволюцию от фанатичной привязанности к нему крестьян до резкой ненависти из-за предательства монаха, способного прекратить борьбу ради обещанного аббатства: «Брат Жан – ти ворог церкви і престола! / Пора тобі свій меч на хрест мінять, / Смирити жаків всіх і більш ніколи / Їх на короля й дворян не піднімати!.. / Коли це зробиш – призначимо тебе / В обитель Лефруа абатом!..» [3, с. 40].

Следует отметить, что французский писатель одному из главных персонажей-крестьян даёт имя Рено, тогда как у Е. Кротевича этот персонаж – Жак Рено. Возможно, украинский автор называет его так, чтобы указать на распространённое французское крестьянское прозвище, послужившее названием восстанию. Именно образ Жака Рено и является у Е. Кротевича главным: именно из-за него возникает конфликт, из-за него крестьяне идут к Серому Волку, чтобы попросить того убить барона и спасти Рено, именно во время казни Жака начинается восстание и именно он в конце произведения выводит войско в бой.

Жак Рено у Е. Кротевича благороден, смел и справедлив. Например, убив сенешаля, он добровольно идёт к барону Д'Апремону, потому что знает, что «барон, коли втечу, безвинних вб'є багато: йому на божий весь закон – плювати! Усе ж я не боюсь ні чорта, на барона!..» [3, с. 7]. В то же время Рено не желает убивать Жильбера в осаждённом восставшими замке и хочет отдать барона на справедливый суд: «Судив ти завжди нас лиш сам – / Твій суд був лютий, неправдивий. / Тебе ж віддам / На суд я справедливий – / Бідняцький суд / Для тебе й всіх дворян!» [3, с. 37]. И именно от Рено мы слышим призывы к борьбе, обращённые к крестьянам: «Вже досить нам лиш сльози лить, / молитись богу!.. / Не слуха він убогих, / А барона і панів / Тому вже час наспів, / Щоб ми самі пішли / Нищить їх – вбивать!» [3, с. 4]. Не отступает Жак от своих принципов и перед бароном: «... В однім жалкую, що не зможу / Усе довести до пуття: / Розправитись не тільки з Сенешалем, / А з кожним тим, хто гнітить нас, / На кого, певен я – прийде свій час!» [3, с. 14]. Отметим, что у П. Мериме этот персонаж погиб в бою: «...Рено убит, а среди вас [крестьян. – Е. К.] только он один и был молодцом» [5, с. 400].

«Жакерия» П. Мериме относится исследователями к жанру драмы-хроники как произведения с яркой фабулой, которая развивается несложно [2, с. 38]. Авторская позиция Е. Кротевича относительно его «Жакерии» выражается в жанровом определении «музыкальная трагедия», т. е. драматург сознательно акцентирует внимание на синтезе в произведении слова и музыки. Пьеса украинского писателя относится к жанру музыкальной драматургии, призванной воплощать в *музыке* (курсив наш. – Е. К.) драматическое действие [6, с. 113]. Об этом гласит также надпись на титульном листе рукописи. «Після остаточної доробки з театром і композитором затвердити виправлену редакцію тексту». Кроме того, персонажи произведения по ходу действия исполняют песни, что отмечено указаниями автора. Оперирует Е. Кротевич и такими оперными понятиями, как ариетта, дуэт, ариозо.

В пьесе украинского писателя особенно остро акцентируется внимание на межклассовом противостоянии, глубоко и многогранно исследуются чувства и стремления крестьян, которые попали в ситуацию зависимости и безысходности, поэтому трагедийное действие не теряет тут свою главную специфику: не примирённую, разрушающую по отношению к исходной ситуации направленность.

Показывая трагедию крестьян в их стремлении к освобождению и борьбе за него, Е. Кротевич выделяет из их общей массы Жака Рено. Основной конфликт «Жакерии» украинского писателя возникает из-за противоречия в душе этого персонажа, которое продиктовано необходимостью жизненно важного личностного выбора: он начинает свою трагическую борьбу, убивая сенешаля только для того, чтобы хоть как-то облегчить трудное положение крестьян. В дальнейшем герой оказывается в экстремальных условиях, которые создают классическую трагедийную ситуацию: «или» – «или». Но при этом Рено должен выбрать не жизнь или смерть, а нечто важнее, значительнее – волю или рабство, духовный взлёт или духовное падение. И хотя в «Жакерии» Е. Кротевича главный герой не погибает в процессе своей трагической борьбы, а только пытается каким-либо способом получить свободу для себя и остальных, трагическое в начале выступает как жестокое обвинение всего социального устройства, ведь трагедия таких людей, как Рено, Катрин, Андре и другие, постоянна и бесконечна.

Итак, как видим, хотя пьесы драматургов и имеют много фабульно-сюжетных соответствий, это всё-таки произведения не только разного содержания и жанрового определения, но и разной формы и идейной направленности. Взяв за основу драму П. Мериме, Е. Кротевич создал яркое произведение, которое заметно отличается от оригинала.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Рос. энцикл. ; СПб. : Норинт, 1997. – 1434 с.
2. Волькенштейн В. М. Драматургия. – М. : Советский писатель, 1969. – 336 с.
3. Кротевич Є. М. Жакерія : музична трагедія : на 3 дії. 1937 р. Машинопис з виправленнями, описками автора. З дозволом Головреперткому. Київ : Інститут рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського. – Ф. 45. 1031 од. зб. Спр. 36.–43 арк.
4. Луков Вл. А. Мериме : исследование персональной модели литературного творчества : научн. монография. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. – 110 с.
5. Мериме П. Собрание сочинений : в VI т. – Т. III. – М. : Издательство «Правда», 1963. – 420 с.
6. Юевич Ю. Е. Словарь музыкальных терминов. – 3 изд., перераб., доп. – К. : Муз. Украина, 1988. – 263 с.

© Киреева Е.В.

УДК 821.161.2-1.09:7.036.7

**ПАРАДИГМА ПРИМИТИВА В ПОЭТИКЕ ЭКСПРЕССИОНИЗМА
(ПО ТВОРЧЕСТВУ ТЕОДОСИЯ ОСЬМАЧКИ)**

Г. И. Яструбецкая

**Восточноевропейский национальный университет им. Леси Украинки,
г. Луцк, Волынь, Украина**

**THE PARADIGM OF THE PRIMITIVE IN THE EXPRESSIONIST POETICS
OF THEODOSIUS OSMACHKA'S ART**

G. I. Yastrubetskaya

Lesya Ukrainka East European National University, Lutsk, Volyn, Ukraine

Summary. The article describes the attempt of explication of art of Ukrainian writer Theodosius Osmachka (1895–1962) from the point of view of incorporation of paradigmatics of the primitivism into the aesthetics of modernistic era, particularly, expressionism. The author aims to prove that the artistic implementation of the expressionist intentions in poetry and prose of T. Osmachka occurred through activation of the national folklore and mythological significative complex. Ideological and basic categories for a representative of Ukrainian literature of the first part of the 20th century are syncretism and infantilism. The author motivates the basis of ethnic-generic matrix for creation of eschatological picture of the world.

Key words: Theodosius Osmachka; Ukrainian primitivism; expressionism; syncretism; mythologism; eschatologism.

Стилевой аспект творчества Т. Осьмачки включает неоромантизм, импрессионизм, символизм, сюрреализм, экзистенциализм, экспрессионизм. Последний доминирует в современном литературоведческом нарративе благодаря научным трудам Ю. Лавриненко, М. Слабошпицкого, Нилы Зборовской, Марии Моклицы, Валентины Барчан, Надежды Колошук. Заметно, что душевно-психологические комплексы Т. Осьмачки, повлекшие «психофизиологический субстрат» (Нила Зборовская) его текстов, больше привлекают исследователей, чем непосредственно сама поэзия или проза. Психоаналитические предпосылки его художественного наследия обнаруживают личность столь сложную и противоречивую, что и сегодня нет однозначного отношения к писателю в плане осознания психической адекватности / сознательной симуляции безумия. Отсутствует единодушие в оценивании степени его таланта, особенно это касается прозаических произведений и послевоенной лирики. Надежда Колошук отмечает, что «при глубоком уважении к творчеству многострадального писателя, к его незаурядному таланту всё же специалистам-филологам не помешало бы быть осторожными с определениями «гениальный», «выдающийся» и т. п.» [5, с. 71–72]. Нила Зборовская писала «о крахе Осьмачки как украинского прозаика» [4, с. 49]. Она имела в виду «самую светлую» повесть «Старший боярин», мотивируя свёртыванием психологизма в пользу политической тенденциозности текста. Мария Моклица, предлагая взвешенное, аргументированное исследование, лишённое стереотипных сантиментов относительно преследуемых сталинским режимом отечественных художников слова, «Ротонду душегубов» трактует всего лишь как «акт оправдания мании преследования» [10, с. 66]. Ольга Слонёвская выражает мнение, к которому тяготеют большинство учёных. Литературовед отмечает «взлёты и падения художественности», что «в сумме давали удивительную неповторимость и могли сравниться разве что с картинами гениальных примитивистов» [15, с. 180]. Говорится о поэме «Поэт» Т. Осьмачки, однако такая точка зрения распространена и относительно творческого метода писателя в целом.

Ольга Слонёвская, проведя параллель с примитивистами, указала на одну из тех признаков поэтики произведений Т. Осьмачки, что при детальном анализе обнаруживает эйдологическое свойство. Речь идёт о парадигме примитива как отдельной эстетики с устоявшейся иерархией мировоззренческих, выразительных и временно-пространственных факторов, об адаптации этой «антицивилизационной тенденции в литературе (искусстве)» (Ю. Ковалив) в условиях модернистической эпохи.

Явление, которое в словесном творчестве фиксируется на уровне тенденции и не обеспечено достаточно рецептивно, в искусствоведении характеризуется как феномен художественной культуры, имеет мощное представительство в лице Марии Приймаченко, Анны Собачко-Шостак, Евгения Пшеченко, Никифора Дровняка, Василия Довгошии, Татьяны Паты, Анастасии Рак, Параскевы Плитки-Горицвит и т. д.

Примитив будто заполняет пространство между профессиональным и народным искусством и отождествляется с так называемой «третьей культурой». Она, как отмечает В. Прокофьев, исторически развивалась «в меняющихся и неопределённых, но всё же осязаемых пределах между фольклором и учёно-артистическим профессионализмом; постоянно взаимодействовала и с тем, и с другим, иногда рискуя в этом взаимодействии потерять собственное лицо, однако, в конце концов, обладая в глубине достаточно прочным центром самотяготения» [12, с. 27]. Примитив – это спонтанное, как правило, творчество. Оно вырастает из глубоких пластов душевной жизни, характеризуется ограниченным участием интеллекта и рефлексии, культивированием инфантилизма в факторах мировоззрения и способах выражения, которое доминирует над изображением и вызывает предметно-фигуративную деформацию. С одной стороны, мир предстаёт как бы созданным наивным детским сознанием и неумелой (непрофессиональной) рукой, с другой – цвета и реалии действительности выполняют роль, аналогичную функции экспрессионистических атрибутов-ассоциантов, т. е. превращают материальность в чувственно-понятийную энергию. Картина мира приобретает черты хаотической событийности архаического мифа или родового сказания. Пространство и время мифологизируются. Этнически-фольклорный нарратив (имеются авторские модификации народного канона) сведён к планетарно-космологическим масштабам, к значению природных стихий, что вызывает схематичность, упрощение и одновременно формирует философию осложнения, разрыва с действительностью. Это – своего рода бунт против видимости, своеобразная эмансипация от формосимметрии для окончательной цели – выражения состояния души (синтеза индивидуального и архетипного), стремление создать правдивую личную психограмму. Экспрессионизм также принимал участие в саботаже против линейно-исторического фактомонтажа. Отличие в том, что экспрессионизм предпочитал, как правило, типы и сюжеты иной психологической окраски при сохранении идентичности базовых эстетических предпосылок. Термины, которые фигурируют в живописи для обозначения примитивизма, также прокладывают путь к пониманию связи его основополагающих принципов с экспрессионизмом: искусство «святого сердца», «чистого сердца».

На тождество экспрессионистской поэтики творчества Т. Осьмачки и искусства примитивистов произвольно указал М. Слабошпицкий в книге, названной согласно компонентам издания: «Теодосий Осьмачка: Литературный профиль; Никифор Дровняк из Криницы: Роман-коллаж (фрагменты)» [14]. Лемко Никифор, художник-примитивист из Криницы, которого знает культурная Польша и мало знает Украина, не только близок с Т. Осьмачкой критериально учредительными элементами выражения чувств и мыслей, но и многими факторами драматической судьбы, первобытно-стихийным стремлением к свободе и «дикой, колеблющейся силой неутешимого своим молчанием одиночества» [17, с. 1005].

Живопись Н. Дровняка (Криницкого), как и других примитивистов, базируется на мировоззрении, основополагающими понятиями которого являются непосредственность, наивность, детская чистота. Это синкретическое мышление. Отбор материала для «сказаний» происходит по индивидуальным критериям. Философия Т. Осьмачки – также философия ребёнка, с той разницей, что он практически всю сознательную жизнь травмировал свою психику контактами с носителями танатической силы. «Человек с точки зрения психологии как живая энергетическая система – это столкновение двух энергетических потоков. Положительное напряжение, которое толкает человека к конструктивным целям и кульминацией которого является половой акт, называют либидо. Итак, это – витаистическая энергия,

воля к жизни. Негативное напряжение, стремление к уничтожению, кульминацией которого является убийство, называют мортидо (воля к смерти). Мортидо тесно связано с двумя основными эмоциями – страхом и гневом» [4, с. 45]. Художественное мышление Т. Осьмачки характеризуется катастрофизмом, часто вызывает ассоциации с глобальными катаклизмами, которые в христианском сознании отождествляются с Апокалипсисом.

Все творчество Т. Осьмачки проходило под знаками эроса и танатоса. Обе эти энергетические субстанции находятся в связях детерминации. Причину определяет эрос. Подтверждением этому – поэзия всех сборников (только в первом – «Круча» – либидозный фактор выражен слабее) и проза, внимательное и патриотически незаангажированное прочтение которой подтвердит, что именно этот фермент влияет на формирование художественного пространства и имеет концептуальное значение. Показательным и своего рода программным является стихотворение «Весенняя элегия» из сборника «Гроздь времени» («Китиці часу») (1953). Для аргументации высказанного утверждения стихотворение стоит подать полностью:

Моя Украина, судьба моя,
была ты мне дорогой,
а ныне тебя уже спрашиваю я,
ох, что же ты сделала со мной?

И именно тогда, когда весна над садами
сияет дождём и пашней
и каждая почка светлая до краёв
на свет тянет листья из месива земли,

И именно тогда, как горячие столбы
туман поднимает над лесами
и с юга птицы к нам в степи
езде тянут тропы небесами.

И именно тогда, когда, как журавль,
заблудший в воронках бездны,
у меня кричит из сердечных пустынь
мой дух погрустневший, одинокий

«Невстреченый друг, когда-то в раннюю рань
если ты ещё есть в бесконечности,
то скорее между мной и вечностью стань
в одежде, что чище неба ... ».

И именно в это время ты, мой край, не мой,
Да благословен и поныне,
Скажи мне, что ты сделал, как немому,
Весной моему одиночеству?

Ибо птицы в гнёзда слетают с небес
и объединяются в пары все люди,
а ответа ещё не слышит и поныне
моя потерявшая доверие грудь ...

И уже хотя на тот свет покойники движение
никак не протолкнут во врата,
и их заглушить стремится дух
мой *горем отдельной драмы*.

И он, мой этот голос, звучит, как с гор
того журавля, что бродит,
которого никогда далёкое пространство
и, пожалуй, нигде не приветствует.

Но я буду звать, пока не умру,
птичьим даже эхом ...
ох край, мой край, разберу ли я
то, что ты делаешь со мной!

[11, с. 161–162] [курсив – Г.Я.].

(Перевод стихов в статье произведён с условием сохранения содержания текста).

«Весенняя элегия» своим названием указывает на чувства, принадлежащие прошлому (жанр элегии), но глагольная форма в стихотворении говорит о том, что поэт и сегодня в плену таких же ощущений и переживаний. Итак, это состояние перманентное. Логика художественных образов в прозе, их иерархия в системе моральных и эстетических ценностей также обнаруживает доминанту эротизма, где притягиваются – отталкиваются либидо и мортидо. Фигуры Григория Лундыка («Старший боярин»), Мархвы и Ивана Нерадько («План ко двору») – идейно-эстетические факторы, представленные в таком ракурсе, который демонстрирует приобретение ими значений семантем и актантами («архиперсон» по Ю. Лотману), а пространства – космологически-контекстуальных функций, выводит эротизм в сферу церемониально-ритуальную. Т. Осьмачка кодирует эротизм в прозаическом сюжетно-персонажном дискурсе, а в поэзии он его декларирует, излагает более открыто. Проявляется темпоральная парадигма примитивизма с абберациями, инверсиями, «прорывами» в миф и архаическое пространство, где жизненно важная функция возложена на инстинкт сохранения рода. И проза, и поэзия Т. Осьмачки варьируют один из самых распространённых сюжетов искусства примитива – ухаживания-сватовства казака к девушке. Смещение пространственных планов, обязательные атрибуты (конь, поле, сад, дом, колодец, птицы), космологическая их функциональность в синтезе с такими признаками, как беспомощность рифмы, необработанность текста в целом, лексическая небрежность, простота фабулы, наивность суждений, которые претендуют на глубокую аналитическую оценку общественных институтов, указывают на оригинальное, практически одинокое явление в украинской литературе: интеграцию эстетики примитива в модернистическую художественную систему и приобретение ею признаков экспрессионистской поэтики, что в случае Т. Осьмачки может быть обозначено как трансцендентный, или космологический эротизм. Имеется уникальный случай рустификации модернистско-авангардистских стилевых форм, утверждение общеевропейских художественных ценностей при сохранении базовых позиций этно-родового морально-атрибутивного комплекса и «поэтической народной веры» (И. В. Гете) как архиважной. Экспрессионистский «примитив» Т. Осьмачки – фактор двойного детерминизма, вызванный определённым мировоззрением и миропереживанием (насыщенная фольклором, народными и личными трагедиями среда): «эволюция вверх» фольклорно-традиционной культуры и «эволюция вниз» литературы европейских художественных критериев и философско-психоаналитических посылок. «Стиль его поэзии, – пишет Ю. Лавриненко, – поражает полной оригинальностью и независимостью. Это модернизм, но базисный не в революционном разрыве с предшественниками, а наоборот, – он выходит из глубоких основ украинской поэтической традиции – народной песни и сказки, «Слова о полку Игоревем», казачьих лиро-эпических дум и из Шевченко [...]» [7, с. 229].

Т. Осьмачка по-экспрессионистски, с одной стороны, с другой, как примитивисты, предпочитает архаичную этническую, или тотальную мифологию, стихийную по своей природе, системность которой может только отдалённо угадываться. По утверждению З. Фрейда, именно факторы этнической мифологии являются фундаментом подсознательных творческих процессов [16, с. 145]. Наконец, по З. Фроиду, в их основе – неудовлетворённые желания, в большинстве

своём сексуальные, которые по разным причинам вытесняются в сферу бессознательного. Морально-этический комплекс Т. Осьмачки, включавший и отношения указанного содержания, основывался на патриархальных представлениях, базирующихся на добродетели невинности, которая приносится в жертву требованиям продолжения рода.

А я между небом звёздным, одетый в кожу,
и между землёй сам во дворе,
как сдавленный, в переплётах двух лежу
нигде не читаемых историй

с желанием, чтобы вожденная дева без разговоров,
а под гитарный только перезвон
взяла меня поцеловала и затем вновь
положила тихо в переплёт.

И я бы от поцелуя тихо стал
в пустой книге бессмертным

[...] [11, с. 177].

У Т. Осьмачки, как уже было отмечено, имеется трагическое и неразрешимое для него противоречие либидо / мортидо. Желание, страх, гнев – темпоральные характеристики «я» поэта. Оно, имея личные экзистенциальные рамки, трансформируется в этническое и общечеловеческое. Друг, которого ищет Т. Осьмачка – «невстреченный». Поэт не может встретить его, потому что он абсолютный, безусловный» [17, с. 1008–1009]. Такое же абсолютизированное, космологизированное и поэтово одиночество. Проекция пропитанного страхом отторгнутого «Я» на плоскость тотальной мифологии, как наиболее близкой и естественной для Т. Осьмачки среды, обусловила синтез экспрессионистически-индивидуального, автентически-национального и концептуально-инвариантного. Напряжение трагизма одиночества породило фантастически деструктивные картины, где одним из композиционных центров является образ смерти и его коннотации. В сборнике «Круча» (1922) этот образ растворён в других, которые суммарно создают полотно, где царит демон темноты:

На груди земли –
гора;
в тяжёлое небо звёздное с солнцем
упирается лбом,
от стоп горы к звёздам небесным –
крававые туманы.
На горе в туманах –
Крест

[11, с. 20].

Гипербола как один из основных тропов образной системы экспрессионистского текста способствует нагнетанию эмоций до пределов безумия, до масштабов глобальности. Боль человека – боль планетарная:

... из ран человека –
стекает кровь.
Реками хлынет
с горя по бёдрам,
по рёбрам земли
в моря кровавые –
до краёв

[11, с. 20-21].

Катастрофические мотивы в лирике поэта проявляются на всех уровнях произведения, вплоть до звукописи. Лейтмотивными являются образы моря и крови. Слово «кровь» относится к категории эмфатических, чаще всего оно олицетворяет зло:

Как собак стаи: и ворóны и вóроны
 через гору летят на сам Киев золотой ...
 О, как страшно кричат ! А из чёрных клювов
 Капли – кровь лопочет по железу домов

[11, с. 66].

Ключевой образ крови, кроме семантически-коннотационной, играет ещё и роль «красителя» поэзии Т. Осьмачки. Считается, что «кровавый» цвет – любимый у экспрессионистов. В этнически-национальной «цветной» иерархии красный вместе с чёрным образует первую эмоционально-смысловую пару.

Барвопалитра поэта контрастирована чёрно-красными тонами с примесью белого и серого, что тоже касается его танатографии. Чёрный – символ конца, могилы, смерти – противопоставлен белому и приобретает гиперболические масштабы. Его предвещают

Крики чёрные , крики птицы
 в родной, бедной стороне
 вместе с голосом монахини
 не забыть уже мне

[11, с. 153].

Лирические сюжеты поэта часто имеют в своей основе различные вариации телесности. Преобладают окровавленные тела (в широком смысле этого слова), прослеживается акцентирование эстетики безобразного, распространяющееся и на архетип воды, что символизирует путь в мир мёртвых, является знаком «нижнего мира» [3, с. 58]. Первоначальная водная стихия вызывает ассоциации с «иным бытием» – антимиром.

К образам, связанным со смертью, относится река. Она имеет отчётливые признаки структурированности: источник (начало), течение (середина), устье (конец), однако её разрушительная сила, как и моря, связана также с танатологическими представлениями:

[...] На овраги,
 в реку кровавую,
 что полощет черепа и скелеты,
 будто льда битые, ломаные куски

[11, с. 27].

Рассуждения о том, что душа после смерти человека превращается в птицу, очень распространённое. Подтверждением этому является фольклор. Птицы являются связными между миром живых и миром мёртвых, они (вороны, сычи) предвещают смерть и несчастье, тотально насыщают стихотворное пространство чёрным цветом:

Как на дождь вороны каркают,
 крыльями небо черно чертят.
 По Батыю хищно плачут,
 в долинах клюют глаза,
 мёртвые глаза хлопцев ...

[11, с. 25].

Танатология Т. Осьмачки привлекает к своей системе координат образы журавля и тёплого края, а также такой символ, как жатва. Само действие – жать – тождественно смерти. На первый взгляд, парадоксально, а на самом деле в соответствии с мифически-фольклорной традицией в семантику смерти интегрирован образ колодца как способ контакта между «нижним» и «верхним» мирами:

Вырвал сердце тебе теплое
и к колодцу, что под лесом,
понёс оврагом, далее – степью ...
На высоком сел орехе,
что на сруб склонился.
Словно звёзды ночью в кручу
Кровь катилась в колодец –
в бездну неизбежную

[11, с. 27].

В танатологической сфере поэта варьируется ещё одна тема – урбанистическая. Город созвучен со смертью потому, что он чужой Т. Осьмачке. Писатель населяет городские здания сычами и летучими мышами – ночными существами, называет мегаполис лжеязыким, таким, что «мой дух отбросил в тень» («Современный город лжеязычий»).

Картина смерти в Т. Осьмачки будет композиционно незавершённой без луны:

[...] того глаза на горе,
что степь купает в крови ...
[...] а мы, дураки, думаем: нам
то месяц светит [...]

[11, с. 64].

Кровь, море, река, колодец, ворон, сенокос, город, месяц – ключевые образы-конотаты, играющие роль эмоционально-смысловых вех на пути осознания феномена жизни – смерти в лирике Т. Осьмачки, танатография которого приобретает масштабы глобальной катастрофы.

Если в начале творчества конец света был концом света, то позже это предчувствие, преломившись сквозь призму общечеловеческого, сконцентрировалось на тревожном и преисполненном боли «я», усилив мотив одиночества. Оно стало по эту бременем, воспринималось «грешным человеком» как «страшное испытание, которое показывает всех демонов, что человек носит в груди» [6, с. 88], и мыслилось как проклятие и неизбежность.

И выглядывает ежеминутно
у меня из сердца одиночество,
и, как у мёртвого человека,
навек сжатые уста ...

[11, с. 136].

Образ одиночества как смерти звучит в стихотворении «Элегия». Каин, Иуда, тупые ножи, тёмные травы, дохлая змея, фосфорные зарева – всё это образы и атрибутика ада, авторами которого, по наблюдению Марии Моклицы, «во всех его ужасных деталях есть экспрессионисты: они неоднократно переживают его в своей жизни и видят в сновидениях» [9, с. 101]. Одиночество и ад – тождественны в сознании Т. Осьмачки. Достаточно точное название дал своей книге о нём М. Слабошпицкий – «Поэт из ада» [13]. В этом контексте можно говорить об адекватности эмоционально-событийно-танатического фона поэзии Т. Осьмачки, сюжетов, наивно-детских изображений и «грубой» контурности народной иконописи,

в частности, там, где речь идёт об аде, об ответственности человека за грехи (вербальный и иконографический изоморфизм).

В лирике Т. Осьмачки пространство разрушалось: обрушивались, казалось бы, незыблемые горы, поднимались огромные волны кровавых рек и морей, свет преодолевала тьма, розверзалась глубь мрака – и среди всего этого трудно было увидеть человека или хотя бы услышать его голос. Только текла кровь, на которую слетались вороны, этим подтверждая наличие жизни, хотя и искажённой болью и смертью.

«Паноптикум ужасов» (Ю. Шевелев) Т. Осьмачки – результат танатической перцепции мира сознанием, синтезировавшим два мировоззрения, две культурные традиции – архаическую и христианскую. Украинский примитивизм, формируя собственную эстетику с устоявшейся художественно-понятийной иерархией, также появился как следствие взаимопроникновения (синехизма) фантастически-деформирующего архетипно-родового представления об окружающем и восприятия мира сквозь призму Христова учения. Примитивисты культивируют светоносные факторы. Т. Осьмачка акцентировал на «тёмном и до хаоса разбушевавшемся океане отчаяния и ненависти», – как отметил Ю. Лавриненко [7, с. 231]. Ритуальную энергию жертвоприношений художник инкорпорировал в эсхатологию христианства (жертва, страх, вина, наказание). «Элемент садизма, – пишет Н. Бердяев, – занимает значительное место в истории религии, он силён и в истории христианства» [1, с. 300]. Жестокий эсхатологический элемент, по мнению философа, происходит не от самого Иисуса Христа – его Сыну Божьему приписали. Т. Осьмачка видениями и настроениями апокалиптического содержания передаёт ощущение процессов, характеризующих общество в начале XX века, но, как справедливо замечает Ю. Шевелев, «не будем слепы. Разве сии мотивы не существовали раньше [...]»? Разве они не такие же старые, как сознание вечности в человеческой душе?» [17, с. 1011]. Т. Осьмачка передал переживания, которые вызывает разрушение ценностей любой тайны: рождение мира, человека, нации. В своё время И. В. Гете, размышляя над сущностью человечества, его прошлым и будущим, определил неутешительную перспективу: «Человеческие потребности, возбуждённые мировыми событиями, двигаются резко назад, перепрыгивая через руководство разума, перемешивая народную веру с церковной и с первобытными верованиями, то там, то здесь цепляясь за традиции, погружаясь в тайну. [...] Народная вера избавляется от святости, те свойства, которые ранее естественно развивались в разных направлениях, теперь противостоят друг другу как враждебные стихии; так снова возникает хаотический беспорядок, – и это уже не начальный плодотворный, живорождающий хаос, а отмирающий, такой, что переходит в тление и распад» [2, с. 431]. Т. Осьмачке открылся фактор смерти как единственный в новом мироздании. Поэма «Поэт» (1947) художественно объективирует ритуально-обрядовую субстанцию, что энергетически идентифицируется с коннотациями жертвоприношений, грехопадения, искупления.

Светил огонь в каждой мёртвой кости
и страшно вещи озарял из дыр –
и каждая пуговица на молчаливом чекисте,
и на мечах всякая кромка
и под стеной в жутком городе
сосновый запятнанный кровью кружок
на срубе маленькой криницы,
что, вероятно, служит там не для водицы»

[11, с. 239].

Предметно-фигуративную горизонталь поэтической космологии Т. Осьмачки составляет миф о гибели мира. Художник будто компенсирует недостаток трагичности, в чём увидел главную причину национальных поражений Е. Маланюк: «Украинской душе не хватает чувства трагического, несмотря на всю объективную трагичность украинской истории» [8, с. 320].

В перманентном модусе апокалиптических переживаний эротизм Т. Осьмачки сублимируется в экспрессионистическую субстанцию, мифологизированное «я» художника слова оказывается среди разрушенного мира в абсолютной и вечной одинокости: генетическая цепь прервана, украинская вселенная после сатанинской душегубки пойдёт путём необратимых злотворительных изменений:

И на пропасть, на чёрный космический порог
отдохнуть навек орёл уже встал
и над безднами крылья в чёрном перье,
как морские берега, вдаль разложил.

И на них, ещё гуще за лёд ужасов,
синий иней осел, синяя мгла навалилась,
и два месяца жухлые, похожи на медь,
зажглись у орла из-под страшного чела
и в чёрную пустыню одиноко горят
с берегов бездны, последнего в мире гроба.
А в воздухе повисли стеклянистые моря,
как замерзшие громы глуши, глуши,
глуши ...

[11, с. 205].

Локально-темпорально-персонажная связь в произведениях Т. Осьмачки создаёт поле смысловой и эмоциональной отмеченности как фантастически-страшных народных рассказов и легенд, так и экспрессионистического нарратива. Местность – не объективно-эмпирическая, время – не линейно-историческое.

Имеется аберрация художественного зрения, когда фольклорные и мифологические факторы служат средством бунта против рационализма и деструктивных демонических сил, которые разрушили такой целостный когда-то крестьянский космос. Он в сознании Т. Осьмачки ассоциировался с единственно возможной моделью мира, где царит естественность, а значит, гармония.

Космологизм, припоминание архетипов и ритуально-субстанциональных источников – основа экспрессионизма Т. Осьмачки. Такое творчество не предназначено для последовательного логического прочтения, буквального, непосредственного понимания. В рецепции текстов этого типа важен момент ассоциативности, действия имманентных импульсов, мобилизация интуитивистского и интеллектуального начал. Умозрительное прочтение приводит к рецептивному поражению.

Иномасштабность экспрессионизма Т. Осьмачки по сравнению с типологически-стилевыми явлениями обусловлена парадигмой примитива с фактором выражения – базово-установочным элементом наивного, инфантильного мировосприятия, с мифологически космологическим образцом пространственного замысла. Это и психологический документ, и явление культуры, синкретическое переживание мира, высказанное языком своего времени. Творчество Т. Осьмачки показало, насколько условна граница между культурными эпохами и эстетиками; до какой степени уязвима эволюционно-линейная концепция развития искусства; насколько мощными являются этно-родовые связи и источники, которые, активируясь и в синтезе с высокой степенью индивидуации способствуют появлению уникальных художественных фактов.

Библиографический список

1. Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии. – М. : Книга, 1991. – 446 с.
2. Гете И.-В. Об искусстве / сост., вступит. ст. А. В. Гулыги. – М. : Искусство, 1975. – 623 с.

3. Жуйкова М. Номинация смерти и архаическое мышление // Студии по интегральной культурологии: Thanatos. – Львов, 1996. – Вып. 1. – С. 28–63. – (на украинском языке).
4. Зборовская Н. Теодосий Осьмачка – с точки зрения творческой неудачи (по повести «Старший боярин») // Историко-литературный, теоретико-литературный и стилистически-речевой аспекты творчества Теодосия Осьмачки : материалы Всеукраинской научной конференции по случаю 105 годовщины со дня рождения Теодосия Осьмачки. – Черкассы, 2000. – С. 45–49. – (на украинском языке).
5. Колошук Н. Поэзия Теодосия Осьмачки: символизм или экспрессионизм // Историко-литературный, теоретико-литературный и стилистически-речевой аспекты творчества Теодосия Осьмачки : материалы Всеукраинской научной конференции по случаю 105 годовщины со дня рождения Теодосия Осьмачки. – Черкассы, 2000. – С. 71–77. – (на украинском языке).
6. Красицкий Ян. Свет добрых и злых духов как метафизическая среда человека // Студии с интегральной культурологии: Thanatos. – Львов, 1996. – Вып. 1. – С. 87–92.
7. Лавриненко Ю. Теодосий Осьмачка // Расстрелянное возрождение: Антология 1917–1933 : поэзия-проза-драма-эссе / состав., предисл., послесловие Ю. Лавриненко; предисл. Е. Сверстюка. – К. : Смолоскип, 2004. – С. 288–231.
8. Маланюк Е. Бурное десятилетие (Буряне поліття) (1917–1927) // Литературно-научный вестник. – 1927. – Кн. 5. – С. 318–335.
9. Моклиця М. Модернизм как структура. Философия. Психология. Поэтика. – Луцк : Ред.-изд. отдел ВГУ им. Леси Украинки, 1998. – 295 с. – (на украинском языке).
10. Моклиця М. Проза Т. Осьмачки в аспекте художественного метода // Историко-литературный, теоретико-литературный и стилистически-речевой аспекты творчества Теодосия Осьмачки : материалы Всеукраинской научной конференции по случаю 105 годовщины со дня рождения Теодосия Осьмачки. – Черкассы, 2000. – С. 65–68. – (на украинском языке).
11. Осьмачка Т. Поэзии. – К. : Рад. письменник, 1991. – 252 с. – (на украинском языке).
12. Прокофьев В. К проблеме примитива в изобразительном искусстве // Декоративное искусство СССР. – 1984. – № 4. – С. 27–29.
13. Слабошпицкий М. Поэт из ада (Тодось Осьмачка). – К. : «Ярославов вал», 2003. – 368 с. – (на украинском языке).
14. Слабошпицкий М. Тодось Осьмачка: лит. профиль; Никифор Дровняк из Криницы: роман-колаж (фрагменты). – К. : Рада, 1995. – 142 с. – (на украинском языке).
15. Слонёвская О. Своеобразие мифического мышления Теодосия Осьмачки в поэме «Поэт» // С его духа печатью... : сборник науч. трудов на честь Ивана Денисюка. – Львов : ИЦ ЛНУ им. Ивана Франко, 2001. – Т.1. – С. 180–185. – (на украинском языке).
16. Фрейд З. Деятельность сновидения // Фрейд З. О клиническом психоанализе. Избранные произведения. – М. : Медицина, 1991. – С. 91–226.
17. Шевелёв Ю. Невстреченный друг («Гроздь времени» – лирика Осьмачки) // Шевелёв Ю. Избранные работы : в 2-х кн. – Кн. II. – К. : ИД «Киево-Могилянская академия», 2008. – С. 1005–1011. – (на украинском языке).

© Яструбецкая Г.И.

УДК 159.923

ХАРИЗМА: ОТ БОЖЬЕЙ БЛАГОДАТИ ДО СОВОКУПНОСТИ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Н. В. Буравцова, Н. В. Дмитриева

**Новосибирский государственный университет экономики и управления,
г. Новосибирск, Россия**

CHARISMA: FROM GOD'S GRACE TO THE AGGREGATE OF PERSONAL CHARACTERISTICS

N. V. Buravtsova, N. V. Dmitrieva

Novosibirsk state university of economy and management, Novosibirsk, Russia

Summary. This article analyzes the classical and modern psychological concepts devoted to the study of charismatic personality. Substantiates the view that charisma is an observable and measurable characteristics of the individual, including a specific set of social and psychological qualities. The possibilities of socio-psychological training as a means of developing charisma.

Key words: charisma; charismatic personality; a charismatic leader; a charismatic personality qualities; the ability of charisma.

Несмотря на то, что сегодня понимание «харизмы» массово используется в политическом, социальном, психологическом и других контекстах, и нередко рассматривается в качестве синонима известности, славы или знаменитости, актуальность изучения данного понятия ничуть не снижается. Это обусловлено тем, что в современных условиях практически невозможно достичь признания и успеха в какой-либо области, не обладая определёнными харизматическими качествами. Эксперты в различных областях знаний поддерживают точку зрения, что харизма, с одной стороны, представляет собой определённый социально-психологический феномен, а с другой – наделена аурой загадочности, предопределённости, данности свыше. На сегодняшний день имеется значительное многообразие работ, посвящённых объяснению и развитию харизмы, но эти исследования не всегда базируются на общепризнанных методологических основах. В связи с этим нами была предпринята попытка представить анализ теоретических концепций, так или иначе характеризующих феномен харизмы.

Первоначально понятие «харизма» употреблялось в религиозной сфере, понималось как «Божья искра, дар свыше» и определялось как дар благодати, получаемый верующими. Значительный интерес к изучению харизмы возникает во второй половине XX века, когда М. Вебер вводит данное понятие в научное обращение, разрабатывая социологическую концепцию харизматического господства [14]. Г. Лебон указывает, что харизма (личное обаяние) представляет собой определённый «род господства какой-нибудь идеи или дела над умом индивида. Это чувство необъяснимо, принадлежит к тому же порядку, что и очарование, овладевающее замagnetизированным субъектом, и составляет самую могущественную причину любого господства» [4, с. 198–199]. Тем не менее, до сих пор не выработан единый, однозначно разработанный подход к пониманию феномена харизмы. И для того чтобы получить ответ на вопросы, откуда и как возникает интереснейший и такой непростой для изучения феномен, на наш взгляд, необходимо рассмотреть онтологию подходов к изучению харизматической личности.

З. Фрейд, исследуя социальные процессы и воздействие на них психологических особенностей личности, полагает, что харизматический вождь выступает аутоцентрическим звеном в цепи «повелевание – подчинение», становится выразителем общей воли масс, объединённых в порыве поклонения ему. Главным связующим звеном в любых типах масс выступает «коллективное либидо», с помощью которого индивид связан, с одной стороны, с вождём, а с другой стороны – с каждым, составляющим массу. «Вождь – гипнотизёр: применяя свои методы, он будит

у субъекта часть его архаического наследия, отношение человека первобытной орды к праотцу» [7, с. 92–95]. З. Фрейд указывает, что в образе харизматического вождя объединены две полярные составляющие: обожествлённое имаго Отца (того, кто выше масс) и облик героя (того, кто наравне с массами). Вождь, обладающий такими характеристиками, одновременно и восхищает, и пугает; вызывает желание неукоснительно ему подчиняться и повергает в необъяснимый трепет.

В концепции индивидуальной психологии А. Адлера индивид стремится к властвованию над другими как к средству компенсации определённых собственных психических и физических недостатков. Стремление к власти и подчинению выступает как компенсация комплекса неполноценности, способного как осложнить развитие личности, так и стимулировать её к конструктивным достижениям (что как раз и свойственно для харизматической личности). Говоря о выдающихся личностях, автор отмечает: «создаётся впечатление, что все они встретили значительные препятствия в начале своей жизни, но боролись и справились с ними» [1, с. 94–98].

К. Г. Юнг вводит в психологию понятие «мана-личность» (mana-personality) – персонифицированный архетипический образ сверхъестественной силы, реализующийся себя в герое или богоподобном бытии, и приходит к заключению, что каждый индивид стремится к отождествлению себя с мана-личностью, которая «выступает в качестве архетипа могущественного человека, являющегося в виде героя, лидера, руководителя, колдуна, мага, целителя, святого, властителя над людьми и духами» [11, с. 47–51].

Й. Штайрер, используя идею архетипов, предложил такие типы харизматических личностей, как «Отец», «Герой», «Спаситель» и «Царь». Фигура отца (патерналистская харизма), по мнению автора, ассоциируется с «деспотичным отцом-господином» или с «отцом-благодетелем», качества которых: заботливость и соучастие, главенство и твёрдость, способность к организации и контролю. Архетип героя представляет собой «юношескую противоположность» постаревшего отца и олицетворяет стойкость, бесстрашие, героизм. «Спаситель» (миссионерская харизма) – тип новатора и преобразователя. Он наставляет массы на истинный путь, делает послушным инструментом для осуществления «благих» дел. Качества спасителя: воодушевлённость, вера в собственные силы, преданность делу и умение убеждать. Фигура «царя» (величественная харизма) олицетворяет собой величественную харизму и проявляется в аутентичности, готовности к кооперации, в особой исключительности и независимости [9, с. 102–105].

В ряду исследований феномена харизматичности особое место занимает концепция Э. Фромма, полагающего, что в условиях затерянности в сложных социальных образованиях у личности возникает потребность поступиться независимостью, соединить своё «Я» с кем-нибудь (или с чем-нибудь) внешним, и, таким образом, обрести недостающую силу. «Человек любой эпохи и любой культуры сталкивается с одним и тем же вопросом: как преодолеть одиночество, как достичь единения, как выйти за пределы своей отдельной жизни и обрести воссоединение» [8, с. 256].

Концепции, опирающиеся на бихевиоральный подход, разрабатываются в рамках теории трансформационного лидерства. Известна концепция, в которой харизматичность рассматривается как фактически существующая и измеряемая на основе экспертной оценки, характеристика личности. Выделен определённый набор качеств, обуславливающий степень выраженности личностной харизматичности. На основании данной концепции J. Conger, R. Kanungo и др. была создана «Шкала харизматического лидерства», базирующейся на измерении таких параметров харизматического лидерства, как: чувствительность к окружающей обстановке; критика существующего положения вещей, видение образа будущего и его формулировка; поведение, идущее вразрез с традицией [13]. Харизма выступает одним из параметров «Многофакторного опросника лидерства» Б. Басса [12].

Анализируя личностные качества, необходимые для достижения жизненного успеха, Н. Б. Энкельманн называет следующие: индивидуальная магнетически притягательная сила; воодушевление, испытываемое от выполняемой жизненной задачи; отождествление себя с выполняемой работой; уверенность в своих силах;

умение сосредотачиваться на самом главном; способность устанавливать долговременные и прочные межличностные отношения; умение мотивировать себя и других; находить подход к людям; ставить перед собой и другими чёткие цели; обаяние, активность и энергичность; умение принимать решения и служить образцом для подражания; положительное восприятие жизни [10].

С точки зрения С. Н. Зинева, содержательная сторона харизматической личности, определяется уникальным сочетанием внутриличностных качеств (успешности, целенаправленности или телеологичности, креативности в деятельности активности, интеллектуальности и внешнего вида) и внеличностных показателей (наличие адептов, команды, последователей) [3].

А. Сосланд считает, что в основе искусственно сформированной харизмы – способность производить впечатление обладания харизматическими свойствами. Автор определяет ряд поведенческих особенностей её носителей: постоянная готовность к борьбе; новаторский жизненный стиль; определённый сексуально-мистический имидж. Суммируя все эти свойства, автор выводит её стержневую характеристику – трансгрессивность, благодаря которой создаётся особое энергетическое поле, куда притягиваются все, имевшие контакт с харизматической личностью [5].

Хотя понятия «харизматический лидер» и «харизматическая личность» не являются тождественными, тем не менее, концепции харизматического лидерства применимы к изучению харизматической личности, т. к. именно харизма позволяет человеку стать лидером. Харизматическая личность – это личность, обладающая определённым набором качеств, в силу которых она признаётся окружающими как необыкновенная и исключительная.

Исследования идентичности харизматической личности доказывают, что она включает в себя ряд компонентов, каждый из которых имеет определённое содержание: аффективный компонент представляет собой длительные ориентации личности, связанные с отношением к жизни и деятельности, к себе и к своему окружению, и включает положительное восприятие себя и выполняемой жизненной задачи, ориентацию на окружающий мир и способность чувствовать потребности окружающих; мотивационный компонент представлен обоснованием выбора действия и выделением факторов, его обуславливающих, умением выстраивать чёткие цели (перед собой и другими) и добиваться их; его содержательными элементами являются: независимость, ответственность, важность социального присутствия, доминирование; способность к лидерству, рациональность и интеллектуальная эффективность, толерантность, способность производить хорошее впечатление, трудолюбие и дружелюбие; поведенческий компонент включает осознание, контроль и регуляцию собственных действий и представлен готовностью к личным рискам ради блага общества, поведением, идущим в разрез с социальными стереотипами, умением принимать независимые решения, контролировать их выполнение, наличием определённых нарциссических проявлений; когнитивный компонент включает личностные знания и умения и представлен умением сосредотачиваться на главном, создавать проект (образ) будущего, нестандартно мыслить, находить решения в условиях дефицита информации; компонент самореализации включает богатый внутренний мир, ориентацию на профессиональную деятельность и материальное благополучие, значимость семейных ценностей и взаимоотношений с окружающим миром, уверенность в будущем [6].

На наш взгляд, к характеристикам харизматической личности следует отнести: безоговорочную убеждённость в истинности собственных идей; уверенность в себе; наличие энергии, энтузиазма и экспрессивности; великолепные ораторские навыки; моделирование заданной роли.

Анализ харизматичности даёт представление о ней как наблюдаемой и измеряемой характеристике личности, включающей в себя определённый набор личностных качеств. Следовательно, мы приходим к обоснованию возможностей развития харизматичности посредством развития конкретных личностных характеристик.

Если рассматривать социально-психологический тренинг как средство развития таких характеристик, то в качестве его задач будут выступать: формирование и развитие представлений о себе как о харизматичной личности; развитие

и совершенствование ораторского мастерства, включающего навыки убеждающего выступления, словесной импровизации, концентрации речи на интересах слушателей, развитие эмоциональной и интонационной выразительности и артистизма; выработка действенных навыков внушения, заражения, формирования импульса к подражанию; формирование яркой личностной индивидуальности, уникальности и самобытности, и способность к их проявлению в самых разнообразных ситуациях; развитие умений принимать решения и служить образцом для подражания; выработка навыков превращать любой акт общения со слушателями в совместное «действие» или даже «шоу»; активное моделирование роли и формирование имиджа харизматичной личности [2]. Цель подобного тренинга не обучить умению производить впечатление человека, одарённого харизматическими свойствами. Напротив, ориентируясь на факторы, определяющие феномен харизмы, помочь участникам распознать в себе, проявить, выработать, развить имеющиеся у каждого человека харизматические задатки.

Анализ концепций харизматичности показывает, что не встречаются безусловно харизматические или абсолютно нехаризматические личности. Есть те, кто в полной мере осознал и развил в себе вышеперечисленные качества, и те, кто сделал это не в полной мере или не сделал совсем. А данные качества в современном обществе востребованы не только политическими лидерами. Руководитель, преподаватель, психолог, спортсмен, общественный деятель, врач, продавец – это далеко не завершённый перечень видов деятельности, для которых данные характеристики могут стать как залогом профессиональной успешности, так и основой дальнейшего личностного развития.

Человек, обладающий харизматичностью, способен более тонко и точно воспринимать окружающий мир, объективно отдавать себе отчёт о своём месте в этом мире, меняться вместе с изменяющимся миром, сохраняя при этом индивидуальность и аутентичность и реализуя собственный потенциал. Благодаря развитию харизматичности возможно приобретение личностью чувства благополучия в различных жизненных сферах. Поэтому развитие харизматичности имеет большое значение для решения вопросов самоопределения личности, достижения ею целостности, а значит в вопросе становления идентичности.

Библиографический список

1. Адлер А. Наука жить. – Киев, 1997. – 288 с.
2. Дмитриева Н. В., Буравцова Н. В. Психологические концепции харизматичной личности // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4. – С. 137–141.
3. Зинев С. Н. Харизматическая личность: идентификация и манифестация в трансформирующемся мире : дисс. ... канд. философских наук. – Ставрополь, 2005. – 152 с.
4. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб. : Макет, 1995. – 311 с.
5. Сосланд А. Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии. – М. : Логос, 1999. – 369 с.
6. Филь Т. А., Дмитриева Н. В. Структура идентичности харизматической личности // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 1. – С. 220–221.
7. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. – М. : Азбука, 2008. – 192 с.
8. Фромм Э. Бегство от свободы. – М. : Прогресс, 1995. – 256 с.
9. Штайрер Й. Харизма руководителя и управленческие архетипы // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 4. – С. 102–105.
10. Энкельманн Н. Харизма. Личностные качества достижения успеха в профессиональной и личной жизни. – М. : Интерэксперт, 2001. – 272 с.
11. Юнг К. Г. Человек и его символы. – М., 1995. – 368 с.
12. Bass B. M. Handbook of leadership: theory, research, and managerial applications. – 3rd ed. – N. Y., 1990. – 1154 p.
13. Conger J. Measuring charisma: dimensionality and validity of the Conger-Kanungo scale of charismatic leadership / J. Conger, R. Kanungo, S. Menon // Canadian journal of administrative sciences, 1997. – Vol. 14. – № 3. – P. 290–302.
14. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehende Soziologie. – Tubingen, 1980. – 1140 s.

© Буравцова Н. В., Дмитриева Н. В.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ
САМОАКТУАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ ЛИЧНОСТИ**

А. Г. Савельева

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Россия

**PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF DEVELOPMENT
SELF-ACTUALIZATIONS PERSONALITY**

A. G. Savelieva

Astrakhan state University, Astrakhan, Russia

Summary. Article explores a variety of definitions of self-actualization. The author singles psychological peculiarities self-actualizations personality. The article indicated hierarchy features self-actualizations personality.

Key words: psychological peculiarities; life path; development; self-actualization; personality.

Каждый человек как личность вправе выбирать направление своего жизненного пути, и то, как он по нему будет двигаться [2, с. 95]. Психология как наука призвана помочь ему разобраться в особенностях возможных направлений для саморазвития. В качестве одного из возможных направлений движения человека по жизненному пути может быть рассмотрена самоактуализация личности, которая характеризуется своей специфической тактикой и стратегией саморазвития человека.

Исследуем особенности этого пути развития личности. «Самоактуализация – это непрерывная реализация потенциальных возможностей, способностей и талантов, как свершение своей миссии, или призвания, судьбы и т. п., как более полное познание и, стало быть, приятие своей собственной изначальной природы, как неустанное стремление к единству, интеграции, или внутренней синергии личности» [1, с. 44]. То есть самоактуализация – это процесс, процесс полного разворачивания личностного потенциала, личностный рост вследствие естественного разворачивания в человеке того, что заложено в нём природой.

А. Маслоу определяет самоактуализацию как «полное использование талантов, способностей, возможностей и т. п.». «Я считаю, что с точки зрения психологической стратегии было бы полезно различать понятия зрелости, дочеловечивания, самоактуализации, с одной стороны, и понятие здоровья – с другой. Здоровье разумнее было бы трактовать как «развитие и движение в сторону самоактуализации»: в такой трактовке концепция здоровья наполняется особым смыслом и становится вполне доступной для научного изучения» [3]. «Я представляю себе самоактуализировавшегося человека не как обычного человека, которому что-то добавлено, а как обычного человека, у которого ничто не отнято. Средний человек – это полное человеческое существо, с заглушенными и подавленными способностями и одарённостями» [5, с. 120].

Автором подчёркивается, что самоактуализация не является отсутствием проблем, она предполагает движение от нереальных и преходящих проблем к реальным проблемам.

Самоактуализация означает полноту сконцентрированного, впитывающего, сосредоточенного и глубоко погружённого переживания бытия. Ключом для реализации Я самим собой является бескорыстие. В самоактуализирующиеся моменты бескорыстие способствует становлению индивида, целиком и полностью, человеком, характеризующимся

повышенным сознанием и интенсивными интересами – самоактуализирующейся личностью [4, с. 90].

Согласно самоактуализирующемуся направлению развития личности, актуализироваться – это значит не только быть в потенциальности, но и существовать фактически, становиться реальным, а сама самость, включающая темперамент, уникальные вкусы и ценности личности, является сердцевинной, природы индивидуума [5, с. 156]. Поэтому, на наш взгляд, главным на пути развития самоактуализирующейся личности, должна быть самоактуализация как научение настраиванию на свою собственную внутреннюю природу.

Библиографический список

1. Асмолов А. Г. Психология личности : учебник. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 367 с.
2. Брюхова Н. Г. и др. Психологическое консультирование по проблемам жизненного пути для личностно-профессионального развития и совершенствования специалиста системы профессий «человек-человек» // Возрастная и педагогическая психология: механизмы и условия психического развития и формирования личности : моногр. – Гл. 4. – Новосибирск : Издательство ЦРНС, 2013. – С. 95–150.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2009. – 352 с.
4. Немов Р. С. Психология : учеб. пособие. – М. : Просвещение, 1990. – 301 с.
5. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (основанные положения, использования и применение). Гуманистическая теория личности А. Маслоу. – СПб. : Питер Пресс, 1997. – 608 с.

© Савельева А. Г.

**СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ:
СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ**

Л. В. Романюк

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, г. Киев, Украина

**THE PERSONALITY VALUES' BECOMING: STRUCTURAL
AND FUNCTIONAL MODEL**

L. V. Romanyuk

Kyiv National University named after Taras Shevchenko, Kyiv, Ukraine

Summary. This attempt to project modeling the personality values' becoming in the space of socialization through the Burdie's social space theory paradigms. Design of structural-functional model for the personality values' becoming is considered necessary for improve detection and self-management of process personality's values becoming in overall development personality as a subject of their own development. The researches on students' values becoming include investigation of interaction and mutual influence of intra-personal and socio-psychological mechanisms on their development, which is highly important for practical management, training technology and education of students.

Key words: values; values' becoming; personality's values; socialization space; university space of socialization; structural-functional model; intra-personal mechanisms; socio-psychological mechanisms.

В современной ситуации быстро меняющейся реальности (образовательной, трудовой, рыночной) часто ожидания молодежи не оправдываются и приводят к переориентации, а иногда и к деградации базовой системы ценностей и сопутствующим им тревожным и депрессивным состояниям. В этой ситуации возникает необходимость создания концепции, основанной на осмыслении отечественных практик социализации личности в университетском пространстве, в частности ее интеграции в социально-политическую, экономическую жизнь.

Ценности считаются типично социальным феноменом, которым обозначаются предметы, вещи, свойства и отношения в реальном мире, а также идеи, нормы, идеалы и цели, явления природы и общественные явления, которые созданы или не созданы человеком, но направлены на социальный прогресс и развитие человеческой личности.

Проведенный анализ научной литературы по вопросу определения ценностей показывает, что категория «ценность» является общей для философии, социологии, психологии, а также других гуманитарных и социальных наук. Естественно, что единого определения нет и быть не может, ведь каждая наука исследует специфический для нее аспект ценностей и ценностных ориентаций. Однако результатом анализа взглядов ученых становится вывод о том, что ценности человека являются основной максимой личности, содержанием ее психологической культуры, индивидуально интегрированной частью духовных общечеловеческих принципов. Ценностные ориентации, в свою очередь, являются феноменом человеческого поведения.

Концептуальный анализ главных теоретических подходов к пониманию ценностей свидетельствует о необходимости осознания того, что выбранный объект исследования представляет собой сложный психологический феномен, отражающий культурные и идеологические границы между обществом, социальными группами в нём и личностью. Ценности как объекты имеют важное значение для индивидуального и группового благополучия, а ценностные ориентации, соответственно, являются элементами внутренней структуры личности человека [6]. Они закреплены в ее жизненном опыте с помощью психологических механизмов интереса, оценки и самооценки, они – субъектны. Культуру, в которой живет человек, ценностные ориентации отражают субъектно. Они влияют на решение постоянных конфликтов в сфере мотивации, определяющих качественную специфику способностей. От них зависит содержание памяти и мышления человека, выбор ведущих жизненных стратегий. Говоря метафорически, ценности – объективно существующая территория, а ценностные ориентации – план, карта. Чтобы попасть в нужное место, лучше воспользоваться планом-картой, соответствующей данной

местности. Иными словами, встреча с ценностью (ценностная ситуация) невозможна без наличия соответствующей ценностной ориентации. Ценностные ориентации, выполняя селекционную функцию личности, оказывают значительное влияние на другие функции: целеполагание, прогнозирование, планирование, самоорганизацию, контроль и коррекцию, коммуникацию. Они являются фактором, регулирующим и частично детерминирующим мотивацию. Ценностные ориентации определяют поведение, то есть выполняют функцию целенаправленности поведения, а также обеспечивают системообразующую функцию в структуре личности. В психологическом плане они выступают в виде принципиальной направленности на жизненные цели и конкретные идеалы. Если ценности являются психологической основой решений о смысле жизни, то ценностные ориентации определяют пути его реализации.

Становление ценностей как составляющей психологической структуры человека происходит в процессе развития его личности по общим принципам психического развития и в соответствии с его закономерностями. Из числа общих принципов психического развития важную роль в процессе становления ценностей играют принципы устойчивого динамического неравновесия, взаимодействия тенденций к сохранению и изменению, дифференциации и интеграции, а также закономерности неравномерности и асинхронности, сенситивности, кумулятивности развития и дивергентности – конвергентности в процессе развития.

На становление ценностей личности возможны определенные влияния наследственных структур, коллективного бессознательного и результатов интеллектуального, нравственного, эмоционального и социального развития. Однако одним из главных источников их становления является социальная ситуация человека, на которого она влияет в зависимости от интереса, собственного уровня зрелости, а также и от уровня сформированности ценностных ориентаций.

Идея становления как закономерного (и поэтому прогрессивного) усложнения системной организации свойственна прежде всего открытым системам [3, с. 157–164]. Становление ценностей понимается здесь как их возникновение, появление в процессе развития личности, и означает изменения во внутреннем мире за счет внешних воздействий и собственной деятельности человека [4, с. 245–256; 5, с. 34–37; 9, р. 298–299]. Они часто принимаются от среды, или, как это наблюдается в случае обратного направления, ценности формируются в направлении от личности к среде (например, когда человек отказывается от идентификации с семейными ценностями или ценностями культуры). Такое толкование основано на изучении ценностей человека, деятельности, направленной на становление ценностей, а также на методологических положениях теории становления личности Г. Оллпорта [8].

Вопрос о причинах развития личности является актуальным до сих пор (Stern, 1923; Hartman, 1951; Франкл, 1990; Фромм, 1992; Князева и Курдюмов, 1994; Романюк, 2004; Ключко, 2007). Если развитие понимать как переход возможности в действительность, тогда потенциал для развития личности определяет возможность такого развития. Это происходит в том пространстве, которое предлагает реальную возможность для такого развития.

Предполагается, что ценностный фактор открытость к изменениям [10; 11, р. 1–65] является фундаментальным для развития человека, в частности для становления его личностных ценностей через взаимодействие (интеракцию) в пространстве университета. Становление является свойством открытых (в переходе) ценностных систем в пространстве, где ценности от смыслов генерируются синергией [9, р. 298–299]. Если ценности открытости к изменениям являются основой человеческого развития, поскольку люди с таким ценностным багажом могут стимулировать изменения, инновации и вести за собой других, то рассмотрим их в качестве причины развития.

В поисках путей создания такой концепции сконструирована структурно-функциональная модель становления ценностей личности в пространстве социализации, с применением достижений социологии. Пространство социализации понимается сегодня там как система социализации, содержанием которой выступают явления и процессы, которые исследуются, и компоненты которой взаимосвязаны,

взаимообусловлены, – это как радуга пространства экономического, политического, правового, образовательного и т. д. Университетское пространство социализации конфигурируется отношениями по поводу образования [7]. Именно на толковании пространственной организации общества как воплощения в нём социальных структур сделал акцент П. Бурдьё [1]. Он стремился соединить структурализм и конструктивизм в своей концепции, попытавшись выстроить такую теорию, которая предоставляет возможность полного и системного анализа общества, его структуры и которая подтвердила свою действенность при объяснении социальных процессов, происходящих как в странах западной демократии, так и в посткоммунистических государствах.

Применив структуралистский подход, Бурдьё утверждает, что в социальном пространстве существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять их на деятельность или представление. «Социальные структуры существуют одновременно и как реальность, данная через распределение материальных ресурсов и средств присвоения престижных в социальном плане благ и ценностей, и как реальность, существующая в представлениях, в схемах мышления и поведения» [1]. Социальное пространство формулируется им как структура позиций агентов в многомерном пространстве социальных признаков и отношений (социальных практик) между ними, а физическое пространство – как территориальная организация общества, которая определяется совокупностью мест с разной обеспеченностью ресурсами (капиталами). Структурирование многомерного социального пространства пытается перенестись на трехмерное пространство реального позиционирования индивидов, фирм, знаков. Поэтому теоретически каждое поле может задать свои координаты организации физического пространства, но практически все они взаимно подчиняются и образуют единую иерархическую структуру физического пространства для того или иного случая. Для использования методологического потенциала структуралистского конструктивизма, по версии П. Бурдьё, важным является положение о том, что в самом общем виде социальная наука колеблется между двумя на первый взгляд несовместимыми точками зрения: «объективизмом и субъективизмом или, если угодно, между физикализмом и психологизмом» [1].

Моделирование в социально-психологических исследованиях определяется как процесс создания модели, исследование какого-то объекта путем построения и изучения его модели. Формальная система, эквивалентная реальному объекту, выступает моделью этого объекта. Познать – значит понять изучаемые объект и предмет настолько, чтобы можно было создать модель, которая наиболее точно сохраняет их характеристики. Специалисты по математическому моделированию определяют модель как материальный или воображаемый объект, который в процессе познания (изучения) замещает объект-оригинал, сохраняя некоторые важные для исследования типичные черты [2]. В науке широко используется метод модельного объяснения для решения исследовательских задач. Для реализации замысла нашего исследования мы использовали метод проектного моделирования, с помощью которого сделана попытка проектирования становления ценностей в университетском пространстве социализации как объекта исследования через общеизвестные парадигмы социальной теории. Проектируемая модель становления ценностей в университетском пространстве социализации служит ориентиром для понимания феноменологии этого процесса.

Исходя из этого, целью данной работы является создание структурно-функциональной модели, которая представляется необходимой, прежде всего, для повышения эффективности обнаружения и самоуправления процессом становления ценностей личности как субъекта собственного развития.

Существующие современные модели социализации в университетском пространстве, которые реализованы за рубежом, безосновательно считать легко адаптируемыми у нас. Этим ставится очевидная задача: развить концепции, основанные непосредственно на осмыслении отечественных практик социализации личности в университете, ее интеграции в социально-политическую, экономическую жизнь.

В этом направлении была предпринята попытка конструирования модели, которая отражала бы общие структурно-функциональные связи становления

ценностей в университетском пространстве. Схематически взаимосвязи между компонентами этой модели изображены на рисунке. Как в перспективе круги превращаются в эллипсы, так можно представить университетское пространство, социализирующее своими связями личность, которая в нём находится.

Модель становления ценностей личности в университетском пространстве

Структурно модель акцентирует внимание на взаимосвязи и взаимозависимости общечеловеческого, социального и личностного, а именно: общечеловеческие ценности влияют на социальное пространство, где личность социализируется, приобщаясь к ценностям, а также и на личностные ценности, которые уже имеют определенную иерархию в период перехода во взрослую жизнь. Эти взаимосвязи и взаимовлияние в становлении ценностей личности в университетском пространстве социализации проявляются под воздействием внешних и внутренних факторов и механизмов в соответствующих эффектах этого процесса.

Анализируя структурно-функциональную модель становления ценностей личности, необходимо остановиться на рассмотрении функций ценностей и ведущих механизмов осуществления процесса их становления. Итак, учитывая данные теоретических и эмпирических исследований отечественных и зарубежных исследователей, основными будем считать следующие функции ценностей:

1) оценочная функция. Это первая и, в ракурсе семантики самого термина «ценность», ведущая функция. Ценность – это психологическое образование, которое помогает человеку осуществлять оценку элементов и событий окружающей среды, в том числе – социальной, и делать выводы об их отношении к собственному внутреннему миру в измерениях «мое – не мое», «хорошо – плохо», «нравится – не нравится» и др.;

2) селективная функция. Еще одна функция ценностей – это осуществление отбора нужных, лично значимых элементов мира и отделения их от ненужных и таких, которые не являются значимыми для внутреннего мира человека. Человек ассимилирует только «свое», соотносительно с его личностной спецификой, и диссимилирует «чужое», которое представляется ему лишним, ненужным или даже вредным;

3) мотивационно-смысловая функция. Процесс выбора «ценного» и отторжения «неценного» составляет основу мотивации человека. Возможность

реализовать ценность мотивирует к осуществлению осмысленной целенаправленной деятельности по реализации личностно значимых смыслов. Стоит отметить, что отторжение «антиценности» также содержит мотивационный потенциал, поскольку является деятельностью, связанной с ценностным становлением и с реализацией ценности, противоположной «антиценности»;

4) системообразующая функция. Ценности системообразуются принципами организации внутреннего мира человека. Конкретизируясь в ценностных ориентациях, они выступают в виде принципиальной направленности на жизненные цели и конкретные идеалы. Они являются психологической основой решений о смысле жизни и обобщенными жизненными целями человека;

5) идеологическая функция. Ценности являются действенными средствами относительно уважения, поддержки и защиты человека или группы, частично позволяя человеку оправдать его верования и действия, даже если они являются ненормативными или непопулярными.

В предыдущих исследованиях мы так или иначе касались вопроса механизмов становления ценностей, однако не выделяли его. При описании структурно-функциональной модели такое выделение является необходимым.

Итак, в качестве ведущего механизма становления личностных ценностей мы рассматриваем интериоризацию. Становление ценностей – это диалектический процесс, который осуществляется в рамках оппозиции «присвоение – отчуждение». Личность, выбирая из объектов мира и их субъективных репрезентаций соответствующие собственной структуре и минуя неподходящие, присваивает то, что первоначально было чуждо и являлось внешним по отношению к ее внутреннему миру, интериоризуя их. Этот процесс происходит постоянно, в течение всей жизни человека. Становление ценностей невозможно без питательной среды, которой в данном случае выступает социально-культурная среда с выработанными в ней ценностями, между собой не всегда согласованными и часто противоречащими друг другу. В процессе интериоризации личность не просто присваивает все ценности социальной среды: она осуществляет «согласованное присвоение». Речь идет о соответствии принятых ценностей общей идее личности, ее внутреннему ядру. Только в таком случае ценности среды становятся внутренними личностными ценностями.

Процесс становления ценностей может проходить непоследовательно. Например, человек может принять «чужие», несоответствующие его личностной специфике ценности, но отторгнуть их, когда возникнет ситуация, актуализирующая конфликт этих чужих ценностей с уже принятыми своими. Либо в результате конфликта происходит отторжение чужих ценностей, их согласование через перестройку всей ценностной системы.

Следующим механизмом становления ценностей выступает интеракция. Она является механизмом низшего порядка по сравнению с уже описанным механизмом интериоризации, поскольку является конкретизацией последнего в практически-психологическом аспекте. Для того чтобы в ценностной сфере начали происходить определенные сдвиги, необходимо, чтобы человек вступил во взаимодействие с другим человеком или группой. При этом интеракция может происходить на разных уровнях включенности человека в этот процесс, при различных уровнях активности субъектов взаимодействия. При низком уровне включенности во взаимодействие человек может просто наблюдать за действиями других людей, сверяя реализованные ими ценности с собственными. И в таком случае «чужие» ценности так или иначе влияют на ценностную систему наблюдателя.

При высоком уровне включенности во взаимодействие личность вступает в открытый диалог с другими, дискутируя, согласовывая свои ценности с «чужими» или в радикальных случаях – навязывая собственные ценности другим людям.

Ситуация взаимодействия актуализирует ценностные аспекты личности, поскольку ставит человека лицом к лицу к другому ценностному миру, дает возможность идентифицировать его. Для успешного взаимодействия ценностные миры людей должны хотя бы локально совпадать, иначе взаимодействие будет непродуктивным.

Еще одним механизмом становления ценностей выступает креативность. Это термин, которым определяются творческие способности индивида, характеризующиеся способностью к продуцированию принципиально новых идей. Для того чтобы сделать возможным процесс становления ценностей, необходимо задействовать способность человека к продуцированию нового. Очевидно, есть возрастные периоды, чувствительные к становлению ценностей. К таким периодам относится прежде всего юношеский возраст. Именно этот возрастной период характеризуется значительной перестройкой и развитием ценностной системы человека. От того, насколько человек открыт для преобразований и способен экспериментировать с имеющимся «культурным материалом», зависит динамичность и результативность процесса становления ценностей.

Наконец, очень важным психологическим механизмом становления ценностей является рефлексия. Этот механизм обеспечивает сосредоточение сознания на содержании и функциях собственного сознания, в состав которых входят такие личностные структуры, как ценности, интересы, мотивы. Иными словами, для становления ценностей необходимо осознание содержания собственного сознания в целом и ценностей в частности, а также осознание наличия других ценностей. Результатом такого осознания может быть как удовлетворенность, так и неудовлетворенность имеющимся содержанием. Во втором случае происходит собственно процесс становления.

Таким образом, в предложенной нами структурно-функциональной модели становления ценностей ключевыми являются компоненты: университетское пространство социализации, общечеловеческие ценности и личностные ценности; механизмы: интериоризация как метамеханизм и механизмы интеракции, креативности и рефлексии как механизмы второго порядка; функции: оценочная, селективная, мотивационно-смысловая, системообразующая и идеологическая.

Библиографический список

1. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетей; М. : Институт экспериментальной социологии, 2005.
2. Горстко А. Б. Познакомьтесь с математическим моделированием. – М. : Знание, 1991.
3. Ключко В. Е. Постнекласическая трансспектива психологической науки // Вестник ТГУ. – 2007. – № 305. – С. 157–164.
4. Романюк Л. В. Принцип розвитку у процесі становлення цінностей особистості // Актуальні проблеми психології: Психологія навчання. Генетична психологія. Медична психологія / за ред. С. Д. Максименка. – Київ – Кіровоград : ДП «Інформаційно-аналітичне агенство». – 2009. – Т. 10. – Вип. 14. – С. 245–256.
5. Романюк Л. В. Становлення цінностей в розвитку особистості студента: соціалізація у вищій освіті // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка Психологія. Педагогіка. Соціальна робота. – Київ : Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2012. – № 3. – С. 34–37.
6. Романюк Л. В. Психологія цінностей: становлення в розвитку особистості. – Кам'янець-Подільський : Абетка-Світ, 2013. – 353 с.
7. Яковлев Л. С. Пространство социализации : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.06 / Саратов. гос. тех. ун-т. – Саратов, 1998.
8. Allport G. W. Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality / Allport G. W. – New Haven : Yale University Press, 1955. – 106 p.
9. Romanyuk Lyudmyla. Values' becoming by synergy in university's space of socialization: Cross-cultural study of the potential for personality development // XVIth EADP European Conference on Developmental Psychology, Lausanne, Switzerland, September 3 to 7, 2013; University of Lausanne. – Lausanne, 2013. – P. 298–299. URL: <http://www3.unil.ch/wpmu/ecdp2013>.
10. Romanyuk L., Buzea C., Dimitrova R. Openness to change in Ukrainian and Romanian students // Bulletin of the Transilvania university of Brasov. – 2013. – Vol. 6 (55). – № 2.
11. Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology / M. P. Zanna, ed. – Orlando : Academic Press. – 1992. – № 25. – P. 1–65.

© Романюк Л. В.

УДК 159.9.2

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ
УЧЕНИКОВ С РАЗНЫМ СОЦИОМЕТРИЧЕСКИМ СТАТУСОМ**

Т. Н. Тригуб

**Институт социальной и политической психологи НАПН Украины,
г. Киев. Украина**

**THE COMPARATIVE ANALYSIS OF THE VALUABLE AND SEMANTIC
SPHERE OF PUPILS WITH THE DIFFERENT SOCIOMETRIC STATUS**

T. N. Trigub

Institute social and political psychologists of NAPN of Ukraine, Kiev, Ukraine

Summary. The comparative analysis of the valuable and semantic sphere of leaders and outsiders is presented in article. It is shown that outsiders are persons inconsistent and with the internal conflicts. Outsiders put a framework to the opportunities, cynical, neglect public opinion and norms, to establishment of relationship stirs indecision in communication. Leaders seek for self-improvement, considering thus that potential opportunities of the person are almost boundless, seek for establishment of relationship with other pupils.

Key words: sociometric status; outsider; leader; values; vital spheres.

Сегодня жизнь школьника насыщена информационными технологиями, благодаря чему образование происходит повседневно. Информационный поток оказывается часто малоконтролируемым, в то время как человек находится на стадии формирования личности. Ребёнок каждый день получает информацию и даже не задумывается порой о её источнике и о влиянии на свой выбор, поведение, ценности. Школа перестала быть основным институтом времяпровождения одноклассников друг с другом. Количество аутсайдеров в классах растёт [1]. Мы считаем, что на это влияет много факторов и один из них – медиа. Ребёнок постоянно взаимодействует с медиа, отдыхая или обучаясь, усваивая полученную информацию, и стараясь воплотить её в жизнь. Часто она становится основой формирования его ценностей. Именно поэтому исследование ценностно-смысловой сферы детей, в зависимости от их места в структуре группы, социально-психологического статуса настолько актуально в наши дни. Это важно для дальнейшего развития психологической науки и медиа-психологии как её составляющей, так и для практической помощи школьникам в сложных ситуациях взаимодействия.

Цель статьи: провести сравнительный анализ ценностно-смысловой сферы учеников с разным социометрическим статусом – лидеров и аутсайдеров.

Изучением ценностно-смысловой сферы личности и общества, широко занимались отечественные и зарубежные психологи А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. И. Додонов, Б. В. Зейгарник, В. А. Петровский А. Маслоу, Р. Мэй, В. Франкл, Э. Фромм.

Они исследовали ценностные новообразования личности.

А также философы Н. А. Бердяев, А. Камю, В. П. Тугаринов, М. Хайдеггер и социологи В. Б. Ольшанский, М. Рокич (изучали ценностные ориентации).

Проблемами детей-аутсайдеров занимались Н. Н. Кравцова, А. С. Мартинова, А. А. Силяева (анализировали феномен отчуждения подростков), А. В. Сперанский.

Влияние медиа на личность изучали в контексте проблем коммуникации, социализации и ценностных ориентаций А. Т. Баришполец, Н. Н. Богомолова, Дж. Брайант, М. И. Жабский, В. А. Монастирський, В. В. Ризун, Э. Томпсон, П. Д. Фролов, Р. Харрис и др.

Опираясь на идею, что медиа способны влиять на социометрический статус школьника через его эмоциональную сферу и ценности, мы приняли решение подробнее изучить ценностно-смысловую сферу детей с разным социально-психологическим статусом в классе. Ведь, как известно, ценности важны в жизни человека, ибо обуславливают его поведение, решения, отношение к окружающему миру и своему месту в этом мире, и у каждого – своя система ценностей.

Исследование проводилось в 2012 году среди учащихся 5 общеобразовательных школ, среди которых: спецшкола в г. Киеве, лицей, сельская школа и две школы провинциального города. Выборка составила 300 человек (дети возрастом 13–18 лет, учащиеся 7–11 классов).

Сначала с помощью социометрии Я. Морено определили социометрический статус всех учеников в классах. Карточка имела 12 вопросов, которые впервые в истории социометрии включали медиа-аспект, а так же подразумевали позитивные ответы, дабы не способствовать конфликтам между детьми. Методика помогла узнать статус детей в реале, офф-лайне и он-лайне. После изучения социометрической структуры в классах и выделения лидеров и аутсайдеров (на которых сделан акцент в работе), мы приступили к рассмотрению их ценностей.

Для исследования ценностно-смысловой сферы детей нами была использована методика «Морфологический тест жизненных ценностей» Сопова-Карпушина, которая направлена не только на исследование терминальных ценностей детей, но и на их реализацию в разных жизненных сферах. Для исследования взяли такие ценности, как: развитие себя, духовное удовлетворение, креативность, активные социальные контакты, собственный престиж, высокое материальное положение, достижение и сохранение собственной индивидуальности, которые проявляются в следующих сферах жизни:

1. Профессиональная жизнь.
2. Образование.
3. Семейная жизнь.
4. Общественная активность.
5. Увлечения.
6. Физическая активность.

Предложенные ценности относятся к разнонаправленным группам: духовно-нравственные ценности и эгоистически-престижные (прагматические). Это концептуально важно для определения направленности деятельности личности или группы. К первым относятся: саморазвитие, духовная удовлетворённость, креативность и активные социальные контакты, отражающие нравственно-деловую направленность. Соответственно, ко второй подгруппе ценностей относятся: престиж, достижения, материальное положение, сохранение индивидуальности. Они, в свою очередь, отражают эгоистически-престижную направленность личности.

При всех низких значениях – направленность личности неопределённая, без выраженного желаемого целеполагания. При высоких баллах – направленность личности противоречивая, с внутренними конфликтами. При высоких баллах ценностей 1-й группы направленность личности является гуманистической, 2-й группы – наоборот – прагматичной.

При подсчётах было заметно, что аутсайдеры, оценивая каждую ценность по 5-балльной шкале, практически всегда всем ценностям ставили преимущественно высокие баллы, пытаясь показать, насколько все они важны в их жизни. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что низкостатусные дети являются часто личностями противоречивыми и внутренне конфликтными. Предполагаем, что высокие баллы аутсайдеров также обусловлены тем, что дети с низким статусом, скорее всего, пытались выдать желаемое за действительное. Им хотелось бы видеть себя популярными. Можно определить ценности аутсайдеров как «декларируемые».

Ценность «развитие себя» присуща всем детям, однако лидерам в большей степени, поскольку их усилия направлены на занятие лидирующих позиций в жизни (табл. 1). Результаты высокостатусных детей по шкале теста можно интерпретировать так: лидеры стремятся к самосовершенствованию, считая при этом, что потенциальные возможности человека почти безграничны и что в первую очередь нужно достичь самореализации в жизни. Они также характеризуются серьёзным отношением к своим обязанностям, компетентностью в делах, снисходительностью к другим и их недостаткам и требовательностью к себе. Ещё одной особенностью лидеров является стремление получать объективную информацию об особенностях своего характера, способностей и других характеристик личности.

Относительно аутсайдеров можно сделать следующие выводы, что по полученным результатам видно тенденцию к самодостаточности. Такие дети ставят рамки своим возможностям и считают, что их можно преодолеть. Обижаются, если им, их характеристикам или личностным качествам дают негативную оценку, хотя кажется, что проявляют равнодушие.

«Духовное удовлетворение» предпочитают лидеры, и считают одной из своих главных ценностей. Дети с низким статусом также отмечают её важность,

однако, в меньшей степени. Лидера по полученным результатам можно описать как личность, которая стремится получить моральное удовлетворение во всех сферах жизни. Такие люди считают, что самое главное в жизни делать только то, что интересно и приносит удовольствие. Лидеры характеризуются идеалистичностью во взглядах, приверженностью к соблюдению этических норм в поведении. Аутсайдер также делает только то, что его интересует и доставляет удовольствие, ищет выгоды от взаимных отношений, результатов деятельности. Циничный, он пренебрегает общественным мнением и нормами. Возможно, такую модель поведения он перенял у своих любимых киногероев при взаимодействии с медиа, и пренебрежение общественным мнением отдаляет его от одноклассников.

Относительно креативности, то она важна для детей независимо от статуса. Можно сказать, что дети стремятся к реализации своих творческих возможностей, а также к внесению различных изменений во все сферы своей жизни, они пытаются избегать стереотипов и разнообразить своё бытие. Также детям с разным социально-психологическим статусом характерны изобретательность и увлечённость в самых обычных ситуациях, хотя иногда присутствует ностальгия, стереотипность поведения, консерватизм и подражание нормам и ценностям, которые существуют. Креативность может реализоваться в творчестве, в частности через СМИ, где дети создают видео, фотоколлажи и делятся продуктами своего творчества друг с другом. Также креативность развивается через СМИ, когда ребёнок ищет новую информацию для своих занятий, материал для своих идей.

Активные социальные контакты ценны для детей. Лидера можно охарактеризовать как человека, стремящегося к установлению взаимоотношений с другими учениками. Аутсайдеры также стремятся, но им мешает нерешительность в общении, отсутствие спонтанности в высказывании и недоверие к другим, нежелание открываться.

Возможно, это обусловлено неуверенностью школьника в себе, нерешительностью в общении в реальности, и через сеть ему легче найти общий язык с одноклассниками, что помогает ему повысить свой социометрический статус. Такая нерешительность и нежелание открываться бывают обусловлены и самим статусом, в результате чего ребёнок может углубиться в мир медиа в поисках друзей по интересам, удаляясь от одноклассников.

Собственный престиж является важным в основном для детей с низким статусом – в отличие от лидеров. Возможно, именно потому, что аутсайдеры не совсем довольны своим статусом и, хотя не стремятся иметь столько социальных контактов, как у других учеников, однако хотят быть престижными. Для высокостатусных школьников престиж также имеет значение. Лидера можно охарактеризовать как самонадеянного, категоричного в ситуации взаимодействия с людьми, которые зависят от него. Честолюбивый, он не всегда требует одобрения для своих действий. Аутсайдера можно описать через стремление к одобрению со стороны других людей, которые для него являются значимыми. Хотя аутсайдеры бывают как категоричными и самонадеянными, так и покладистыми, избегающими конфликтов.

Высокое материальное положение является важным для всех школьников в классе. То есть, каждый имеет мечту о благосостоянии в будущем. Лидер характеризуется через стремление к более высокому уровню своего материального благополучия, он уверен в том, что материальное положение является главным условием жизненного благополучия. Высокий уровень материального положения являются основой для развития чувства собственной значимости и завышенной самооценки. Аутсайдера можно описать как противоречивого человека: с одной стороны он стремится к высокому уровню благополучия, который побуждает его к развитию, а с другой игнорирует материальный достаток как ценность, к которой нужно стремиться. Иногда аутсайдер также характеризуется тенденцией к маргинальности.

Достижения в жизни также занимают не последнее место в ценностях учащихся. С этой позиции можно описать лидера как человека, стремящегося к достижению конкретных и ощутимых результатов в различные периоды жизни. Такие люди, как правило, тщательно планируют свою жизнь, ставя конкретные цели на каждом её этапе и считая, что главное – добиться этих целей. Часто большое количество жизненных достижений служит для них основанием для высокой самооценки.

Таблица 1

Ценности школьников с разным социально-психологическим статусом (%)

Градация баллов Ценности	1		2		3		4		5		6		7		8		9		10	
	А	Л	А	Л	А	Л	А	Л	А	Л	А	Л	А	Л	А	Л	А	Л	А	Л
Саморазвитие	14.	5.1	7	2.6	11.4	2.6	14.9	10.4	7.9	9.1	13.2	29.9	11.4	11.7	8.8	11.7	10.53	7.8	0.9	2.6
Духовное удовлетворение	11	3.9	12.3	5.2	10.5	10.3	9.7	19.5	11.4	12.9	16.7	19.5	11.4	14.3	9.7	5.9	6.1	7.8	0.9	1.3
Креативность	7.8	6.4	4.4	2.6	3.5	3.9	9.7	12.9	20.9	9.1	13.2	29.9	11.4	14.3	17.5	11.7	8.8	5.2	3.5	3.9
Активные социальные контакты	15.7	14.2	6.1	7.8	9.7	3.9	17.5	12.9	12.3	16.9	11.4	7.8	6.1	19.5	13.2	7.8	4.4	5.2	3.5	2.6
Собственный престиж	0.8	6.5	2.6	1.3	6.1	5.4	9.7	9.1	19.3	14.3	19.3	9.1	15.8	22.9	16.7	16.9	7.9	11.7	1.8	3.9
Высокое материальное положение	6.1	6.5	7	1.3	14.9	6.5	13.1	14.3	16.7	20.8	9.7	27.3	14.9	15.6	10.5	5.2	5.3	1.3	1.8	1.3
Достижение	13.1	6.5	5.3	7.8	11.4	7.8	12.3	10.4	16.7	11.7	13.2	11.7	7.9	15.6	7	11.7	8.8	13	4.4	3.9
Сохранение собственной индивидуальности	9.6	5.2	4.4	1.3	7	6.5	16.7	14.3	15.8	16.9	17.5	12.9	8.8	20.8	9.7	14.3	7	7.8	3.6	3.9

Примечания:

* А – Школьники с низким социально-психологическим статусом – аутсайдеры;

** Л – Школьники с высоким социально-психологическим статусом – лидеры.

Аутсайдер же характеризуется бессилием, что проявляется в стремлении достичь какой-то дальней перспективной цели. Иногда проявляется и безразличие к достижению, всё зависит от того, как складывается внешняя ситуация. Такие люди часто отличаются постановкой ближайших, конкретных целей. Хотя бывают случаи, когда аутсайдер склонен к достижению конкретных и ощутимых результатов в различные периоды жизни.

Сохранение собственной индивидуальности актуально для всех детей, однако чаще всё же для учащихся с высоким статусом. Предполагаем, что это обусловлено именно активностью в отстаивании своих лидерских позиций. Для лидера важно быть первым, развивать себя, поддерживая многочисленные социальные контакты. Тогда как у аутсайдеров есть желание быть престижным, однако нет активности и действий в этом направлении. Они ставят на первое место креативность, стремление сохранить свою индивидуальность и медленно достигать своих целей или реализовывают их за пределами школы. Лидера можно описать как личность, стремящуюся к независимости от других людей. Такие люди, как правило, считают, что самое важное в жизни – это сохранить неповторимость и своеобразие своей личности, своих взглядов, убеждений, своего стиля жизни, стремясь как можно меньше поддаваться влиянию массовых тенденций. Возможно яркое проявление таких черт, как высокий уровень самооценки, конфликтность. Аутсайдера охарактеризуем, как человека, стремящегося к замкнутости, они считают, что «высочки» – люди невоспитанные, от которых можно ожидать непредсказуемых поступков, не любят брать на себя ответственность, часто не доверяют авторитетам. Также стремятся сохранить неповторимость своей личности, стараются не поддаться влиянию масс.

Также кроме ценностей, важных для школьников, рассмотрим жизненные сферы, в которых они проявляются, что поможет лучше понять личность ученика (табл. 2).

Как видим, ценности школьников проявляются во всех сферах их жизни, но в зависимости от статуса есть определённые различия. Например, аутсайдерам лучше реализовывать себя в образовании, сфере семейной жизни, увлечений и физической активности. Тогда как для лидера важнее именно профессиональная жизнь. Конечно, образование также является приоритетной вместе с семейной

сферой и увлечениями, однако в меньшей степени. Мы считаем, что это обусловлено, именно активной жизненной позицией лидера и тем, что школа перестала быть основным местом деятельности для учащихся.

Таблица 2
Жизненные сферы проявления ценностей у детей с разным социально-психологическим статусом (%)

Жизненные сферы	1		2		3		4		5		6		7		8		9		10	
	А	Л	А	Л	А	Л	А	Л	А	Л	А	Л	А	Л	А	Л	А	Л	А	Л
Профессиональной жизни	23.7	7.8	5.3	7.8	11.4	13.1	15.8	16.9	9.7	13	10.5	19.5	8.8	13	9.7	3.9	4.4	5.2	0.9	0
Образования	21.9	10.4	2.6	6.5	16.7	18.9	16.7	11.7	11.4	9.1	7.9	14.3	5.3	13	12.3	13	4.4	3.9	0.9	0
Семейной жизни	8.8	3.9	2.6	2.6	10.5	5.3	14	11.7	11.4	15.6	13.2	18.9	8.8	5.2	17.5	19.5	7.9	14.3	5.3	3.9
Общественной активности	7.9	3.9	8.8	5.2	7.9	7.8	18.4	10.4	15.8	11.7	8.8	19.5	12.3	19.5	10.5	10.4	7.9	7.8	1.8	3.9
Увлечений	5.3	2.6	7.9	1.3	8.8	10.4	18.4	11.7	8.8	9.1	16.7	20.8	9.7	15.6	14	20.8	5.3	2.6	5.3	5.2
Физической активности	4.4	5.2	2.6	2.6	7	6.5	12.3	16.9	12.3	13	19.3	5.2	16.7	24.7	13.2	10.4	7	7.8	5.3	7.2

Примечания:

* А – Школьники с низким социально-психологичным статусом – аутсайдеры;

** Л – Школьники с высоким социально-психологичным статусом – лидеры.

Существует немало кружков и учреждений, где ребёнок проводит своё время, что может быть причиной увеличения количества аутсайдеров в современном классе.

В нашем исследовании нас интересует влияние медиафакторов. Мы считаем, что медиа-активность, выбор определённого медиа-контента, медиа-средств, эмоциональная восприимчивость к информации, способствуют становлению социометрического статуса ребёнка в классе. И взаимодействие с другими неразрывно связано с его ценностно-смысловой сферой. Например, ребёнок любит играть в игры, таким образом, проводит много времени за этим занятием, тем самым отрываясь от реального мира, получает эмоциональное удовольствие от игры. Для него становится ценностью достижения в игровом пространстве, которое реализуется в сфере увлечений, а другие ценности и сферы начинают занимать второстепенное место. И сформированный социально-психологический статус также может влиять на выбор медиа. В частности, школьник является лидером в классе с музыкальным уклоном и, чтобы утвердить свои позиции, пытается активно общаться в интернет-группах, которые связаны с музыкой, часто прослушивает её с помощью медиасредств. Музыка становится важной частью жизни, и он видит в ней ценность развития себя, что реализуется в профессиональной сфере в будущем. Также может быть, что ребёнок, чувствуя определённую эмоцию, например, страх общения в реальном мире, выбирает компьютер и, попадая в сеть, перестает бояться и активно начинает общаться с одноклассниками. Изменяя своё поведение с помощью медиасредств, у него формируется ценность активных социальных контактов, которая реализуется в сфере образования, ребёнок, развиваясь, таким образом, меняет свой социометрический статус.

С помощью разработанной анкеты на выявление роли СМИ в жизни школьников мы выделили виды деятельности школьника с помощью медиа (табл. 3).

Таблица 3
Виды деятельности школьника с помощью медиа (%)

Виды деятельности с помощью медиа		Лидеры	Аутсайдеры
1	Создание и использование интернет-страниц	61	63,2
2	Создание мультимедийных презентаций	58,4	38
3	Создание электронной почты	39	45
4	Активное участие в интернет-группах	49,3	39
5	Активное участие в авторских группах периодического издательства	10	8,1
6	Общение по телефону (смс, ммс)	95	98,2

Роль СМИ в жизни детей является большой, обучение, общение и отдых происходит через них. Независимо от статуса для школьников популярным видом деятельности посредством медиа является создание учениками смс в мобильном телефоне, что говорит о том, что медиа способствуют общению детей между собой, а смс и ммс переписка является одним из важных из способов поддержания связи друг другом. Вторым видом является создание и использование интернет-страниц, а это подтверждает, что дети проводят своё время в сети, общаясь, ища информацию или слушая музыку. Сегодня есть много социальных сетей, чатов, интернет-групп, где ученик может проводить своё свободное время, сближаясь или удаляясь от одноклассников. Основные виды деятельности учащихся происходят с помощью популярных медиасредств телефона и компьютера. Рассмотрим разницу видов деятельности в зависимости от статуса. По полученным результатам обнаружено, что школьники с высоким статусом чаще создают мультимедийные презентации, активно участвуют в интернет группах, а также в авторской группе периодического издания, тогда как ученики с низким статусом больше создают интернет-страниц, электронных почт и смс с помощью мобильного телефона. Это обусловлено именно необходимостью общения, а у лидеров кроме необходимости общения важную роль играет потребность развлечения и творчества (создание мультимедийных презентаций). Они держат свои первые позиции в классе с помощью поддержания связи с одноклассниками, как в реале, так и через медиа, а также через творчество, которое сближает одноклассников между собой. Дети независимо от статуса занимаются различными видами деятельности посредством медиа, а через СМИ идёт много информации, которая мало контролируется и может влиять на ценности ребёнка.

Выводы

Ценностно-направленными являются все дети независимо от статуса, но лидеры более целеустремлённые и настойчивые. Аутсайдеры – это противоречивые личности. Лидера по полученным результатам можно описать как личность, которая стремится к самоусовершенствованию, сохранению своей неповторимости, получению морального удовлетворения во всех сферах жизни. Активно заводит контакты, стремится к материальному благополучию, пытается достигать целей. Аутсайдер делает только то, что интересует его и доставляет удовольствие, не имеет авторитетов, но стремится к сохранению своей неповторимости, ищет выгоды от взаимных отношений и результатов деятельности. Циничный, пренебрегает общественным мнением и нормами, ставит рамки своим возможностям. Хочет заводить активные контакты, но ему мешает нерешительность, проявляет себя противоречиво, с одной стороны, стремится к материальному благополучию, а с другой – игнорирует богатство, само достижения целей будет зависеть от ситуации. Желает сохранить собственную индивидуальность и престиж, но ему не хватает активности действий

Мы считаем, что развитие детей происходит непосредственно в медийном пространстве. Обучение, развлечения, общение, получение новой информации – всё это происходит с помощью медиа. Их влияние может быть как положительным, сплачивая школьников между собой с помощью творчества, распределения общих интересов, так и отрицательным, отдаляя друг от друга, если ребёнок полностью погружается в медиа, становясь восприимчивым к информации или принимая определённые паттерны поведения, в частности агрессивные. Медиа могут прививать ценности неокрепшей детской психике, поэтому очень важно вводить медиаобразование в школьных учреждениях. Оно помогло бы детям понять, с какой опасностью они сталкиваются во время взаимодействия с медиа и как пользоваться ими без вреда для себя.

Библиографический список

1. Силяева А. А. Отчуждение у подростков. Методы социально-психологической помощи : моногр. / науч. ред. Е. А. Петрова; рец. : С. В. Феоктисова, Т. И. Шульга. – М. : РГСУ, 2010. – 198 с.

© Тригуб Т. Н.

УДК 364.044.44-053.5»465.06/.11»

КОРРЕКЦИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА МЕТОДАМИ АРТ-ТЕРАПИИ

М. Л. Наумова

ГБОУ «Центр психолого-медико-социального сопровождения „Юго-Восток”», г. Москва, Россия

CORRECTION OF THE INTERPERSONAL RELATIONSHIP OF CHILDREN OF YOUNGER SCHOOL AGE BY ART THERAPY METHODS

M. L. Naumova

The Center of psychology, medical and social maintenance “Yugo-Vostok” (“South -East”), Moscow, Russia

Summary. The article reveals the problems of the interpersonal relationship between younger school pupils and the correction of relationship above by art therapy methods. The priority directions come to light at a choice of a subject of drawing which promote development of the interpersonal relations. The author considers ways of interaction of the teacher, the child and the parent in the course of drawing. The picture which appears becomes not only the end result of creative process, but also promotes improvement of the interpersonal relations of younger school pupils with contemporaries and adults.

Key words: interpersonal relationship; correction; art therapy; younger school students (pupils); drawing; conflicts; emotions; psychology; importance; mutual understanding; interaction; communication; public statement.

Методы арт-терапии

Арт-терапия – это метод психотерапии, основанный на решении психологических проблем личности путём вовлечения человека в творчество.

В последние десятилетия арт-терапия активно используется в педагогической практике с целью диагностики, коррекции и развития ребёнка. В арт-терапии широко используются музыка, рисование, лепка, кино, литературное творчество, занятия актёрским мастерством. С помощью методов арт-терапии успешно разрешаются внутриличностные и межличностные конфликты, кризисные состояния, проводится работа с психологическими тревогами, а также развивается креативное мышление и формируется целостность личности.

В нашей статье мы рассмотрим такой раздел арт-терапии, как изотерапия, рисование.

Рисование и коррекция межличностных отношений

В настоящее время значительно возрастает количество детей, испытывающих трудности межличностного общения.

Особенно эти трудности заметны у младших школьников. Проблемы в общении, существовавшие ранее, в этом возрасте обостряются и часто приводят к конфликту с одноклассниками и взрослыми. Стремление ребёнка быть только лидером, никогда не быть ведомым зачастую приводит к неприятию его другими детьми в классе, конфликтным ситуациям.

Трудности в общении с учителем часто вызваны отсутствием у ребёнка коммуникативных навыков, что приводит к проблемам с дисциплиной. Часто ребёнок, замкнутый только в рамках своей семьи и общающийся с ближайшими родственниками, не получает навыков общения с взрослым человеком.

Когда возникают проблемы в школе из-за неумения ребёнка общаться с учителем и одноклассниками, возникают и трудности в общении с родителями. Родители часто не разбираются в сути проблемы и требуют от ребёнка немедленного изменения своего поведения. При этом они зачастую не учитывают, что ребёнку просто не хватает ресурсов. Часто он приходит в первый класс неподготовленным, у него мал словарный запас, сверстники его обгоняют в уровне подготовки. Детям сложно переключиться от игровой деятельности, которая доминировала в дошкольном возрасте, к учебной деятельности. При этом ребёнок всеми силами стремится быть хорошим, хочет, чтобы родители им гордились. Тот факт, что он

не оправдывает ожиданий родителей, угнетает ребёнка, приводит к падению его самооценки. Это приводит к тому, что ребёнок замыкается в себе, перестаёт реагировать на замечания родителей и учителя.

Большинство обращений в Центр психолого-медико-социального сопровождения «Юго-Восток» вызвано школьной неуспеваемостью и межличностными конфликтами в семье. Многие дети воспитываются в неполных семьях. Некоторые дети усыновлены и воспитываются опекунами. У многих детей сложности со здоровьем, есть дети с ограниченными возможностями.

Если раньше основной причиной обращений в Центр психолого-медико-социального сопровождения «Юго-Восток» была школьная неуспеваемость, то в последние года проблемы межличностных отношений выходят на первый план. Многие дети жалуются, что у них нет друзей, одноклассники с ними не общаются. Иногда школа направляет в наш Центр детей, которые вызывающе ведут себя на уроках, конфликтуют с учителями, агрессивны по отношению к одноклассникам. Иногда причиной неприятия ребёнка другими детьми в классе является разница в доходах родителей. Часто сам ребёнок не умеет общаться с другими детьми. Трудности в общении с одноклассниками очень часто возникают у детей, которые не посещали детский сад, а воспитывались бабушками или нянями. Дети, не посещавшие детский сад, зачастую избалованы вниманием родителей и бывают удивлены, когда в классе учитель уделяет им внимания не больше, чем другим детям.

Из разговоров с детьми и их родителями мы можем сделать вывод, что взаимоотношения со сверстниками, родителями и учителями гораздо более значимы, чем успеваемость в школе. Большинство детей могут привыкнуть к плохим отметкам, но неприятие сверстниками каждый раз воспринимается ребёнком как большое горе.

Особенность программы «Сказочный мир души», разработанной специалистами центра, состоит в том, что занятия ведутся одновременно с ребёнком и родителем. При этом родитель не является сторонним наблюдателем, а принимает самое активное участие в психологических тренингах, семейных игровых эстафетах, сеансах визуализации, обсуждениях, викторинах, играх. Ситуация, когда дети и их родители выступают единой командой, способствует улучшению взаимопонимания между ними.

На занятиях дети и родители учатся понимать, что слово «друг» происходит от слова «другой». Для того чтобы быть принятым, надо учиться принимать, а для того чтобы быть понятым, надо учиться понимать.

Слово «общение» происходит от слова «общее». Во время общего дела, которое выполняют все вместе дети, родители и педагоги, мы и учимся общаться.

На занятиях могут возникнуть конфликты. Цивилизованное разрешение конфликтов также является предметом занятий.

Если ребёнка принимают таким, как он есть, то принимают и его рисунки, каким бы ни был уровень исполнения. Рисунки обязательно выполняются на каждом занятии, в конце цикла занятий у каждого ученика набирается целая серия рисунков.

Используя наш опыт работы с детьми и их родителями, мы пронаблюдаем, как рисование помогает ребёнку сформировать круг значимых для него людей и событий и способствует коррекции межличностных отношений.

Рисуем «что». Тема рисунка, значимая для ребёнка

При выборе темы для рисунка можно выделить те приоритетные направления, которые способствуют развитию межличностных отношений. Необходимо так сформулировать тему для рисунка, чтобы она помогала ребёнку ответить на вопросы, которые встают перед ним. Ребёнок задумывается о том, кто он такой, кто для него значим, как складываются его отношения с другими людьми.

Существует ряд факторов, которые формируют личность ребёнка. Ребёнок может чувствовать себя комфортно лишь тогда, когда его окружают другие люди. Это его близкие и родные, друзья и знакомые.

Можно выделить такие направления взаимодействия ребёнка с окружающим миром, как «Я и мир», «Что я люблю», «Чего я боюсь», «На кого я хочу быть похожим».

Дом, родной город, природа вокруг нас – это то, без чего тоже нельзя жить.

Когда мы говорим о развитии межличностных отношений, мы можем кратко сформулировать рецепт успешного взаимодействия с другими людьми: «Быть значимым для значимых людей».

А. А. Кроник, Е. А. Кроник в своей книге «Психология человеческих отношений» замечают: «Чаще всего к значимым относят лиц ближайшего окружения: членов семьи, родственников, друзей, людей, психологически наиболее близких человеку, т. е. тех, с кем наиболее часто и интенсивно ему приходится общаться» [6].

Учебно-тематический план программы «Сказочный мир души» составлен таким образом, что сами темы занятий помогают в развитии межличностных отношений ребёнка со сверстниками, родителями, учителями и другими взрослыми.

Рассмотрим темы учебно-тематического плана.

1. Русская народная сказка. «Колобок», «Три медведя», «Маша и медведь», «Баба-Яга», «По щучьему велению».

Сказки Пушкина. «Золотой петушок», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о золотой рыбке».

Сказки Андерсена. «Стойкий оловянный солдатик», «Соловей», «Русалочка».

Сказки дают детям представление о понятиях добра и зла, справедливости и несправедливости, силе и слабости, свободе и несвободе.

Кроме того, сказки способствуют развитию межличностных отношений, дают ребёнку понятие о своём «я», взаимодействии с окружающими его людьми. Ребёнок «существует» тогда, когда он занимает определённое место в этом мире.

М. В. Осорина в работе «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых» рассматривает проблему своего места как подтверждения факта бытия на примере сказки «Три медведя». Маша заблудилась в лесу и забралась в избушку трёх медведей. В горнице девочка посидела на стульях Михайлы Ивановича и Настасьи Петровны и попробовала еду из их чашек. Затем она залезла на стульчик маленького Мишутки и съела всё из его чашки, а стульчик его сломала. Маша зашла в спальню и полежала на кроватях взрослых медведей и смяла их, а потом улеглась в кровать Мишутки и там заснула. Когда медведи вернулись домой, они увидели следы вторжения. Взрослые медведи гневно зарычали, потому что их места – стул, чашка и кровать – были осквернены присутствием чужого. Мишутка заплакал безутешно, так как Маша его всего лишила: чашку его опустошила, стульчик его сломала и кроватку его заняла собой, вытеснив медвежонка полностью [7].

2. Передача эмоций цветом.

Понятие тёплых и холодных цветов, передача при помощи цвета эмоционального состояния.

Мажорная композиция. «Осень», «Праздник», «Цирковое представление», «Праздничный салют».

Музыкальное сопровождение: Бетховен «Ода к радости».

Минорная композиция. «Зима», «Ночное звёздное небо», «Дождливый день».

Музыкальное сопровождение: Д. Д. Шостакович «Прелюдия № 5».

Происходит знакомство детей с понятием эмоций. Мажорная композиция – это радость, восторг, ликование, надежда, мечта. Минорная композиция – это грусть, тоска, уныние, отчаяние.

Невозможно представить межличностные отношения без эмоций. На наших занятиях в ситуации коллективной игры, соревнования, командной семейной эстафеты часто возникают ситуации повышенного эмоционального переживания. В ситуации, когда каждый хочет победить, могут возникнуть конфликты. Целью наших занятий является выработка навыков управления своими эмоциями и умения разрешать конфликты.

Л. С. Выготский отмечает в своей работе «Лекции по психологии», что «переживания наиболее эмотивные – это внутренние личные переживания» [3].

Л. С. Выготский замечает, что «интеллектуальные переживания человека называются в форме сильных эмоциональных переживаний» и «каждый важный поворотный момент в судьбе ребёнка и человека ярко окрашен эмоциональными моментами» [3].

3. Мир вокруг нас. «В зоопарке», «Транспорт», «В школе», «Путешествие».

Этот блок тем постепенно подводит ребёнка к понятию значимых для него людей и событий. Происходит предварительное знакомство с кругом интересов ребёнка, выявляется, как ребёнок относится к школе: негативно или позитивно.

М. В. Осорина пишет о некоторых особенностях детского рисунка при изображении машины, самолёта, поезда. Ребёнок часто изображает эти двигательные агрегаты без водителя или пилота. В понятии ребёнка машина и управляющий ей человек сливается в одно целое, машина становится «чем-то вроде новой телесной формы существования человека, дающей ему скорость, силу, крепость, целеустремленность» [7].

Осорина М. В. отмечает, что путешествие предпринимается не только для обогащения познавательного опыта, но и для личностного роста: «Пустившись в путь, чтобы посмотреть мир вокруг нас, путешественник одновременно ищет дорогу к самому себе» [7]. «Ведь юность – это тот период формирования личности, когда молодой человек должен научиться чувствовать внутреннее постоянство самого себя, искать больше опоры в себе, а не вовне, открыть идею собственной самостождественности» [7].

Отличие подростка от ребёнка состоит в том, что подросток ищет внутреннюю опору в самом себе, его особенно привлекает то, что отличается постоянством и не изменяется под влиянием внешних обстоятельств. Подростку интересны идеалы и люди, которые придерживаются своих убеждений и не меняют их ни при каких обстоятельствах.

4. Я и мир. «Портрет мамы», «Моя семья», «Автопортрет». «Моя комната», «Мои друзья», «Дом, в котором я живу».

Ребёнок задумывается о том, кто он такой, кто для него значим, как складываются его отношения с другими людьми.

А. А. Кроник, Е. А. Кроник в своей книге «Психология человеческих отношений» пишут: «Значимость – это свойство людей, вещей, идей, всего существующего в мире делать нас добрее или злее, правдивее или лживее, прекраснее или безобразнее, т. е. приближать к жизненному предназначению или отдалять от него» [6].

Значимыми для ребёнка являются его близкие, родные люди, друг или, если друга нет, мечта о друге.

М. В. Осорина пишет о том, что «одним из существенных свойств человека является его стремление наделять события смыслом» [7]. Она отмечает: «Законы развития человеческого существа заставляют каждого ребёнка в определённый момент самостоятельно начать грандиозную работу осмысления окружающего мира и самого себя» [7].

Дети очень любят изображать свой родной дом, членов своей семьи. М. В. Осорина замечает, что дом воплощает идею интимного, личностного пространства, обиталища человеческого «Я»: «Домашний мир для ребёнка – это всегда сплав предметно-пространственной среды дома, отношений в семье и собственных переживаний и фантазий, привязанных к вещам и людям, населяющих дом. Никогда нельзя заранее предположить, что именно в мире дома окажется для ребёнка наиболее важным, что сохранится в его памяти, повлияет на дальнейшую жизнь» [7].

5. Что я люблю. «Каникулы», «Прогулка в лесу», «Игра», «За грибами», «На рыбалке», «Встреча с друзьями».

Ребёнок рисует на занятиях именно то, что значимо именно для него и именно в данный момент времени.

Игра для младшего школьника продолжает оставаться самым любимым занятием, которое объединяет его с другими детьми.

Максимилиан Волошин в работе «Откровения детских игр» пишет: «Каждый из нас в детстве переживал ту полноту и ту остроту впечатлений бытия, когда всё, что вне, настолько смешано с тем, что внутри, что нельзя провести грани между мечтой и действительностью, между жизнью и игрой» [1].

6. Чего я боюсь. «Страхи», «Ужасики», «Монстры», «Катастрофы», «Извержение вулкана», «Ураган».

Иногда ребёнок может нарисовать только свои страхи, и это говорит о том, что у ребёнка нет гармонии с миром, взаимопонимания со значимыми для него людьми.

7. На кого я хочу быть похожим. «Мой любимый герой», «Моя любимая книга», «Мой любимый мультфильм», «Мой любимый фильм».

А. А. Кроник, Е. А. Кроник пишут: «Кроме служения себе и другому существует ещё служение идее. Именно поэтому значимым может стать человек, живший задолго до нашего рождения (выдающийся мыслитель, политический деятель, поэт, художник) или литературный, чья жизнь – результат художественного вымысла» [6].

Ребёнок задумывается, кому из героев книг, фильмов, мультфильмов он хотел бы подражать.

8. Человек. «Взрослые и дети», «Пешеходы», «Мой учитель».

Выполняя рисунок «Взрослые и дети», ребёнок задумывается, чем взрослые отличаются от детей. Существует большая разница между миром взрослого человека и миром ребёнка, но между родителем и ребёнком есть взаимопонимание и любовь. Иногда вместо этого есть отчуждение, обида и даже враждебность. Всё это найдёт своё отражение в рисунке. Возможен вариант темы рисунка «Мать и дитя». Ребёнок может изобразить людей или животных (например, кошку и котёнка, собаку и щенка, лошадь и жеребёнка и т. д.). При этом ребёнок отождествляет себя с ребёнком на рисунке, а при изображении матери он думает о своей маме. В рисунке можно увидеть взаимопонимание между ребёнком и матерью или неприязнь и отчуждение.

В работе «Пешеходы» мы увидим, как чувствует себя человек в городе, является ли для него городская среда комфортной или враждебной. При этом мы понимаем, как воспринимает город сам автор рисунка.

Когда ребёнок выполняет рисунок «Мой учитель», для преподавателя становится ясным, является ли школьный учитель значимой фигурой для своего ученика, вызывает ли он чувство гордости, уважения или страх.

9. Природа. «Белый снег», «Птицы на снегу», «Гроза», «Радуга».

Для ребёнка восприятие природы очень важно. Это восприятие должно иметь эмоциональную окраску.

М. В. Осорина пишет: «Место, где ребёнок пережил гармоническое созвучие своих душевных состояний с окружающей природой, может стать для него в дальнейшем (пусть хотя бы в воспоминаниях) источником жизненной силы и умиротворения» [7].

10. Времена года. «Осень», «Осенний лес». «Зима», «Зимний город». «Весна», «Первые птицы». «Лето», «Летний букет».

Если природа является значимой для ребёнка, он с интересом подмечает изменения, происходящие в природе, и изображает их на своём рисунке.

Со сменой времён года изменяется не только цвет листвы и травы, цвет неба и воды, но происходит изменение эмоционального настроения. Выделение характерных черт, свойственных определённому времени года, находит своё отражение в рисунке.

11. Животные. «Собака», «Кошка», «Звери на свободе», «Выставка собак».

Животные – это тоже друзья ребёнка. Домашний питомец требует внимания, ухода, заботы. Он отвечает своему хозяину преданностью и любовью.

12. Мой город. «Зима в Кузьминках», «Городской пейзаж».

Когда ребёнок выполняет рисунок на тему городского пейзажа, мы опять решаем проблему взаимодействия ребёнка и окружающего ландшафта.

М. В. Осорина пишет: «Положительной стороной способности ребёнка замечать, наблюдать, переживать, творить разнообразные миры, встроенные в повседневную жизнь, является богатство и глубина его душевного общения с ландшафтом, умения получать в этом контакте максимум лично важно информации и достигать чувства единения с миром» [7].

13. Фантазия и тайна. «Сказочный город», «Сказочный терем», «Принцесса», «Рыцарь», «Таинственный остров», «Пиратская карта».

Если попытаться найти то, что может помочь заинтересовать детей на занятиях, что может объединить детей, родителей и педагогов, то можно сделать вывод, что для детей очень важны фантазия и тайна.

М. В. Осорина говорит о приобретении ребёнком при помощи воображения совершенно новой степени свободы, которая позволяет ему быть чрезвычайно

активным и самостоятельным в удивительном внутреннем мире психики, которая начинает у ребёнка формироваться: «Эти возможности дают ребёнку ощущение собственной силы, дееспособности» [7].

Из своего детства любой взрослый может вспомнить завораживающий момент тайны, которой нельзя ни с кем поделиться, разве только с самым дорогим другом.

Можно кратко сформулировать: друг – это другой плюс доверие, чужой – это другой плюс недоверие. Тайна – это то, что знаю только я и мой друг, это то, о чём мы никогда не скажем чужим. Если мы решаем поделиться своей тайной с кем-то ещё, то он должен стать нашим общим другом. Но тайной нельзя поделиться с чужим. Когда мы рассказываем общую тайну чужому человеку, мы предаём дружбу. Тайна перестаёт быть тайной, между друзьями возникает зона отчуждения, мы становимся чужими людьми или врагами.

М. В. Осорина пишет: «Появление личной тайны становится для ребёнка важным моментом, который позволяет ему прочувствовать своё «Я» как ограниченное, выделенное из окружающего мира вместилище своей внутренней жизни, напрямую недоступное для других людей. Это открытие знаменует очередной этап взросления личности ребёнка...

Объединение вокруг общей тайны является одним из важнейших психологических инструментов, который используют дети для сплочения своей группы, усиления чувства «Мы» [7].

14. Космос. «Космическое путешествие», «Встреча в космосе».

Расширение границ познания, мечты о встрече с новыми цивилизациями в космосе привлекают детей. Фантазия помогает нарисовать образы новых космических станций, которые позволят людям достичь далёких планет. В зависимости от внутреннего состояния ребёнка, его взаимоотношений с окружающими его людьми встреча с инопланетянами рисуется ему либо радостной и дружелюбной, либо враждебной.

15. Спорт. «Лыжник», «Бегун», «Футбол», «Хоккей», «Фигурное катание».

Спорт входит в ряд тех занятий, которые интересны и увлекательны для ребёнка. Ученик стремится нарисовать тот вид спорта, которым он занимается или хотел бы заниматься.

Рисуем «как»

Рисунок – ключ к дверям взаимопонимания

А. А. Кроник, Е. А. Кроник пишут: «Взаимопонимание – такая расшифровка партнёрами сообщения друг друга, которая соответствует значению сообщения с точки зрения их автора» [6].

Взаимопонимание очень важно для установки гармоничных межличностных отношений. Ребёнку нужно быть правильно понятым сверстником, родителем, педагогом, другими взрослыми.

Можно выделить такие направления взаимопонимания:

- 1) ребёнок – педагог;
- 2) ребёнок – родитель;
- 3) ребёнок – другие дети в группе.

Взаимодействие педагога и ребёнка в процессе рисования

Установка взаимопонимания между ребёнком и педагогом происходит, когда ребёнок рисует, а педагог внимательно наблюдает процесс рисования. При этом педагог задаёт вопросы о рисунке, вопросы эти должны быть ненавязчивыми. Педагог может поделиться с ребёнком своими наблюдениями за жизненной ситуацией, близкой к той, которая изображена на рисунке.

Ребёнок дополняет рисование своими рассуждениями. Где не хватает изобразительных навыков, он помогает себе словами, а где не хватает слов, помогает изображением. В этом случае рисунок, по словам Л. С. Выготского, выступает графической речью.

Взаимодействие педагога, ребёнка и родителя в процессе рисования. Зона ближайшего развития

Родители участвуют в занятиях группы, что способствует лучшему взаимопониманию между ребёнком и родителем. Рассматривая рисунки ребёнка и выслушивая комментарии к рисункам в процессе работы, родитель начинает понимать, что волнует его ребёнка, что для него значимо и что он хочет изобразить.

Ю. Б. Гиппенрейтер описывает действие закона ближайшего развития, открытого Л. С. Выготским: «По мере развития ребёнка круг дел, которые он начинает выполнять самостоятельно, увеличивается за счёт тех дел, которые он раньше выполнял вместе со взрослым. Завтра ребёнок будет делать сам то, что сегодня он делал вместе с мамой, именно благодаря тому, что это было с мамой... Зона дел *вместе* – это золотой запас ребёнка. Его потенциал на ближайшее будущее» [4].

На занятиях во время выполнения ребёнком рисунка родитель находится рядом. Педагог часто видит, что мама, а чаще бабушка всё время пытается подсказать ребёнку. Эта мелочная опека мешает ребёнку. В этом случае педагог ненавязчиво напоминает ребёнку, что он является автором рисунка, а педагог только может ему советовать, окончательное решение принадлежит автору.

Таким образом ребёнку передаётся ответственность за свои дела, поступки, результаты своего труда. Ребёнок становится более ответственным и уверенным в себе.

На занятиях мы соблюдаем правило: «Сначала с заданием пытается справиться сам ребёнок, только потом ему может помочь родитель». Иногда только присутствие рядом близкого человека помогает ребёнку справиться с заданием.

Взаимодействие ребёнка с другими детьми в группе

Взаимопонимание со сверстниками достигается тогда, когда после каждого занятия каждый ребёнок выставляет свой рисунок на выставке в кабинете.

Возникает момент:

- изображение, как его понимает автор;
- изображение, как его понимает зритель.

Вирджиния Сатир пишет: «Хорошие отношения между людьми зависят от того, насколько точно они воспринимают информацию, передаваемую друг другу» [8].

Рисунок как средство общения

Рисунок позволяет увидеть скрытую тревожность и агрессию, которые внешне могут не проявляться в поведении ребёнка. Часто такие моменты, как завышенная самооценка и демонстративное поведение, отражаются в рисунках ребёнка. Иногда ребёнок изображает себя таким, каким он хочет себя видеть, и выражает свой уровень притязаний. В некоторых рисунках заметна разница между возможностями, способностями ребёнка и фантазиями о своём будущем, что характерно для людей с завышенной самооценкой.

Иногда самооценка занижена, и тогда фантазийные концепции указывают на то, что ребёнок хотел бы видеть себя смелым и сильным рыцарем, но в данный момент себя таковым не ощущает.

На наших занятиях рисунок становится средством общения между ребёнком и педагогом, когда ребёнок испытывает затруднения в общении. При этом стоит избегать вопроса «Что ты нарисовал?». Такой вопрос приводит к понижению самооценки ребёнка. Нужно постараться угадать, что изображено, и задать вопрос: «Эта кошка домашняя или дикая?»

Рисунок и публичное выступление

На каждом занятии ведётся судовой журнал. Наше путешествие должно быть отражено в этом журнале в виде рисунка, комикса или письма. Затем каждый из ребят рассказывает другим детям и их родителям, что он нарисовал. Каждое выступление встречается доброжелательными репликами и аплодисментами. Таким образом приобретается опыт публичного выступления и пополняется словарный запас. В этом случае рисунок выступает внешним средством. Ю. Б. Гиппенрейтер

пишет: «Выготский нашёл, что ребёнок легче и быстрее учится организовывать себя и свои дела, если на определённом этапе ему помочь внешними средствами, ими могут быть картинки для напоминания, список дел, записки, схемы или написанные инструкции» [4].

Заключение

На наших занятиях в процессе рисования происходит коррекция межличностных отношений детей. Рисунок в этом случае является не только конечным результатом творческого процесса, но и средством для развития межличностных отношений, способствует формированию новых способов коммуникации и улучшению отношений младших школьников со сверстниками и взрослыми.

В Центре психолого-медико-социального сопровождения «Юго-Восток» для определения направления работы с ребёнком применяется блок диагностических методик. Для определения результативности программы планируется в конце года повторить блок диагностических методик и сравнить результаты до и после серии арт-терапевтических и других занятий. Промежуточная диагностика результативности программы была получена при анализе рисунков, которые ребёнок выполнял на протяжении всего цикла занятий. Рассматривались все рисунки в последовательности по мере их создания. В ходе исследования стало очевидно, что рисунки детей можно использовать как средство исследования динамики развития межличностных отношений у младших школьников.

Библиографический список

1. Волошин М. А. Средоточье всех путей...: стихотворения и поэмы. Проза. Критика. Дневники / сост., вст. статья, комм. В. П. Купченко, З. Д. Давыдова. – М.: Московский рабочий, 1989. – 605 с. – («Московский Парнас»).
2. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. – СПб.: Союз, 2004. – 224 с.
3. Выготский Л. С. Лекции по психологии. – СПб.: Союз, 1999. – 144 с.
4. Гиппенрейтер Ю. Б. Общаться с ребёнком. Как? – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2010. – 238 с.
5. Гиппенрейтер Ю. Б. Продолжаем общаться с ребёнком. Так? – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 256 с.
6. Кроник А. А., Кроник Е. А. Психология человеческих отношений. – Дубна: Феникс; Когито-Центр+, 1998. – 224 с.
7. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – СПб.: Питер, 1999. – 288 с. – (Серия «Мастера психологии»).
8. Сатир В. Как строить себя и свою семью. – Киев: Педагогика-Пресс, 1992. – 192 с.

© Наумова М. Л.

**НРАВСТВЕННО-ВОЛЕВОЕ РАЗВИТИЕ
ПОДРОСТКОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ
ВОСТОЧНЫМИ БОЕВЫМИ ЕДИНОБОРСТВАМИ**

К. Н. Баубекова

Детская школа боевых искусств «Лун», г. Астрахань, Россия

**MORALLY-STRONG-WILLED DEVELOPMENT
OF ADOLESCENTS ENGAGED
IN ORIENTAL MARTIAL ARTS**

K. N. Baubekova

School children of martial arts «Moons», Astrakhan, Russia

Summary. The article considers the problem of moral and volitional development of adolescents. Article empirically proved that Teens going in for Oriental martial arts, strong-willed qualities and morality developed to a greater extent than other their peers.

Key words: morality; will; oriental martial arts; adolescents.

Проблема нравственно-волевого развития подростков в современных условиях становится особо актуальной. Она обусловлена потребностью нашего общества в формировании у подростков нравственно-волевого развития. Особенно важно в процессе развития нравственно-волевых качеств сохранить индивидуальные особенности каждого подростка, его внутреннее «Я».

Современностью диктуется необходимость воспитания психологически и нравственно грамотных подростков [1, с. 21]. В процессе личностного формирования подростков их нравственное развитие должно выступать в качестве одного из основных аспектов, для этого подростков нужно приобщать к общечеловеческим ценностям [2, с. 31].

Нами было проведено эмпирическое исследование, в результате которого сравнивались показатели средних значений по шкалам, отражающим психологические особенности нравственно-волевых качеств подростков, не занимающихся спортом, занимающихся восточными боевыми единоборствами и занимающихся другими видами спорта.

В эмпирическом исследовании приняли участие 90 подростков – это три выборки подростков:

- 1) не занимающиеся спортом;
- 2) занимающиеся разными видами спорта;
- 3) занимающиеся восточными боевыми единоборствами.

Особенности развития их волевых качеств выявлялись с помощью теста «Самооценка волевых качеств подростков-спортсменов», разработанного Н. Е. Стамбуловой. Особенности их нравственного развития выявлялись с помощью опросника М. И. Рожкова «Уровень развития моральных суждений личности» и методики «Социализированность личности учащегося». Им так же предлагались для ответов методики: «Самоактуализационный тест», предложенного Н. Ф. Калина [3, с. 283-300], опросник «Стиль саморегуляции поведения – 98», разработанный В. И. Моросановой [4, с. 98].

В качестве математических методов обработки данных выступили методы первичной статистики (вычисление среднего арифметического). Математическая обработка результатов выполнялась с помощью статистического пакета, была использована программа Microsoft Excel 2007.

Проанализируем полученные показатели средних значений. Показатели средних значений свидетельствуют о том, что у подростков, занимающихся восточными боевыми единоборствами, сравнительно минимально развиты нравственно-волевых параметров нет. У подростков, занимающихся восточными боевыми единоборствами, в сравнении с подростками, занимающимися другими видами спорта и не занимающимися спортом, максимально развито (по убыванию):

нравственность, этические принципы, ценностные ориентации, самопонимание, смелость и решительность, сила воли. Таким образом, мы видим, что подростки, занимающиеся восточными боевыми единоборствами, в сравнении с другими подросткам, придерживаясь этических принципов и соответствующих им ценностных ориентиров, проявляя смелость, решительность и силу воли, осознают и позиционируют себя как более нравственные личности. Следовательно, можно утверждать значительную пользу занятий восточными боевыми единоборствами для нравственно-волевого развития подростков.

Библиографический список

1. Брюхова Н. Г. Лидерство в групповом психологическом консультировании по проблемам жизненного пути как условие развития коллективного акме // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. – Издательство НПО «МОДЕК», 2011. – № 2 (11). – С. 21–32.
2. Брюхова Н. Г. Нравственное развитие как ценностный ориентир и необходимое условие для обретения молодыми людьми личностной зрелости // Система ценностей современного общества: сборник материалов XXIV Международной научно-практической конференции / под. общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск : Издательство НГТУ, 2012. – 240 с. – С. 151–155.
3. Маслоу А. Психология бытия / пер. с англ. О. О. Чистякова. – М., 2007. – 300 с.
4. Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции. – М. : Наука, 1998. – 192 с.

© Баубекова К. Н.

УДК 159.922.6

ЭМПАТИЯ В НРАВСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ПОДРОСТКОВ

Н. Г. Брюхова, О. А. Слесарева

Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия

EMPATHY AND MORAL DEVELOPMENT OF ADOLESCENTS

N. G. Bryukhova, O. A. Slesareva

Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia

Summary. The article examines the problem of the development of empathy in adolescents. The article highlights the comparative analysis of the empirical data teenagers and students. Article empathy is considered as a potential moral development of adolescents.

Key words: empathy; morality; development potential; abilities; trends; students; teenagers.

Наступает время, когда нравственное развитие всё больше начинают рассматривать как ценностный ориентир и необходимое условие для обретения молодыми людьми личностной зрелости. Особую важность проблема развития нравственных качеств личности обретает при обращённости к подростковому возрасту, поскольку «нравственные качества – это качества, которые в первую очередь характеризуют личность» [1, с. 102]. В свете исследования этой проблемы актуализируются ценностные представления восточнославянского этноса о нравственном идеале. В рамках концепций нравственности рассматривают обыденные представления о порядочном человеке, обращаются к исследованию аспектов нравственного сознания и позитивному эмоционально-нравственному опыту [2]. И не случайно большое значение здесь придаётся развитию эмпатии как нравственного качества личности [3, с. 150–153].

Эмпатия является социально-нравственным свойством, качеством личности и проявляется через понимание и постижение эмоционального состояния, сочувствия и сопереживания другому человеку, посредством вчувствования и проникновения в его субъективный мир.

Эмпатия играет важную роль в нравственном воспитании личности. Эмпатия рассматривается как необходимое основание для личностного переживания нравственных решений, она стимулирует более нравственную направленность личности и определяет готовность личности к совершению нравственных поступков.

Эмпирические данные 143 подростков и 152 студентов позволили нам выявить следующие феноменологические особенности развития эмпатии у подростков в сравнении с развитием эмпатии у студентов. У подростков нравственность развита в большей мере, чем эмпатические тенденции как стремление проявлять эмпатию. При этом у них нравственность развита в меньшей мере, чем эмпатийные способности. У подростков в большей мере развиты эмпатийные тенденции, а у студентов в большей мере развиты эмпатийные способности. При этом у подростков минимально развиты ответственность и нравственность, затем совестливость и эмпатийные тенденции, и максимально развиты эмпатийные способности и мотивация достижения успеха. В числе исследуемых не обнаружилось подростков и студентов, которые характеризуются очень низким уровнем развития эмпатийных тенденций. Можно утверждать, что чем больше у подростков и студентов развиваются эмпатические тенденции, тем более они, развивая свои эмпатические способности, становятся нравственными и ответственными.

Таким образом, наше исследование, проводимое с целью подтверждения или опровержения гипотезы о том, что развитие эмпатии как свойства, качества, личностной особенности, оказывает влияние на нравственное развитие подростков, позволило подтвердить гипотезу о том, что эмпатия является потенциалом, резервом для нравственного развития подростков. Эмпатия в наибольшей степени проявляется в нравственном развитии подростков, характеризующихся средним и высоким уровнем развития эмпатийных тенденций. Справедливости ради отметим, что у студентов эта динамика является более выраженной.

Библиографический список

1. Брюхова Н. Г. и др. Психологическое консультирование по проблемам жизненного пути для личностно-профессионального развития и совершенствования специалиста системы профессий «человек-человек» // *Возрастная и педагогическая психология: механизмы и условия психического развития и формирования личности* : моногр. – Глава 4. – Новосибирск : Издательство ЦРНС, 2013. – С. 95–150.
2. Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 312с.
3. Жданова Л. Г. Эмпатия как нравственное качество личности // *Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики* : материалы V Международной научно-практической конференции. Казанский (Приволжский) федеральный университет, 15–16 апреля 2011 г. / под ред. С. В. Петрушина. – Казань : Издательство «Отечество», 2011. – 520 с. – С. 150–153.

© Брюхова Н. Г., Слесарева О. А.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭМПАТИИ
ПСИХОЛОГА-КОНСУЛЬТАНТА**

Н. Г. Брюхова, С. М. Капустина

**Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия**

**PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT
OF EMPATHY OF THE PSYCHOLOGIST-ADVISED**

N. G. Bryukhova, S. M. Kapustina

**Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia**

Summary. The article highlights the peculiarities of the development of empathy in psychologists-consultants. The article emphasizes the necessity of moral development of the psychologist-adviser.

Key words: psychological peculiarities; development; empathy; trend of empathy; morality; conscience; responsibility; psychologist-consultant.

К пониманию нравственности практикующего психолога можно приблизиться, выделив следующие аспекты профессиональной деятельности психолога-консультанта: общие этические требования; профессиональная этика психолога; принципы, специфичные для практикующих и консультирующих психологов [2, с. 65].

На основе проведённого контент-анализа научных текстов, освещающих особенности личности психолога-консультанта как специалиста-профессионала, в числе наиболее важных параметров для развития выделены такие личностно-профессиональные особенности, как ответственность и эмпатия [3, с. 144–145].

Эмпатия (от греч. *empathēia* – сопереживание) – это постижение эмоционального состояния, проникновение-вчувствование в переживании другого человека. Отечественными и зарубежными авторами рассматриваются и исследуются эмпатические тенденции как стремление к проявлению эмпатии [5, с. 91], эмпатийные профили [4, с. 453], эмпатийные способности [1, с. 385–386].

Нами были проведено эмпирическое исследование и проанализированы показатели психологов-консультантов, характеризующихся разными уровнями развития эмпатии (108 человек будущих, начинающих и профессиональных психологов-консультантов). В качестве наиболее важных можно выделить выводы по выборке психологов-консультантов, характеризующихся очень высоким уровнем развития эмпатийных тенденций. Отметим, что нами не выявлено психологов-консультантов, характеризующихся очень низким уровнем развития эмпатийных тенденций. У психологов-консультантов с очень высоким уровнем развития эмпатийных тенденций средние показатели по шкале совестливости даже ниже, чем у психологов-консультантов с низким уровнем эмпатийных тенденций. Это свидетельствует о том, что психологи-консультанты с очень высоким уровнем развития эмпатийных тенденций достигают успеха не под руководством своей совести, а вопреки ей. Они максимально умеют эмпатийно идентифицироваться (при сравнительно максимальном уровне развития мотивации достижения успеха и минимальном уровне развития совестливости). Однако увеличение развития нравственности никак не связано с развитием их эмпатийных способностей и особенно с развитием их эмоционального канала эмпатии и канала идентификации в эмпатии. Чем более нравственными они становятся, тем больше они отказываются от развития эмпатийных тенденций, рационального канала эмпатии, и от установок, способствующих эмпатии. Чем более нравственными они становятся, тем менее ответственными, и значительно менее совестливыми. Но тем более у них возрастают проникающая способность в эмпатии

и мотивация достижения успеха. Таким образом, выявлено, что они, по сути, не развивают у себя нравственность (если у них усиление совестливости и ответственности влекут за собой ухудшение их нравственности).

Напрашивается вывод: вот к чему может привести бесконтрольное развитие эмпатии.

Библиографический список

1. Бойко В. В. Диагностика уровня эмпатии // Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. – СПб. : Издательство «Питер», 2000. – С. 385–386.
2. Брюхова Н. Г. Этика в индивидуальном психологическом консультировании акмеориентированного клиента // Психология. Теория и практика. – М. : АВАЛОН, 2012. – 127 с. – С. 61–67.
3. Брюхова Н. Г. и др. Психологическое консультирование по проблемам жизненного пути для личностно-профессионального развития и совершенствования специалиста системы профессий «человек-человек» // Возрастная и педагогическая психология: механизмы и условия психического развития и формирования личности : моногр. – Гл. 4. – Новосибирск : Издательство ЦРНС, 2013. – С. 95–150.
4. Петровский А. В. Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1999. – 494 с.
5. Юсупов И. М. Психология взаимопонимания. – Казань : Татарское книж. изд-во, 1991. – 192 с.

© Брюхова Н. Г., Капустина С. М.

УДК 159.923.2 (УДК 159.947.23)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК НРАВСТВЕННАЯ ОСНОВА ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЁЖИ

Н. Г. Брюхова, Ю. В. Ильященко

Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия

RESPONSIBILITY AS THE MORAL BASIS OF PERSONAL DEVELOPMENT OF YOUNG PEOPLE

N. G. Bryukhova, Y. V. Ilyashchenko

Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia

Summary. The article considers the responsibility as the moral basis of personal development of young people. Article based on a comparative analysis of the peculiarities of personal development of young people and adults has highlighted the need for the youth of responsibility.

Key words: responsibility; morality; moral sense; conscience; personality; development; youth.

Современные социальные реалии и глобализация мировых процессов усиливают необходимость актуализации нравственного развития личности. Современное российское общество предъявляет такие требования к личности молодого человека, как порядочность, активность, самостоятельность. Развитие этих качеств невозможно без должного уровня развития у молодых людей ответственности [1, с. 134].

Пилотажные исследования особенностей развития ответственности у молодёжи (93 человека в возрасте от 18 до 27 лет) в сравнении с особенностями развития ответственности у выборки взрослых людей (91 человек в возрасте от 35 до 45 лет) позволили прийти нам к следующему заключению. Ответственность как личностное качество развито средне и у молодых людей, и у взрослых. И молодые люди, и взрослые демонстрируют достаточно высокий уровень развития нравственности, при этом более зрелые люди, в отличие от молодёжи,

характеризуются большей степенью развития, как нравственности, так и других психологических особенностей. Чем больше у молодёжи развиваются ответственность и нравственность, тем больше у них развиваются эмпатийные тенденции, а стремление манипулировать людьми трансформируется в потребность способствовать становлению их и нравственными, и ответственными. Чем больше у них развивается ответственность, тем больше они в качестве главной цели своей жизни выдвигают делание добра, совершенствуют свою способность прощать, и стремятся защищать тех, кого обижают.

Взаимосвязь морали и ответственности С. Л. Рубинштейн рассматривает как ответственность за всё «содеянное и всё упущенное». Заканчивая свою последнюю работу «Человек и мир», С. Л. Рубинштейн пишет: «Смысл человеческой жизни – быть сознанием Вселенной и совестью человечества» [5, с. 232]. Нравственность – внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек; этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами [4, с. 339]. Нравственность – есть принятие на себя ответственности за свои поступки. Она основана на свободной воле, постольку нравственным может быть только свободное существо [2; 3].

Поэтому процесс формирования и развития молодого человека как нравственной личности может осуществляться как процесс усвоения ею нравственных норм и принципов, их всё более глубокого осмысления, эмоционального принятия, развития нравственной самооценки, нравственных качеств, их превращения во внутренний регулятор поведения, поступков. Для этого процесса в равной мере важны и практика общения, и практика отношений и деятельности, а также практика реализации нравственных ценностей в различных её видах.

Таким образом, можно утверждать, что ответственность, являясь нравственной основой личностного развития молодёжи, нуждается в целенаправленно организованном развитии. Она формируется в согласии с их нравственным совершенствованием.

Библиографический список

1. Брюхова Н. Г. и др. Психологическое консультирование по проблемам жизненного пути для личностно-профессионального развития и совершенствования специалиста системы профессий «человек-человек» // *Возрастная и педагогическая психология: механизмы и условия психического развития и формирования личности* : моногр. – Гл. 4. – Новосибирск : Издательство ЦРНС, 2013. – С. 95–150.
2. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. *Этика* : учебник. – М. : Гардарики, 2000. – 472 с.
3. Дробницкий О. Г., Иванов В. Г. *Философский энциклопедический словарь* / под ред. Л. Ф. Ильичёва, П. Н. Федосеева и др. – М. : Советская энциклопедия, 2003. – 275 с.
4. Ожегов С. И. *Словарь русского языка*. – М., 1985. – 750 с.
5. Рубинштейн С. Л. *Человек и мир*. – СПб., 2003. – С. 232.

© Брюхова Н. Г., Ильященко Ю. В.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ**

Н. Г. Брюхова, Т. В. Бородай

**Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия**

**PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT
OF LIABILITY IN ADULTHOOD**

N. G. Bryukhova, T. V. Boroday

**Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia**

Summary. The article highlights the psychological peculiarities of the development of responsibility in adulthood. The article gives recommendations for development in adulthood responsibility in concert with the moral development of the individual adult.

Key words: responsibility; development; ethics; morality; maturity age.

В последние годы увеличился интерес учёных к проблеме нравственно-го развития зрелой личности и её ответственности, возросло количество публикаций, но существует необходимость в конкретизации ряда вопросов, способствующих актуализации нравственного развития личности в зрелом возрасте на основе акцентирования внимания на значимости развития у взрослых ответственности.

Ответственность является одним из базовых нравственно-волевых свойств личности [2, с. 60–63], она рассматривается как характеристика нравственно-этической сферы личности [4, с. 17]. В связи с этим исследование особенностей ответственности, определение её социальных и личностных детерминант имеет особую теоретическую и практическую значимость. Так, является доказанным, что ответственность как характеристика нравственно-этической сферы личности оказывает влияние на нравственное развитие личности опосредованно через становление самооценки адекватной [3, с. 82–92]. Мы исследуем особенности личностной и социальной ответственности. Ответственность приписывается как внешним, так и внутренним инстанциям, и связана она, таким образом, с внешними или внутренними детерминантами. Нравственность – суть фундаментальный закон развития человеческой природы: не навреди себе, ближайшему окружению, соблюдай баланс материальных и духовных устремлений и действий, прав и обязанностей перед обществом [5, с. 34]. Ответственность здесь является одной из главенствующих черт личности, находящей своё отражение в межличностных особенностях взаимодействия с окружающим миром, в жизнедеятельности [1, с. 134].

В результате проведённого эмпирического исследования (108 человек в возрасте от 37 до 52 лет) нами было выявлено, что у взрослых с высоким уровнем развития ответственности, происходит углубление понимания нравственности и осознание усложнения её взаимосвязи с развитием ответственности. Наибольшее влияние на нравственное развитие личности взрослых оказывает развитие у них ответственности, то есть наибольшую значимость для нравственного развития личности взрослого имеет развитие ответственности, когда она ещё слабо развита.

Таким образом, нами были выявлены психологические особенности развития ответственности в зрелом возрасте, которые могут способствовать аргументации необходимости согласованного развития у взрослых ответственности и нравственности. Мы полагаем, что программа развития у них ответственность будет эффективной, если она строится с общечеловеческих нравственных позиций, основывается на актуализации развития ответственности взрослых в их жизнедеятельности, для обретения ими подлинной зрелости.

Библиографический список

1. Брюхова Н. Г. и др. Психологическое консультирование по проблемам жизненного пути для личностно-профессионального развития и совершенствования специалиста системы профессий «человек-человек» // *Возрастная и педагогическая психология: механизмы и условия психического развития и формирования личности* : моногр. – Гл. 4. – Новосибирск : Издательство ЦРНС, 2013. – С. 95–150.
2. Закирова М. А. Формирование ответственности за близкого // *Философия, вера, духовность : истоки, позиция и тенденции развития* : моногр. / под ред. О. И. Кирикова. – Воронеж : Изд-во Воронежского госпедуниверситета, 2005. С. 82–92.
3. Купрейченко А. Б., Воробьева А. Е. Нравственное самоопределение личности: концептуальные основы и эмпирические типы // *Вестник университета (Государственный университет управления)*. – 2009. – № 32. – С. 60–63.
4. Попов Л. М., Голубева О. Ю., Устин П. Н. Добро и зло в этической психологии личности. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 240 с.
5. Юнацкевич П. И., Чигирев В. А., Савенко И. В. Ведмецкая Л. В. Нравственное развитие взрослого человека: основные понятия // *Терминологический словарь*. – СПб. : ИОВ ПАНИ, 2009. – 44 с.

© Брюхова Н. Г., Бородай Т. В.

УДК159.9 (17.024)

**СОВЕСТЬ В ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ
БУДУЩЕГО ПСИХОЛОГА**

Е. Н. Павлова

**Бахтемирская средняя общеобразовательная школа,
Астраханская область, Россия**

**CONSCIENCE IN SPIRITUALLY-MORAL DEVELOPMENT
OF THE PERSONALITY OF A FUTURE PSYCHOLOGIST**

E. N. Pavlova

**Bakhtemirsk secondary school,
Astrakhan region, Russia**

Summary. The article examines the problem of moral and spiritual development of future psychologists. The article reveals the role and significance of conscience in spiritually-moral development of future psychologist.

Key words: conscience; spiritual and moral development; personality; and a future psychologist.

На современном этапе развития нашего общества, вслед за его потребностями, в психологической науке большое значение уделяется духовно-нравственному развитию личности на всех этапах ее социализации. В связи с этим может быть обозначена проблема исследования роли развития совести будущих психологов в процессе их духовно-нравственного развития. Поскольку психолог как лидер должен быть примером, взяв на себя роль не только мотивационного, когнитивного и эмоционального, но и нравственного вдохновителя процесса развития личности клиента, развития его совести [2, с. 23]. Совесть – орган, который помогает человеку определить, какой из потенциальных смыслов, заложенных в ситуации, является для него истинным; внутренняя мотивация человека стать лучше, которая помогает осуществлять контроль над своими чувствами, взглядами, поступками; внутренняя потребность человека нести ответственность за собственные поступки, действия. Совесть – это ответственность человека перед самим собой, но собой как носителем высших, универсальных ценностей [3, с. 205]; выражение всего нравственно-психологического функционирования личности, а не какая-то изолированная ее способность [1, с. 368]. Совесть – это способность

человека свои внутренние ценности создавать, разделять и следовать им; связана с самоосознанием и саморегуляцией человека; является ключевым понятием в вопросах нравственного сознания человека.

Говоря о роли совести, У. Джемс пишет, что «благодаря пробуждениям совести происходит духовное обновление каждого из нас» [4, с. 330].

Совесть есть духовное, сверхприродное начало в человеке. Как правило, она осознаётся через чувство внутреннего дискомфорта при нарушении собственных нравственных правил. «Ее сущность, вся ее принудительная Сила устанавливается существованием в нас такого чувства, которое нам необходимо преодолеть для того, чтобы совершить что-либо противное нашему нравственному принципу» [3, с. 126].

Т. А. Флоренская, разработавшая основы диалогического направления в отечественной психологии, нравственность характеризует, с одной стороны, как универсальное, общечеловеческое, безусловное содержание норм, а с другой стороны, как творчески индивидуальное проявление, укорененное в совести. По мнению автора, именно такая нравственность является проявлением духовности личности, ее духовно-нравственного развития [6, с. 62].

Н. В. Марьясовой утверждается, что нравственность должна оцениваться как одно из измерений духовности человека. Автор, освещая проблему духовности, выделяет, прежде всего, нравственный строй личности, ее способность руководствоваться в своем поведении высшими ценностями социальной, общественной жизни, следовать идеалам истины, красоты, добра [5, с. 4].

Мы считаем, что именно такой личностью с развитой совестью должен становиться в процессе обучения будущий психолог с целью оказанию профессионально-грамотной психологической помощи людям.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. О вере и нравственности по учению Православной Церкви. – М., 1991; Этическая мысль: научно-публицистические чтения. – М., 1988. – С. 336, 368.
2. Брюхова Н. Г. Лидерство в групповом психологическом консультировании по проблемам жизненного пути как условие развития коллективного акме // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. – Изд-во НПО «МОДЕК», 2011. – № 2 (11). – С. 21–32.
3. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика : учебник. – М. : Гардарики, 2000. – 472 с.
4. Джемс У. Психология / под ред. Л. А. Петровской. – М., 1991. – С. 330.
5. Марьясова Н. В. Духовность в контексте психологического анализа: личностный аспект : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Хабаровск, 2004. – С. 4–28.
6. Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии. – М. : Институт психологии АН СССР, 1991. – С. 62.

© Павлова Е. Н.

**СОВЕСТЬ КАК ОСНОВНОЙ НРАВСТВЕННЫЙ
ОРИЕНТИР БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ**

Е. Н. Павлова

**Бахтемирская средняя общеобразовательная школа,
Астраханская область, Россия**

**CONSCIENCE AS THE MAIN MORAL
LANDMARK FUTURE PSYCHOLOGISTS**

E. N. Pavlova

**Bakhtemirsk secondary school,
Astrakhan region, Russia**

Summary. The article indicated the importance of research of a problem of moral development of future psychologists. Article conscience is considered a basic reference moral development of future psychologists.

Key words: conscience; moral sense; the main moral guideline; a future psychologist.

В настоящее время чрезвычайно важными являются научные исследования нравственного развития личности человека для его становления и бытия ответственно мотивированным, стремления стать лучше, осмысленно руководствуясь в своей жизнедеятельности высшими универсальными нравственными общечеловеческими ценностями.

Особенно ярко эта проблема обозначается, когда речь идет о подготовке к профессиональной деятельности специалистов, призванных помогать людям в решении психологических проблем, – при обучении будущих психологов. Актуальность данных научных проблем обуславливается настоящим этапом развития нашего общества, востребованностью в современном мире ответственных и совестливых, нравственных и грамотных психологов, умеющих повести за собой окружающих, способствуя их личностно-профессиональному развитию, формированию у них стремления к подлинному достижению вершин в личностно-профессиональном развитии [1, с. 21]. В связи с этим нам видится необходимым исследование развития и саморазвития у будущих психологов такого личностного нравственного ориентира, как совесть.

У каждого из нас есть внутренний компас, который помогает человеку не сбиться с правильного пути, называемый совестью.

И. А. Ильин говорит о врожденности совести и необходимости совершенствования ее путем «прислушивания» к ее голосу [3, с. 178–179]. Вслед за И. А. Ильиным М. И. Воловикова описывает совесть как живую и цельную волю к совершенному, «первый и глубочайший источник чувства ответственности, основной акт внутреннего самоосвобождения, живой и могущественный источник справедливости» [2, с. 152].

Ю. В. Тихонравов, вслед за В. Франклом, подчеркивает, что осмысленность существования, моральная ответственность, совесть возможны лишь у религиозного человека, его настоящая жизнь является осмысленной и моральной в связи с тем, что он надеется на «жизнь вечную» [4, с. 111–112]. «С психологической точки зрения религиозная личность такова, что она испытывает не только то, что говорится, но и говорящего: слух ее более чуткий, чем у нерелигиозной личности. В диалоге с собственной совестью – этом интимнейшем из диалогов – Бог является ее собеседником» [5, р. 61].

Нравственность – это внутренние (духовные) ценности, которые определяют действия и устремления человека, образ мышления.

Каждый психолог, помогающий людям с возникшими трудностями, должен полагаться на свою совесть как нравственный ориентир, прислушиваясь к своим нравственным правилам и ценностям.

Таким образом, совесть является основным нравственным ориентиром. Будущие психологи должны действовать в соответствии со своей совестью. Ведь совесть – это внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступать; совесть помогает уважать других и самого себя; совесть помогает не выходить за рамки приличия и чувствовать грань дозволенного, а также совесть – регулятор поведения и человеческих поступков.

Библиографический список

1. Брюхова Н. Г. Лидерство в групповом психологическом консультировании по проблемам жизненного пути как условие развития коллективного акме // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. – Изд-во НПО «МОДЕК», 2011. – № 2 (11). – С. 21–32.
2. Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – 312 с.
3. Ильин И. А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – С. 178–179.
4. Тихонравов Ю. В. Экзистенциальная психология: учеб.-справ. пособие. – М.: ЗАО «Бизнес-школа „Интел-Синтез”», 1998. – 238 с.
5. Frankl V. E. The Doctor and the Soul. – N.Y.: Knopf, 1955. – P. 61.

© Павлова Е. Н.

УДК 159.923.2 (17.02)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

А. Г. Савельева

Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF SPIRITUALLY-MORAL DEVELOPMENT OF MODERN YOUTH

A. G. Savelieva

Astrakhan state University,
Astrakhan, Russia

Summary. The article reveals the psychological peculiarities of the development of spiritual and moral modern youth. The article focuses on the necessity of high spiritual and moral development of young people.

Key words: psychological peculiarities; spirituality; morality; development of modern youth.

На данном этапе развития нашего общества молодёжь подчас отличается эмоциональной, волевой и духовной незрелостью. Мы видим, что широкий размах приобрела ориентация молодёжи на атрибуты массовой, в основном западной культуры за счёт снижения истинных духовных, культурных, национальных ценностей, характерных для русского менталитета [3, с. 1].

Юношество и молодость – это довольно активный период в жизни человека: учёба, работа, создание семьи требует от молодых людей концентрации всех умственных, физических и психологических возможностей. В этот период происходит полное формирование характера личности. Заметно укрепляются те качества, которых не хватало в полной мере в старших классах – целеустремлённость, решительность, настойчивость, самостоятельность, инициатива, умение владеть собой. Так же наблюдается повышение интереса к моральным проблемам (цели, образу жизни, долгу, любви, верности и др.) [2, с. 26].

Нравственность – внутренняя оценка человеком норм своего поведения и своих поступков с точки зрения добра. Если нравственное – это то, что в своих действиях человеком видится не просто как допустимое, а доброе и благое, то

безнравственное – это нехорошее, недопустимое, вредное, этически безобразное и недостойное человека.

Человек трудится и живёт совместно с другими людьми, образуя с ними разнообразными общности, которые в обычной жизни представлены в виде многочисленных социальных общностей [5, с. 144]. Духовность и нравственность – это базовые характеристики личности, проявляющиеся в её деятельности и поведении. Духовность и нравственность являются взаимосвязанными феноменами, но духовность не сводится к нравственности. Нравственность является одним из её проявлений.

Нравственность характеризуется универсальным, общечеловеческим, безусловным содержанием её норм, и творчески индивидуальным личностным проявлением, как воплощением совести. Именно такая нравственность является характеристикой духовности личности.

Сочетание универсального, общечеловеческого с творчески индивидуальным выступает как важный психологический аспект духовности. Само это сочетание свидетельствует о том, что универсальное, вечное, общечеловеческое, безусловно, присуще каждому человеку, потенциально живет в нём [4, с. 62].

В процессе развития личности молодого человека его духовно-нравственное развитие должно выступать в качестве одного из основных аспектов его развития как зрелой личности. Для этого необходимо обучать молодых людей рассматривать и анализировать свои жизненные проблемы с позиции общечеловеческих ценностей [1, с. 154].

Таким образом, можно утверждать, что в процессе развития современной молодёжи внимание взрослых должно акцентироваться на актуальной необходимости создания условий для нравственного развития молодых людей, которое должно найти своё отражение в их деятельности, поведении и поступках.

Библиографический список

1. Брюхова Н. Г. Нравственное развитие как ценностный ориентир и необходимое условие для обретения молодыми людьми личностной зрелости // Система ценностей современного общества : сборник материалов XXIV Международной научно-практической конференции: / под. общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск : Издательство НГТУ, 2012. – 240 с. – С.151–155.
2. Лисовский В. Т. Социология молодёжи : учебник. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. – 361с.
3. Новиченко Ю. Н. Ценностные ориентации современной студенческой молодёжи (социальные исследования). URL: scienceforum.ru>2013/pdf/3660.pdf (дата обращения 1.11.2013).
4. Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии. – М. : Институт психологии АН СССР, 1991. – С. 62.
5. Хухлаева О. В. Психология развития: молодость, зрелость, старость : учеб. пособие для вузов. – М. : Академия, 2002. – 208 с.

© Савельева А. Г.

ОБЩИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ КРЕАТИВНОСТИ

А. И. Дубнякова

**Санкт-Петербургский университет МВД России,
г. Санкт-Петербург, Россия**

THE GENERAL APPROACHES TO CREATIVITY RESEARCH

A. I. Dubnyakova

**St. Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint-Petersburg, Russia**

Summary. In article the approaches to creativity research of the personality are considered. Approaches to measurement of cognitive, conative and emotional aspects of creativity of the personality are analysed. Psychodiagnostic techniques of creativity research of the personality are listed.

Key words: creativity; creativity research; psychodiagnostic techniques.

Один из наиболее важных вопросов креативности состоит в том, можно ли её достоверно и эффективно измерять. Оценка творческих способностей возможна с использованием различных методов: тестирование, метод «проблемной задачи», эксперимент и др. [1].

В современной литературе можно найти много методик для измерения креативности, различающихся как по форме, так и по принципу измерения [2]. Существуют шкалы для оценки качеств личности, опросники, направленные на выявление особенностей творческой деятельности, когнитивные задачи, экспертные оценки креативности. Методики, измеряющие креативность, делятся на два типа:

- измеряющие креативный потенциал;
- оценивающие качество творческой продукции.

Измерение креативности производится с учётом трёх аспектов: когнитивного, конативного и эмоционального.

Когнитивный аспект креативности исследуют с помощью когнитивных тестов, направленных на измерение базовых процессов мышления, благодаря которому создаётся креативный продукт. Эти тесты измеряют способность мыслить особым образом, когда это необходимо, но они не позволяют выяснить, используют ли люди эту способность спонтанно вне ситуаций тестирования. Наиболее важными тестами такого рода считаются тесты на дивергентное мышление Гилфорда и более поздние тесты на творческое мышление Торренса.

Дивергентное мышление отражает способность порождать большое количество разнообразных решений задачи. Конечная цель процесса дивергентного мышления состоит в порождении большого количества различных и оригинальных идей. По мнению Гилфорда, дивергентное мышление можно идентифицировать и измерить с помощью трёх показателей: беглость, гибкость и оригинальность.

Кроме тестов на дивергентное мышление, для измерения креативности используют и другие тесты когнитивного аспекта. Это, например, инсайтные задачи, тесты на ассоциации между словами и предметами и тесты на метафоры. Предназначенные для измерения креативности когнитивные тесты в целом поддаются критике, потому что они измеряют лишь отдельную сторону креативности и слишком тесно связаны с интеллектом [3]. Однако для оценки креативности чаще всего используются именно когнитивные тесты, так как они измеряют наиболее важные способности. Они коротки, легки в применении и дают количественные оценки, позволяющие сравнивать людей друг с другом.

Для измерения конативных компонентов креативности используются методики для оценки личностных черт, когнитивных стилей и мотивации. Творческих людей можно идентифицировать по их личностным чертам. Стандартные личностные тесты позволяют получить «профиль креативной личности», что

позволяет выявить людей с высоким и низким креативным потенциалом («Список прилагательных» Гоуха; личностный опросник «NEO-PI»). Ещё один из способов оценки креативности состоит в исследовании предпочтений и интересов человека по отношению к различным видам творческой деятельности. Такое исследование проводится с помощью опросников, включающих открытые и закрытые вопросы, или с помощью бесед и наблюдений («Методика для измерения отношения к творчеству» Шеффер).

Эмоциональный аспект измерения креативности состоит в том, что эмоциональное состояние человека влияет на его способность к креативности, на его креативный потенциал. В настоящее время методики, измеряющие эмоциональные факторы креативности, используются сравнительно мало, но исследования показывают, что они достаточно полезны для измерения креативного потенциала.

Немаловажную роль в креативной способности имеет окружающая среда. Чтобы измерить, в какой степени окружающая человека среда благоприятствует проявлениям креативности, обычно используют биографические опросники и методики для оценки условий профессиональной деятельности (методика «KEYS» Амабилл; опросник «SOQ» Айзексена).

Итак, представленные методики позволяют всесторонне оценить уровень развития креативности личности.

Библиографический список

1. Дубнякова А. И. К проблеме развития креативности курсантов вузов МВД России // Психолого-педагогические технологии в правоохранительной деятельности (Васильевские чтения – 2013) : материалы всероссийск. науч.-практ. Конференции: в 2-х ч. – Ч. 1. – Санкт-Петербург, 30–31 мая 2013 / сост. В. М. Статный. – СПб. : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2013. – С. 171–173.
2. Нельке М. Техники креативности. – М. : СмартБук, 2009. – 145 с.
3. Дюков В. М., Козулина Ю. Г. Теоретические подходы к исследованию креативности // Успехи современного естествознания. – М., 2010. – № 10. – С. 140–144.

© Дубнякова А. И.

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ СТИМУЛОВ
СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

О. Н. Паламарчук

**Винницкий государственный педагогический университет
им. Михаила Коцюбинского, г. Винница, Украина**

**THE STUDY OF SUBJECTS' OF BUSINESS PERSONAL
INCENTIVES TO PROFESSIONAL ACTIVITY**

O. N. Palamarchuk

**Vinnitsia State Pedagogical University named after Mykhailo Kotsiubynsky,
Vinnitsia, Ukraine**

Summary. The paper presents the key aspects of the business entities from the perspective of socially oriented lifestyle. An analysis of the impact on the motivation and actions of entrepreneurs is proposed. Leading incentive display of responsibility for the consequences of business is defined.

Key words: motivation; modern lifestyle; business entities; innovation activity; eco-oriented consciousness.

Развитие общественного производства в направлении капиталистической системы отношений и возникновение на этом этапе предпринимательства изменили приоритеты человека и общества. Современные измерения развития мирового экономического пространства подтверждают необходимость доминирования эколого-инновационного направления в процессах предпринимательских трансформаций. Возникает потребность в ответственной самоорганизации субъектов предпринимательства в направлении формирования «предпринимательского экологического сознания», направленного на генерирование устойчивого социально-экономического и научно-технического развития. Возникает необходимость изучения субъекта предпринимательства в разрезе его личностных компонентов. Ядром личностных компонентов, характеризующих предпринимательскую деятельность, является мотивация, а точнее, особенности мотивации, проявляющиеся в склонности или побуждении предпринимателя к инновационной деятельности, отличающей его от делового человека или бизнесмена, движимого только высокой прибылью, порой в ущерб инновациям. Представления об особенностях мотивации как ядра личностных стимулов субъектов предпринимательства к профессиональной деятельности послужили методологической основой для разработки и проведения эмпирического исследования.

Цель исследования заключалась в выявлении основных стимулов и мотивов поведения личности предпринимателя, побуждающих к активной предпринимательской деятельности, на примере предпринимателей Винницкой области.

Для достижения цели исследования мы решали следующие задачи:

1) провести теоретический анализ проблемы влияния мотивации на действия и поступки субъектов предпринимательской деятельности в психологической литературе;

2) разработать методику глубинного интервью на базе авторского вопросника-ориентира для изучения особенностей мотивации субъектов предпринимательской деятельности;

3) провести эмпирическое исследование и на основе его результатов сделать сравнительный анализ особенностей мотивации субъектов предпринимательской деятельности с учетом стажа работы и сферы деятельности;

4) определить ведущие мотивы, способствующие активной включенности личности предпринимателя в деятельность, проявлению его инициативы, осознанному принятию на себя ответственности за последствия своей деятельности.

В эмпирическом исследовании личностных стимулов ныне действующих субъектов предпринимательства к профессиональной деятельности приняли участие

96 представителей малого и среднего предпринимательства в возрасте от 20 до 65 лет. Среди них 15% составляют представители материального производства, 25% – нематериального производства, 20% – представители посреднических предприятий и 40% – представители предприятий сферы обслуживания.

Для реализации цели и задач исследования мы использовали метод глубинного интервью, для которого разработали авторский вопросник-ориентир. Этот психологический инструментарий помог собрать информацию о структуре ценностных представлений предпринимателей о себе и об их успешности в сфере предпринимательской деятельности.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что для подавляющего большинства субъектов предпринимательства (91%) их деятельность – это процесс непрерывного поиска изменений в потребностях и спросе конечного потребителя на продукцию и услуги, удовлетворения этих потребностей путем организации производства, сбыта, менеджмента, маркетинга, логистики, ориентированных на инновации и получение в качестве вознаграждения за свою деятельность прибыли. Следовательно, предприниматели в своем понимании предпринимательской деятельности акцент делают не на максимальной прибыли, а на потребителе, на его потребностях, удовлетворение которых благодаря высокому уровню организации предпринимательства и может принести максимальную прибыль. Предпринимательство, по мнению респондентов, это стиль хозяйствования, которому присущи новаторство, постоянная инициативность, ориентация на нововведения в процессах производства, маркетинга, распределения и потребления товаров и услуг. Предпринимательская деятельность не может быть репродуктивной деятельностью, т. е. она не предполагает организацию из года в год одного и того же производства, сбыта, распределения или другой деятельности в рамках апробированных технологий, норм и правил.

Сравнительный анализ данных, полученных в результате последовательных опросов, позволил выявить как общие особенности структуры мотивов предпринимательской деятельности, так и особенности ее динамики за последние годы, а также ее зависимость от возрастных особенностей предпринимателей. Тройку ведущих мотивов выбора предпринимательской деятельности занимают мотивы достижения самостоятельности и независимости собственного дела (32%), возможности реализации своих способностей (21%) и материальной обеспеченности (28%). Мотивы полезности собственной предпринимательской деятельности и достижения авторитета у окружающих представлены в значительно меньшей степени (19%).

Вместе с тем выявлены различия в данных, полученных от предпринимателей разных возрастов. Результаты свидетельствуют о различиях в структуре мотивации предпринимателей, процесс становления которых происходил во времена СССР и в условиях независимости Украины. Наиболее привлекательным мотивом для предпринимателей, имеющих опыт жизни во времена СССР, является мотив материального обеспечения. У молодых предпринимателей ранг данного мотива опустился значительно ниже, а на первом месте находится мотив самореализации. Это связано с тем, что первые шаги становления Украины как независимого государства привели к массовой безработице, к материальной незащищенности значительного количества семей и жизненной необходимости граждан начать заниматься собственной предпринимательской деятельностью. Сегодня же материальное благополучие для таких предпринимателей является важным показателем, демонстрирующим им самим и окружающим людям успешность в деятельности, связанной с возможностями и деловыми качествами. Важно и то, что сегодня в предпринимательской среде деньги являются, прежде всего, средством достижения конкретных целей деятельности – создания предприятия, реализации новых идей и т. п. Кроме того, деньги выступают инструментом, которым предприниматель манипулирует с целью увеличения прибыли. Респонденты утверждают, что в последние годы наблюдается увеличение значимости материального фактора. Такая ситуация объясняется изменениями в отношении общества к уровню благополучия и престижности предпринимательской деятельности. При этом у предпринимателей города более выражены мотивы независимости и самореализации,

а у предпринимателей из регионов более выражен мотив материальной обеспеченности. Возможно, это объясняется тем, что представители регионального предпринимательства оценивают свой уровень материального благополучия ниже, чем предприниматели города.

На основании анализа ответов респондентов можно сделать вывод, что на сегодняшний день отношение общества к предпринимательству изменилось в лучшую сторону. По мнению предпринимателей, значительное количество граждан понимает, что от уровня развития предпринимательства зависит повышение благосостояния общества. Общество хотя и постепенно, но приходит к осознанию давно уже признанного в кругу ученых тезиса о том, что основным двигателем развития и обновления экономической жизни являются инициатива и творчество частного предпринимателя. Поскольку предприниматель находится в обществе и является публичным лицом, то любой его поступок в семье, в офисе, на улице оценивается людьми с позиций нравственности и, в свою очередь, влияет на основную цель предпринимательства – получение прибыли. Поэтому, по мнению реципиентов, предпринимательские поступки должны соотноситься как с национальной культурой общества, так и с предпринимательской. И так, как утверждают предприниматели, общество рассматривает их как людей, обладающих единой предпринимательской субкультурой. Предпринимательская субкультура оказывается в рамках писаных или неписаных правил поведения, спонтанно возникающих в ходе эволюции предпринимательского социума и группирующихся в определенные культурные традиции, поступки, ритуалы, обычаи или «кодексы поведения».

Анализ ответов респондентов позволяет утверждать, что субъекты предпринимательской деятельности проявляют значительную независимость в своих поступках и действиях, стремятся руководствоваться в жизни и профессиональной деятельности собственными целями, убеждениями, установками и принципами, не отвергая при этом взгляды общества в целом и потребителей в частности. По мнению испытуемых предпринимателей, они с одной стороны являются свободными в выборе, мало подвержены внешнему влиянию и смело принимают на себя ответственность за свои решения и действия в ситуациях риска, а с другой стороны, им присуща существенная зависимость от состояния развития общества и экономики государства. В ситуациях, требующих гибкости, они способны подстраиваться под тональность потребителей, внимательно прислушиваться к их замечаниям, предлагать решения по исправлению положения.

Результаты глубинного интервью показали, что у 81 % предпринимателей выражена высокая степень гибкости во взаимодействии с потребителями, общении с поставщиками, партнерами и наемными работниками, а также способность быстро и адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию.

По мнению 72 % реципиентов, одним из стимулов развития предпринимательской деятельности нередко оказываются ситуативные обстоятельства, затрагивающие судьбы отдельных людей, побуждая их решать свои жизненные проблемы вступлением на путь предпринимательства. Однако 28 % предпринимателей придерживается мнения, что научиться предпринимательству невозможно. Для этого вида деятельности требуется особый вид человеческого таланта. Респонденты убеждены, что для начинания какого-либо предпринимательского дела знаний, полученных в процессе обычного обучения, оказывается практически недостаточно. Особое значение предприниматели придают способности, которую они называют экономическим чутьем. Предпринимательское чутье и организованная интуиция помогают субъектам предпринимательской деятельности находить новые экономические возможности, принимать быстрые решения и смело действовать.

Анализ ответов респондентов в мотивационной структуре предпринимателя позволяет выделить: во-первых, стремление к независимости (34 %); во-вторых, острое желание выделиться, проявить себя, удовлетворить здоровое самолюбие (28 %); в-третьих, удовлетворение личных потребностей в лидерстве (22 %); в-четвертых, желание принести пользу обществу (16 %). Однако чтобы обеспечить реальность воплощения в жизнь любого из перечисленных мотивов, все реципиенты (100 %) видят необходимым соответствующий доход. Поэтому достижение

прибыли, по мнению предпринимателей, является необходимым условием их профессиональной жизни и символом их успеха.

Субъекты предпринимательской деятельности широко оценивают как свой инновационный потенциал, так и инновационный потенциал своих подчиненных. Например, один из владельцев материального производства, который вовлечен преимущественно во все производственные процессы своего предприятия, постоянно акцентировал в сознании своих работников необходимость инновационного мышления: «Если Вы на рабочем месте, то Вы обязаны ежедневно работать на принципиально новом уровне. Нам не нужны работники, которые не могут предложить что-то новое, оригинальное, нестандартное. Нам не нужны работники, которые придя на работу, ждут указаний и распоряжений других. Нам нужны творческие люди, которые на собственном рабочем месте ежедневно знают, чем их заняться и что им сделать для повышения эффективности работы предприятия». Такую позицию вынуждено принимать подавляющее большинство работников. Те, кто не придерживались данного правила, через незначительные промежутки времени были уволены с работы.

Опыт успеха или неудач создает существенное влияние на формирование будущих перспектив в сфере предпринимательской деятельности. По мнению респондентов, если они берутся за решение новых и сложных, но в то же время посильных задач и преуспевают, то чувствуют себя компетентными и перспективными в сфере предпринимательства. Добившись успеха, например, на основе внедрения инновации, предприниматель убеждается в том, что он на правильном пути в своем стремлении осваивать это направление. Это стимулирует его работать упорнее и добиваться еще большего успеха. Основными социально-психологическими факторами успешности предпринимательской деятельности реципиенты видят: возможность самостоятельно решать свои проблемы, высокую оценку своей конкурентоспособности и высокую надежность партнеров. Ведущими факторами деловой активности, по мнению субъектов предпринимательской деятельности, являются: оценка уровня своей конкурентоспособности, степень надежности партнеров, изменение уровня жизни семьи, оценка достижения целей своей предпринимательской деятельности, отношение к конкуренции, ожидаемые перемены жизненного уровня семьи, отношение к риску и оценка собственных возможностей в развитии успешности собственной предпринимательской деятельности. В целом необходимо отметить, что уровень деловой активности предпринимателей и ее успешность респонденты связывают как с оценкой внешних условий предпринимательской деятельности, так и с оценкой собственных возможностей и себя как субъекта предпринимательской деятельности. При этом более успешные предприниматели склонны более высоко оценивать зависимость развития своего предприятия от собственных усилий, а менее успешные – от влияния внешних условий.

Исследуемые предприниматели отмечают, что если работать по максимуму, делать всё, что в твоих силах, и добиваться поставленных целей, то чувствуешь себя уверенным и способным «поднимать планку» еще выше. Следовательно, достижения поддерживают определенный путь экономической направленности, а направленность, в свою очередь, стимулирует личность предпринимателя на новые достижения.

Принятие предпринимателем самого себя проявляется через его способность не идеализировать себя, независимо от оценки своих достоинств и недостатков. Интересен тот факт, что предприниматели обращают внимание, как на «сильные», так и на «слабые» стороны своей личности. Они считают их одинаково важными и пытаются адекватно ими пользоваться, то есть в соответствии с конкретной ситуацией, что способствует их успешности в сфере предпринимательской деятельности. В интервью 83% респондентов указали на то, что они стремятся из каждой неприятной ситуации или неудачи извлекать полезные для себя и своего предпринимательства выводы, для них характерно отношение к неудачам не как к катастрофам, а как к шансам на получение новых возможностей. Анализ полученных результатов также показал, что для достижения своих целей в предпринимательской деятельности субъекты предпринимательства опираются

не только на внутренние личностные возможности, такие как целеустремленность, интуиция, независимость, ответственность, но и на внешние средства – такие, как связи и удачное стечение обстоятельств.

Результаты опроса позволяют утверждать, что предприниматели положительно оценивают свой профессиональный и личностный потенциал. Как основную особенность, которая обеспечивает их успешность в предпринимательстве, они выделяют умение гармонично преодолевать противоречия между внешними условиями жесткой конкуренции в предпринимательстве и необходимой гибкостью в своем поведении, общении и деятельности.

Предпринимателю, по мнению реципиентов, для достижения успеха в его деятельности необходимы решительность в реализации своих смелых планов в условиях жесткой конкуренции и высокой скорости изменений и в то же самое время гибкость его поведения, которая помогает менять стратегии для достижения поставленных целей. Гибкость мышления и поведения проявляется у предпринимателей в их способности подчинять и подчиняться ради достижения цели. Полифоничность реальной жизни, в том числе и деловой, проникает в предпринимателя и перестраивает его внутренний мир. Неслучайно предприниматели утверждают, что они первыми отвечают на вызов изменений, переосмысливая себя и свои достижения в предпринимательской деятельности в соответствии с требованиями и реалиями современной жизни.

Стоит также отметить, что на вопрос о связи между предприятием и потребителем значительная часть респондентов дала утвердительный ответ относительно ее наличия. Это объясняется тем, что особенностью предпринимательской деятельности является постоянный поиск новых идей и умение чувствовать то, как тебя оценивают потребители, и поступать так, чтобы оказывать влияние на них своим поведением и деятельностью. Реципиенты убеждены, что источником предпринимательских идей выступают именно интересы потребителей. Именно потребитель является исходным пунктом формирования идеи изготовления нового продукта или предоставления новой услуги. По мнению предпринимателей, выяснение потребностей потребителей приводит к инициированию идей предпринимательской деятельности. К тому же сам механизм управления инновационным процессом отражает необходимость постоянного учета мнения потребителей, начиная с предпроектной стадии и заканчивая послепродажным обслуживанием. Обратная связь с потребителями, по мнению 82 % респондентов, является неисчерпаемым источником свежих идей, советов и подсказок для их предпринимательской деятельности. Такая связь дает возможность субъектам предпринимательской деятельности получать актуальную информацию о возможных проблемах и неурядицах в предпринимательстве. Как отметил один из предпринимателей, «видя рынок глазами потребителя, мы вкладываем ресурсы в то, что является актуальным, и откладываем на перспективу идеи, для которых еще не пришло время. У нас задействованы все способы общения с клиентами – от электронной почты до внутренних информационных систем и живого общения». Принцип обратной связи, по мнению предпринимателей, требует осознать себя в качестве своеобразного «зеркального Я». В такой ситуации переплетаются «Я актуальное» («что я сделал, и как это отразилось на других, в частности потребителях») и «Я зеркальное» («как оценивают мои действия потребители»). Если в «Я актуальном» выражается взгляд предпринимателя на потребителей, то в «Я зеркальном» – взгляд на предпринимателя (себя) со стороны потребителей.

Итак, в поиске новых идей субъекты предпринимательской деятельности всё больше внимания уделяют мнению потребителей, поскольку конечной целью производства любого нового товара или услуги, по мнению реципиентов, является именно удовлетворение спроса потребителей. При этом 60 % предпринимателей пытаются просто отслеживать все интересные мысли, высказываемые друзьями, родственниками, коллегами в неформальной обстановке, 40 % – организуют специальные каналы обратной связи с потребителями.

На основе результатов глубинного интервью можно сделать вывод, что при сравнении современной и будущей модели собственной предпринимательской деятельности реципиенты делают акцент на собственных предпринимательских

качествах, которые условно можно сгруппировать в три блока: интеллектуальный блок (компетентность, развитие воображения, реальная фантазия, развитие интуиции, перспективное мышление), коммуникативный блок (координация усилий сотрудников, способность и готовность к терпению в общении с другими людьми и в то же время возможность идти против течения) и мотивационно-волевой блок (склонность к риску, ответственность, стремление бороться и побеждать, необходимость в самореализации и общественном признании). Особый акцент предприниматели (71%) делают на собственном здоровье и неиссякаемой энергии и оптимизме. Однако такой перечень характеристик они относят к портрету идеального предпринимателя, а не к собственному, типичному. Важной составляющей будущей модели собственной предпринимательской деятельности респонденты (51%) считают открытие собственного пути и способность открывать всё новые и новые ходы, которые будут полезными как для предпринимателя, так и для общества в целом. Итак, в будущей модели социальная составляющая должна выступать и как цель, и как главный фактор экономических преобразований. Принципиально важной частью этой модели, по мнению респондентов, является сбалансирование принципов, факторов, отношений и механизмов реализации социальных и экономических приоритетов. При этом необходимо принципы рыночной свободы согласовать с принципами социальной справедливости, обеспечить баланс рыночной эффективности и социальной гармонии. Основным акцент субъекты предпринимательской деятельности делают на эффективном соединении свободного предпринимательства и государственного регулирования, развития социального партнерства.

Результаты исследования показали, что основной причиной, которая может негативно повлиять на предпринимательскую деятельность, реципиенты (83%) называют противодействие и препятствия в работе со стороны государственных структур. Эти данные демонстрируют тот факт, что именно государственные органы воспринимаются предпринимателями как основной источник риска предпринимательской деятельности. Степень доверия и оценки партнеров внутри предпринимательской среды оценивается опрашиваемыми значительно выше, чем в их отношениях с представителями государственных органов власти, которые не воспринимаются предпринимателями как партнеры. Предприниматели предпочитают отношения со знакомыми и рекомендованными людьми. Партнерские отношения с близкими людьми (друзьями или родственниками) воспринимаются ими как нежелательные. При этом оценка предпринимательской надежности своих партнеров за последние годы поднялась. Чем выше предприниматель оценивает собственные возможности в развитии своего предпринимательства, тем позитивнее его представления о взаимоотношениях с партнерами. Порядочность, честность партнера – необходимое качество, при наличии которого на втором месте находятся профессионализм, компетентность, организованность.

Необходимо подчеркнуть, что на вопрос, нужно ли предпринимателю научиться прислушиваться к своему будущему, к будущему своих детей и внуков, реципиенты дали утвердительный ответ. По мнению респондентов, хотя предприниматель является исторической фигурой, то есть он отражает период времени, в котором функционирует, однако учет будущего – это один из первых аспектов предпринимательской деятельности. Субъекты предпринимательской деятельности утверждают, что, с одной стороны, ресурсы и люди нужны для того, чтобы воплотить предпринимательскую модель будущего в жизнь, а с другой стороны, от того, насколько успешно предприниматель справляется со своими ежедневными обязанностями, и будет зависеть судьба будущих поколений. Особый акцент в учете будущего субъекты предпринимательства делают на продолжении предпринимательского дела собственными детьми. Опрашиваемые обеспокоены такими особенностями молодого поколения, как: желание не работать, но зарабатывать; необоснованная амбициозность молодых людей, желающих получать высокую заработную плату за сам факт наличия у них высшего образования, не имея при этом ни трудового опыта, ни мотивации к труду, отсутствие профессионально-трудовой этики: ответственности, пунктуальности, понимания важности командного духа и т. п. Респонденты утверждают, что реалии предпринимательской деятельности,

предусматривающие повышенную ответственность за свои действия и постоянную кропотливую работу, противоречат желаниям и амбициям основной части современной молодежи.

Особую связь с будущим субъекты предпринимательства видят в определении влияния своей деятельности на жизнь будущих поколений. 44 % предпринимателей подчеркивают важность учета экологических последствий при управлении производством и разработке новой продукции. По мнению одного из реципиентов, «близорукость предпринимателей, действующих исключительно в своих собственных интересах, подрывает интересы всей страны и всего народа». Опрашиваемые утверждают, что общая тенденция развития предпринимательства заключается в том, что экология становится одним из факторов, который определяет структуру потребительских рынков. Тема экологического качества продукции перестает быть предметом обсуждения маргиналов и сторонников определенного образа жизни, она ложится в основу рыночного капитализма.

Таким образом, результаты проведенного эмпирического исследования дают основание утверждать, что предпринимательство – это творческая экономическая «профессия», которая требует своеобразного образа жизни и имеет свою специфическую философию. Успешность личности в предпринимательстве обеспечивается гармоничностью преодоления определенных внутренних противоречий между организованной интуицией, готовностью к риску, независимостью и ответственностью; нестандартными волевыми действиями и гибкостью поведения и общения. По мнению успешных предпринимателей, они умеют превращать личностный потенциал в финансовые успехи. Мотивация предпринимательской деятельности как мотивация особого вида труда (разработка и реализация инноваций) представлена комплексом внутренних побуждений и может быть отражена с помощью институциональной модели, где в спонтанно сформированных мотивах выделяется доминирующий или преобладающий мотив. Однако структуру мотивации не следует рассматривать как постоянную. Это означает, что при объяснении поведения предпринимателей следует принимать во внимание не только тот факт, что они стремятся следовать своим внутренним побуждениям, удовлетворению своих эгоистических интересов, но и то, что их комбинация меняется и постоянно подвергается изменениям под воздействием внешних факторов. Эти изменения следует рассматривать не как нечто произвольное по отношению к социальной структуре, а в зависимости от критериев, на которых основано признание в обществе, от того, что считается общепринятым символом престижа и статуса, добра и зла. Всё это влияет на мотивацию предпринимательской деятельности.

Библиографический список

1. Алабугин А. А. Формирование адаптационного механизма кокурентоспособного предприятия // Евразийский международный научно-аналитический журнал «Проблемы современной экономики». – 2004. – № 2. – С. 106–108.
2. Дементий Л. И. Типология ответственности // Гуманистические проблемы психологической теории. – М. : Московский ун-т, 1995. – С. 1–9
3. Мудзыбаев К. Психология ответственности. – Л. : Наука, 1983. – 240 с.
4. Плахотный А. Ф. Проблема социальной ответственности. – Харьков : Высшая школа, Изд-во Харьк. ун-та, 1981. – 192 с.
5. Херцберг Ф., Майнер М. Побуждение к труду и производственная мотивация: социологические исследования. – 1990. – № 1. – С. 122–131.

© Паламарчук О. Н.

**ТИПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ПРАКТИК ОТСРОЧКИ**

М. С. Дворник

**Институт социальной и политической психологии Национальной академии
педагогических наук Украины, г. Киев, Украина**

THE TYPOLOGY OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL POSTPONING PRACTICES

M. S. Dvornyk

**Institute of Social and Political Psychology of Pedagogical Sciences' National
Academy of Ukraine, Kiev, Ukraine**

Summary. The article is dedicated to the agenda of personality's postponing practices. The socio-psychological sense of postmodern postponing practices is substantiated. The process of typological construction of postponing practices by means of qualitative research methods is described.

Key words: socio-psychological practices; postponement; procrastination; constructivism; qualitative research methods.

Постановка проблемы. Всё чаще в научной и бытовой психологии звучит мысль о том, что планирование будущего, выстраивание перспектив, работа над постановкой жизненных задач заставляют личность двигаться вперед, расти, трансформировать свою реальность. Однако на этом пути встречаются различные препятствия, ситуации дискомфорта, неоднозначные события. Изменчивость сегодняшнего социального мира с его обилием противоречивой информации, инновационными технологиями, широкой вариативностью в применении подходов для решения задач повседневности заставляет современную личность приспосабливаться и находить особые способы собственного жизнеконструирования. Такими можно считать социально-психологические практики отсрочки, которые в разных контекстах и в разной мере могут применяться в выстраивании главенствующих жизненных задач [5].

Исходя из вышесказанного, **цель** нашей работы – выявление возможных практик отсрочки выполнения личностью собственных задач и создание их типологии на основе результатов качественного анализа данных исследования.

Анализируя последние исследования и публикации, нам удалось установить, что в целом концептуализация понятия «практики» принадлежит теориям в сфере социальных наук. Это понятие обозначает общие для многих, повседневные, сами собой разумеющиеся, однако осознанные действия, объединенные определенной повторяемостью и последовательностью, зависящие от накопленного опыта, но всегда открытые изменениям (Л. Бевзенко, П. Бурдые, В. Волков, Э. Гидденс, Г. Гутнер, Е. Злобина, В. Кизима, Ю. Резник, В. Рыжко, Т. Титаренко, П. Штомпка и др.) [6]. Изменчивость способов, частота применения, приспособленческий характер и узнаваемость действий при «откладывании дел на потом» позволяют рассматривать их как социально-психологические практики, несмотря на то, что в большинстве исследований промедлению с выполнением задач – прокрастинации – приписывается одноразовый дисфункциональный статус (J. Burka, J. Ferrari, R. Lowman, N. Milgram, T. Pynchyl, M. Specter, P. Steel, N. Yaakub и др.) [2]. Однако в некоторых работах внимание уделяется и положительным аспектам отсрочки, что свидетельствует о разноплановости в интерпретациях и применении – также важных характеристиках социально-психологических практик (J. Diaz-Morales, A. Hsin Chun Chu, K. Simpson и др.) [1].

Многообразие позиций исследователей относительно источников прокрастинационного поведения (Д. Быкова, Я. Варваричева, Е. Михайлова, S. Brownlow, J. Evans, G. Flett, C. Lay, J. McGarvey, A. Onwuegbuzie, R. Reasinger, H. Schouwenburg, M. Specter, P. Steel, L. Yuen и др.) [4] открывает пространство для проверки того, что конфигурация практик отсрочки может варьироваться в зависимости от присвоения личностью субъективного смысла, отношения,

определенной эмоциональной окраски применительно к способам собственного поведения при выполнении задач.

Изложение основного материала. Символизация эмпирического материала, с которой связана заявленная проблематика, определяет методологическую ориентацию исследования как постнеклассическую с использованием ведущих принципов конструктивизма – выстраивания, интерпретаций, контекста.

Для создания необходимой типологии социально-психологических практик отсрочки акцент поставлен на использовании качественного метода – проективного рисунка [3]. Применение рисуночной методики для исследования социально-психологических практик отсрочки оказалось наиболее информативным, поскольку сохранялась возможность работы с широким полем символов и смыслов, а также путем конкретизации исследовательской задачи сохранялся контекст, требуемый от испытуемых.

Выборку по принципу рандомного отбора и добровольности составили юноши (38 человек) и девушки (61 человек) в возрасте от 20 до 26 лет последних курсов (4-й, 5-й, 6-й) дневной формы обучения Херсонского государственного университета (художественные специальности) и Днепропетровского медицинского института традиционной и нетрадиционной медицины (лечебное дело).

Проективный инструмент использовался с целью иллюстрации переживания состояния, в котором личность практикует промедление, определения особенностей, отличий от противоположного процесса – планомерного выполнения поставленных заданий. Для этого испытуемым было предложено изобразить указанные процессы на бумаге с помощью карандашей или фломастеров, дав изображению название. Состояния «Я – ответственный» и «Я из тех, кто откладывает всё на потом» были выбраны для исследования на основе предыдущих пилотажных экспертных оценок, которые и установили данные противоположности.

При интерпретации рисунков внимание обращалось на такие параметры, как тематическое обозначение иллюстрации, качество линий (нажим, аккуратность), симметричность элементов, размер, расположение относительно бланка, акцентирование деталей, использование определенных цветов.

Стремясь определить знаковый, семантический модус практик отсрочки для личности, мы, сравнивая у каждого испытуемого первый рисунок со вторым (так сохранен контекст, в котором представлены изображения), установили следующие тенденции.

Для самой значимой части респондентов, 27% (рис. 1), практики отсрочки собственных задач ассоциировались с *тревогой*, что выразилось в символах препятствий: конструкций, ступеней, лабиринтов, стен, расположенных перед человеком, переполненной чаши весов, часов, напоминающих о крайних сроках, а также отобразено в вариациях стихийности, агрессивности природы, изображениях привидений, теней, монстров, глаз большого размера, надписей в качестве тревожных мыслей. В большинстве случаев в таких рисунках использовались ломаные или хаотические линии, острые углы, сильный нажим, темные и яркие цвета, небрежное или наоборот слишком чистое выполнение, средние размеры в сравнении с парным рисунком. Достаточно сильное напряжение в данных иллюстрациях может быть обусловлено предыдущим негативным опытом авторов, потому что в большинстве рисунков также присутствовала тенденция смещать расположение влево и немного кверху, ставящая акцент на проживании завершеного жизненного этапа, энергии собственного «Я», желании скорее выразить собственную эмоцию.

Близкими по смыслу стали и рисунки, содержащие символические элементы *неприятностей* на жизненном пути, однако изображенные в сдержанном, мягком стиле, без чрезмерной экспрессии, с использованием пастельных цветов и относительно малым размером при разнообразном характере расположения на бланке, подобных изображений – 6% (рис. 2). Вероятно, что характер изображений с подобной символикой может отличаться у исследуемых на основе определенных выше способов восприятия предложенной пары действий «ответственность – отсрочка», и в данном случае речь идет именно о фигурировании способов категорильной определенности (ярко негативное отношение в первом типе) и принятия (спокойное отношение, отсутствие борьбы во втором типе).

Бланк 2

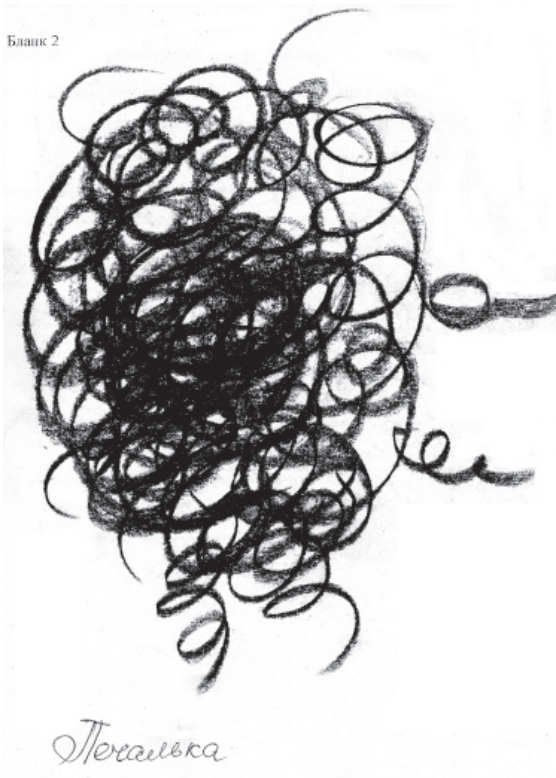

Рис. 1. Пример тревожного (радикального) типа изображения практик отсрочки

Бланк 2

Рис. 2. Пример тревожного (смягченного) типа изображения практик отсрочки

Бланк 2

Рис. 3. Пример спокойного типа изображения практик отсрочки

Также немалую по численности группу прокрастинаторов, 20% (рис. 3), составили те, кто изображал элементы таких своих практик, как *покой*, стабильность, комфорт. Среди тем таких иллюстраций – природа, вода, умиротворенные выражения лиц, символы сна, фоновое закрашивание. По цветовой гамме эти рисунки разнообразны, однако их характеризует плавность линий, легкая, свободная манера изображения, стремление заполнить пространство всего бланка, преобладание среднего нажима; в них достаточно хорошо прорисованы детали и сохранена логическая упорядоченность. Преобладание мотивов природы и символизма определяет, в свою очередь, категориальный способ отношения к собственным практикам отсрочки: авторы достаточно четко отразили свое состояние, что проявилось в преобладающем отсутствии абстрактных рисунков (отношение – положительное).

Следующей по численности, 12 % (рис. 5), стала группа рисунков, демонстрирующих некоторую неопределенность, неясность для самого автора собственных практик отсрочки. Холодная гамма цветов, свободный способ исполнения, использования абстрактной и символической тематики (акцент на фоне, просторные, аморфные формы, знаки), незначительная детализация, однако достаточно большие размеры рисунков создавали впечатление, будто авторы пытались быстро отстраниться от размышлений о предложенном состоянии, снять с себя ответственность, остаться непонятными, сохранив за собой право переинтерпретации изображения. Такой способ восприятия и демонстрации собственных практик отсрочки мы обозначили как неопределенность, и именно этот способ позволял испытуемым представить, примерить разные возможности и варианты, не утруждая себя окончательностью в выборе.

Достаточно весомой, 14 % (рис. 4), стала также часть испытуемых, которые изобразили практики отсрочки с помощью метафор усталости в мимике и позах человека, облачности, дождя, слез, одиночества, серой обыденности, абстрактного спада энергии. Данные рисунки имели меньший размер и были менее детализированы, чем соседние изображения состояния ответственности. Характерными были использование фломастеров серого, синего, черного, коричневого цветов и аккуратность исполнения. Эта категория выстраивания практик отсрочки, таким образом, отмечена принятием, некоей покорностью и пониманием необратимости развернутого процесса.

Рис. 4. Пример ослабленного типа изображений практик отсрочки

Рис. 5. Пример неопределенного типа изображений практик отсрочки

Не менее значимыми были и тенденции *обыденности* в изображениях испытуемых, 10 % рисунков (рис. 6). Способ выражения в данных рисунках соответствует категоризации и принятию, поскольку главной темой является предметная и антропоморфная символизация стандартности, привычек, повседневности, традиционности. Неофициальность одежды изображенных людей, нейтральность в выражениях лиц, бытовая техника, кровати, элементы дождевой и солнечной погоды с использованием различных цветов, нажима и степени

Бланк 2

Рис. 6. Пример обыденного типа изображений практик отсрочки

состоянию или об опустошении от использования практики отсрочки, желании не использовать ее в своем жизнеконструировании. И в таком случае способом восприятия прокрастинационных практик можно считать категоризацию с позиций отторжения. Однако если интерпретировать пустой бланк как неопределенность с тем, как изобразить предложенное, способом подачи иллюстраций можно назвать отсутствие окончательности и желание постоянной переинтерпретации. Таким образом, игнорирование практик отсрочки может иметь двойной смысл: и отторжение, и желание заполнить пустое пространство, придавая ему каждый раз новое значение.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. В результате применения качественного метода исследования – анализа рисунков респондентов – было выявлено 8 типов личностного выстраивания социально-психологических практик отсрочки (таблица).

аккуратности – темы, присущие проживанию будничных процессов и остановке в одном из них по принципу «тело в спокойствии имеет тенденцию оставаться в спокойствии, а не двигаться».

Категория рисунков, демонстрирующих *радость*, восторг, свободу, составляет 7% от их общего количества (рис. 7). Рисунки этой категории достаточно яркие, детализированные, разноцветные, по композиции стремятся заполнить всё пространство бланка, манера изображения свободная, нажим средний. Это характеризует практики отсрочки в глазах исследуемых как долгожданное событие, новые возможности, насыщение энергией. Способом выстраивания отсрочки в данном случае является категориальная осмысленность в положительном ключе.

Отдельным вариантом отношения к практикам отсрочки оказалось их *игнорирование*: рядом с изображением состояния «ответственность» респонденты оставляли пустой бланк (3% от общего числа случаев). Это может свидетельствовать о чрезмерном внимании испытуемых к противоположному

Бланк 2

Рис. 7. Пример радостного типа изображений практик отсрочки

Типы выстраивания социально-психологических практик отсрочки испытуемых в символично-иллюстративном модуле испытуемых

№ п/п	Тип использования практик отсрочки	Характеристики изображений	Отношение к отсрочке
1	Тревожный радикальный	Символы препятствий, испытаний, четкая очерченность, акцент на прошлом	Категориальное, отрицательное
2	Тревожный смягченный	Темы неприятностей, отсутствие экспрессии, небольшие размеры	Принятие
3	Спокойный	Природные, антропоморфные темы, мягкость нажима, плавность линий, детализация, логическая упорядоченность, большой размер	Категориальное, положительное
4	Ослабленный	Метафоры усталости, грусти, одиночества, абстрактность, темные цвета	Принятие
5	Неопределенный	Абстрактность, непонятность, акцент на фоне, закрашивании, холодная цветовая гамма, большой размер	Неопределенность
6	Обыденный	Символизация стандартности, традиционности, повседневности в индивидуальной манере	Принятие
7	Радостный	Яркие цвета, средний нажим, детализация, большой размер, свободная манера	Категориальное, положительное
8	Игнорирующий	Пустой бланк	Категориальное, отрицательное / неопределенность

В целом полученная типология социально-психологических практик отсрочки отображает лишь общие тенденции данной процессуальной проблематики в контексте определенного социокультурного сообщества – украинских студентов. К тому же рассмотрение практик отсрочки без привязки к постановке определенных задач будет неполным, поэтому планируется рассмотрение в качестве глобальной жизненной задачи выстраивания личностного будущего и исследование сочетания соответствующих способов его конструирования с полученной типологией социально-психологических практик отсрочки. Проверку достоверности распределения результатов респондентов в соответствии с выделенной типологией запланировано осуществить с помощью применения методов математической статистики при работе с количественными эквивалентами исследуемых конструкторов той же выборки.

Библиографический список

1. Hsin Chun Chu A., Nam Choi J. Rethinking procrastination: Positive effects of «active» procrastination behavior on attitudes and performance // J. Soc. Psychol. – 2005. – Vol. 145, № 3. – P. 245–264.
2. Steel P. The Procrastination Equation: How to Stop Putting Things Off and Start Getting Stuff Done. – 2012. – 339 p.
3. Богданова О. Ю., Марковская И. М. Качественные методы социально-психологических исследований : учеб. пособие. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2001. – 106 с.
4. Варваричева Я. И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. – 2010. – № 3. – С. 121–131.
5. Дворник М. С. Практики відтермінування як соціально-психологічний конструкт // Науковий часопис НПУ ім. М. П. Драгоманова : сб. наукових праць. – 2012. – № 37 (61). – С. 53–57. – (Сер. № 12. Психологічні науки).
6. Титаренко Т. М. Повсякденні практики як спосіб окреслення плинних контурів особистості // Актуальні проблеми практичної психології : зб. наук. праць. – Ч. 1. – Херсон, 2012. – С. 477–481.

© Дворник М. С.

**ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ**

С. П. Белавин

**Институт социальной и политической психологии Национальной академии
педагогических наук Украины, г. Киев, Украина**

**THE FACTOR STRUCTURE OF SOCIAL PERCEPTION ETHNO-LINGUISTIC
COMMUNITIES' REPRESENTATIVES**

S. Belavin

**Institute of Social and Political Psychology National Academy of Pedagogical
Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine**

Summary. The social psychological characteristics of the perception of others by the representatives of ethno-linguistic communities are analyzed at the article. The attention is focused on the inter-ethnic, which restructure in modern Ukraine. The factor structure of social perception ethno-linguistic communities' representatives is represented and analyzed.

Key words: ethno-linguistic communities; inter-ethnic interaction; social perception.

Рост научного интереса социальной психологии к вопросам межэтнических отношений находит отражение в разработке ряда проблем: социальная психология общности, её место в системе межэтнических отношений [1, с. 7], межличностное и межгрупповое восприятие, в частности в сфере взаимосвязи национальной идентичности и языка [1, с. 2–3], феноменология этнических стереотипов в пространстве межэтнических отношений [4, с. 5], социально-психологические процессы и механизмы социальной перцепции [6, с. 10].

Социальная перцепция в них выступает как регулятор общения и структуры восприятия «других» людей и групп: восприятие контекста ситуации, отражение, интерпретация, оценка в ней себя и «другого».

Ф. Тённис определяет общность как объединение людей, основанное на позитивных отношениях и представляющее собою «реальную органичную жизнь» [7]. Обобщая, В. А. Васютинский определяет общность как относительно большую номинально-реальную социальную группу при наличии общего субъективно значимого признака (референтность) для критического большинства носителей [1]. Этнолингвистические общности вполне логично выделяются по двум критериям принадлежности: этнической и языковой.

Задачей настоящего исследования является определение социально-психологических характеристик восприятия «других» представителями этнолингвистических общностей современной Украины.

Для математической обработки данных использовался программный пакет SPSS 20.0. В статье приводятся только достоверные результаты.

Для осуществления факторного анализа и сравнения факторной структуры социальной перцепции в этнолингвистических общностях из общего количества исследуемых (529 чел.) методом случайного отбора были сформированы 5 групп по признакам языка, который они предпочитают в неформальном общении, и принадлежности к определённой этнической общности: русскоязычные русские (РУС. РУС.) – 48 респондентов; русскоязычные украинцы (УКР. РУС.) – 75 респондентов; украиноязычные украинцы (УКР. УКР.) – 62 респондента; татароязычные крымские татары (ТАТ. ТАТ.) – 50 респондентов; русскоязычные крымские татары (ТАТ. РУС.) – 80 респондентов. Выборочная совокупность исследуемых составила 315 человек с относительно равным распределением по половому признаку. Респондентами стали студенты университетов городов Украины: Киева, Симферополя, Чернигова, Бердянска.

Основу батареи тестовых методик составили: методика диагностики уровня поликоммуникативной эмпатии И. М. Юсупова [8, с. 153–156], методика диагностики личностной установки «альтруизм-эгоизм» [8, с. 23–24], методика диагностики

мотиваторов социально-психологической активности личности [8, с. 94–95], методика диагностики принятия других (*по шкале Фейя*) [8, с. 157–158], методика диагностики мотивов аффилиации (*А. Мехрабиан*) [8, с. 95–98], методика диагностики самооценки мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Крауна [9, с. 635–636].

В результате факторного анализа данных было выделено 7 факторов. Суммарная дисперсия составила 54,244 %, а первые 25 % дисперсии охватывают 3 наиболее нагруженных фактора. Для проверки применимости факторного анализа данной выборки был использован критерий адекватности Кайзера-Мейера-Олкина (0,728) и критерий сферичности Бартлетта – 0,000, что определяет нормальность распределения переменных.

Первый фактор «коммуникативная вовлечённость» (объясняет 11,699 % дисперсии) включает следующие признаки: «Я легко осваиваюсь в новом коллективе» (0,788), «Обычно я легко общаюсь с незнакомыми людьми» (0,750), «Оказавшись на новом месте, я быстро приобретаю широкий круг знакомых» (0,749). Они указывают на коммуникативность как способ оптимизации социального взаимодействия; определяют базовую потребность, готовность и способность к общению, к специфическим способам обмена информацией, которые проявляются в особенностях восприятия других, категоризации, формах поведения.

Во второй фактор «экспектация одобрения» (объясняет 8,866 % дисперсии) вошли следующие признаки: «У меня хорошие отношения с коллегами по работе» (0,741), «Я хочу знать, насколько хорошо я выполнил то или иное задание в действительности» (0,665), «Открытые эмоциональные люди привлекают меня больше, чем мрачные и сосредоточенные» (0,656). Эти признаки указывают на потребность в одобрении и уважении, в привлечении одобрительного внимания «своих», на ощущение собственной недостаточности, обидчивости, тревожности, связанной со страхом отвержения или страхом новой ситуации и контактов с новыми людьми. Чрезмерная впечатлительность, вероятно, является барьером в коммуникациях с «другими».

Третий фактор, получивший название «интимизация личного пространства» (объясняет 7,365 % дисперсии), репрезентован следующими признаками: «Я скорее предпочту чтение интересной книги или пойду в кино, чем проведу время на вечеринке» (0,775), «Я скорее отдам предпочтение отдыху подальше от людей, чем на оживлённом курорте» (0,732), «Вечер, проведённый за любимым занятием, привлекает меня больше, чем оживлённая вечеринка» (0,728). Содержание этого фактора свидетельствует о недоверии, об ослаблении социальных связей, уходе от активного участия в социальной жизни, об «интимизации личного пространства» как способе обезопасить себя от чрезмерных групповых ожиданий. Структура фактора обнаруживает тесную связь с групповым эффектом «мы и они», хотя в данном случае наблюдается отстранённость даже от «своих». В этих характеристиках отражаются тенденции современности: растущие индивидуалистические ориентации молодёжи, её отстранённость от решения общих социальных задач. Процесс интимизации может также действовать как адаптивный процесс, так как иногда помогает достижению чувства психологической защищённости в социальном пространстве, воспринимаемом субъектом как чуждое.

Четвёртый фактор, названный «отрицание критики» (объясняет 7,079 % дисперсии), содержит следующие признаки: «Я болезненно воспринимаю критику в свой адрес» (0,732), «Я долго переживаю, если посторонний человек нелестно высказался в мой адрес» (0,719), «Меня бы очень задело, если бы мой близкий друг стал перечить мне при посторонних» (0,656). Эти признаки обнаруживают потребность достижения психологического комфорта путём отрицания стрессовой ситуации или её причины. Соппротивление состоит в стремлении избежать оценки, несовместимой с представлениями о себе, о референтной группе.

Пятый фактор «пренебрежение другими» (объясняет 6,991 % дисперсии) включает следующие признаки: «Причуды большинства людей трудно вытерпеть» (0,745), «Люди думают только о себе», (0,705), «Все люди необоснованно озлоблены» (0,681). Взаимосвязь этих признаков в границах фактора свидетельствует о превосходстве, предвзятости и даже пренебрежении «другими», их потребностями, проблемами. Структура фактора отражает эгоцентричное сосредоточение на собственном «Я», а в межгрупповых отношениях фиксацию на «Мы».

Шестой фактор «обесценивание отношений» (объясняет 6,469 % дисперсии) содержит следующие признаки: «Случалось, что я воспользовался оплошностью другого человека» (0,805), «Я не всегда внимательно слушаю собеседника, кем бы он ни был» (0,654), «Иногда я люблю позлословить об отсутствующих» (0,651). Как и в предыдущем случае, признаки указывают на обесценивание человеческих отношений, что отражает проявление эго-защиты относительно как «чужой», так и «своей» группы.

Седьмой фактор «атрибутивная эмпатия» (объясняет 5,775 % дисперсии) репрезентован следующими признаками: «Мне нравится наблюдать за выражением лиц и поведением незнакомых людей» (0,774), «Глядя на постороннего человека, мне хочется угадать, как сложится его жизнь» (0,669), «Мне нравится размышлять о причинах успехов и неудач других людей» (0,564). Структура фактора представляет собой сочетание двух психологических явлений: эмпатии, которая актуализируется в условиях незнакомого окружения, или этнической разобщённости, и каузальной атрибуции. Атрибутирование предопределяет основные тенденции дискредитации аутгрупп и поддержку «самообслуживающего предубеждения»: собственные успехи объясняются своими достоинствами, а неудачи сложившимися обстоятельствами [10, с. 412–419].

Для определения уровня проявления факторов в этнолингвистических группах их Z-баллы в виде регрессионных переменных были подвергнуты ранжированию на низкий и высокий ранги. Затем была создана новая переменная, включившая в себя признаки этнической принадлежности и языка, предпочитаемого в неформальном общении, и осуществлено соотнесение сохранённых рангов и новой переменной – этнолингвистического признака, с помощью кросстабуляции. Полученные результаты указывают на долевое распределение представителей определённой этнолингвистической группы и низкий или высокий уровень проявления каждого фактора в каждой из указанных групп (рис. 1–5). Для определения меры согласия был применён критерий χ^2 , указывающий на закономерность распределения переменных. Для определения уровня зависимости каждого фактора от этнолингвистического признака был применён критерий λ .

Для сравнения распределения средних показателей рангов выделенных факторов в этнолингвистических группах была построена кластеризованная линейная модель с помощью процедуры MANOVA (рис. 6).

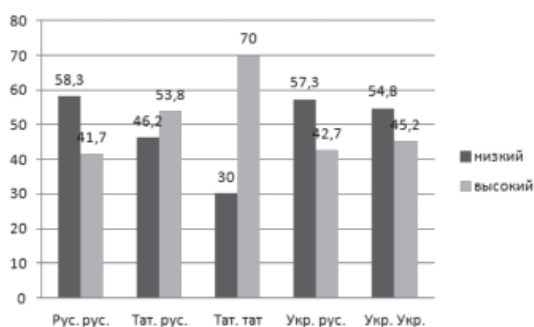

Рис. 1. Распределение проявления фактора «коммуникативная вовлечённость» среди этнолингвистических групп (%)

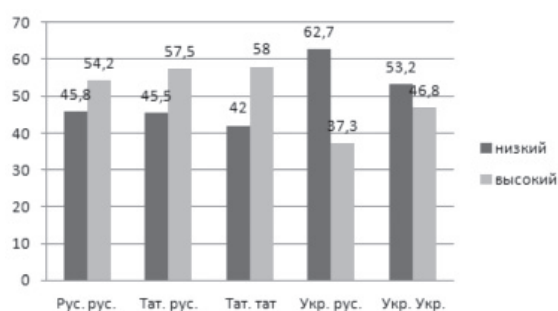

Рис. 2. Распределение проявления фактора «интимизация личного пространства» среди этнолингвистических групп (%)

В качестве критерия значимости разности средних был применён критерий Бонферрони как наиболее чувствительный к количеству измерений.

Обращает на себя внимание то, что особенно сильно фактор «коммуникативная вовлечённость» проявляется в группе татароязычных крымских татар (рис. 1). Двухязычие русскоязычных крымских татар и русскоязычных украинцев оказывается более адаптивной формой речевого поведения для поддержания статуса соответствующего их представлениям о достойном положении своего этноса. Их профиль проявления данного фактора более уравновешен и оптимален по сравнению с татароязычными крымскими татарами и русскоязычными русскими. Критерий

χ^2 значим на уровне $p \leq 0,05$. Критерий λ , значим на уровне $p \leq 0,1$. Критерий Бонферрони выявляет значимые различия (рис. 6.) между русскоязычными русскими и татароязычными крымскими татарами на уровне $p \leq 0,05$, татароязычными крымскими татарами и украиноязычными украинцами на уровне $p \leq 0,1$, русскоязычными украинцами и татароязычными крымскими татарами на уровне $p \leq 0,05$.

В поле проявления фактора «интимизация личного пространства» (рис. 2) наблюдается достаточно однородная структура распределения процентов, за исключением русскоязычных украинцев, у которых достаточно низкий уровень его проявления. Их тенденция к эктимизации личного пространства [6] представляет собой выраженную демонстративность, стремление к повышенному вниманию к себе и «своей» группе. Критерий χ^2 значим на уровне $p \leq 0,1$. Критерий λ , значим на уровне $p \leq 0,05$.

В рамках действия фактора «пренебрежение другими» (рис. 3) обнаруживается прямо противоположная картина долевого распределения в группах русскоязычных русских и украиноязычных украинцев. Довольно высокий уровень пренебрежения другими в группе русских может быть связан с ингрупповым фаворитизмом и аутгрупповой дискриминацией. В группе украиноязычных украинцев наблюдается достаточно низкий уровень пренебрежения другими, очевидно связанный с приобретением в постсоветский период большей уверенности в своём статусе и групповой безопасности. Критерий χ^2 значим на уровне $p \leq 0,05$. Критерий λ значим на уровне $p \leq 0,05$. Критерий Бонферрони выявляет значимые различия (рис. 6.) между русскоязычными русскими и украиноязычными украинцами на уровне $p \leq 0,01$.

В поле проявлений фактора «обесценивание отношений» (рис. 4) наблюдается заметная тенденция – в славяноязычных группах повышен уровень его проявления, причём в группе русских – значительное. В обеих группах крымских татар – противоположная картина: уровень проявления данного фактора снижен, причём у татароязычных крымских татар – значительно, что, вероятно, исторически детерминировано длительным пребыванием крымских татар в статусе социально неодобряемых. Это обусловило использование ими межличностных отношений как ресурса для выживания, а доминирование славяноязычных групп создало для славян условия ингрупповой конкуренции.

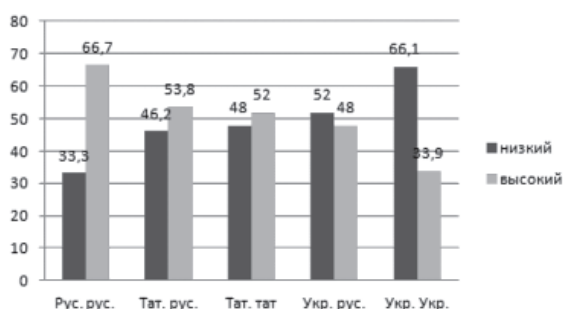

Рис. 3. Распределение проявления фактора «пренебрежение другими» среди этнолингвистических групп (%)

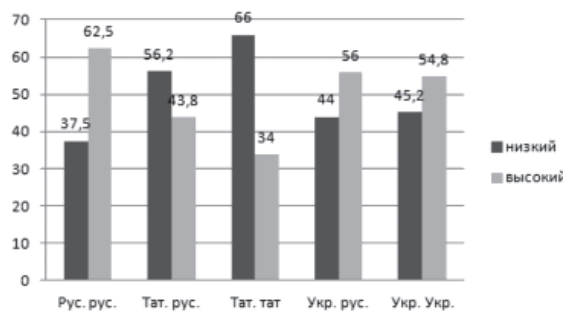

Рис. 4. Распределение проявления фактора «обесценивание отношений» среди этнолингвистических групп (%)

Критерий χ^2 значим на уровне $p \leq 0,05$. Критерий λ , значим на уровне $p \leq 0,05$. Критерий Бонферрони выявляет значимые различия (рис. 6) между русскоязычными русскими и татароязычными крымскими татарами на уровне $p \leq 0,05$.

Довольно низкий уровень проявления фактора «атрибутивная эмпатия» (рис. 5) в группе русскоязычных русских указывают на замкнутость, негативизм. Достаточно высокий уровень его проявления у русскоязычных крымских татар свидетельствует об актуализированной потребности адаптации к изменённой среде и ассимилятивных тенденциях в рамках этого процесса. Необходимость достичь взаимопонимания с «местными» заставляет крымских татар не только использовать чужой язык и оперировать чужим культурным кодом, а также присваивать

чужие традиции, создавая более благоприятные условия существования за счёт частичной ассимиляции в инокультурной среде. Критерий χ^2 значим на уровне $p = 0,01$. Критерий λ , на уровне $p = 0,01$.

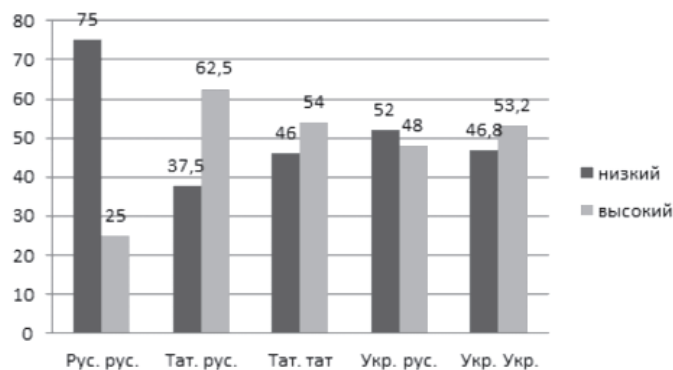

Рис. 5. Распределение проявления фактора «атрибутивная эмпатия» среди этнолингвистических групп (%)

Критерий Бонферрони выявляет значимые различия (рис. 6) между русскоязычными русскими и русскоязычными крымскими татарами на уровне $p \leq 0,01$, между украиноязычными украинцами и русскоязычными русскими на уровне $p \leq 0,05$, между русскоязычными русскими и татароязычными крымскими татарами на уровне $p \leq 0,05$.

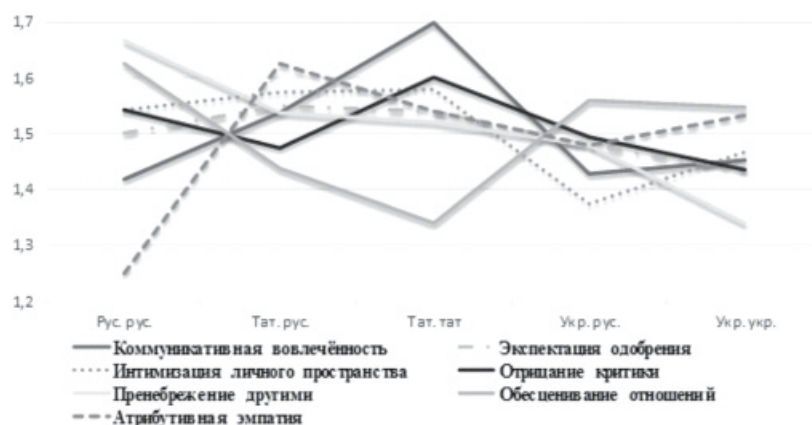

Рис. 6. Распределение средних рангов проявления выделенных факторов в этнолингвистических общностях

Приведённый график демонстрирует, что консолидация кривых приходится на группы русскоязычных крымских татар и русскоязычных украинцев. Это свидетельствует об их более адаптивном поведении, оптимизации действия выявленных факторов. Наибольший разброс средних значений наблюдается в группах русских и татароязычных крымских татар, что указывает на дисбаланс в этих проявлениях.

«Коммуникативная вовлечённость» сильнее проявилась в группе татароязычных крымских татар и слабее в обеих группах украинцев и русскоязычных россиян; фактор «интимизация личного пространства» является наиболее характерным для обеих групп крымских татар и русскоязычных русских, и слабо проявляется в группе русскоязычных украинцев; фактор «пренебрежение другими» сильнее проявляется в группе русских, а слабее – в группе украиноязычных украинцев, для славяноязычных групп характерен фактор «обесценивание отношений», в отличие от групп крымских татар; фактор «атрибутивная эмпатия» сильнее проявляется в группе русскоязычных крымских татар, и значительно слабее – в группе русских.

Наблюдающаяся в обеих группах крымских татар и группе русских тенденция к интимизации личного пространства может быть объяснена ощущением себя якобы «чужими» в изменившемся социальном пространстве и неосознаваемом опасении неспособности отстоять свою позицию в процессах «переконструирования общества». Такому состоянию присуща сверхкомпенсация в виде неестественно самоуверенного поведения.

Из приведённых данных можно сделать вывод об этнонациональном своеобразии проявления коммуникативно-перцептивных процессов. Выявленные факторы актуализируются в ситуации взаимодействия различных общностей в социуме (национальных, этнических, языковых, с разноразновесными статусами и степенью социальной уязвимости) в различных социальных условиях, между различными убеждениями, системами ценностей, нравственными нормами, привычками, традициями.

Библиографический список

1. Васютинський В. О. Психологічні виміри спільноти : монографія / Вадим Васютинський. – К. : Золоті ворота, 2010. – С. 5–20.
2. Голота А. С. Соціально-психологічні особливості етнонаціональної ідентичності українсько-російських білінгвів : автореф. ... на здобуття наук. ступеня канд. психол. наук : спец. 19.00.05 / Голота Анастасія Сергеевна. – К., 2012. – 18 с.
3. Донцов А. И., Стефаненко Т. Г., Уталиева Ж. Т. Язык как фактор этнической идентичности / А. И. Донцов, Т. Г. Стефаненко, Ж. Т. Уталиева // Вопросы психологии. – 1997. – № 4. – С. 75–86.
4. Слюсаревський М. М. Люзії і колізії: нариси, статті, інтерв'ю на теми політичної та етнічної психології. – К. : Гнозис, 1998. – С. 58–81.
5. Стефаненко Т. Г. Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности [Электронный ресурс]. – М. : Флогистон, 1999. URL: <http://flogiston.ru/articles/social/ethnic>
6. Татенко В. О. Світ інтимного життя як предмет психологічного дослідження // Наукові студії із соціальної та політичної психології: зб. статей. – К. : Міленіум, 2010. – Вип. 24 (27). – С. 3–19.
7. Тьонніс Ф. Спільнота і суспільство. Основні поняття чистої соціології / пер. з нім. – К. : Дух і літера, 2005. – С. 17–18.
8. Фетискин Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М. : Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 490 с.
9. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : уч. пос. / ред. и сост. Д. Я. Райгородский. – Самара, 2001. – С. 635–636.
10. Янчук В. А. Введение в современную социальную психологию : уч. пос. для вузов. – Минск : АСАР, 2005. – 768 с.

© Белавин С. П.

«МЫ» – «ОНИ» В ЭТНИЧЕСКОМ САМОСОЗНАНИИ ЭРЗЯН И МОКШАН

С. И. Баляев

Мордовский государственный университет,
г. Саранск, Республика Мордовия, Россия

«WE» – «THEY» IN ERZYAS AND MOKSHAS ETHNIC IDENTITY

S. I. Balyaev

Mordovian State University, Saransk, Mordovia region, Russia

Summary. This article analyzes the phenomenon of ethnic identity on the example of the interaction Erzya and Moksha. Ethnicity is defined as an important category of status within structure of collective self-images of group members. Particular attention is paid to identifying the causes of negative content of the stereotypes.

Key words: Erzya; Moksha; ethnic identity; stereotypes; confrontational attitudes.

В отечественной традиции изучения этноса закрепилось понятие «этническое самосознание». На Западе в научном обороте использовался только термин «идентичность», о термине «самосознание» речь не шла, хотя смысл их нередко совпадал. Всё дело в том, что западные исследователи подошли к проблематике, связанной с этническим самосознанием, в то же время, что и советские этнографы. Однако там интерес к данной проблеме в большей степени проявили социологи и психологи, разработавшие и соответствующую терминологию. Только в последние десятилетия она становится общепринятой.

Определяющей особенностью этнического самосознания, как на личностном, так и на других уровнях рассмотрения, является его дихотомичность, то есть способность к разделению «всех» на «чужих» и «своих». В целом любое групповое самосознание невозможно без сопоставления, так как гораздо труднее рефлексировать черты своей общности, чем заметить отличие от другой группы. Эта общепсихологическая закономерность, отмеченная Л. С. Выготским, заключается в том, что осознание сходства требует более развитой способности обобщения и концептуализации, чем осознание различия, которое уже возможно на чувственном уровне. В результате непривычные люди замечают в первую очередь у тех групп, к которым сами не принадлежат.

В исторической ретроспективе осознание отличия своей группы от чужой существовало задолго до появления современных форм этнического самосознания. Ю. В. Бромлей объективно признал сознание этнического отличия причиной возникновения этносов [2]. К примеру, Н. В. Ссорин-Чайков, изучавший современных центрально-сибирских эвенков, отмечает, что эвенки осознают себя именно «эвенками», потому что существуют рядом и «неэвенки». Так, «если эвенку задать вопрос: «Из каких ты?», то прозвучит ответ: «Я – эвенк», если спрашивает русский, «Я – Куркогир» (название рода), если разговаривают два эвенка, и будет названа фамилия, если разговор идет между членами одного рода» [2, с. 44]. Таким образом, без русских, якутов и т. д. не было бы контекста, в котором эвенк вспоминал бы о том, что он – эвенк.

В этой связи этническое самосознание – это осознание человеком своей отнесенности к определённому этническому «Мы», которое соотносится с каким-то или какими-то «Они». Следовательно, необходимыми условиями формирования и развития этнического самосознания является существование межэтнического общения, включённости в этноконтактное пространство, которая даёт толчок для осознания собственного отличия, а значит, и специфики. Процесс межэтнического общения на межличностном уровне можно представить как интерсубъектное взаимодействие, в котором отдельные личности выступают как представители своих этнических общностей. Согласно результатам многочисленных эмпирических исследований, специфическими чертами этнического сопоставления выступают: язык, черты характера, культурно-бытовые особенности и внешность. Обыденное

этническое сознание довольно отчётливо по этим сопоставительным критериям разграничивает «своих» и «чужих».

Важнейшим этнодифференцирующим признаком является язык. К примеру, противоречивыми являются факты отношения эрзян и мокшан к языкам друг друга. С одной стороны, известно, что эрзянский и мокшанский языки – самые близкородственные в своей языковой семье. Они обладают множеством сходных черт. В этой связи хорошо понятен тезис, что эрзянин без труда поймёт мокшанина и наоборот. Но, с другой стороны, неоднозначную оценку получают результаты тех же этносоциологических исследований, в ходе которых выяснялась готовность опрашиваемых на овладение языком друг друга. Как стало известно ещё в 1970-е годы, только 2,3 % мокшан хотя бы в какой-то степени владели эрзянским языком и, соответственно, практически абсолютное большинство респондентов-мокшан (97,7 %) ответили, что совершенно не владели эрзянским языком [1, с. 35–36]. Сходные результаты наблюдались и по эрзянской выборке. А по результатам исследований НИИ регионологии Мордовского университета в 1990-е годы, лишь небольшая часть с обеих сторон намерены в будущем изучить второй мордовский язык [1, с. 36]. Почему наблюдается такая этноязыковая взаимоисключаемость в общении представителей самых близкородственных общностей? Почему открытость для русского языка сопровождается нередко закрытостью друг для друга?

На самом первом иерархическом уровне этнической идентичности у большинства эрзян и мокшан выявляется, как это было показано выше, самоидентификация с эрзей или мокшей. Этот идентификационный уровень определяется ими именно в связи с существованием «других», которых русские и другие народы причисляют к мордве и таким образом стирают грань между эрзянами и мокшанами. Но она остаётся очевидной для самих представителей этих групп мордвы. Внутренний идентификационный уровень категории «мы» у большинства эрзян и мокшан (особенно сельских жителей) связан с чётким определением неуловимой для других, но явной для них, этнической границы, проявляющейся числе прочего и на уровне отношения к языкам. Вышеприведённые данные являются доказательством дихотомичности этнического самосознания эрзян и мокшан. Безусловно, речь здесь идёт не об обосновании антагонизма между эрзянами и мокшанами, но о существовании очевидной для них различительной границы. Поскольку в роли «других» на первом уровне этнической идентификации выступают эрзя или мокша, то из способов видимой защиты от них является охрана этноразличительных для этого уровня этнических признаков.

Библиографический список

1. Баляев С. И. Этническая идентичность эрзян и мокшан: опыт этнопсихологического анализа. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 110 с.
2. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. – М. : Наука, 1983. – 420 с.
3. Ссорин-Чайков Н. В. Национальные отношения и образ «других» в культуре центрально-сибирских эвенков: опыт этнографического анализа // Этнические конфликты в СССР: причины, особенности возникновения, проблемы изучения. – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1991. – С. 41–53.

© Баляев С. И.

**ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:
СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНЫЙ ПОДХОД¹**

О. Р. Тучина

**Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар, Россия**

TOLERANCE AND ETHNOCULTURAL IDENTITY: SUBJECT APPROACH

O. R. Tuchena

Kuban state technological university, Krasnodar, Russia

Summary. The author of article considers tolerance as installation on understanding of distinctions where distinction is considered as a condition for dialogue, a semantic position in dialogue. Thus, tolerance doesn't resist to ethnicity, and, on the contrary, grows from a reflection of ethnocultural values.

Key words: tolerance; ethnocultural identity; cross-cultural dialogue.

Происходящие в мире процессы усложнения и интенсификации взаимодействия людей различных культур предполагают толерантность как системообразующую ценность социального бытия. Вместе с тем актуализируется рассмотрение сущности толерантности, позволяющей найти меру сохранения «своего» при принятии «иного» и связанная с этим проблема границ толерантности. На внутриличностном уровне это оборачивается напряжением самопонимания собственной самобытности, открытием личностной значимости социокультурных ценностей в общекультурном горизонте.

Современное рассмотрение толерантности связано с провозглашением ценности различий, в том числе и этнических, в контексте концепции мультикультурализма, в рамках которой и была принята декларация принципов толерантности (Париж, 16.11.1995). В ней толерантность определяется, как уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и индивидуальности. В подобной трактовке толерантность рассматривается как условие существования сложных обществ и позиция зрелой личности, что предполагает активное противодействие интолерантным проявлениям [1]. Вместе с тем данное определение и выраженная в нём идеологическая практика культивирования различий и инаковости становится объектом критического анализа. В данном контексте ценность толерантности состоит не в поддержании различий ради различий, а в качестве основания для возможности вести критический диалог с иными социокультурными формами [2]. Диалогичная природа толерантности обращена не только к практикам межкультурного взаимодействия, но и к внутриличностным структурам (идеи внутреннего диалога М. Бахтина; нахождения себя при понимании В. Бибихина). Поэтому толерантность можно рассматривать как существенную характеристику целостности человека, его идентичности [3]. Таким образом, этнокультурную толерантность следует рассмотреть не только как норму межкультурного взаимодействия, этическую ценность, личностную характеристику, но и проследить взаимосвязь её с процессами осмысления человеком своей национальной идентичности и, шире, нахождения себя как человека [4].

Субъектно-бытийный подход к личности открывает перспективы новой интерпретации феноменов бытия, по отношению к которым личность выступает субъектом. Одно из таких направлений анализа и интерпретации – сфера этнокультуры. В данном контексте можно рассмотреть этническую культуру как пространство со-бытия: бытийные пространства субъектов, принадлежащих одному этносу, несомненно, характеризуются определённой структурно-смысловой общностью: даже не разделяя на сознательном уровне ценности и цели большинства других представителей этноса, субъект остро реагирует на внешние воздействия, угрожающие этим ценностям. Культурность человека представляет собой исторически определённые типы организации жизни и деятельности людей, что предполагает

¹ Работа выполнена в рамках реализации госзадания № 10.7079.2013 «Исследование мотивации и разработка системы стимулов формирования толерантности студенческой молодёжи».

сходство поведенческих паттернов, сложившихся способов распределения реальности внутри этнокультурной общности. Этническая культура – это та призма, сквозь которую человек смотрит на мир, в котором должен действовать. Это основные парадигмы, определяющие возможность и условия действия человека в мире, вокруг которых выстраивается в его сознании вся структура бытия. Благодаря ей, человек получает такой образ окружающего, в котором все элементы мироздания структурированы и соотнесены с самим человеком, так что каждое человеческое действие является компонентом общей структуры.

В рамках психологии человеческого бытия мы предлагаем рассматривать толерантность как установку на понимание различий, где различие рассматривается как условие для диалога, смысловая позиция в диалоге. Толерантность – установка на понимание себя через Другого. Ценность толерантной установки в возможности «превзойти себя», различие не ради различий, а для расширения и углубления личностного смысла. Суть толерантности в рамках этого подхода заключается в готовности человека выйти за пределы ограниченного круга «своих», которые отличны от «других» по любому признаку – по национальности, вере, социальному происхождению, возрасту и т. д., навстречу «Миру миров» – равнозначных, «равноразных» человеческих миров [5]. В этом измерении главное «внутриличностное условие» толерантности – это понимание естественности и неизбежности различий между людьми и готовность и способность к Диалогу. Толерантность – это способность к диалогу, которая достигается в процессе познания мира и себя.

Таким образом, толерантность как мировоззренческая ценность служит мерой общего и различного, предполагающей уважение «иного», но не преклонение перед ним; признание «чужого» без потери «своего». Подобная мера представляет собой признание равенства всего различного, но не ради самоценности самого равенства, а ради стремления к лучшему, прежде всего, в самом себе. При нарушении собственной меры толерантность превращается в антиценность, которая разрушает человеческое в человеке. Поэтому ценность толерантности неотделима от стремления человека оставаться собой через понимание себя. Подобное стремление переводит горизонтальные связи принадлежности к группе в вертикальный вектор личностной идентичности, в которой обретается собственное Я.

Подобная устремлённость связана с осмыслением привычных форм этничности, попыткой за наличной данностью жизненного мира увидеть имманентные ему культуруобразующие ценности, то, что определяет их значимость, как в личностном, так и в межличностном плане. Подобные ценности определяют культурную традицию не просто как сумму передающихся и воспроизводящихся из поколения в поколение артефактов и феноменов, а как «определённость формы, в которой люди способны на деле практиковать сложность» [6]. Освоение подобной формы позволяет человеку оказаться «при себе», обрести смысловую позицию в диалоге с собой и Другими, с этой позицией связана подлинная толерантность.

Таким образом, толерантность не противостоит этничности, а, наоборот, вырастает из рефлексии этнокультурных ценностей. Проблема соотношения самобытности и открытости Другому в самопонимании этнокультурной идентичности, как в межличностном (взаимодействие с представителями других культур), так и во внутриличностном (понимание себя через инаковость Другого) аспекте, может быть решена путём исследования нормативно-ценностного потенциала этнокультурной традиции, влияющего на формирование толерантной установки личности.

Проведённое научным коллективом исследование взаимосвязи особенностей самопонимания этнокультурной идентичности и этнической толерантности позволило не только выделить те ценностные интенции, которые значимы для понимания собственной сопричастности этносу, но и сопоставить толерантный и интолерантный ракурсы осмысления этих ценностных интенций [7].

В осмыслении значимости национальной принадлежности можно выделить несколько взаимосвязанных смысловых блоков. Первый из них выражает ощущение собственной связи с народом, что, прежде всего, выражается в чувстве причастности к своему народу как к некоей целостности. В подобных ответах национальная принадлежность рассматривается в качестве того бытийного фундамента, с которым человек связывает реальность и подлинность собственного Я.

Интегральной стороной значимости национальной принадлежности является гордость за народ и страну. Здесь следует отметить, что данное исследование, как и те, что проводились ранее, диагностируют, что русские респонденты слабо дифференцируют этническую (собственно русские как этническая группа), национальную (русские как жители России, россияне, полиэтничные по своему составу) и гражданскую (русские как граждане России) идентичности. В сознании этих респондентов принадлежность к этносу, народу и государству представляет собой различные аспекты одного и того же целостного «Мы» и «наши», с которым связывается социальная сторона человеческого «Я». Респонденты других национальностей этническую и общероссийскую идентичности, как правило, различают. Но независимо от этого в чувстве гордости, которое носит во многом интуитивно-эмоциональный характер, выражена личностная значимость причастности к такой целостности, как чему-то великому, превосходному, правильному. Так, в качестве предмета национальной гордости часто указываются подвиги предков, величие истории и культуры, красота обычаев. В целом в ответах более чем четверти респондентов содержится прямое указание на это чувство. Причём подобное чувство испытывают респонденты независимо от степени толерантности. Более того, студенты с высоким уровнем толерантности отмечают это чувство даже чаще: 27,7% процентов ответов против 23,4% у кластера с низким уровнем толерантности. Таким образом, сама по себе национальная гордость является вполне здоровым социальным чувством и не может рассматриваться в качестве фундамента интолерантности и ксенофобии. Векторы толерантности или же интолерантности связаны с личностным отношением к этому чувству, его смысловой наполненностью. И в этом контексте проведённое исследование позволяет сделать ряд интересных наблюдений.

У респондентов с низким уровнем толерантности чувство национальной гордости во многом сопряжено с подчёркиванием исключительности своего народа: «Я горжусь, что я (такой-то) национальности, т. к. считаю эту нацию уникальной»; «... считаю, что принадлежность к (такой-то) национальности даёт мне, моему развитию то, что недоступно остальным»; «... только люди (такой-то) национальности имеют в себе статный, выдержанный, аристократический стержень» и проч.

Респонденты с высоким уровнем толерантности, напротив, указывают на неприемлемость деления людей по национальному признаку: «Я горжусь своей национальностью... но это не значит, что я разделяю людей по нациям, для меня главное то, какой сам человек, можно или нельзя доверять ему» (ингуш); «Разная национальность не должна быть дверью между людьми» (армянка); «в отношениях с друзьями, одногруппниками, родственниками я не выделяю национальности» (русская); «другие национальности я не презираю и отношусь ко всем с уважением» (русская); «нет плохих национальностей. В каждой национальности есть много хороших, добрых людей, но, к сожалению, достаточно и плохих» (адыгейка); «человек уважает и любит свою нацию, и это правильно, но дружить, общаться, взаимодействовать с людьми другой национальности считаю правильным и очень даже полезным» (адыгейка).

Таким образом, герменевтический анализ результатов эмпирического исследования взаимосвязи особенностей самопонимания этнокультурной идентичности и толерантности студентов подтверждает гипотезу, согласно которой межэтническая толерантность является одним из главных условий осмысления человеком значимости своей принадлежности к этносу. В кластерах ответов респондентов с высоким и низким уровнями толерантности присутствуют схожие единицы контента, однако практически в каждой из них обнаружены существенные смысловые различия. Эти различия связаны с отношением человека к границам этничности, на которых, по мысли М. М. Бахтина, сосредоточена жизненная сила культуры [8].

Именно граница оформляет смысловые позиции, которые могут разворачивать национальное самосознание к поиску всеобщих вершин человеческого духа, или же, напротив, обособлять, отграничивать конкретные формы реального выражения этого духа. Так же проведённый анализ показал гуманистический потенциал межэтнической толерантности, поскольку в этом контексте ценность конкретного человека превосходит значимость его национальных особенностей.

Вместе с тем результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что толерантность не противоречит чувству национальной гордости и патриотизму, в котором многие респонденты видят источник духовности и человеческого

достоинства. Более того, толерантность в контексте подобного чувства способствует выявлению в особенностях национальных форм культуры тех граней, которые определяют достоинство человека как такового.

В рамках реализации госзадания № 10.7079.2013 «Исследование мотивации и разработка системы стимулов формирования толерантности студенческой молодёжи» научным коллективом Кубанского государственного технологического университета создаётся электронный ресурс «Мы разные – мы россияне», который является инструментом формирования толерантности в студенческой среде.

Создание электронного ресурса как способа формирования толерантности молодёжи в образовательном пространстве вуза предназначено для решения следующих задач:

- Знакомство с культурными особенностями народов региона.
- Формирование интереса к собственной культуре и истории.
- Создание условий для возникновения ценностного диалога.
- Формирование способности принятия различных культур и представителей других этнических и религиозных общностей, формирование толерантных установок и поведения.

В структуру разрабатываемого электронного ресурса входят следующие блоки:

1. «Народы Кубани», где студенты могут найти информацию об истории появления этнических групп на Кубани, этнокультурные особенности данных групп, а также отражение общечеловеческих ценностей в народной мудрости, воплощённые в фольклоре.
2. «Религии мира о мире и человеке», в котором рассматриваются религиозные традиции народов, населяющих Краснодарский край.
3. «Мы – россияне», где можно найти материалы военно-патриотической тематики, связанные с историей края.

Поставленные задачи ориентируют создаваемый ресурс не столько на изложение академических взглядов на этнос и этничность профессиональных историков этнологов, культурологов и религиоведов, сколько на рассмотрение этнокультурного и конфессионального самосознания студенческой молодёжи. Важное место в нём занимает организация дискуссий на темы, вызывающие наибольший интерес, затрагивающие значимые хронотопы жизненного мира (место традиций и обычаев в повседневной жизни, взаимоотношения полов и поколений, особенности национальных и религиозных праздников), а также национальных особенностей общечеловеческих ценностей (дружба, любовь, честь, достоинство). Поэтому главной особенностью электронного ресурса является активное вовлечение студентов в создание новых материалов, активное обновление информационных источников.

На наш взгляд, именно такой подход обращает человека к осмыслению онтологических основ своей идентичности и способствует формированию толерантности молодёжи.

Библиографический список

1. Тишков В. А. Реквием по этносу. – М. : Наука. 2003. – 544 с.
2. Леонтьев Д. А. К операционализации понятия «толерантность» // Вопросы психологии. – 2009. – № 5. – С. 3–16.
3. Хомяков М. Б. Идентичность, толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – М. : Институт социологии РАН, 2006. – С. 30–56.
4. Аполлонов И. А., Тучина О. Р., Карнаушенко Л. В. Этнокультурные нормы и ценности в формировании самопонимания кубанской молодёжи (на примере русских и адыгских студентов кубанских вузов). – Краснодар, 2009. – 289 с.
5. Гефтер М. Я. Мир миров: российский зачин. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history95-97/gefter-zachin/ (дата обращения 25.08.2011).
6. Аполлонов И. А., Оганесян С. Г. Проблема толерантности в контексте самопонимания этнокультурной идентичности // Современная этничность и диалог культур: материалы Международной научно-практической конференции. – Набережные Челны, 2013. – С. 9–18.
7. Тучина О. Р. Толерантность в контексте самопонимания этнокультурной идентичности (на материале исследования студенческой молодёжи Кубани) // Социосфера. – 2013. – № 3. – С. 100–103.
8. Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Собрание сочинений. – Т. 1. – М. : Русские словари, Языки славянской культуры, 2003.

© Тучина О. Р.

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА И ПРАВО

UDC 94(470)»18/19» + 316.73

SPECIFIC CHANNELS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN HISTORICAL CONTEXT: CRITERIA, DEFINITION, FUNCTIONS

A. I. Kozhukhar

Irkutsk State University of Railway Engineering,
Irkutsk, Russia

Summary. Consideration of imperial evolution through the system of cultural interactions between the center and the borders of an empire is a new approach, which allows us to see that territorial expansion and cultural borrowings from the merged areas have some correlations and influence one on another, therefore, stably existence of the empire inside its optimal borders depends on regulating of that borrowings intensiveness. Criteria of a specific channel of intercultural communication are found, its definition is formulated, and its functions are discussed in this article to describe the mentioned approach. Specific channels of intercultural communication are the unique phenomena developing around the borders of the empire. Study of them is very useful when we need to reconstruct the history of the state expansion and its collapse. It is possible to assume that this approach fits to study the evolution of any large state of imperial type.

Key words: specific channel of intercultural communication; cultural borrowings; social-cultural processes; territorial expansion; external relations; imperial evolution; Russian Empire; integrative function; regulative function; history of everyday life.

Introduction. Talking on the specific channels of intercultural communication, we must admit first of all that the word «specific» is used here not because of the nature of the environment where communicative situation happens, neither because of its participants nature. When we say «specific», we mean the nature of the situation itself, its own unusual core, and structures built upon it. We mean that this kind of communicative situation seems to be never known before, and we could suspect that it will hardly happen again anymore. But it is clear to see with the very first sight that this communicative situation is a unique characteristic of the historical time and place where it appears. Because of this reason, we have to try to see are there or are there not any common roots, structure elements, and impact aspects of such situations appeared in different environment and with different participants. In case that there is no any common element, we would have to give up with this topic and say these are just certain drops in a sea of historical events, which worth to be mentioned but cannot be viewed as a stones to build some theories upon them. But if common aspects do exist, we would understand, perhaps, how cultural processes can influence back on the political and economical systems they have been born by. Also, it should be mentioned that some ideas on this topic were previously published in Russian, yet were not gathered together and systemized [4; 5; 6; 7]. This article is not just a translation, but a reconsideration and systematization of those ideas, joining them together into a complete conception.

Criteria. Since we talk about inner essence of intercultural communication, studying material culture as a separate thing existing on its own is not the best way. We could study it much better if we understand that culture is first of all an external form of our mentality and – indirectly – of our genotype, and it should not be examined separately of its primary content. Using of this approach allows us to research material evidences of cultural and intercultural processes as a source for study of mental preferences of the whole society or certain personality in a chosen place or time. Thus, material culture is a useful tool, which of course in another case and for another aim could also be an independent subject of study. After taking this notion we must decide, which criteria we have to use to distinguish and describe a specific channel of intercultural communication. To see the criteria, which allows us to talk about the exact specific intercultural communicative channel we should take a look at some examples based upon some social-cultural aspects of the external relations of the Russian Empire. We take the Russian Empire as a good model, but we could suppose that the

same mechanism works for any other large state system, which has imperial patterns in its foundation.

As the *first example* we could take the foreign trade of Russia in 18th-19th centuries, which can be viewed as a set of such specific intercultural communicative channels, because the manifestations and material evidences directly connected to the implementation of the border trade are also related to the various aspects of social and cultural sphere including language and everyday life. Thus, a close relationship between trade with neighboring countries and borrowings from their cultures into the everyday life of merchants appears. The very notable kind of the Russian imperial border trade was the Russian-Chinese tea trade, but there are not so many specialized publications about it [8; 9; 10; 11]. Russian-Chinese tea trade not only led to constructing of the large cultural layer connected to tea drinking traditions in different social and ethnic groups lived – and partially still living – in some Russian, first of all, Siberian regions, but also the «oriental» style appearance in everyday life of merchants was among the consequences of this trade development. This style included actual oriental influences and stylish imitations and was translated into the everyday life of all social groups in Siberia and some other Russian regions. We can clearly see how this process began in the very early 18th century and came to its peak in the second half of the 19th century, and it allows us to find out the main factors ruled the evolution of the Russian-Chinese tea trade. Also, it must be mentioned that material evidences of everyday life – clothes, furniture, household items, and many other objects of arts and crafts – are the main sources for researching the foreign trade as a combination of specific channels of intercultural communication. And what is most important, we could see this whole process as a system, in which all the elements are closely connected one to another, so it is useless to study them separately. We could study the evolution of Russian-Chinese pidgin only in its connection to the features of border trade (and we must note that pidgins – there were several of them at the borders of the Russian Empire – were the very specific product of border trade and colonization processes), which under those circumstances were merged with merchants' everyday life and their high ability to cultural adaptation, and through it those features were translated into the life of other social groups. Although the Russian-Chinese tea trade is the most striking example, there were some more directions of foreign trade such as Russian-Norway trade in Arkhangelsk, activity of the Russian-American Company in Alaska region and others, which could also be considered as specific intercultural communicative channels.

Dynastic relations of Russian monarchs of the same historical period, beginning with the reforms of Peter I who changed Russian traditional approach to dynastic marriages and succession of the throne, could serve as the *second good example*, because they also could be described as a channel of communication existing in very specific conditions. Those relations were followed by many situations of cultural information exchange, translation of one cultural models and accepting the others. There were requirements of changing religion, different for men and women, necessity of studying new language and adaptation to the unfamiliar court traditions, etc. As far as this channel of communication existed at the junction of such different segments of social as like foreign policy and family home life, it opens to us an interaction of the phenomena of micro and macro levels. We could say that dynastic marriages were also a part of the state expansion strategy. For instance, as Vladimir Balyazin wrote, Peter I arranged the marriage between his daughter Anna and Karl-Friedrich of Holstein-Gottorp when he decided to achieve the Swedish crown for Karl as his future son-in-law. Karl and Anna renounced claims to the Russian throne for themselves and their children, but they promised to accept the proposal if Peter I will decide to call one of them to take the throne [1, pp. 47–48]. Thus if the Treaty of Nystad, which forbade Russia to step into the Swedish domestic policy, were not signed, and if Peter I could achieve the crown for Karl, it could be possible for Peter's heirs to become the rulers of both countries. There were some more similar diplomatic nuances of the other marriages of Russian throne heirs in the 18th-19th centuries.

From those examples the following *criteria* of a specific channel of intercultural communication could be distinguished.

– *Social-cultural processes of different levels could interact through this channel, and this interaction is unlikely or impossible in other conditions.*

– *Atypical forms and methods of communication are carried out through this channel.*

– *This channel exists at the junction of dissimilar segments, which have no close connection in other conditions.*

– *This channel is stably under certain circumstances for a certain period of time, which allows us to trace its formation, development, and fading.*

– *There are material evidences of communication, which are inherent only or almost only to this channel and allow us to carry out the attribution.*

If we find out all or almost all of those criteria for a certain channel of intercultural communication, it could be distinguished and examined as a social and cultural phenomenon, which gives us important information about the historical period and people lived in it.

Definition and functions. Looking at the criteria we could try to formulate the *definition* of a specific channel of intercultural communication and then discuss possible functions of that channel in the context of imperial evolution.

– *Specific channel of intercultural communication is a distinguished direction of cultural interaction existing at the junction of dissimilar social segments and including social-cultural processes, crossing of which is unlikely or impossible in other conditions. There are forms and methods of communication and its material evidences, which are characteristic exactly and often only for this channel developing in definite period of time and under certain historical circumstances.*

As for the functions of such channel, they have to be discussed in connection to the basic algorithms of state expansion processes. Integrative and Regulative functions of specific channels of intercultural communication are closely related to historical development of an empire (or any large state of imperial type). As far as specific intercultural communicative channels appear at the earliest steps of imperial evolution and disappear when the empire fades, those channels seem to be an important element of the imperial structure. One of the most important aspects of territorial imperative is, as Kamaludin Gadzhiev wrote about it, that «any civilization or world power state, which has demonstrated its involvement in history, self-sufficiency, and effectiveness, always revealed tendency to territorial expansion...» Such civilization or state «initially appeared in a particular center, for which the rest of the ecumene, inhabited by barbarians, served as an object for expansion and arena for extending the living space. To verify the validity of this thesis it is sufficient to refer the experience of the Chinese, Persians, Arabs, Mongols, Ottomans, Russians, Americans and other nations created great empires through territorial expansion» [3, § 10.4 Territorial Imperative]. Yet, when this tendency reaches some spatial limit, it leads to an inability to deal with ruling the border regions from center, and as a consequence, to the disintegration of an empire.

Specific channels of intercultural communication inevitably appear at the borders of the empire in a process of its expansion and intensive contacts with neighboring countries, and this is an *integrative function* of those channels. As a result of their development, titular population of the border areas of an empire borrows a lot from neighboring culture, which leads to strengthening of mix ethnic elements in a culture of the whole state. Aleksei Demidov wrote: «Institutional structure of state and society always is based upon the culture which dominates inside it. Appearance of separate communities distinctly different in their culture actually means the appearance of «parallel societies», and in perspective «parallel states». Alternative social and, all the more so, political institutions facing official structures inevitably generate conflicts, which in their turn reinforce the isolation of cultural communities they were born by» [2, p. 338]. Although he wrote this in a context of modern migration issues, such processes take place also in expansion periods of an imperial type state.

Hence, poor controllability and separatist tendencies come not only from economic and geopolitical reasons, but also from the fact that border regions be-

gin to live they own way of life and acquire a mentality, which is different and often fundamentally alien to the mentality of imperial center. Poor controllability and separatism of border regions in combination lead to collapse of the empire and to synchronous shutdown of specific intercultural communicative channels. Thus, those channels perform a *regulative function* by limiting imperial tendency to permanent expansion. Integrative function transits into regulative function when the volume of cultural borrowings in border regions exceeds a critical limit. We could talk about functions transitivity because their different aims are achieved in the same way by a constant increase of cultural borrowings. Therefore, among the factors of imperial decentralization, we must take into account the evolution of specific channels of intercultural communication with their integrative and regulative functions as well as the limit of territorial capacity. So, a territorial factor only is not enough; it must be active together with a cultural factor. This moment of critical limit achievement could manifest itself in different ways.

Those specific channels of intercultural communication, which are related to foreign trade of the empire, born in the period of territorial expansion and state monopoly and achieve their critical limit in the period of private merchant trade – as far as it seems like common way of development for important directions of imperial border trade. This happens because private entrepreneur intensively adapts to a new culture, which he has to contact, and therefore, he becomes not so much a translator, but, first of all, a recipient of cultural information in his own everyday life. Thus, the moment of full realization of that defining criterion of specific intercultural communicative channel, which means the interaction between macro and micro level phenomena – in this case between foreign economic activity and private everyday life, at the same time is a moment of cultural borrowings critical limit achievement. We should take into account that, when the channel or the whole system of intercultural communication ceases its activity, some separate elements could persist latently and renew under favorable circumstances. For instance, nowadays something like this happens with intercultural communicative elements of East-Siberian merchant trade – keeping a system-function of private entrepreneurship in Siberian society, important role of Chinese and Mongolian trade diaspora, revival of a pidgin, etc.

For dynastic marriages as a specific channel of intercultural communication the critical moment is different and related not to physical collapse of the empire, but to a change of the ruling dynasty and an increase in the number of foreigners at the court, so the national elite and the top of society begins to live extremely different way of life than other social groups, and it depends in this case not only on different social position, but on fundamentally dissimilar culture, language, and mentality. Royal brides from German houses brought to Russian court people of their own nation, integrated elements of their own traditions into the court lifestyle and administrative system. One day the sequence of marriages arranged by Peter I and his heirs led to the fact that there was no Russian legitimate pretender to the throne, and it has been taken by the branch of the Holstein-Gottorp dynasty ruled to the very end of the Russian Empire. So, we can say that integrative function proved itself in an attempt of Russian monarchs' integration into the European royal system, and regulative function proved itself in a national differentiation of society and in a complete change of the ruling dynasty

Conclusion. Thus, as we could see, quite different historical phenomena can be viewed as specific channels of intercultural communication or systems of them through the clear criteria. Functions of those channels play an important role in the empire development. So, we could conclude that reasonable regulation of cultural borrowings intensiveness before they achieve a critical limit is, perhaps, one of the good ways to keep an imperial type state stably. Study of the specific channels of intercultural communication of certain age and place helps us to reconstruct the imperial state evolution not only with its basic geopolitical patterns, but also with the portraits of its people and the minor details of their everyday life, which have big influence on the major state changes.

Bibliography

1. Balyazin, Vladimir. Tainy doma Romanovykh [Mysteries of the Romanov House]. – Moscow: OLMA Media Group; OLMA-PRESS, 2006.
2. Demidov, Aleksei. «Institutsional'nye prichiny krizisa politiki mul'tikul'turalizma v Evrope [Institutional Causes of Multiculturalism Policy Crisis in Europe]». Molodoi uchenyi [Young Scientist] 7 (54) part 3 (2013) : 338–342.
3. Gadzhiev, Kamaludin. Vvedenie v politicheskuyu nauku. Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenii [Introduction to Political Science. Tutorial for Higher Schools]. 2nd ed. – Moscow : Publishing Corporation Logos, 1999.
4. Kozhukhar, Andrei. «Dinasticheskie braki v Rossii XVIII veka kak politicheskii instrument i spetsificheskii kanal mezhkul'turnoi kommunikatsii : aktual'nost' issledovaniya [Dynastic Marriages in Russia of the 18th Century as a Political Tool and Specific Channel of Intercultural Communication: Research Topicality]». Naukova mysl informatsionnoy epokhi – 2012 : Materialy VIII mezhdunarodovoy naukovy-prakticheskoy konferentsii [Scientific Idea of the Information Age – 2012 : Proceedings of the 8th International Scientific-Practical Conference], Przemysl, 7–15 March 2012. Przemysl : Nauka i Studia, 2012. Vol. 21 : History. 3–6.
5. Kozhukhar, Andrei. «Vneshnyaya trgovlya Rossiiskoi imperii kak sovokupnost' spetsificheskikh kanalov mezhkul'turnoi kommunikatsii [Foreign Trade of the Russian Empire as an Aggregate of the Specific Channels of Intercultural Communication]». Molodoi uchenyi [Young Scientist] 7 (54) part 3 (2013) : 311–315.
6. Kozhukhar, Andrei. Vostochnosibirskaya kupecheskaya chaetorgovlya s Kitaem i Mongoliei kak sistema mezhkul'turnoi kommunikatsii vo vtoroi polovine XIX veka [East-Siberian Merchant Tea Trade with China and Mongolia as a System of Intercultural Communication in the Second Half of the 19th Century]. – Irkutsk : Asprint, 2013.
7. Kozhukhar, Andrei. «Vostochnosibirskaya kupecheskaya chaetorgovlya vtoroi poloviny XIX veka kak sistema mezhkul'turnoi kommunikatsii: itogi issledovaniya [East-Siberian Merchant Tea Trade of the Second Half of the 19th Century as a System of Intercultural Communication: Research Results]». Molodoi uchenyi [Young Scientist] 8 (43) part 2 (2012) : 233–236.
8. Sokolov, Ivan. Chai i chainaya trgovlya v Rossii 1790-1919 gg. [Tea and Tea Trade in Russia 1790-1919]. Moscow : Sputnik+, 2011.
9. Sokolov, Ivan. «Chai i chainaya trgovlya v Rossii v XIX – nachale XX vekov [Tea and Tea Trade in Russia in the 19th – early 20th centuries]». Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta: Seriya «Istoricheskie nauki» [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University: Series «Historical sciences»] 2 (4) (2009) : 28–38.
10. Sokolov, Ivan. «Chai v Rossii [Tea in Russia]». Prepodavanie istorii v shkole [Teaching History at School] 9 (2009) : 76–77.
11. Sokolov, Ivan. «Dolgiy put' chaya v Rossiyu: 1690-e – 1910-e gg. [Long Way of Tea to Russia: 1690s–1910s]». Rossiiskii nauchnyi zhurnal [Russian Scientific Journal] 1 (8) (2009) : 25–27.

© Кожухарь А. И.

THE GEOGRAPHICAL IMPORTANCE OF DARBAND AND ITS ROLE IN THE RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND IRAN IN THE SAFAVID ERA

A. Panahi

University of Guilan, Rasht, Iran

Summary. Darband, as one of the coastal towns along the Caspian Sea and as part of Caucasus region, played an important role in the political developments of this country. The city, after the complete conquest of Caucasus by Shah Ismail I was supervised by Shervan ruler, but after the outbreak of Shervan ruler and the creation of Bigla Beigi in Shervan, Darband got a better position in Safavid government. Darband, not only in the Safavid era, but also from the ancient time, because of its proximity to Northern Dagestan and the nomadic people, was known to be as gate entry to Caucasus, Aran, and Iran. Darband, in Safavid era, in addition to its strategic situation as a border town, was religiously a center for Shia Qizilbash to move there. This city was also on the way of silk trade of Caucasian and Guilan, and the traders exchanged their goods through this port with Russia and other places. First Safavid Kings, because of the importance of this city in the the Safavid official system, had realized its worth, but in the late Safavid period, Darband faced with a lot of invasions by Daghestan, the Kazakhs, and other tribes; thus, its people, and in the centre of it businessmen and merchants welcome the arrival of Peter the Great and gave the city to him. The occupation of this city by Peter the Great was one of the main reasons of his progress in Guilan.

Key words: Safavid; Russia; Ottoman; Darband; Shervan; Caucasus.

Introduction

In most of the historical periods of Iran, Caucasus has always had an important role in political, social, and economic conditions of Iran. This area, because of its geographic position, has always been one those areas of struggle of Iranian governments with the foreign government. Iranian governments had tried to consolidate their political position in Caucasus, however, Iran's relations with the peoples and tribes of the Caucasus, after the Safavids, entered a new stage. The spread of Shiism and its generalization among the ethnic groups in Caucasus, most of whom followed the religion of Christianity or were Sunni Muslims, created reactions which caused them not to be absorbed easily by the government, up to the end of the Safavid era, especially in mountainous regions such as Dagestan where the penetration of Safavid Qizilbash was less, and the population of the region remained zealous followers of the Sunni, however, the relations of Safavid government with some cities located in the plains and coastal parts of Dagestan varied.

Darband, geographically, was located along the Mazandaran Sea (Caspian). And, also, as this city was seen as a barrier to invading tribes for a long time, it has been important Iranian government. Safavid government followed two purposes with the migration of Qizilbash tribes their settlement in the city. First of all, it was going to confront revolution and possible invasion of this territory to the Safavid region and, then, help to expand the process of expanding Shi'ism by the help of the Qizilbash. These goals, in the first period of the Safavid dynasty, were followed closely, but in the late Safavid government, Darband was not addressed by the Safavid government. Shah Ismail, after the conquest of Shirvan, officially gave Darband as part of Shervan government which was supervised by its ruler; however, after the conversion of Shirvan to Biglar Beigi, Darband was managed separately.

The other importance of Darband was due to the accumulation of silk merchants. Caucasus was considered as the center of silk in Iran in Safavid era, so the silk of Shervan (Shirvan) and Caucasus, which had a good quality, was imported to this coastal city and traded. Russia, after getting to know the military and economic importance of the city, gave attention to Darband and in the campaign of Peter the Great, Darband was among one of the first cities to be captured by Tsar; of course, he took over Darband, with peace, by the cooperation and proposition of the merchants of the city, because people, to keep Darband in the late Safavid era, were not willing to accept Safavid government. The most important question that arises in connection with the issue is that, "How was Darband important for the Safavid government in the Safavid era? With respect to the above questions, the following hypotheses can be made. Darband, for being the gateway city of the important cities of Iran with northern Caucasus, and the gateway rebelled

tribes to Iran, and, also, becoming one of the important trade centers of silk, played an important role in the state system of this government. The researcher, using historical and geographical references of the Safavid era tries to explain the role of Darband in the Safavid era. The author, according to the reports concluded that Darband, in history, due to its geographical position has always been the key to conquer Caucasus and Guilan by the invaders from the North of Dagestan and Russia, and, on the other hand, it has been the center of land and sea trade between Iran and Russia.

Geographical Importance of Darband in the Safavid Era

The city of Darband, as one of the cultural, civil, and economic centers of, Dagestan, from the ancient period to the discussed period, had an important role in the political and social changes of Caucasus and Iran. In the ancient time, protecting the city to prevent the entrance of nomadic tribes to Iran had a vital role to create stability of the Iranian regimes in the ancient era. In the Islamic era reference, because Darband was located in the north of the Caspian Gate or Gate of Albania, historians called it Bob Al-abvab (door of all the doors) (Zakaria Ghazvini, 1992: 329; Stakhri, 1989: 189). Russians called Darband, «derbent» and used this word in their historical and geographical text (Barthold, 1996: 23). Capturing and the achievement of an alien force to Darband meant mastery over Caucasus and Dagestan, because this city was the gate to enter these regions.

Darband, being located in the Mountain crossing of the Caspian Gate, the Strait of Caspian or Gate of Albania, had caused its preservation and protection to be important. According to the geographical texts, because of the consecutive attacks of nomadic tribes to the north west of Iran and Caucasus, and the destruction of urban centers, the Sassanid king, especially Khosrow and Qubad, first of all made stabilizers to defend the city and created tower and walls for it. (Zakaria Qazvini, *ibid*: 328).

After the first attack of Arabs subsided, the local rulers of Darband autonomously ruled the city and its region, but in the era of the Abbasid caliphs, Shervan kings got the city and made Darband rulers their clients, however, Darband princes, knowing the weak influence of Shervan kings, did not pay attention to them. This trend continued up to Ilkhanid and Timurid era. Timor, after conquering Darband, gave the city to the Shervan Kings. (Vaziraf, 2007: 11).

In the dominance era of the Turkmen over Iran, Darband was still dominated by Shervan kings. Therefore, social history of Darband, from the seven century (Lunar Year of Hejira (LYOH)) up to the Safavid era, has close links with the Shervan land and its rulers.

In the late nine century (Lunar year of Hejira), Sheikh Juneid and Heidar repeatedly attacked Shervan and Darband. These lands, because of being away from the attacks of Mongol and Timurid for centuries, did not lose their wealth; so, the Safavid sheikhs, if they captured these areas, they could collect the necessary financial resources for their political future; in spite of the death of Sheik Haidar (890 (Lunar year of Hejira)) by King Shervan, he blocked the political ambitions of the Safavids.

Shah Ismail Safavi fully conquered Darband and Shervan in 915 (Lunar year of Hejira); and Darband, then, was ruled as a state of Shervan and under the Safavid rulers. Following the death of Shah Tahmasp (984 (Lunar year of Hejira)), during the reign of Shah Mohammad Khodabandeh (985–996 (Lunar year of Hejira)), due to internal turmoil, the Ottomans used the opportunity created and occupied Darband and Shervan in 986 (Lunar year of Hejira) (1578 AD), against the peace agreement of Amasiyeh (952 (Lunar year of Hejira)). Ottoman Empire had the town and Shervan until 1015 (Lunar year of Hejira) until Shah Abbas the First re-attachment regions to Iran in the year of 1015 (Lunar year of Hejira). Darband and Shervan belonged to Iran until 1130 (Lunar year of Hejira) / 1723 AD when Russia occupied Darband and Baku on the agreements that they signed with the Ottoman Empire, and the Ottomans overran and occupied Shervan and western parts of Dagestan. (Pigoloskaya et al. 1967: 625).

Finally, Nader Shah, in 1147 (Lunar year of Hejira) / 1734 AD occupied Darband and Shervan, but this action by Nader had no benefit for Iran to maintain Darband because inappropriate behavior and lack of ability of Iran to manage these areas led to the complete dominance of Russians over Dagestan and Caucasus seek (Jones Henavi, 2008: 270).

Darband, religiously, was different from other territories of Dagestan and Caucasus before this age, because except Shervan, Aran, and Darband, other territories of Caucasus, especially Dagestan did not readily accept Islam. It was only from Ilkhanate and Timurid era that Islam could enter into other territories of Caucasus (Barthold, 1972, Vol. 93: 408). Perhaps, the mountainous conditions of Dagestan – except Darband- prevented the penetration of Islam to this land in the early centuries. Yet, by the entrance of Islam, the followers of other religions such as Judaism and Christianity started their activity on the territory of Dagestan. According to Ibn Bazzaz in *Safval-Safa*, followers of Zahedieh cult in Shervan, Aran, and Darband had widespread activities in this country. Multiplicity of Sheikh Zayed's fans in this region was in an extent that the ruler of Shirwan scared of their influence and number, and warned Sheikh that the number of his followers is more than those of king. (Ibn Bazzaz, 1376: 197).

However, it seems that, along with the fans of Zahedieh cult, the followers of other sects like Sohrevardieh, Qaderieh Kabroyeh, Naqshbandieh and Heidarieh had extensive activities in Shervan and Darband (Ali Reza Khazaeli, 2005: 296).

Political Changes of Darband in the Safavid Era

Shah Ismail I, after the occupation of Shervan and oppression of its ruler, in line with Safavid establishment policies and procedures of expanding the Shia, forced part the Bayat tribe of Qizilbash to migrate so that, along with the expansion of Imami Shia, he can benefit from the interests of the Safavid government in these regions. In addition to Darband, according to vague reports that Hassan Beik Rumlu provides, Shah Ismail also forced other tribes to migrate to other lands of Dagestan (Hassan Beik Rumlu, 2003: 1038 and 1039). It seems that the purpose of Shah Ismail to transport tribes was to promote Shiism in Caucasus. Considering the fact that Shia was considered one of the pillars of the political power of Safavid, by expanding Shia, they could survive and maintain their power in the region. Since before the invasion of Safavid to Caucasus, most of the residents were Sunni, it seems that, to promote Shia among Sunni and Qizilbash, bloody battles have occurred in Caucasus.

Since the domination of people with Imami Shia religion in Safavid era in Caucasus, Dagestan, Darband, and Shervan was little, therefore, the conversion of the religion of people to new rituals was accompanied by violence and hardship. The Sunnis of Ghafghaz, because of insisting on the religion of their forefathers, were prosecuted and pressure Qizilbash. It created one of the reasons of the tie between Caucasus and the Ottoman court, from this era until the era of Naderi.

The Ottoman, during the Safavid period, with the pretext of supporting the Sunni Muslims, many times brought its troops to Caucasus, and was also welcomed by the people of this region. Safavid kings, to deal with this of trick of the Ottoman, used different ways to prevent the Ottomans from entering into Caucasus, for example, in the period of Shah Tahmasb I, after the treaty of Amasiyeh Peace, four hundred families of Qizilbash tribes were sent to Darband to resist against the enemies of the Safavid. (ibid: 41 and 42).

Safavid kings, to change the religion of people of Darband, in addition to changing demographics, used other methods, too. They, over time, understood that, by means of force and violence, they cannot change the religion of people of Shervan, Dagestan, and Caucasus; using different methods of taxation and economic instruments, they tried to pursue their own goals. In the era of Shah Ismail I and Shah Tahmasb I, in addition to the Shiite scholars, and religious students were exempt from tax, Shiite towns and villages in Caucasus were also subject to this law. Whereas the Sunnis of those areas should bear the tax burden of the Shiite cities and communities and fully pay the tax. The Safavid, using this method in a long period of time, could, in some areas, especially in Caucasus, especially in Darband and Shervan, spread Shiism (ibid: 45 and 46); while in the mountainous parts of Dagestan, the people of this area remained more or less Sunni. (Outer, 1984: 233 and 234).

Later on, this Sunni population of Dagestan resisted against Nader and imposed a heavy defeat on him and formally refused to obey him, because they extremely supported the Ottoman Empire, and because of their cooperation with the religious and military

policies of Ottoman Sultan, «Ghazi and residents [Sunni] of Caucasus», were sympathized and paid attention by the king. (Gougcheh, 1994: 42 and 43).

The political differences of Shervan and Darband kings with the central government cause rebel against them in this region of Caucasus. When Shah Ismail conquered Shervan fully in 915 (LYOH), by including Darband in that, gave the province to a ruler whose title was Shervan Shah. In 945 (LUOH) / 1538 AD, Shervan king rebelled against the king of Tahmasbt, following it Shervan Shah sent his brother, Alqas Mirza, to suppress him, and he managed to suppress him; since the end of the Safavid era, Shervan remained as a State in state system of the Safavid era (Jerborn, 2003, 115), and converts into one of the Bigla Beigis of the Safavid era. Following the uprising of the first Bigla Beigi Shervan-Alqas Mirza, brother of Qizilbash Shah in 952 (LYOH), Alqas Mirza was suppressed, and since then, shervan has been run by the Qizilbash. After the treaty of Amasiyeh Peace in 962 (LYOH) / 1557 AD between Shah Tahmasb and the legal Shah Sulaiman, Darband, which was considered as part of Shervan, was officially marked as the territory of Iran by Ottoman Empire. (Hassan Beik Rumlu, *ibid*: 1308-1309) Shah Tahmasb, to fix his position and power in Darband, sent about four hundred families of Ghoorchian to this town to protect this small city (Vazirov, *ibid*: 41 and 42). From this time to the end of the era of ShahTahmasb I, the social condition of Darband was calm and quiet, and regarding the fact that Darband was located in the coast, this peace was used for the economic prosperity. The economic importance of Darband in the era of Shah Tahmasb caused the first English merchant, Anthony Jenkinson, after moving from Haji Torkhan, first came to Darband for trade and then went Shervan to get to know about silk trade. (Parsadoust, 1998: 748).

After the death of Shah Tahmasb I, as in most territories of Caucasus, particularly Shervan, the spirit for anti-Safavi, because of the religious, economic, and social pressures, existed, and, also, the internal turmoil after the death of Shah Ismail II (Hassan Beik Rumlu, *ibid*: 1499–1505) caused the Sunni to start uprising against Shia and Safavid, and kill a lot of Shi'ite and Safavid fans; they did it according to the moral support of the Ottoman (Yunuso v, 2004, 78). According to the fact that the Ottoman government was considered, in terms of religion, their fellow, the Sunni population, being supported by the Ottoman, did so and asked the Ottoman government for help to deal with the Safavid. This action took place a lot of time, especially in the Naderi era, one of the reasons for the continuous battles of Nader in Caucasus was moral and material support of the Ottoman from the Sunni people of Caucasus.

The Ottoman invasion to Caucasus, Shervan, and Darband had miserable results for the Safavid government, because after the Ottoman occupation of Caucasus, because of the political crisis caused by the war of succession between the years 984 (LYOH) to 996 (LYOH), the Safavid kings were not capable of defending Darband and other territories of Caucasus, despite the fact that Heider Mirza, the son of Shah Mohammad Khodabandeh (984 (LYOH) – 996 (LYOH)), achieved some victories against Crimean Tatars, the differences of Qizilbash with him, Heider Mirza Qader was not able to expel the Ottomans from Caucasus and Dagestan. Till in the year 999 (LYOH) / 1590 AD, Shah Abbas I, with his first signing of the Istanbul Convention, he gave all the territories of Caucasus to the Ottoman Empire (Iskenderbek Monshi, 2003: 439).

The consequences of this Convention were the immigration of many Shiite people of Caucasus, especially Darband, to Iran, and joining of some people to the Ottoman Empire. Finally, Shah Abbas I, during the years 1012 to 1017 (LYOH) / 1603–1607 AD, could, by the help of Caucasus people, especially the residents of Baku and Darband, seize the Ottoman garrisons and end their presence in the South Caucasus. The appropriate manner and tolerance of Shah Abbas established the Safavid power in the liberated areas after many years (Iskenderbek Monshi, 2003: 645 and 646). To protect Darband, Shah Abbas I ordered to quickly repaire and restore town ramparts and walls of Darband that had a vital role in the security and defense of the city (Vazirov, *ibid*: 42). In addition, Shah Abbas I, to deal with future threats, like those of Shah Tahmasb, first of all changed the demographic formation of Darband and Shervan. By his command, some of the populations of Shervan were migrated to Khorasan, and, instead, some of the tribes of Bayat tribe were settled in Darband. (Iskenderbek, *ibid*: 736–739)

With all the necessary measures that Shah Abbas did to defend the cities of Darband, Baku, and other cities of Caucasus, but because of the natural conditions and strategic direction, these cities were paid attention by the Ottomans, Tatars and a new strong competitor, Russians, that gradually reached to Haji Tarkhan (Astarakhan) and northern Dagestan. (Vazirov, *ibid*: 45). Of course, the Russians, in the time of Shah Abbas I, were trying to, by helping Shah Safavid against the Ottomans, get closer to Iran and reduce the power of the Ottoman Empire. Thus, in conquering Darband castle gave military aid to Shah Abbas. According to Tecknader Fan Dryabl, Russian tsar sent several thousand armies and deserved gunmen and several guns to help Shah Abbas to surround Darband fortress; the demand of the Russians from Iran was just not to make peace with the Ottoman Empire to achieve victory. (Abdol Hossein Navaei, 1998: 192) Therefore, it seems that the primary purpose of the Russians is to weaken and defeat the Ottomans in Caucasus, and later find footprints in Iran, especially in the key realm of Darband, because after the failure of the Ottomans in this city, they got to know how they can get the city and later used these methods.

The Ottoman Government, in its relations with Iran over Caucasus region, always benefited from the stimulation of the Sunnites. Following the death of Shah Abbas I (1038 (LYOH) / 1628 AD), the Ottomans, used the tricks again. In the year 1048 (LYOH) / 1638 AD, they, with the stimulation of Dagestan ruler, intended to enter Dagestan, Darband, and Shervan; but the diplomacy of the Safavid state prevented carrying out this policy. Finally, following the Zahab treaty signing in 1049 (LYOH) / 1639 AD, the Ottoman again recognized Darband an inseparable part of the territory of Iran. Of course, the Ottomans, to affect the domination of Iran in Darband, Shervan, and other parts of Caucasus obtained important points in Mesopotamia and West of Iran. (Pigoulouskaya et al., *ibid*: 594; Rajersiouri, 1993: 227).

After the treaty of Zahab and The approval of Ottoman on the domination of Iran over Darband, this region was placed under the supervision of one of the Khans of Qizilbash called Soltan, who came to power by the Safavid Shah; however, he was still under Biglarbeigi Shervan. (Barthold, *Ibid*: 427).

One of the other reasons of the importance of Darband, particularly in the late Safavid era in relation with Russia, was the business of silk from this city to Russia. Shervan (Shirvan) and Caucasus, in general, after Lahijan, had an important place in the silk production in the Safavid. Russians, after discovering the earnings of silk trade that took place by European traders through Russia, tried to monopolize this important item. In the year 1047 (LYOH) / 1637 AD, Borougaman, the ambassador of Holstein, came to Iran to make a treaty for the trade of silk. During his stay in Moscow, he advised Tsar to occupy the Silk fertile shores of the Mazandaran Sea (Caspian) and start silk trading with the European governments, especially Holstein. According to the Russian writers of Iran history, Moscow Government, in those days, considered this plan as an adventure, however, Peter the Great, to change this sea into a Russian lake, occupied some parts of the shores of the Mazandaran Sea (Caspian). (Pigoulouskaya et al., *ibid*: 594). At the age of Shah Abbas II and King Solomon, the trade relations between Iran and Russia expanded, and Darband, as a whole, on the west coast of the Mazandaran Sea (Caspian), played an important role in silk trade, as this city was located on the beach and sending silk through the Ottoman or Aran was really difficult, so Russian merchants and traders of Darband won a lucrative benefit by silk trading, thus, along with the strategic position of Darband, changing it to a high center of silk trading was paid attention to by Russia and the Russians, in the period of Peter the Great, in their first conquest, could easily reach the city. (Vazirov, *ibid*: 45 and 46; Bartold, *ibid*: 46 and 47).

Undermining the political sovereignty of Safavid, some of the border states and cities of Iran were attacked by the Uzbeks and other nomadic ethnic groups or bandits. Coastal cities of Mazandaran Sea (Caspian), due to military and political weaknesses of Safavid government and its incompetent rulers were robbed Kazakhs, especially Stankarazin. Stankarazin, since 1078 (LYOH) / 1667 AD, in several occasions, attacked Farahabad, Rasht, Baku, and Astarābād. Due to the coastal location of Darband, this town was also favored by Kazakhs and was attack by them; instead, no serious steps were taken by the Safavid government to deal with the Kazakhs. Safavid

Shah did not make any correct and logical analysis of the causes and how to prevent them from plundering. Shah Safavi thought that the campaign of «infidel Kazaks» – Stenkarazin – was not done by Moscow government, and they, without the consent of Russian Tsar-Tsar Alexei, who had good relations with Iran at that time-took this action. Therefore, the King feared that the Kazakhs could find allies in the coasts of Mazandaran Sea (Caspian). (Pigolouskaya et al., *ibid*: 595) Later on, by the insistence of Shah Soleiman Safavid, Russian Tsar arrested Stenkarazin and executed him in Moscow. (*ibid*, Berian Shani Nov, 1978: 102) Revealing the political weakness of the Safavid government at this time, Darband and Shervan continued to be governed by this government, and were ruled by its rulers and agents. Shah Sultan Hussein, coming to power, (1135–1105 (LYOH) / 1722–1687 AD) political weakness of the Safavid state reached its peak. Religiously, religious and legal fightings, along with the impact that they had on the Safavid court, some cities and states of the Safavid were also changed in relation with it. Shah Sultan Hussein was so helpless and weak that he was ignored by scholars and even could control his authority. (Roger Savori, *ibid*: 238).

Political and religious conflicts in Caucasus region showed itself. Absence of an Authoritarian ruler supervision of Safavid caused the development religious differences between Dagestan and the Caucasus Shi'ite with the Sunni population. Shiites were settled in urban centers and coastal regions and Sunnis in the mountains. Rising differences among them caused that the mountainous Sunni residents of Dagestan raid Derbent and Shervan and fire their villages and cities. Because of these political conflicts and lack of supervision and influence of the Safavid government to finish the happening unrests, some of the rulers of Dagestan and Caucasus asked Peter the Great to be protectorate of Russia. Russians, who were waiting for such a suitable ground, regarding the downfall of Isfahan in 1135 (LYOH) / 1722 AD, crossed the northern Dagestan and occupied some cities of southern Dagestan. (Gadjiev, 2003: 55, 56) According to some historical texts and documents remaining, people, community groups, and merchants of Caucasus were so dissatisfied with the Safavid government that, with their own will, gave the keys of some cities such as Darband to Peter. According to Vazirov, many elders, scholars, and businessmen of Darband accepted the entrance of Peter with joy and gave the keys of all the cities to him. (Vazirov, *ibid*: 42). According to the available reports, during the years 1135–1136 (LYOH) / 1722–1723 AD, after occupying Darband and Baku, Peter refused further movement inside Iran's territory and occupying other parts of Caucasus and Baku. Till, after the contract in 1136 (LYOH) / 1723 AD in St. Petersburg with Shah Tahmasb II, Darband, Baku, Shervan (Shirvan), Guilan, Mazandaran, and Astarābād were given to Russia; in exchange, Russians, in the next year, in 1137 (LYOH) / 1724 AD, by signing a contract in Istanbul, formally gained the confirmation of the Ottoman in occupying these lands, and the Ottomans occupied the western parts of Caucasus and Dagestan. Joining of Darband and other territories to Iran until 1148 (LYOH) / 1734 AD, when Nader was able to seize Caucasus, was postponed. (Jan Outer, 1884: 128–130)

Conclusion

In Safavid era, Darband, in addition to geographical and military importance, due to the Safavid rule and requirements that they give to it, took considerable interest in the region. Safavid government faced a lot of problems because of favoring the Shi'a religion and its extension to Caucasus, because most Caucasian people were Christians or Sunnis; its geographical and mountainous conditions caused slow progress of Shi'ism in this region; so, the natural geography of Darband caused the Safavid government to easily manipulate the city, and achieve its political goals by the migration of the Qizilbash tribes, and promote Shi'ism. Darband, in Safavid period, was considered as one of the key centers to protect Caucasus and confront the possible riots against the enemies of this government.

Another importance of Darband was changing this city to a center of Caucasus silk trade, especially Shervan (Shirvan); many great traders from Caucasus, Darband, and especially Russia worked in this city and Safavid government earned high income. Russians, according to the military and economic importance of Darband, in their plan to occupy the coasts of Mazandaran Sea (Caspian), had considered this city a lot; even in

the first movement, Peter the Great, to achieve the beaches and towns in Iran, occupied Darband. Obtaining Darband by the Russians was easily done, because people and businessmen of the city were dissatisfied with Safavid government agents and wanted to obey any government other than the Safavid.

Bibliography

1. Balazri, Fotouh Albaladan (the part relating to Iran), Translated by Azarnoosh Azartash, Tehran, Soroush, 1988.
2. Barthold, V. V., The Place of the regions around the Caspian Sea in the history of the Islamic world, Translated by Leila Robnshe, Tehran, Iran Institute for Humanities and Cultural Studies, 1996.
3. Barthold, Vasili V. «Sochineniya» tome IIkn, 1, III, V, VI, VII, VIII, Moskva– Nauka, 1972.
4. Bouren, Ror, The States in the Safavid Era, translated by Keikavous Jahandari, Tehran, Publishing Center, 2003.
5. Estakhri, Almsalk and Almamalek, by Iraj Afshar, Tehran, science and culture, 1989.
6. Gadjiev, Kamaluddin, S, Geopolitika Kavkaza, Moskva Mezhdunarodnie otnosheniya, 2003.
7. Gougcheh, J, Caucasus and the politics of the Ottoman Empire, translated by Wahab Vali, Tehran, Ministry of Foreign Affairs, 1994.
8. Hamoy, Yaqout, Mu'jam Albaladan, Translated by Alinaqi Monzavi, Tehran, Iran Cultural Heritage, 2001.
9. H. J. The Life of Nader Shah, translated by Ismail Dolatshahi of Tehran, Science and Culture, 1986.
10. Ibn Bazzaz, Darvish Tavakkol, *Safvol Safa*, by Qolam Reza Tabatabai Majd, Tehran, Zaryab Press, 1997.
11. Khzaeli, A. R., Safavids and the Shervan Region based on the sayings of the *Safvol Safa*, the scope of the International Conference on the history of Iran, the effort of Maqsoud Ali Sadeqi, Tabriz University, Sotoude Publishing, 2005.
12. Monshi, Iskenderbeik, The world the Vote of Shah Abbas, effort by Iraj Afshar, Tehran, Amir Kabir, vol. 2, 2003.
13. Navai, A. H., political and economic relations of Iran in the era of Safavid, Tehran, SAMT, 1998.
14. Outer, Jean, Travelogue, translated by Ali Iqbali, Tehran, Javedan Press, 1984.
15. Parsadoust, M., Shah Tahmasp I, Tehran, Publishing Company, 1998.
16. Pigoulouskaya et al., The History of from Iran the Ancient Age to the Eighteenth century AD, translated by Karim Keshavarzi, Tehran, Tehran University Press, 1967.
17. Qazvini, Zakaria, Asar al-Balad and Akhbar alaba'd, translated by Muhammad Morad ibn Abdol Rahman, Edited by S. Mohammad Shahmoradi, Tehran, Tehran University, 1992.
18. Qodsi with Kiyarov, Abbasqoli Aqa, Golestan e Eram, Tehran, Phoenix, 2004.
19. Rumlu, Hassan Beik, Ahsan al-tavarikh, efforts by Abdaslossein Navayi, Tehran, Asatir, Vol. 3, 2003.
20. Shani Nouv, The history of Russia, translated by Khanbabayani, Tehran, Tehran University, 1978.
21. Sivari, Roger, Iran in Safavid Era, translated by K. Azizi, Tehran, Publishing Center, 1993.
22. Vazirov, M., New Darband Nameh, by the effort of J. Kianfar, and with the help of Nouri Mohammad Zadeh, Tehran, Mirase Maktoob, 2007.
23. Yunusov, Arifs, Islam V Azerbajane, Baku, Zaman, 2004.

© Panahi A.

**ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСПАНО-МЕКСИКАНСКОГО
ВОЕННО-МОРСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПЕРИОДА РЕСПУБЛИКИ**

Н. В. Митюков, Л. П. Порцева

**Камский институт гуманитарных и инженерных технологий,
г. Ижевск, республика Удмуртия, Россия;
Чайковский филиал Пермского национального исследовательского
политехнического университета, г. Чайковск, Пермский край, Россия**

**COMBAT-TECHNICAL ASPECT OF SPANISH-MEXICAN NAVAL
COOPERATION OF THE REPUBLIC'S PERIOD**

N. W. Mitiukov, L. P. Portseva

**Kama Institute of Humanities and Engineering Technology,
Izhevsk, Udmurtia, Russia;
Tchaikovsky Perm branch of the National Research Polytechnic University,
Tchaikovsky, Perm region, Russia**

Summary. Spanish-Mexican naval cooperation of the republic's period traditionally associated with quality upgrading the Mexican Navy, but other it made it possible to keep the staff and the equipment of the Spanish naval industry and led to the active support by the Mexican government of the Spanish Republic during the Civil War.

Key words: Spain; civil war; nationalists; navy; the Spanish-Mexican relations; shipbuilding.

Испано-мексиканские военно-морские связи

К 20-м гг., закончив чреду бесчисленных гражданских войн и революций, Мексика, наконец, вступила в период своего относительно стабильного развития. Рост экспорта мексиканских продуктов и услуг дал возможность поступления в страну столь необходимой валюты, что стало предпосылкой глубокой модернизации национального флота. К этому периоду флот Мексики представлял собой сборище разнотипных и разномастных кораблей и судов, флагманом которого являлся купленный в Бразилии древний броненосец «Анауак» (б. «Деодору»). В строю одновременно числились корабли, построенные и в середине XIX в., и относительно современные, правда, штучные боевые единицы [4].

К этому же периоду наметились определённые сдвиги в испано-мексиканском военно-морском сотрудничестве. В 1924 г. Испанию посетила мексиканская миссия с целью прозондировать возможности приобретения эсминцев «Кадарсо», «Бустаманте» и «Вильямил», хоть и морально устаревших, но построенных всего десятилетие назад. Но, увы, ряд сложностей как технического, так и политического характера заставил тогда отказаться от сделки, и все эсминцы благополучно отправились на слом.

Свержение монархии в Испании дало возможность установить более тесные отношения между двумя наиболее левыми республиками Латинской Америки и Западной Европы, говорящими к тому же на одном языке. Тесные дипломатические контакты привели к заключению в конце 1932 г. договора между двумя государствами, подписанному военным министром Мексики генералом Ласаро Карденасом (ставшим впоследствии президентом Мексиканских Соединенных Штатов) и послом Испании в Мексике Алваресом де Байо, по которому предполагалось строительство на испанских верфях для мексиканского флота сразу несколько десятков боевых единиц.

Интересно отметить, что испанская сторона была заинтересована в этом договоре едва ли не больше, чем мексиканская. Уже 28 декабря 1932 г. Совет Министров принял финансовый закон по предоставлению Мексике займа в размере 73 миллионов песет со сроком погашения в течение пяти лет, начиная с 1 января 1934 г. [7].

Интерес в этом проекте испанской стороны объяснялся довольно просто. Вместе со свергнутой королевской властью ушёл в прошлое и проект грандиозной судостроительной программы. По сравнению с последними годами монархии, статьи расходной части военно-морского бюджета на 1931–1934 гг. выглядели смехотворно.

В соответствии с ним предполагалось закончить работы над гидродинамическим опытным бассейном, продлить сухой док Картахены до 205 м и построить национальную фабрику по производству торпед. Планы не предусматривали закладку ни единого корабля! А без перспектив серьёзных заказов рабочие судостроительных предприятий постоянно находились на грани увольнения, разумеется, пополнив собой ряды всевозможных демонстрантов и манифестантов. Мексиканский же заказ давал работу и перспективы дальнейшей занятости, несколько разряжая сложную социальную обстановку. Кроме того, загружалось работой и Бюро проектирования, получая возможность использовать передовые достижения судостроительной отрасли [5].

В соответствии с испано-мексиканским договором и финансовым законом от 28 декабря 1932 г., 14 февраля 1933 г. между двумя странами было подписано соглашение, устанавливавшее очерёдность претворения плана судостроения. Первая фаза, на которую отводилось 18 месяцев, предполагала постройку трёх канонерских лодок в 1300 тонн и десять судов береговой обороны в 180 т. Со спуском на воду кораблей первой фазы, наступала очередь второй, и закладывались два транспорта-канонерки в 1600 т. Далее следовала третья фаза, предполагавшая постройку четырёх эсминцев и шести миноносцев.

27 июля 1933 г. испанский Совет министров принял закон нового судостроения, по которому кроме мексиканского заказа предполагалось ещё и строительство танкера для ВМС Аргентины. В первоначальной версии закона основным поставщиком выступал концерн SECN (*Sociedad Española de Construcciones Navales*), задействовавший свои филиалы в Картахене и Кадисе. Но довольно скоро заказ пришлось перераспределить между небольшими частными судостроительными заводами, в попытке преодолеть царивший там глубокий экономический кризис. В итоге SECN достались контракты лишь на две канонерки, а третья досталась фирме «Матагорда» из Кадиса. Заказ на все десять патрульных судов достался фирме «Эскалдуна» из Бильбао. Контракты на корабли второй фазы поделили между кадисской «Эчевариэттой» и валенсийской «Юнион Наваль» [11]. А вот выполнению третьей фазы помешала начавшаяся гражданская война.

Тройку 1300-тонных канонерок, получивших наименования «Потоси», «Ганахуато» и «Керетаро», спустили на воду летом 1934 г., а весной 1936 г. их принял мексиканский заказчик. Десять кораблей «типа 20» (не имевшие наименований, а только номера G-20–G-29), получили всемирное признание, когда в 1935 г. своим ходом преодолели просторы Атлантики, чтобы влиться в состав флота своих новых хозяев.

И, наконец, самые крупные единицы «Дуранго» и «Сакатекас» строились соответственно фирмами «Unión Naval de Levante» в Валенсии и «Echevarietta y Larriaga» в Кадисе. Корпус первого спустили на воду 28 июня 1935 г. С 18 по 20 мая 1936 г. он пока под испанским флагом вышел на ходовые испытания [7; 14].

Со вторым кораблём вышла задержка. Хотя его спустили на воду ещё 27 августа 1934 г., по ряду объективных причин, в том числе неритмичного поступления средств, на кадисском заводе возникли финансовые проблемы. Темпы строительства сначала сильно замедлились, а потом работы вообще заморозились. Всё это привело к введению прямого государственного административного управления с передачей всех долгов предприятия в национальный бюджет. В результате срыва всех контрактных сроков поставок к началу франкистского мятежа «Сакатекас» находился в стадии далёкой от завершения. Впрочем, степень его готовности не стоит преуменьшать, корабль очень просто мог быть сдан заказчику через несколько месяцев. Другое дело, что правовой статус новостройки оказался абсолютно неопределённым, ведь мексиканская сторона рассчиталась за него с Мадридом, а не с Бургосом, а потому принимать на себя обязательства своего врага правительство националистов никак не могло. С другой стороны, открыто реквизировать иностранный корабль, ухудшив и без того шаткое положение на международной арене, оно было пока не готово. Поэтому корабль стал на переоборудование и довооружение, фактически завершившееся через два года. За это время националисты заручились мощной политической поддержкой Италии и Германии, так что 30 мая 1938 г., за день до выхода на испытания, было наконец официально объявлено о реквизировании корабля и включении его в строй национального флота под наименованием «Кальво Сотело» [2; 3; 12; 13].

Итак, из пятнадцати заказанных в Испании кораблей в строй мексиканского флота за вычетом «Сокатекаса» вошли четырнадцать. Все они благополучно пережили Вторую мировую войну, но в 1946 г. G-24 погиб в результате аварии. Он стал единственной потерей: все остальные благополучно отслужили свой положенный срок службы и были списаны. Но даже после списания «Дуранго» и «Ганахуато» продолжают использоваться! В 2001 г. оба корабля открылись для свободного доступа в качестве музеев, первый в Масатлане, второй – в Веракрусе.

Итоги сотрудничества

Обычно анализируя итоги сотрудничества, авторы делают упор на техническое перевооружение и обновление мексиканского флота, а также на частичное решение экономических проблем судостроительного сектора самой Испании. Но, кроме этого, следует отметить ряд событий, оставшихся незаметными для современников, и обычно не фигурирующими в исторической литературе.

1. Испанские судостроители получили возможность не только сохранить свои кадры, но и существенно продвинуться вперёд в деле проектирования современных кораблей и судов. Так, во время гражданской войны правительство Страны Басков пыталось организовать постройку на местных верфях боевых кораблей собственной конструкции. В декабре 1936 г. заводу «Эскалдуна» в Бильбао были заказаны 12 патрульных кораблей (фактически малых миноносцев) проекта 677 (водоизмещение 240 т, размерения 53×5,5×1,67 м, дизельная силовая установка, скорость 25 уз, вооружение 2×1–75 мм, 2–25 мм, 1×2 ТА). Анализ их характеристик позволяет утверждать, что проект разработан на основе строившихся ранее для Мексики патрульных кораблей типа «G». Однако, в силу военной ситуации и изолированного положения Страны Басков, ни один из кораблей построен не был [1].

2. После коренного перевооружения мексиканских военно-морских сил с началом гражданской войны у Мексики появилась возможность вернуть в Испанию часть ставшей ей ненужной материальной части. В частности, республиканцам были поставлены орудия списанного броненосца «Анауак» [1].

Библиографический список

1. Митюков Н. В., Барабанов М. С. Корабли ВМС Испании периода гражданской и Второй мировой войны 1936–1945 гг. – М. : Морская кампания, 2010. – 64 с.
2. Митюков Н. В., Порцева Л. П. Реквизирование «Сакатекаса» – военно-технический аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 8 (22). – Ч. 1. – С. 125–127.
3. Митюков Н. В., Эрсе Лисаррага А. Г. Канонерские лодки типа «Дуранго» // Морская кампания. – 2008. – № 1. – С. 35–55.
4. Пятянин С. В., Барабанов М. С., Митюков Н. В. Корабли Второй мировой войны. ВМС стран Латинской Америки и Азии. – М. : Морская кампания, 2008. – 64 с.
5. Bordejé y Morencos F. Vicisitudes de una política naval. – Madrid : Editorial San Martín, 1978. – 704 p.
6. Cerezo Martínez R. Armada Española, Siglo XX: en 4 tomos. – Madrid : Ediciones Poniente, 1983.
7. El buque Transporte de Guerra «Durango» B-01. – México: Departamento de Museos Navales, 2003.
8. El XXV Aniversario de Unión Naval de Levante S. A. – Valencia : Unión Naval de Levante, 1949. – 218 p.
9. García Flores D. Buques de la Guerra Civil Española. – Tomo 4. – Cañoneros, minadores y otro buques. – Madrid : Almena Ediciones, 2002. – 192 p.
10. González Echegaray R. Vender prestigio // Revista General de Marina. – 1976. – Tomo 191. – № 11. – P. 511–526.
11. La Armada de México dona al Gobierno de Sinaloa el buque transporte de guerra «Durango». Comunicado de prensa 053/03. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.semar.gob.mx>. (дата обращения: 30.05.2003).
12. Mitiuckow N. W., Erce Lisarraga A. G. Standardowe i uniwersalne (Czast I) // Okręty Wojenne. – 2007. – № 6. – S. 50–57.
13. Mitiuckow N. W., Erce Lisarraga A. G. Standardowe i uniwersalne (Czast II) // Okręty Wojenne. – 2008. – № 1. – S. 40–46.
14. Robert J. R. Las construcciones navales para Méjico en España. El éxito de las pruebas del «Durango» // Las Provincias. – 1936. – 31 Mayo. – P. 2.

© Митюков Н. В., Порцева Л. П.

КОНСАЛТИНГ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова

Университет «Болашак»,
г. Кызылорда, Казахстан

CONSULTING AS OBJECT OF POLITICAL SCIENCE

M. O. Nassimov, B. Zh. Paridinova

University «Bolashak»,
Kyzylorda, Kazakhstan

Summary. Counseling, or as we like to call it in today's society Consulting occupies a special position in the social, political, and cultural and social structure. Every day a person is associated with overcoming a variety of organizational, psychological, moral, and other difficulties. Therefore, the life of modern humanity depends on many factors and is not at all simple. The article seeks to contribute to the development and further development of theoretical and conceptual foundations of political consulting.

Key words: consultation; council; society; client; political campaigns.

Консультирование, или, как его называют в современном мире, консалтинг, занимает особое положение в социальной, политической, культурной жизни и структуре общества. Каждый день человека сопряжен с преодолением различных организационных, психологических, моральных и других трудностей. Поэтому жизнь современного человечества зависит от множества факторов и является совсем не простой.

Слово «консалтинг» заимствовано из английского языка и означает *консультирование, платное консультирование*. В конце XX века понятие вошло в употребление в современном Казахстане, но его толкование остается неоднозначным. Проблеме консалтинга были посвящены некоторые наши исследования на казахском языке [2], а также есть исследования и по другим темам [3].

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова дается определение понятию «консалтинг»: «1. Совещание специалистов по какому-н. делу, вопросу. 2. Совет, даваемый специалистом» [4].

По определению Европейской федерации ассоциаций консультантов по экономике и управлению (FEASO), консалтинг – это «предоставление независимых советов и помощи по вопросам управления, включая определение и оценку проблем и/или возможностей, рекомендации соответствующих мер и помощь в их реализации» [1].

Российские авторы В. М. Попов и другие определяют: «Консалтинг – термин, используемый в современной практике для обозначения деятельности, направленной на выявление и разработку предложений и программ с целью рационализации и оптимизации функционирования предприятия, помощи руководящему составу и управленцам в процессе принятия грамотных решений. <...> это вид интеллектуальной деятельности, основная задача которой заключается в анализе, обосновании перспектив развития и использования научно-технических и организационно-экономических инноваций с учетом специфики данной отрасли и проблем клиента» [5].

В управленческом понимании этого термина имеются свои нюансы: «Важно, чтобы управленческое консультирование в условиях новой экономики представляло такую форму, когда (1) консультант делится опытом с клиентом, вместо того чтобы пытаться сохранить его только для себя; (2) клиент по возможности непосредственно и активно участвует в решении задачи; и (3) обе стороны не жалеют усилий для того, чтобы извлечь из решения данной задачи ценный опыт» [9].

Наряду с этим автор полностью согласен с мнением Питера Блока: «Вы занимаетесь консультированием каждый раз, когда пытаетесь изменить или улучшить ситуацию, но непосредственно не руководите выполнением... Большинство штатных работников, в сущности, являются консультантами, даже если они себя официально консультантами не называют» [9, с. 16].

Поэтому консалтинг обеспечивает мнение о проблеме, совет и размышление о ней вместе. Определенные типы консалтинга включают: консультацию по биотехнологии; консультацию по менеджменту; медицинскую консультацию; экологическую консультацию; консультацию о способности; консультацию о привилегии; консультацию о человеческих ресурсах; информационную консультацию; консультацию об информационной технологии; исполнительную консультацию; политическую консультацию; общественную консультацию; консультацию об испытании и т. д.

Политический консалтинг как глобальное явление и институт современной политики интересует современную политическую науку. «Политический консалтинг – это не просто институт, объединяющий экспертов в области организации политической коммуникации, но и талантливый эффективный менеджмент политических кампаний» [10].

Американский ученый Д. Ниммо политический консалтинг ассоциирует с профессиональными услугами в области предвыборных кампаний [11]. Согласно мнению ученых А. П. Ситникова и Е. Г. Морозовой, политический консалтинг – это «профессиональная деятельность по интеллектуальному и организационному обеспечению политических кампаний посредством создания и реализации высокоэффективных технологий» [7]. В понимании известного российского исследователя политического менеджмента Г. В. Пушкарева, политический консалтинг это – «оказание профессиональной помощи политикам-практикам в решении ими определённых политических задач» [6].

Мы можем различать две формы политического консалтинга, консультирования лиц и групп: консультирование лиц, принимающих политические решения, и консультирование организаций и предприятий, которые действуют в политической сфере. Политический консалтинг, таким образом, берет на себя функцию двойного посредничества. С одной стороны, политический консалтинг является посредником между политикой, бизнесом и общественностью. С другой стороны, политический консалтинг строит мосты между наукой и политической практикой.

Политический консалтинг предполагает особенно высокую степень текстовой и аналитической компетентности, а также соответствующих академических квалификаций. Политические консультации – интенсивный посредник между наукой и политической практикой. Стратегические и оперативные концепции сформулированы на основе эмпирических данных и научного анализа политического поля. Политический консалтинг, таким образом, основан на знании государственной стратегии, разработки, реализации, координации и оценки политических программ.

В связи с этим немецкая ассоциация политических консультантов определяет такие инструменты политического консалтинга: сбор средств, управление имиджем, вопросы управления, политический IT-консалтинг, лоббирование, мониторинг, стратегический консалтинг, стратегические исследования, передача знаний [12].

Функции политического консалтинга можно определить следующим образом: исследование политической ситуации (по категориям ее проявления: от исследований имиджа отдельного субъекта политической ситуации до исследований выборной истории общества); прогнозирование политической ситуации (по категориям ее проявления); реализация маркетингового аспекта (позиционирование в политической ситуации, разработка стратегических планов и программ, формирование имиджа и др.); создание и преобразование структур, являющихся субъектами политической ситуации или влияющих на нее; оценка эффективности проектов и мероприятий, призванных тем или иным способом повлиять на существующую политическую ситуацию; реализация стратегических и тактических планов воздействия на политическую ситуацию; оперативное реагирование на изменение политической ситуации (стратегическое и тактическое) [8].

К сожалению, рамки статьи не позволяют охарактеризовать все вопросы и проблемы теоретических и концептуальных основ консалтинга в современной политической науке. По нашему мнению, упомянутые формулировки данной проблемы определяют описательный характер понятия «консалтинг» как объекта науки.

Библиографический список

1. Кларин М. В. Корпоративный тренинг от А до Я. – М. : Дело, 2002. – С. 99.
2. Насимов М. Ө. Саяси консалтинг пайда болуының тарихи тамырлары // Вестник Казахского национального университета. – 2011. – № 1 (36). – С. 29–32. – (Сер.: политология, философия, культурология).
3. Насимов М. О. Image of the country and the city on the example of the Republic of Kazakhstan and Astana // Молодой ученый. – 2013. – № 5. – С. 564–566.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 21-е изд., перераб. и доп. – М., 1989. – С. 292.
5. Попов В. М., Ляпунов С. И., Филиппов В. В., Медведев Г. В. Современные бизнес-технологии. – М. : Кнорус, 2006. – С. 90–91.
6. Пушкарева Г. В. Политический менеджмент. – М., 2002. – С. 366.
7. Ситников А. П., Морозова Е. Г. Предисловие к русскому изданию // Справочник по политическому консультированию. – М. : ИНФРА-М, 2002. – С. 8–9.
8. Ситников А. П., Огарь И. В., Бахвалова Н. С. Политический консалтинг. – М., 2004. – С. 18.
9. Управленческое консультирование нововведений: Индивид в организации / отв. ред. А. И. Пригожин. – М., 1990. – С. 10.
10. Юханов Н. С. PR-технологии и политическое консультирование в российской политике. – М., 2008. – С. 24.
11. Nimmo D. The Political Persuaders: the techniques of modern election campfigns // Transaction publishers. – New Brunswick, New Jersey, 1999. – P. 66.
12. What is political consulting? / German Association of Political Consultants. – Berlin, 2006. – P. 6–11.

© Насимов М. О., Паридинова Б. Ж.

СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО И КРИЗИС ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ

О. С. Гайко

Национальный институт стратегических исследований, г. Киев, Украина

MODERN STATE AND CRISIS OF LIBERAL MODEL OF DEMOCRACY

O. S. Gaiko

National Institute for Strategic Studies, Kiev, Ukraine

Summary. The process of formation, evolution and crisis of the modern nation-state and democratic institutions is analyzed. Considerable attention is paid to the factors that led to the formation and caused the crisis of modern state institutions.

Key words: the nation-state; democracy; liberalism.

Современное национальное государство переживает системный кризис, который не может быть объяснён феноменом глобализации, увеличением мобильности капитала или установлением мирового порядка в виде современной Империи (как это делают А. Негри и М. Хардт [12], работы которых представляют радикальный левый ответ неолиберальному мейнстриму). Речь идёт о более фундаментальной трансформации государств современного типа, которая заключается в следующих моментах:

– потеря конкурентных преимуществ (эффективное изъятие ресурсов, ведение войн и массовая мобилизация населения) национальным государством из-за его распространения по всему миру в XIX–XX в.;

– изменение природы войны в результате появления у целого ряда стран ядерного оружия и в связи с завершением «холодной войны». Современная война, по преимуществу, сводится к миротворческим миссиям «распространения демократии» в страны третьего мира и борьбы с терроризмом, что реализуется через наделение спецслужб значительными полномочиями и частичным ограничением конституционных прав граждан;

– передача контроля над целым рядом государственных функций (образование, медицина, инфраструктура, монопольные предприятия стратегического значения и т. д.) частным компаниям.

Положение осложняется тем, что параллельно происходит кризис либеральных демократических институтов, которые интегрированы в саму модель национального государства. А попытки вывести демократические принципы из сферы деятельности национального государства (в виде прав человека) сталкиваются с противоречием между принципами суверенитета и принципами прав человека и невозможностью реализовать гражданские права вне сферы национального государства. Другая сторона проблемы заключается в том, что современные демократические институты представляют механизм для легитимации политической власти и не способны отображать реальные настроения в либерально-демократических обществах.

В данной работе предпринимается попытка очертить политическую морфологию современных демократических и государственных институтов стран либеральной демократии в контексте совокупности кризисных явлений, которые препятствуют эффективному функционированию политических институтов.

Механизм формирования государств современного типа (национальных государств) отображён в работах представителей веберовской традиции в рамках военно-налоговой теории происхождения государства (Ч. Тилли [10], У. Мак-Нил [7]) и работах представителей политического марксизма (П. Андерсон [1], Б. Тешке [9]).

На пересечении марксистской и веберовской традиции строит свои взгляды Р. Лахман [6], который представляет трансформацию европейского политического пространства Нового времени как совокупность патовых ситуаций, заставляющих политическую элиту приспособляться к существующим структурным изменениям.

Кризис идеи самого государства в контексте невозможности выполнять взятые на себя обязательства представлен в работах М. Кревельда [5] и К. Крауча [4]. В случае с К. Краучем речь идёт о левой критике реализации неолиберальных принципов.

Неэффективность институтов современной либеральной демократии представлена в работах Ю. Хабермаса [11]. В её основе находится дихотомия системы и жизненного мира, как определяющая черта стран «позднего капитализма». Альтернативную, по отношению к Ю. Хабермасу, линию представляет левое крыло политической теории, которое находится под влиянием К. Шмитта (Ш. Муфф [18; 19], Э. Лаклао [18], Ж. Рансьер [8]) с его противопоставлением политического и либерализма.

Появление и распространение государств современного типа

Революция в военной сфере XV–XVI вв. (которая детерминировала появление массовых армий и подорожание ведения войны) и постепенное ослабление феодализма в Западной Европе (в результате кризиса XV в.) запустили механизм распада Священной римской империи, который был юридически зафиксирован только в 1806 г. Выходом из сложившегося кризиса было переформатирование политической структуры, которое установило абсолютистские политические режимы. По мнению П. Андерсона, абсолютизм представляет собой реакцию аристократии на «чёрную смерть» [1]. Укреплению абсолютизма способствовало два идеологических корпуса знания – меркантилизм и *ratio status* (в русском языке нет, в виду отсутствия подобной политической традиции, однозначного перевода термина *ratio status*; часто его переводят как национальный интерес, или государственная мудрость). Меркантилизм и *ratio status* акцентируют внимание на территории, которая рассматривается как владение суверена, позднее в работах И. Альтузия и Ж. Бодена принцип территориальности, в противовес универсалистскому проекту Империи, реализован в идее суверенитета. Таким образом, меркантилизм и *ratio status*, а позже суверенитет, формировали и обосновывали принцип *rex in regno suo est imperator* (король в собственном королевстве является императором) и пытались выработать рационально-обоснованные законы управления территорией и населением.

В отличие от традиционной феодальной сеньории, которая образовывала феодальную иерархию, базирующуюся на вассальных отношениях, абсолютистский суверенитет разрывает существовавшую феодальную пирамиду и становится в рамках определённой территории верховной властью, объединяя в лице абсолютистского правителя экономику и политику [1; 9]. Внешняя и внутренняя угроза подталкивали режимы к увеличению численности армий, эффективному изъятию ресурсов для ведения войны и формированию рациональной внутренней политики. Основные источники выживания государства в условиях внешних угроз – принуждение и ресурсы. Ч. Тилли выделяет три типа государств в Европе в рассматриваемый нами период:

- страны с интенсивным принуждением (Россия, Польша);
- страны с интенсивным капиталом (итальянские города-государства);
- страны с интенсивным принуждением и интенсивным капиталом (Франция, Англия) [10].

В дальнейшем страны, соединяющие интенсивность принуждения и капитала, оказались наиболее эффективными в плане ведения войны и извлечения ресурсов. Именно эти страны эволюционировали в национальные государства и вытеснили альтернативные политические образования. Такой подход даёт нам объяснение исчезновения Польши (являвшейся аристократической республикой) с политической карты мира и экономический упадок когда-то влиятельных итальянских городов-государств, которые были в прошлом мощнейшими центрами торговли. Следуя указанной логике, появление современных государств не является необходимым и обязательным следствием распада феодализма. Скорее, это исключение из общих правил, которое стало возможным в силу удачного стечения обстоятельств на небольшой территории Западной Европы (политико-экономическая структура подобная европейскому феодализму наблюдалась в Японии, что объясняет её выигрыш, в отличие от Индии и Китая, от интеграции в капиталистическую систему в XIX в.).

Победа абсолютизма в борьбе с претензиями на власть аристократии (что отчётливо видно на примере Франции) усилила процесс централизации и бюрократизации страны для успешного решения проблемы война/ресурсы, что привело

к усилению буржуазии, получающей прямые привилегии от увеличения полномочий государства. Централизация пыталась оторвать население от привычной среды обитания (в которой функцию посредника и регулятора конфликтов выполняли религия, традиция, семья) и старалась поместить в сферу действия суверенного закона, обеспечивающегося деятельностью специально созданного института – полиции. В дальнейшем буржуазия не удовлетворяла занятая ею ниша, которая ограничивала возможность действия. Недовольство буржуазии подогревала практика продажи государственных должностей знати, что служило источником обогащения и усиливало влияние дворянства. Воспользовавшись конфликтом между аристократией и духовенством, буржуазия, при поддержке крестьянства, активизировалась, что привело к Великой французской революции. Целый ряд относительно недавних исторических исследований на тему абсолютизма (например, работы Н. Хеншелла [13]) показывают, что вопреки представлению о всевластии абсолютистских режимов, которое было сформировано в Новое время, возможность вмешательства абсолютной монархии в целый ряд сфер была ограничена. А частная сфера граждан, по сути, была автономной, находясь в компетенции религии и традиции.

В результате ликвидации абсолютизма место абсолютистского правителя занимает нация. В дальнейшем суверенитет непосредственно связан с нацией, что вызвало необходимость создания институтов, в которых группа лиц принимала решения от имени нации. Установление национального суверенитета не ослабило, а значительно усилило процесс централизации и вмешательства суверенной власти во внутренние дела граждан: служба в армии, здравоохранение, образование, постоянное увеличение налогообложения (в этом контексте интерес вызывают не столько работы М. Фуко с его разоблачением дисциплинарных практик общества Модерна, сколько работы Н. Элиаса [3; 17]).

После наполеоновских войн модель национального государства распространяется по всему миру. На сегодняшний день политическая карта мира представляет совокупность национальных государств (кроме несущественных исключений).

Формирование демократических институтов

Современные демократические институты по своей сути являются буржуазными институтами возникшими в начале XIX в., которые распространились в начале XX в. практически на всё население государств в Западном мире. Как мы выяснили в предыдущей части работы, возникновение демократических институтов связано с усилением, а позднее победой буржуазии, обусловленной процессом извлечения ресурсов и постоянных военных кампаний, проводимых государством (более детально эта проблема описана Ч. Тилли [10]). В начале XIX в. идеологией буржуазии становится либерализм, который противостоит аристократии, а с 1830–1840-х гг. – демократии (отождествлявшейся в этот период с реакционными силами).

Индустриализация и развитие экономик (локомотивом экономических преобразований была Англия) интенсивно изменяли структуру общества, разрушая существовавший традиционный уклад и помещая рабочих (бывших крестьян) в совершенно новый социальный механизм, который не воспроизводил привычные для бывших крестьян институты. Масштабность событий, в плане реорганизации социального пространства, чётко прослеживается на примере роста городов и перемещения населения в данную эпоху. При таких условиях крайне ограниченный доступ к либерально-буржуазным институтам не мог существовать и дальше, поскольку общества буквально разрывались недовольством социальных групп, которые не могли быть представлены буржуазными политическими институтами. После завершения Первой мировой войны (мобилизовавшей беспрецедентное количество населения) политические институты окончательно становятся массовыми.

Классические работы М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Моска и В. Парето, в той или иной форме, исходят из представления, что рамки буржуазных политических институтов не предназначены для широких социальных слоев, а изменение социальной структуры вызывает необходимость реформирования этих институтов и самого понятия демократии. Так, М. Вебер обосновывает эмпирическое (инструментальное) понимание демократии, которое позднее развил Й. Шумпетер,

перенесены принципы рыночной экономики в политическую сферу, вводя типы легитимности и противопоставляя бюрократию и харизматическое лидерство.

В контексте вышеизложенного необходимо рассмотреть отношение к либерализму К. Шмитта. Его критика парламентаризма (традиционно буржуазного института) не сводится к простому не восприятию либерализма, а содержит два принципиальных момента:

- парламентаризм был эффективным институтом, пока сохранялось иллюзия того, что делегаты представляют не свои интересы, а выражают волю нации;
- либерализм по своей сути не способен мыслить в критериях политического (друг/враг), что приводит к ликвидации крайних позиций и делает невозможным принятие политического решения. То есть, либерализм подменяет политическое решение постоянными политическими дискуссиями и выводит из сферы политического и демократии реальный конфликт с дихотомией друг/враг [14; 15].

Таким образом, политическое, не имея собственного субстрата, существует как мера интенсивности конфликта с дихотомией друг/враг. Вынесение конфликта за границы политического (нейтрализация политического) не означает отсутствие конфликта, скорее, речь идёт о том, что конфликт переносится в другую сферу, которая содержит формы неравенства (например, экономика) [16].

Сегодняшнее состояние демократических институтов и государства

Основные проблемы современных демократических институтов и национальных государств формируются после Второй мировой войны в результате распространения американской корпоративной модели и кейнсианства на страны западной Европы (данный процесс детально описан Д. Арриги [19]). В середине XX века распространяется агрегативная модель демократии (Й. Шумпетер) которая исходила из того, что политические проекты ориентированы не на концептуализацию собственного видения социальных проблем и выработку стратегии их реализации, ища поддержки у граждан, разделяющих подобные взгляды, а на получение максимального количества голосов. В результате такого подхода конфликт и противостояние идей не находили места в политической сфере, поскольку партии стремились предлагать обтекаемые политические взгляды, разделяемые значительной частью избирателей. То есть агрегативная модель демократии воплощала либеральную трактовку политического, что привело к исчезновению принципиальной разницы между различными идеологиями (которые выражали позицию, максимально приближенную к центру, выступали за популярные социальные программы). Успех партий определялся не столько взглядами и идеями организаций, сколько применением политических технологий, что приводило к удорожанию проведения избирательных компаний и подталкивало политические организации к сотрудничеству с крупным капиталом.

Государство в кейнсианской модели выполняло роль посредника между населением и капиталом, предоставляя различные социальные программы, поддерживая деятельность профсоюзов. Такая забота государства о гражданах была обусловлена «холодной войной», в которой речь шла не только о военной угрозе, но и о гарантиях социальной защиты, предотвращающих вероятность проявления общественного недовольства существующей политической системой.

К 1970-м гг. воспроизводство кейнсианской модели несло ощутимые издержки, как для капитала, так и для политической элиты. Экономический кризис в капиталистической системе подтолкнул к весьма радикальному демонтажу существующей социально-экономической модели, что привело к существенному усилению позиций корпораций, сокращению ряда социальных программ, перенесению производств в страны третьего мира, раздуванию финансового сектора. То есть, на смену политике кейнсианства пришла политика неолиберализма. Особенностью неолиберализма является упрощение роли государства как посредника между населением и капиталом. Происходит процесс сливания государства и капитала. Политика превращается в совокупность бюрократических процедур, которые ориентированы на получение поддержки со стороны избирателей тех решений, которые принимаются в интересах политической и экономической элит. Разграничение между ними постепенно стирается. Таким образом, степень вмешательства

государства во внутренние вопросы граждан увеличивается (например, ювенальная юстиция, антитеррористическое законодательство), но государство уступает позиции корпорациям, как в принятии политических решений, так и в постепенной приватизации традиционно государственных функций.

Завершение «холодной войны» привело к распространению капитализма практически по всему миру, что формирует новую проблему – невозможность дальнейшего расширения капитализма, для которого характерно экстенсивное развитие. Кроме того, с завершением холодной войны, изменением самого характера войны и появлением новых технологий исчезает необходимость мобилизации значительного числа населения и поддержания целого ряда государственных институтов, которые и были созданы из необходимости формирования массовых национальных армий в условиях войны.

Подводя итоги, важно отметить, что кризис демократических институтов и национальных государств связан с потерей необходимости поддерживать довольно громоздкие, дорогие и не удобные для политических/бизнес элит институты в условиях изменения самого характера войны. В такой теоретической перспективе можно совершенно в новом свете осмысливать положение ряда постсоветских государств, логика развития которых не может быть внятно объяснена с помощью привычной неолиберальной дихотомии демократия/авторитаризм. По всей видимости, мы наблюдаем процесс демонтажа государственных структур, сопровождающийся приватизацией целого ряда государственных секторов, что приводит к появлению рентоориентированной элиты, которая соединяет в себя экономику и политику.

Библиографический список

1. Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 512 с.
2. Арриги Д. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. – М. : Территория будущего, 2006. – 472 с.
3. Еліас Н. Процес цивілізації. Соціогенетичні і психогенетичні дослідження. – К. : Видавничий дім «Альтернативи», 2003. – 672 с.
4. Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма. – М. : Издательский дом «Дело», 2012. – 272 с.
5. Кревельд М. Расцвет и упадок государства. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
6. Лахман Р. Капиталисты поневоле : конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. – М. : Территория будущего, 2010. – 456 с.
7. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооружённая сила и общество в XI–XX веках. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2008. – 456 с.
8. Рансьер Ж. На краю политического. – М. : Праксис, 2006. – 240 с.
9. Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. – М. : Изд. дом. гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 416 с.
10. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 360 с.
11. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. – М. : Праксис, 2010. – 264 с.
12. Хардт М., Негри А. Империя. – М. : Праксис, 2004. – 440 с.
13. Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западно-европейской монархии раннего Нового времени. – СПб. : Алетейя, 2003. – 272 с.
14. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Предварительные замечания (О противоположности парламентаризма и демократии) // Социологическое обозрение. – 2009. – № 2. – С. 6 – 16.
15. Шмитт К. Политическая теология. – М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. – 336 с.
16. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 35–67.
17. Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 368 с.
18. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and socialist strategy. – London; New-York : Verso, 2001. – 297 p.
19. Mouffe Ch. On the Political. – London; New-York : Routledge, 2005. – 144 p.

© Гайко О. С.

УДК 32.019.5

**«НОВЫЕ» СМИ КАК АГЕНТ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОПРЕДЕЛЁННЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ**

Д. И. Каминченко

**Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия**

**«NEW» MEDIA AS AN AGENT OF CERTAIN POLITICAL
VALUES DISTRIBUTION**

D. I. Kaminchenko

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia

Summary. The problems of political values distribution are considered in the article. The author attempts to research the role of new media in this process. He makes conclusions on the basis of the assumption that «new» media is an agent of political socialization.

Keywords: «new» media; political values; political norms; information; political socialization.

Информационно-коммуникационные технологии охватывают различные сферы жизни общества. Функционирующие на их технологической основе «новые» средства массовой информации с каждым годом играют всё более активную роль в различных политических событиях. В частности их использование для выражения собственного мнения относительно тех или иных политических процессов становится вполне привычным делом. А способны ли отмеченные СМИ оказать влияние на формирование каких-либо политических ценностей? Если да, то каких? На рассмотрение обозначенных вопросов направлена данная работа.

Под «новыми» СМИ можно рассматривать совокупность сетевых и динамичных структур, позволяющих субъектам политической активности обмениваться значительными объёмами данных [1, с. 266]. Технологии «новых» медиа активно применяются в целях политической мобилизации, коммуникации между политическими акторами и т. д. Однако способны ли данные технологии оказывать влияние на формирование политических ценностей? Доказательством способности данных СМИ влиять на формирование политических ценностей может стать то, что отмеченные медиа, как и СМИ в целом, следует рассматривать как одного из существующих агентов политической социализации. Под влиянием подобного агента у индивида формируются определённые политические навыки, ценности, нормы поведения. Следовательно, идея о том, что «новые» медиа способны влиять на формирование политических ценностей, вполне допустима.

Под ценностью целесообразно понимать значимость, важность, полезность. Если что-то имеет ценность, значит, это что-то стремятся приобрести. Политические ценности, вероятно, должны подразумевать то, что хотят приобрести политические субъекты, акторы, и то, что представляет для них значимость, важность, полезность. Примером может служить власть, значимость и ценность которой определяется стремлением различных политических субъектов приобрести её или участвовать в её распределении.

На какие политические ценности способны оказать влияние «новые» СМИ? Рассмотрение данного вопроса потребует учёта не только особенностей и структурно-функциональных характеристик обозначенных масс-медиа, но и осознания сущности самих политических ценностей. Попробуем сформулировать возможные политические ценности, на формирование которых могут оказывать влияние «новые» средства массовой информации.

Во-первых, политическое самовыражение. Благодаря системам поддержки социальных сетей (Facebook, Вконтакте и другие), блогам (LiveJournal), микроблогам (Twitter) и другим ресурсам (например, YouTube) пользователь имеет возможность политического самовыражения в различных формах в Интернете. Существует немало примеров подобного самовыражения. Можно ли обозначить политическое самовыражение в качестве политической ценности? Самовыражение вообще можно рассматривать как человеческую потребность. Следовательно,

самовыражение является важным, ценным, а, возможно, и необходимым действием. Политическое самовыражение является частью, разновидностью самовыражения. Представляет или оно такую же значимость и ценность применительно к политике? Если учесть, что пользователи довольно активно (например, посредством различных записей, комментариев к политическим событиям и материалам, видеороликов) используют возможности «новых» СМИ в сфере политического самовыражения, то можно сделать вывод о его значимости и важности. Политическое самовыражение представляет ценность и важность, так как является, в определённой степени, полезным индикатором и инструментом, с помощью которого происходит борьба политических субъектов за власть. По мнению автора, те факты, что политическое самовыражение является инструментом в политической борьбе, и то, что пользователи «новых» медиа часто выражают своё отношение к различным политическим проблемам посредством этих СМИ, позволяют сделать выводы о важности и ценности политического самовыражения. «Новые» СМИ, в свою очередь, предлагают открытую площадку для подобного самовыражения, что делает его вполне обычным делом для многих пользователей. Иными словами, данные СМИ оказывают влияние на формирование способностей и навыков, связанных с политическим самовыражением, а в конечном итоге, – и на формирование такой политической ценности, как политическое самовыражение.

Во-вторых, доступ к достаточному количеству информации для осознанного политического выбора. Подтверждением того, что обозначенное явление может рассматриваться в качестве политической ценности, служит хотя бы то, что такие принципы, как свобода мнения и свобода ассоциаций, считаются общепринятыми демократическими принципами. Кроме того, данная ценность теоретически воплощена в институте выборов, который основан на принципах свободы выбора, добровольности и т. д. Способны ли «новые» медиа оказывать влияние на формирование и распространение обозначенной ценности? Рассмотрение этого вопроса должно проходить в двух близких плоскостях: функциональной и структурной. Технологии отмеченных масс-медиа позволяют различным политическим силам иметь своё представительство (например, сайты различных политических партий, объединения по политическим интересам в системах поддержки социальных сетей и блогах и т. д.). Таким образом, пользователь может выбирать из огромного количества подобных субъектов тех, чьи политические позиции ему ближе. Структурная сторона вопроса заключена в сетевом принципе организации, который заложен в основу технологий «новых» СМИ [2, с. 192]. Сетевой принцип означает отсутствие жёсткой централизации, что позволяет различным силам быть частью глобальной сети. Всё это позволяет сделать заключение о том, что технологии «новых» СМИ влияют на формирование и распространение доступа к достаточному количеству информации для осознанного политического выбора как политической ценности.

В-третьих, возможность групповой политической самоорганизации для достижения общественно значимых целей. Является ли подобная возможность для групповой политической самоорганизации политической ценностью? Ценность групповой политической самоорганизации для достижения общественно значимых целей в том, что она способна оказывать постоянное и весьма серьёзное влияние на субъекты власти. Более того, если подобная политическая самоорганизация имеет массовый характер, то политические акторы, участвующие в распределении властных полномочий, как правило, вынуждены принимать какие-либо ответные действия. Ценность отмеченной политической самоорганизации заключена в том, какую пользу она несёт для общества, а именно: возможность оказания действительного влияния на власть, выражения своего отношения к тем или иным политическим решениям и т. д.

Всё это даёт возможность утверждать, что групповая политическая самоорганизация для достижения общественно значимых целей может считаться политической ценностью. «Новые» СМИ предоставляют возможности для быстрой самоорганизации, например, благодаря скорости рассылки сообщений и информации. Данные медиа становятся важнейшим каналом, благодаря которому самоорганизация и её навыки переходят из виртуальной реальности в общественно-политическую действительность [3]. Кроме того, существуют различные эмпирические

примеры того, как могут быть использованы технологии «новых» СМИ в целях политической самоорганизации.

В-четвёртых, определение общественной повестки дня. В чём заключается политическая значимость отмеченного явления? Политическая ценность подобного определения общественной повестки в том, что оно позволяет субъектам, борющимся за право распределения властных полномочий обладать конкурентными преимуществами. Благодаря такому определению политический актор находится в курсе того, что обсуждается в обществе, причём непосредственно самими представителями этого общества, а не только профессиональными журналистами. Помимо владения информационной повесткой актор может участвовать в её обсуждении, приобретая для себя единомышленников и потенциальных сторонников. «Новые» медиа представляют, в свою очередь, некий инструмент определения повестки дня. Так, в ряде СМИ имеет место механизм определения того, что обсуждается в мире (например, сервис микроблогов Twitter). Как отмечает И. Г. Овчинникова, так называемых эштеги в Твиттере позволяют формировать информационную волну, которая образует тренд [4, с. 148]. Актуальность той или иной информации может быть установлена посредством технологий «новых» масс-медиа и иными способами. Например, ссылки на те или иные новости с других сайтов в личных аккаунтах пользователей современных систем поддержки социальных сетей (например, Facebook, Вконтакте и др.) и блогах (Twitter, LiveJournal и др.). Таким образом, «новые» медиа оперируют такой политической ценностью, как определение информационной общественной повестки дня.

В-пятых, оперативность, скорость принятия политических решений. Является ли подобная оперативность политической ценностью? В условиях современного информационного общества важна способность совершать чёткие, своевременные действия в ответ на ту или иную информацию. «Новые» СМИ – это, в свою очередь, один из важнейших источников подобной мобильности. Данные медиа способны работать в режиме реального времени, предлагать пользователю совершенно иные (по сравнению с традиционными СМИ) скорости по работе с информацией и данными, формируя у акторов (в том числе и политических) соответствующие навыки и способности. Данные навыки и способности являются весьма полезными в условиях современного общества и особенностей циркуляции информации в нём. Итак, «новые» масс-медиа оперируют в своей работе такой ценностью, как оперативность, скорость принятия политических решений.

Необходимо подвести итоги. «Новые» СМИ как один из агентов политической социализации оперируют определённым набором политических ценностей. Исследуемые медиа создают площадку для проявления такой политической ценности, как политическое самовыражение. Кроме того, они создают благоприятные условия для появления доступа к достаточному количеству информации для осознанного политического выбора. Важнейшей ценностью, формируемой под влиянием «новых» медиа, следует считать возможность групповой политической самоорганизации для достижения общественно значимых целей. «Новые» СМИ дают возможность для определения общественной повестки дня, что представляется важным в условиях борьбы за распределение властных полномочий. Ещё одной политической ценностью, которой оперируют в своей работе рассматриваемые масс-медиа, является оперативность при принятии политических решений.

Библиографический список

1. Каминченко Д. И., Балуев Д. Г. Фактор новых средств массовой информации в формировании современного политического индивида // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 1 (09). – С. 266–269.
2. Каминченко Д. И. Влияние «новых» средств массовой информации на политические партии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 3 (15). – С. 191–194.
3. Каминченко Д. И. «Новые» масс-медиа: из виртуальной реальности в социально-политическую действительность // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. – № 4 (24). – С. 22–22. (doi: 10.12731/2218-7405-2013-4-5).
4. Овчинникова И. Г. Коммуникация и идентификация в социальных сетях: факторы, типы, национально-культурная специфика (на материале социальной сети Твиттер) // Вестник Пермского университета. Политология. – 2013. – № 2. – С. 143–156.

© Каминченко Д. И.

**ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НАЦИОНАЛЬНО-ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

В. В. Арьков

**Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Волгоградский филиал,
г. Волгоград, Россия**

**THE PRIORITY DIRECTIONS OF ACTIONS OF NATIONAL ASSOCIATIONS
IN THE FORMATION OF CIVIC IDENTITY**

V. V. Arkov

**The Russian Academy of National Economy and Public Administration under the
President of the Russian Federation, Volgograd branch, Volgograd, Russia**

Summary. The article reveals the essence of civic identity as a strategic stability base of the multinational society. The article deals with such lines of activity of national associations, which are actualized by the current state of our country. The author considers the regional aspect of national associations

Key words: national associations; ethnos; nation; civic identity; minorities; political stability.

Общество России переживает переходный этап своего развития. Важной составляющей данного периода выступает процесс формирования гражданского общества, сопровождающийся количественными и качественными изменениями субъектного потенциала граждан страны в ходе государственного строительства. Развитие институтов гражданского общества, появление новых форм участия граждан в управлении общественными процессами – закономерные явления в человеческих сообществах на государственном и надгосударственном уровнях.

Актуальной формой выражения коллективной воли части населения многонационального государства выступают национальные общественные объединения. Причинами актуальности названной формы являются как экономические, так и социально-политические факторы, демографические и миграционные составляющие, обусловленные процессом глобализации. Указанные факторы оказывают воздействие на отношения как межкультурного, так и внутрикультурного характера. В первую очередь это касается взаимопроникновения разных культур, усиления и увеличения «точек соприкосновения» одних национальностей с другими. В таких условиях происходит постепенное стирание границ между различными культурами, нациями, что впоследствии приобретает характер причины возникновения необходимости сохранения и поддержания национально-культурных особенностей. Однако в современных условиях развитие национальной культуры, формирование межкультурного диалога, учет интересов представителей национальных меньшинств в полиэтничном обществе представляются возможными через институт национально-общественных объединений.

Не секрет, что болезненным моментом российской государственности остается национальный вопрос. Сам факт заявления в программной статье В. В. Путина, что «реальность сегодняшнего дня – рост межэтнической и межконфессиональной напряженности» [4], говорит о приоритетности данного направления как для власти, так и для российского общества в целом. В указанной статье отмечается также, что дальнейшее развитие России невозможно без нормализации межэтнических отношений. Стратегическим вектором решения национального вопроса современной России является формирование гражданской идентичности населения нашей страны. Следовательно, предметом рассмотрения данной статьи будет анализ деятельности национально-общественных объединений в ходе создания гражданской идентичности.

Что такое гражданская идентичность? Почему именно это направление выбрано в качестве стратегического? В широком смысле гражданская идентичность обозначает причастность представителей различных культур к гражданам Российской Федерации, к ее истории. Для развернутого ответа на поставленные вопросы необходимо рассмотреть понятия «нация» и «этничность».

Достаточно подробно и ясно изложены современные теории нации и этноса, отражающие три основных подхода к определению понятий нации и этноса в работе профессора кафедры истории и теории политики Волгоградского филиала РАНХиГС Р. А. Данакари [7]. Сторонники первого подхода рассматривают нацию как определенный тип этноса. Другая группа ученых полностью отождествляет эти категории. Приверженцы «третьего направления» настаивают на отказе в использовании понятий нация и этнос как искусственно конструируемых мыслительных категорий. Нашу позицию в этом вопросе, скорее, отражает первое течение. Опираясь на обобщенные результаты современных исследований, достижения как зарубежных, так и отечественных ученых, приведенные в монографии, можно остановиться на следующих определениях явлений нации и этноса.

В определении понятия «этнос» остановимся на подходе, предложенном Л. Н. Гумилевым, согласно которому этнос – не социальная, а «биогеосоциальная» сущность. В его теории «этнос – устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени» [2]. Стереотип поведения указывает на определенную форму освоения ландшафта, которая является системообразующим фактором для коллектива. «Биогеосоциальность» этноса проявляется, с одной стороны, в зависимости от ландшафта и природных условий, с другой – от местных нравов, обычаев. Этническая принадлежность, обнаруживаемая в сознании людей, не является продуктом самого сознания. Принадлежность к этносу определяется уже фактом рождения.

Исходя из теорий, разделяемых большинством зарубежных ученых, в первую очередь Э. Хобсбаумом и Э. Геллнером, определение «нации» вытекает из понятия «национализм», под последним подразумевается «принцип, согласно которому политические и национальные образования должны совпадать» [9], «что этнические границы не должны пересекаться с политическими» [1].

Нациообразующим условием выступает социальная доминанта. По мнению Э. Геллнера, «два человека принадлежат к одной нации лишь только в том случае, если их объединяет одна культура, которая в свою очередь понимается как система идей, условных знаков, связей, способов поведения и общения» [1]. Под нацией мы будем понимать государственную, социальную, культурную принадлежность индивида к сообществу, предполагающему опыт государственно-правового строительства. При этом принадлежность к конкретной нации базируется на личном выборе индивида.

В силу того обстоятельства, что количество государственных образований не совпадает с количеством существующих народов или этносов, можно утверждать, что нация всегда полиэтнична [3]. Таким образом, нация представляет собой совокупность этносов, осуществляющих свою жизнедеятельность в рамках определенной политической системы, конкретного государства. Исходя из вышеупомянутого, можно заключить, что нация играет роль качественного показателя этноса, указывая на государственный уровень существования последних.

Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что сознание принадлежности индивида к группе, обществу имеет двухуровневую структуру:

- 1) сопоставление себя с собственным этносом;
- 2) ощущение себя представителем более широкой категорий – нации.

Основа современного подхода к нормализации национального вопроса современной России видится в творческих посылах В. А. Тишкова, изложенных накануне распада СССР. Введение и использование понятия «советский народ как новая историческая общность людей» отражает феномен складывания на основе союзной государственности однотипных социальных и культурных условий своего рода «метаэтничности» [8].

В современных условиях использование данного термина не представляется возможным в силу исторических, политических и идеологических соображений. Однако механизм сплочения этносов в рамках структуры высшего порядка остается неизменным. Если во время существования Советского Союза такую структуру предложено было именовать «советский народ», то сегодня удобно использование понятий «гражданской идентичности», «единого культурного кода» как общегосударственной платформы для жизнедеятельности национальностей.

Опираясь на предложенные понятия «нация» и «этнос», можно утверждать, что феномены «гражданской идентичности», «советского народа» и «нации» представляются нам категориями одного порядка, несут в себе единый смысл. Причина отказа от использования термина «нация» видится, во-первых, в отсутствии единого, однозначного подхода к толкованию данного явления, а во-вторых, в противопоставлении России национальным государствам Европы, где термин «нация» используется для демонстрации моноэтнического характера, выявления роли ведущей «нации».

Систему субъектов процесса формирования гражданской идентичности, как стратегического условия нормализации межэтнических отношений российского общества, составляют органы государственной власти, органы местного самоуправления, уполномоченные в сфере межэтнических отношений должностные лица, а также общественные организации, бизнес-структуры. Непосредственным участником такого процесса выступают национальные общественные объединения. Актуальность рассмотрения национальных общественных объединений продиктована условиями времени: построение гражданского общества неизбежно увеличивает субъектный потенциал общественных институтов. Сегодня важным условием процесса принятия решений различных уровней является участие непосредственно затрагиваемых этим решением акторов. Национальные общественные объединения играют роль не только концентраторов этнических интересов населения страны, но и выполняют функцию управления этническими сообществами на локальном уровне. Поэтому участие такого рода общественных структур в формировании стабильной обстановки, предполагающей гармонизацию интересов, есть необходимость.

Полиэтнический состав населения России рассматривается нами не только как проблема, но и как уникальный ресурс развития нашей страны, как рычаг воздействия, который следует использовать в государственной политике. Поэтому сегодня национальные общественные объединения выступают в качестве субъекта решения общегосударственных проблем.

Характер задач, возложенных на национальные общественные объединения, претерпел значительные изменения за последнее десятилетие. В период появления собственно национальных общественных объединений (конец 80-х – начало 90-х гг. XX века) приоритетное направление деятельности последних отражено в юридической прессе: деятельность по защите интересов и прав своих членов в национальной, культурной и социальной сферах, а также иная деятельность, имеющая национально-культурную направленность [6]. Другими словами, направляющим вектором функционирования национальных общественных объединений (национально-культурной автономии как конкретной формы) являлось развитие только национальной культуры, национального языка, традиций. Однако сегодня такая постановка задач не отвечает современным потребностям российского общества. Необходима переориентация направления деятельности национальных общественных объединений с концентрации внимания исключительно на своих национальных традициях на активное создание и принятие общероссийских, общенациональных ценностей. Так, в новой редакции федерального закона № 74-ФЗ прослеживается слабая попытка снять ограниченность деятельности только в развитии национальной культуры следующими «возможностями»:

- 1) общественная инициатива;
- 2) «уважение языка, культуры, традиций и обычаев граждан различных этнических общностей» [5].

Естественно, такое «законодательное закрепление» нового формата деятельности национальных общественных организаций не является адекватным современным условиям. Таким образом, необходимо вывести круг решаемых вопросов за рамки «сохранения и возрождения» национальной культуры как де-юре, так и де-факто.

Проведенный анализ деятельности национальных общественных объединений позволяет условно выделить следующие направления:

- 1) внутренние, связанные с развитием национальной культуры;
- 2) внешние, сущностью которых выступает деятельность по формированию общегражданской идентичности.

В рамках указанных направлений происходит активное сотрудничество национальных общественных организаций с органами власти, с другими общественными

организациями, предпринимательскими структурами. Примечательным становится факт осознания национальными общественными объединениями важности деятельности по формированию общих ценностей. В уставе многих национальных общественных организаций прописывается формирование толерантности и межнационального согласия. Эта работа реализуется через активное участие национальных общественных объединений в проведении совместных фестивалей и Дней культуры, различного рода конференций и семинаров, в сотрудничестве с органами регионального и муниципального управления.

Выработка конкретных мер и предложений по гармонизации межнациональных отношений в Волгоградской области осуществляется в деятельности круглых столов, проводимых научным сообществом региона. Так, 9 февраля 2012 года в Волгоградском филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ВФ РАНХиГС) состоялся круглый стол, посвященный обсуждению национального вопроса в России. В работе круглого стола активное участие приняли председатель областной думы В. В. Ефимов, председатель областного Комитета по государственному управлению и местному самоуправлению Л. Титов, профессора РАНХиГС В. А. Колесников, А. И. Бардаков, Р. А. Данакари, представители многих национальных общественных объединений. Систематичность участия представителей власти, общественных объединений, профессорско-преподавательского состава в обсуждении вопросов, касающихся межнациональных отношений, взаимодействие в форме проведения круглых столов, конференций формирует атмосферу взаимного уважения и доверия, создает условия для мирного и гармоничного проживания представителей всех этничностей на территории региона.

Постоянные встречи руководителей и активистов национальных общественных объединений, дискуссии по наиболее острым вопросам стали естественным явлением в Министерстве по делам национальностей и казачества Волгоградской области. Встречи, круглые столы стали важной и активной формой межкультурного диалога и взаимопонимания. Они давно стали самостоятельным явлением в деятельности национальных общественных объединений. Часто участниками таких мероприятий выступают представители национальных общин, приглашая для участия в них представителей научного сообщества, органов власти. Этот факт говорит о наличии взаимопонимания и положительного настроя по отношению друг к другу, без посредничества третьих лиц. Так, 25 июня 2013 года состоялся круглый стол на тему «Возьмемся за руки друзья». Организатором этого мероприятия выступила Волгоградская региональная еврейская национально-культурная автономия. Цель проведения: формирование и укрепление толерантного общества, понимающего и принимающего людей, независимо от национальности и вероисповедания, а также привлечение молодежи разных национальностей к проблемам семьи и сохранению семейных ценностей. Семья должна быть не просто объектом государственной заботы и поддержки, семья должна стать национальной, объединяющей всех идей. Список участников включал и представителей органов власти (Д. В. Орлов – зам. председателя Комитета по делам молодежи Волгоградской области; Н. Л. Москаленко – начальник отдела Министерства по делам национальностей и казачества). Присутствовала и главный редактор газеты межнационального общения «Новости Сарепты» (Е. А. Степурина). Остальные участники круглого стола – представители общественных организаций. Однако в разработке стратегических шагов нормализации и развития межнационального согласия без представителей науки не обойтись.

Наиболее активно на социально-политическую ситуацию и межнациональные отношения в Волгоградском регионе влияет общественная организация «Дом Дружбы». Она представляет собой инициативную группу, в состав которой входят русские, украинцы, белорусы, евреи, азербайджанцы, удины, осетины, корейцы, дагестанцы и др. «Дом Дружбы» проявил себя как консолидирующее звено полиэтнической среды региона, которое способствует развитию и гармонизации межнациональных отношений в русле формирования гражданской идентичности – нахождения общих для всего российского общества наднациональных ценностей. Уникальные возможности влияния на социально-политические процессы региона видятся в наличии собственного радио и журнала «Дом дружбы». Среди других форм деятельности можно выделить

организацию благотворительных концертов, проведение конференций и иных мероприятий, направленных на сплочение представителей различных этносов. Наличие большого количества партнеров в реализации совместных проектов свидетельствует о мощном потенциале организации в процессе укрепления дружбы между народами всего Южного федерального округа. К числу организаций, сотрудничающих в той или иной мере с «Домом Дружбы», относятся федеральные и региональные органы власти, международные организации, организации культурно-просветительской направленности, национальные общественные объединения Волгограда и области, бизнес-партнеры, а также СМИ. Деятельность организации постоянно расширяется. Она оказывает помощь детским домам, ветеранам войны и труда, малоимущим семьям, занимается организацией КВН, спортивных соревнований среди национальных объединений области. Интернациональные команды «Дома Дружбы» часто выступают и в других республиках и краях России.

Появление «Дома Дружбы» на многое вдохновило национальные общественные объединения, что свидетельствует о том, что в Волгоградском регионе качественным образом улучшается система межнациональных отношений. Задача, стоящая сегодня перед общественными объединениями, заключается не столько в способности выражать интересы, пропагандировать национально-культурную уникальность (что немаловажно), сколько в создании благоприятных условий для межкультурного диалога, обеспечения мира и доверия, взаимопонимания и дружбы, изучения культуры и традиций каждого народа. На наш взгляд, понимание ментальности и особенностей конкретного этноса позволяет снять проблемы, существующие в межнациональных отношениях, двигаться в направлении поиска общих целей и ценностей, обеспечения единства и интеграции населения нашей многонациональной страны.

Развитие общегражданской идентичности, формирование наднациональной культуры должно способствовать модернизации России и строительству правового государства. Создание и принятие общих для всех целей развития, ценностей, моделей поведения должны гармонично сочетаться с особенностями того или иного этноса. Недопустимо, на наш взгляд, тотальное стирание этнических границ между населением в процессе создания «гражданской идентичности». Во-первых, это труднодостижимая задача, требующая больших затрат. Во-вторых, полнейший отказ от традиций, многообразия культур приведет к стагнации развития. Многонациональный состав России необходимо рассматривать как исторический ресурс движения. Любое развитие возможно благодаря наличию противоположностей, взаимодействию противоположающихся начал. Такими противоположными началами могут выступать этносы как носители различных культур. В рамках межнационального взаимодействия должно происходить взаимное обогащение культур, обмен опытом, духовный рост и развитие личности. Конечной же целью такого роста, развития этносов, своего рода мотивацией к духовному обогащению должно быть создание сильного и развитого государства, стоящего на службе гражданина России. Поэтому важно научиться вести межкультурный диалог, двигаться к единству и формированию общих интересов, ценностей.

Процесс формирования гражданской идентичности должен быть последовательным. По нашему мнению, достижение желаемого результата возможно через прохождение нескольких этапов. Первый этап характеризуется активным взаимодействием этносов, осознанием необходимости в сотрудничестве. Следующий шаг акцентирует внимание на поиске общей идеи, которая могла бы стать ориентиром развития многонациональной страны. Заключительный этап предполагает комплекс работ по практической реализации общих идей и смыслов.

Однако сегодня ситуация в области межэтнических отношений выглядит следующим образом: в общественном сознании нет твердой идеи, смыслом которой является взаимопомощь и взаимовыручка этносов России. Иными словами, большинство населения нашей страны слабо представляет необходимость единства и основу сплочения. Многообразие этносов не воспринимается как богатство и ресурс для общего развития. Можно с уверенностью сказать, что большинство национальных общественных объединений в должной мере осознаёт необходимость объединения и работает над интеграцией. В деятельности национальных объединений особое внимание обращается на работу по формированию гражданской идентичности; продолжается активный поиск общих ценностей и интересов. Опора на общие ценности, историю России,

приоритетность русского языка в государственном масштабе, развитие национальных культур и традиций – всё это важные и нужные меры, используемые для реального развития многонационального государства. Однако для более успешной работы, реализации намеченных процедур необходима подготовленная аудитория. Часто возникает противоречивая ситуация, когда населению преподносят «заготовленные общезначимые ценности» в качестве аргумента в пользу создания межкультурного и межцивилизационного взаимодействия и диалога. Порою происходит своего рода навязывание определенной модели действия и поведения.

Причиной такого состояния выступает недостаток опыта, специалистов, плохое финансирование, непоследовательность и определенное равнодушие чиновников в вопросах формирования гражданской идентичности. По нашему мнению, первоочередной задачей должна стать работа, направленная на постепенное и естественное осознание большинством населения необходимости сохранить единство, быть вместе.

Как уже отмечали, развитие межнациональных отношений предполагает совокупность действий по принятию и разделению между всеми членами российского общества общих наднациональных идей и ценностей. Важно действовать эффективно, проводить гибкую политику, сочетать традиции и новаторство. Учет особенностей культур является обязательным условием гармоничного развития и обеспечения социально-политической стабильности. Важно, чтобы «этнические традиции» не представляли собой барьер на пути гармонизации межэтнических отношений. С одной стороны, нужна пропаганда «своей культуры» с целью ознакомления, подготовки других, а с другой стороны – важно, чтобы она носила конструктивный и творческий характер.

Деятельность национальных общественных объединений Волгоградской области строится на принципах равенства и уважения всех проживающих на территории региона этносов. Проводится постоянный этнологический мониторинг, анализ и диагноз общественных процессов, изучается культурная жизнь и вопросы национальной идентичности.

Деятельность по гармонизации межэтнических отношений проходит системно, все мероприятия тесно связаны друг с другом. В настоящее время руководство и актив национальных общественных объединений совместно с органами региональной и муниципальной власти ведут подготовительную работу к 4 ноября – Дню народного единства. Готовится специальный номер журнала «Дом Дружбы».

Национальные общественные объединения одним из приоритетных направлений в работе считают необходимость формирования в сознании своего этноса позитивного образа Другого, толерантное и уважительное восприятие представителей иной культуры, цивилизации. Решение этой задачи требует немалых усилий со стороны национальных общественных объединений. Их реализация требует напряженной работы, направленной на ликвидацию консервативных стереотипов и мифов. Результатом работы должна быть общественная потребность, осознание большинством людей, всеми этносами страны необходимости сотрудничества, взаимодействия и взаимопонимания ради величия нашей России.

Библиографический список

1. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. – М., 1991. – 332 с.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1989. – 1195 с.
3. Ильин И. А. О русском национализме : сб. ст. – М., 2007. – 152 с.
4. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Российская газета : официальный сайт. URL: <http://www.rg.ru/2012/01/23/nacvopros.html>.
5. О национально-культурной автономии : федер. закон РФ от 17 июня 1996 г. № 74 (ред. от 9 февраля 2009) // Российская федерация. Законы. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об общественных объединениях : федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82 (ред. от 21 ноября 2012) // Российская федерация. Законы. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Социально-политическая стабильность в муниципальных образованиях современной России : монография / под ред. В. А. Колесникова. – Волгоград, 2012. – 240 с.
8. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997. – 527 с.
9. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / пер. с англ. А. А. Васильева. – СПб., 1998. – 306 с.

© Арьков В. В.

**РОЛЬ ПРЕЗИДЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ КОАЛИЦИЙ
В ПОСТСОВЕТСКИХ ПОЛУПРЕЗИДЕНТСКИХ СИСТЕМАХ**

У. И. Мовчан

Национальный институт стратегических исследований, г. Киев, Украина

**A PRESIDENT'S ROLE IN THE FORMATION OF COALITIONS
IN POST-SOVIET SEMIPRESIDENTIAL SYSTEMS**

U. I. Movchan

National institute for strategic studies, Kyiv, Ukraine

Summary. This article is dedicated to the definition of coalition presidential systems, as well as analysis of the mechanisms a president uses to form a majority in parliament. The article compares the formation of coalitions in presidential and parliamentary systems. Pork and coalition goods are the main informal practices which presidents use in Africa, Latin America and the Post-Soviet countries.

Key words: president; coalition presidentialism; pork; coalition goods.

На данном этапе литература по институциональному дизайну и демократизации получила новые направления. Так, дебаты относительно президентализма сильно изменились со времён его критики Х. Линцом. Можно разделить критику президентских систем на три этапа. Первый связан с классическим аргументом Линца о том, что парламентские системы функционируют лучше, чем президентские, особенно в молодых, несформированных демократиях. Х. Линц подчёркивает, что при президентализме конкурентная демократическая легитимация (когда президент и парламент избираются отдельно) ведёт к конфликту. Конфликт усиливается природой президентских выборов «победитель получает всё», двумерной природой президентских полномочий (президент представляет как государство, так и свою партию) и всей негибкостью системы (длительным и фиксированным сроком полномочий). Второй этап касается доводов С. Мейнверинга о том, что проблема состоит не в самом президентализме как таковом, а в сложности объединения президентализма с фрагментированной многопартийной системой [2, р. 3]. Он указывает на то, что президентские системы в целом меньше способствуют развитию демократии, чем парламентские системы, и их недостатки становятся ещё большими в условиях многопартийности [10, р. 858]. На третьем этапе аргумент относительно сложного сочетания президентской системы и многопартийности подвергся резкой критике со стороны учёных, которые доказывают, что президентализм может функционировать как парламентаризм: президенты способны строить стабильные многопартийные коалиции даже со слабоинституционализированными партийными системами [2, р. 3–4]. Таким образом, в последние годы некоторые из наиболее развитых достижений прошли под рубрикой, ставшей называться «коалиционное президентство», и этот концепт связан только с многопартийным президентским режимом.

Несмотря на тот факт, что коалиционный президентализм является характерной формой демократии в Латинской Америке, в литературе президентские коалиции получили намного меньше внимания, чем парламентские коалиции. Данный дисбаланс не является неожиданным, так как наиболее часто изучаемые президентские системы имеют однопартийные кабинеты. До третьей волны демократизации существовало только несколько примеров многопартийных президентских систем для построения данной теории. Хотя число данных случаев возросло в последние годы, особенно в Латинской Америке, несколько теоретических факторов препятствуют прямому переводу литературы по коалиционной политике в контекст президентализма. В президентских системах выживание правительства не зависит от вотума доверия парламента. Возьмём, например, теорию о формировании правительства и применим её к президентализму. Эта концепция применима только в случае формирования однопартийного кабинета, как в США, или может быть комплексным процессом переговоров, как

в многопартийных президентских демократиях в Латинской Америке, но, в конце концов, правительству не нужно иметь мандат от легислатуры для начала функционирования. Более серьёзное концептуальное несогласование возникает с окончанием срока полномочий правительства. В отличие от парламентских, в президентских системах кабинет обладает фиксированным сроком полномочий и отсутствием необходимости иметь вотум доверия, таким образом, настоящая политика происходит в период между формированием и отставкой, тогда, когда президенту, находящемуся в меньшинстве, обычно необходимо культивировать политическую поддержку двух или больше партий [8, p. 24].

Коалиционный президентализм – это стратегический ответ на институциональную дилемму сосуществования президента и фрагментированного многопартийного парламента. Идея о том, что прямо избранный президент может выступать коалиционным форматором, не была хорошо изучена исследователями демократических процессов 1980–1990-х годов, многие из которых ожидали, что многопартийные президентские режимы обречены на провал. Но даже, несмотря на то, что президент имеет меньше прямых механизмов, с помощью которых он может влиять на изменения в законодательстве, он способен конструировать эффективную и стабильную коалицию, как его коллеги в парламентских режимах [2, p. 3].

Фрагментация партийной системы не делает более сложным формирование коалиции с президентской системой. Стимулы для формирования коалиции в обеих системах остаются одинаковыми, но всё же есть разница, которая заключается в количестве возможных коалиций: при президентализме оно меньше, чем при парламентаризме. Когда президент выступает аутсайдером с небольшой поддержкой в парламенте, власть его партии возрастает благодаря тому, что его партия должна быть членом правительства [4, p. 165].

Коалиционный президентализм является ответом на проблему постоянного пребывания президента в меньшинстве, и он является единственным способом создания большинства в парламенте [8, p. 25].

Ключевым моментом в коалиционном президентализме выступает то, что президенты должны вести себя, как европейские премьер-министры. Президент обязан смоделировать многопартийный кабинет. В Бразилии широко известно, что коалиционное президентство стало лучшей практикой сотрудничества между исполнительной и законодательной ветвями власти при президентах Ф. Кардозо и Л. Сильва. Оба известны своими большими гетерогенными коалициями в Конгрессе. С 1995 года для президента стало привычным управлять альянсами, которые составляли более 70 % депутатов в нижней палате. Таким образом, парламентская коалиция не только больше обычного размера (это означает, что она имеет больше членов, чем нужно для принятия законов), но также несвязанная (партии, которые входят в альянс, находятся по разные стороны идеологического спектра). Увеличение размера коалиции безоговорочно отражает желание оппортунистических законодателей присоединиться к исполнительной власти, но также предусматривает, что президент ожидает недостатка партийной дисциплины или распада коалиции. Сверхразмерные и несвязанные коалиции выступают в качестве страхового полиса: их цель – защитить законодательную программу президента посредством различных форм политических сверхкомпенсаций.

Президент в коалиционной президентской системе сталкивается как минимум с тремя несвязанными компромиссами (trade-offs), касающиеся управления коалицией. Первый – это размер: президент должен решить, сколько партий он будет приглашать для участия в правительстве. Другой компромисс касается распределения идеологических предпочтений внутри коалиции. Президент может собрать однородный альянс с партиями, которые находятся по одну сторону спектра, правой или левой, или может выбрать гетерогенную коалицию партий из разных идеологических семей. Третий компромисс касается распределения власти между членами коалиции, которая понимается в терминах процента распределения портфелей кабинета, выделяемых каждой пропрезидентской партии. Кабинет может ранжироваться с более коалиционного (пропорционального) к более монополистическому (портфели находятся в руках одного или нескольких членов коалиции) [8, p. 26–27].

В парламентских демократиях, как правило, партии, которые присоединились к правящей коалиции, получают министерские портфели пропорционально их законодательному весу. В президентских системах глава правительства свободен относительно формирования кабинета и может назначать многопартийный кабинет, не основываясь на пропорциональном правиле [7, p. 49].

Президентские конституции предлагают главам исполнительной власти две основные стратегии: они пытаются достичь своих политических целей или посредством статуса (т. е. наличие пропрезидентского большинства), или через полномочия. Используя стратегию достижения политических целей через статус, президент даёт понять, что он готов принимать во внимание взгляды и интересы парламентариев. Прерогативы как главы исполнительной власти (все конституционные и параконституционные практики) позволяют президенту односторонне действовать с законодательной ветвью власти [6, p. 416].

Исследования показывают, что только президенты, партии которых занимают значительную долю мест в парламенте и идеологически близки к центру, вероятно, будут строить свою политику, основываясь на статусе, таким образом, формируя кабинет большинства и выбирая министров из числа членов партий-сторонников. Такой подход к выработке политики и формированию правительства значительно лучше, особенно для новых демократий, так как он увеличивает роль парламента и партий в политическом процессе [6, p. 436].

Но если президент имеет право выдавать указы и обладает сильным правом вето, то он будет пытаться сформировать кабинет из технократов и близких друзей, и распределить портфели менее справедливым образом. Так, хотя в краткосрочной перспективе назначения беспартийных министров может быть оптимальным для президента, в конечном счёте, выбор министров таким способом может отдалить партии и парламент, что является рискованным для политической стабильности [6, p. 437].

Можно рассматривать два различных подхода в объяснении, каким образом президент повышает дисциплину голосования и покупает дополнительные голоса, чтобы создать выигрывающую коалицию в многопартийной президентской системе. Такими являются поощрение (pork) и коалиционные блага (coalition goods). Первый подход признаёт, что успех многопартийного президентства, с фиксированным сроком и отсутствием вотума доверия, во многом зависит от того, что происходит в повседневной работе в течение конституционного срока полномочий президента. Президент использует особые преимущества на постоянной основе, чтобы преодолеть идеологическое сопротивление в создании законодательной поддержки. Таким образом, поощрение применяется для обмена голосов в многопартийной системе. Поскольку парламентарии хорошо вознаграждены, этот доступ к бюджетным ресурсам увеличивает вероятность политического выживания. Второй подход подчёркивает, что коалиционные блага, такие, как позиции в проправительственной коалиции и кабинете, являются стратегическими ресурсами, доступными президенту. Это подход изучает, как президент может конструировать коалицию и кабинет путём, который повышает поддержку в парламенте, даже со слабыми и недисциплинированными партиями. Президент более успешен в получении поддержки, когда при формировании кабинета большинства, он минимизирует представительство беспартийных министров и распределяет места в кабинете пропорционально между членами коалиции [9, p. 324–325]. Поощрение является эффективным дополнением к коалиционным благам, но также институциональные механизмы могут позволить ему служить в качестве субститута при построении парламентской поддержки. Подобная замена может быть особенно привлекательной, когда президенту нужно получить поддержку от сторонников или идеологических противников [9, p. 331].

Несмотря на то, что постсоветские страны в большинстве своём являются полупрезидентскими, в этих системах президенты обладают значительными формальными полномочиями, и многие исследователи переименовали их в суперпрезидентские. Суперпрезидентализм можно проинтерпретировать как формальное проявление неопартимонической системы. Слабость институциональных сдержек и противовесов характеризуется наследием советской политической культуры, которая позволила лидерам управлять с помощью патронажа и личной власти

[2, p. 10]. Страны бывшего Советского Союза находятся где-то посередине: неформальные институты были важными, но партийная власть стала одним из важных инструментов, которая позволила президентам управлять разделённым парламентом [2, p. 13]. Таким образом, не только президенты Латинской Америки сталкиваются с необходимостью формирования межпартийной коалиции, но также президенты постсоветский республик вынуждены находить механизмы построения многопартийных союзов (см. таблицу) [2, p. 7].

Пояснение о необходимости многопартийных коалиций в Латинской Америке, бывшем Советском Союзе и Африке

Регион/страна	Эффективное число партий в нижней палате	Число мест, занимаемых президентской партией (%)	Индекс необходимости коалиции
Латинская Америка			
Бразилия (2002)	7.81	18	64.04
Эквадор (2002)	6.71	25	50.33
Чили (2001)	5.08	8	46.73
Бывший Советский Союз			
Армения (2003)	5.27	25	39.52
Россия (1999)	4.51	16	37.88
Украина (2010)	3.30	40	19.80
Африка			
Кения (2002)	3.48	27	25.42
Бенин (2006)	3.89	42	22.56
Малави (2004)	3.11	41	18.35

В России на протяжении пребывания Б. Ельцина при власти, и первые годы президентства В. Путина, отсутствие пропрезидентского большинства в соединении с институциональным устройством, которое расплыло власть между многими партиями, сделало сложными переговоры и достижение консенсуса из-за множества вето-игроков в законодательном процессе. Сопутствующим эффектом стало то, что президенты вынуждены были формировать большое, сверхразмерное большинство, решая множество конфликтов, или же они прибегали к частому использованию своего права вето. Увеличение пропрезидентской партии при В. Путине изменило динамику взаимоотношений между исполнительной и законодательной ветвями власти и сделало законодательный процесс мажоритарным и исключаящим (ограничивающим). Это говорит о важности сильной пропрезидентской партии, которая влияет на распределение власти между президентом и парламентом в президентских системах. В таких странах, как Россия, со слабо развитой партийной системой, президентские партии являются жизненно важными для формирования парламентской поддержки [3, p. 451].

В Украине же Л. Кучма, столкнувшись с сильно фрагментированным парламентом, использовал бюджетные инструменты и патронаж для формирования большинства. В. Янукович в 2010 году использовал в большей мере параконституционные практики. У Партии регионов не было парламентского большинства, чтобы сформировать правящую коалицию. Президент имел несколько выходов: либо найти компромисс с оппозиционной партией/блоком (БЮТ (супербольшая коалиция) или Нашей Украиной (как это было де факто после подписания Универсала национального единства в 2006 году), либо назначить внеочередные парламентские выборы. Но такой шаг был слишком рискованным для Партии регионов. Вход новых игроков в президентскую кампанию (Сергей Тигипко и Арсений Яценюк) мог означать, что Партия регионов получит меньше голосов и процесс переговоров мог начаться заново после вновь избранного парламента. После сложных переговоров с Нашей Украиной, Партия регионов отклонила все эти возможные варианты. Спустя месяц после выборов Партия регионов с поддержкой двух небольших фракций – коммунистов и Блока Литвина – изменили законодательство относительно регламента, позволяя отдельным депутатам из других фракций присоединиться к правящей коалиции. Как результат, Партия регионов была способна создать новую коалицию из трёх партий и 16 перебежчиков из оппозиционных

фракций. Те, кто перешли с другой стороны, были мотивированы обещанием новых должностей или возможностями в бизнесе [5, р. 97–98].

В Киргизии К. Бакиев, будучи президентом, показал себя исполнительным и ответственным лидером. Он стабилизировал страну, пообещал бороться с коррупцией и улучшить инвестиционный климат, получив убедительную победу на президентских выборах, которая международными наблюдателями считалась свободной и справедливой. Однако после этого он отдал реформистских членов правительства, закрепил государственные посты за своими родственниками и близкими сторонниками, провёл конституционный референдум, который позволил ему сконцентрировать власть через правящую партию [1, р. 308]. Пример Киргизии показывает, что президент для формирования большинства использовал патронаж и партийную власть.

Президенты могут использовать различные инструменты власти, и комбинации инструментов, которые они выбирают, оказывают влияние на использование и силу других частей президентского набора инструментов. Президент предпочитает полагаться на сторонников и свои полномочия, так как разделение мест в кабинете, патронаж и подкуп стоят дорого [2, р. 14]. Как можно увидеть, В. Путин, В. Янукович, К. Бакиев укрепляли свои позиции с помощью сильных пропрезидентских партий, пытаясь минимизировать издержки на патронаж и доступ к бюджету.

Таким образом, дебаты относительно успешности президентских систем получили новый виток с изучением того, как президенты взаимодействуют с многопартийными коалициями, и какие инструменты используют для её формирования. Для того чтобы привлечь партии для создания большинства президент прибегает к неформальным практикам, таким, как «поощрения», коалиционные блага и патронаж. Отход от формальных институтов может привести к угрозе демократии. Поэтому необходимо понять, каким образом президент может максимально действовать в рамках своих полномочий.

Библиографический список

1. Bunce V., McFaul M., Stoner-Weiss K. Democracy and authoritarianism in the postcommunist world. – Cambridge; New York : Cambridge University Press, 2010. – 347 p.
2. Chaisty P., Cheeseman N., Power T. Rethinking the ‘presidentialism debate’: conceptualizing coalitional politics in cross-regional perspective // Democratization. – 2012. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13510347.2012.710604#.UngWjfmma6c>.
3. Chaisty P. The Legislative Effects of Presidential Partisan Powers in Post-Communist Russia // Government and Opposition. – 2008. – Vol. 43. – № 3. – P. 424–53.
4. Cheibub J., Limongi F. Democratic institutions and regime survival: parliamentary and presidential democracies reconsidered // Annual Review Political Science. – 2002. – № 5. – P. 151–179.
5. Haran O. From Viktor to Viktor: Democracy and Authoritarianism in Ukraine // Demokratizatsiya. – 2011. – № 19. – P. 93–110.
6. Neto O. The Presidential Calculus: Executive Policy Making and Cabinet Formation in the Americas // Comparative Political Studies. – 2006. – Vol. 39. – № 4. – P. 415–440.
7. Neto O. Presidential cabinets, electoral cycles, and coalition discipline in Brazil / O. Neto // Legislative Politics in Latin America edited by Scott Morgenstern. – 2002. – P. 48–78.
8. Power T. Optimism, Pessimism, and Coalitional Presidentialism: Debating the Institutional Design of Brazilian Democracy // Bulletin of Latin American Research. – 2010. – Vol. 29. – № 1. – P. 18–33.
9. Raile E., Pereira C., Power T. The Executive Toolbox: Building Legislative Support in a Multiparty Presidential Regime // Political Research Quarterly. – 2011. – Vol. 64. – № 2. – P. 323–334.
10. Мейнверінг С. Президентська система, багатопартійні системи і демократія: складне рівняння // Демократія : антологія. – К. : Смолоскип, 2005. – С. 834–860.

© Мовчан У. И.

УДК 342

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

И. В. Изюмов

Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень, Россия

**TO IMPROVE LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL
AND FOREIGN ECONOMIC ACTIVITIES
OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS**

I. V. Izumov

Tyumen State Oil and Gas University, Tyumen, Russia

Summary. Examines the international and foreign economic activity of higher educational institutions, outlines and analyzes the problems of legal regulation. Substantiate the theoretical and practical proposals for improving Russian legislation activities of higher education institutions in international and foreign economic sphere.

Key words: higher educational institution; international activities; education; legal regulation.

Международная и внешнеэкономическая деятельность вузов представляет собой важнейшее направление развития образования в Российской Федерации, позволяет использовать опыт образовательных учреждений зарубежных стран, который может быть реализован при подготовке специалистов, как для отечественного, так и для мирового рынка услуг. Несмотря на широкий массив законодательных актов, регулирующих вопросы международной и внешнеэкономической деятельности высших учебных заведений, проблема модернизации высшего образования России и усиления его присутствия на международном рынке образовательных услуг остаётся по-прежнему актуальной.

Важность данного направления обусловлена рядом следующих аспектов:

– Во-первых, международная и внешнеэкономическая деятельность вузов позволяет использовать опыт образовательных учреждений зарубежных стран, который может быть реализован при подготовке специалистов, как для отечественного, так и для мирового рынка услуг.

– Во-вторых, эффективное использование имеющегося образовательного потенциала, являющегося также одним из весьма значимых национальных экспортных ресурсов, позволит вузам привлекать новые средства финансирования своей деятельности.

– В-третьих, интеграция в европейское образовательное пространство способствует привлечению инвестиционных средств в отечественную образовательную сферу, что, несомненно, соответствует целям проводимой образовательной реформы.

Тем не менее, анализ практики осуществления вузами международной и внешнеэкономической деятельности свидетельствует о наличии недостатков в данной сфере, что порождает трудности правоприменительного характера.

По нашему мнению, такое положение дел связано с отсутствием должного понимания механизма реализации вузами той или иной формы международной или внешнеэкономической деятельности.

В соответствии с Концепцией экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг. приоритетным направлением развития экспорта образования является содействие двустороннему и многостороннему сотрудничеству с государствами – участниками СНГ. Особое внимание уделяется поддержке соотечественников, созданию условий для эффективного строительства Союзного государства; укреплению ЕврАзЭС, как ядра экономической региональной интеграции.

Кроме того, Концепцией установлено, что Россия выполняет обязательства по содействию международному развитию и выделяет значительные средства на обучение студентов из развивающихся стран. В рамках программ по поддержке

соотечественников Россия обучает граждан из стран ближнего и дальнего зарубежья. Ведущие российские вузы принимают на различные формы обучения и программы студентов из развитых индустриальных стран (36 тысяч студентов из стран – членов ОЭСР). Вместе с тем, по данным ОЭСР, Россия принимает только 2 % от общего количества иностранных студентов, составившего в 2007 году три миллиона. В то время как США принимает 20 %, Великобритания обучает 12 %, Германия и Франция – 9 % и 8 % соответственно. Кроме того, значительное количество студентов обучается в Австралии (7 %), Канаде (4 %), Японии (4 %). Если в течение ряда лет Советский Союз занимал второе место (после США) по числу иностранных студентов, то сейчас Россия по числу иностранных студентов находится на 9 месте, и даже доля иностранных студентов в общем количестве студентов внутри России существенно снизилась [1].

Причем, несмотря на то, что, в рамках Федеральной целевой программы развития образования, инновационных образовательных программ российских вузов, мер по созданию федеральных университетов и поддержке исследовательских университетов, инвестированы значительные ресурсы на развитие инновационных программ, интеграцию науки и образования, повышение качества программ. Н. Г. Хайруллина указывает, что в настоящее время российские вузы не занимают ведущих мест в международных рейтингах лучших университетов [2].

Другим направлением развития следует признать совершенствование нормативно-правовой основы, которая должна носить чёткий, отвечающий современным реалиям характер.

Законодательство об образовании зависит от состояния государства и обновляется вслед за изменениями, которые происходят в государстве и обществе, на рынках труда и образовательных услуг, в образовательных организациях, в корпорациях, фирмах и учреждениях [3].

Создание современной законодательной базы сферы международного образования обусловлено, в первую очередь, радикальными изменениями государственно-политического устройства общества и социально-экономических условий в России. Подготовка и принятие нового законодательства, регулирующего международное сотрудничество в образовании и приведение в соответствие действующего законодательства, является кардинальной мерой, призванной обеспечить наиболее полное соответствие системы действующих норм права современному состоянию образовательных отношений и устранить большую часть недостатков, имеющих в действующих федеральных законах и иных нормативно-правовых актах, принятых по вопросам образования.

Новые формы правовой поддержки должны обеспечить следующие фундаментальные условия:

1) создание единого, целостного механизма правового регулирования на базе уже сложившихся и эффективно действующих правовых институтов образовательного законодательства и обеспечение полного и системного регулирования отношений в сфере образования;

2) приведение законодательства Российской Федерации в соответствие с нормами и принципами международного права;

3) творческое использование передового зарубежного опыта, адаптация его с учётом специфики образовательных отношений в Российской Федерации на данном этапе её развития;

4) принятие во внимание законотворческого опыта субъектов Российской Федерации.

Представляется оправданной позиция профессора А. Н. Козырина, считающего, что законодательство об образовании должно урегулировать вопросы международного сотрудничества с учётом коренного изменения ситуации в этой сфере, связанного с динамично развивающимися процессами глобализации в образовании, с развитием интеграционных процессов и включением в них Российской Федерации [4].

А. Н. Козырин считает целесообразным включить в нормативно-правовое регулирование международной и внешнеэкономической деятельности вузов, следующие положения:

– цели, основные направления и принципы международной деятельности и международного сотрудничества в сфере образования;

– курс Российской Федерации на участие в интеграционных процессах, которые предусматривают осуществление, как совместной образовательной политики, так и совместного нормативно-правового регулирования отношений в области образования;

– конкретизированное понятие международной и внешнеэкономической деятельности вузов;

– порядок реализации права на образование иностранных граждан и апатридов на территории Российской Федерации, с одной стороны, а с другой – российских граждан в зарубежных учебных заведениях.

Достоверность данной позиции подтверждается техническим заданием разработки нового закона об образовании, согласно которому глава 7 «Международное сотрудничество в сфере образования» будет посвящена вопросам регулирования международной деятельности субъектов образовательной деятельности и международного сотрудничества в сфере образования. В данную главу будут включены нормы, регламентирующие цели и принципы, формы и направления международного сотрудничества (как традиционные, так и получившие развитие в последние десятилетия); права и обязанности субъектов международного сотрудничества и так далее. При этом планируется значительно расширить и обновить действующие нормы с учётом международных интеграционных процессов и включения в них Российской Федерации, интенсивного развития и расширения форм и масштабов международной деятельности и международного сотрудничества в сфере образования.

Такое положение дел позволяет нам выделить следующие цели международного сотрудничества Российской Федерации в сфере высшего и послевузовского профессионального образования, опираясь на позицию Правительства, как заказчика Проекта Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и представителей научной общественности по вопросам научного сотрудничества в сфере образования:

1) укрепление позиций высших учебных заведений Российской Федерации в мировом образовательном пространстве;

2) расширение международных контактов и сотрудничество и активизация взаимодействия с международными и региональными организациями, зарубежными вузами, фондами и программами;

3) повышение уровня и качества высшего и послевузовского профессионального образования;

4) совместное решение проблем, являющихся предметом исследования мировой научной общественности;

5) привлечение дополнительных средств, используемых высшим учебным заведением на решение уставных задач.

Применительно к первой указанной цели – укрепление позиций высших учебных заведений Российской Федерации в мировом образовательном пространстве – следует отметить, что исторический анализ становления международной и внешнеэкономической деятельности высших учебных заведений свидетельствует, что деятельность высших учебных заведений на международной арене чаще всего заключалась в реализации политических замыслов государства. В связи с этим и в настоящее время престиж и качество образования являются необходимым структурным элементом позиции государства на мировой политической арене. Следовательно, указанная цель способствует повышению влияния Российской Федерации в целом и российского высшего и профессионального послевузовского образования в частности на мировом поприще.

В ходе исследования нами была сформулирована третья цель международного сотрудничества Российской Федерации в сфере высшего и послевузовского профессионального образования, которая связана с повышением уровня и качества высшего и послевузовского профессионального образования. Обозначение и конкретизация данной цели отражает положительную сторону реализации отдельных форм международной и внешнеэкономической деятельности вузов. В частности,

реализация таких форм сотрудничества, как участие в программах и двусторонний и многосторонний обмен студентами, аспирантами, докторантами, педагогическими и научными работниками. Проведение совместных научных исследований, а также конгрессов, конференций, симпозиумов и других мероприятий. Подготовка, переподготовка и повышение квалификации иностранных граждан в Российской Федерации. Это способствует применению как иностранного опыта в национальном образовательном процессе, так и российского – в образовательном процессе зарубежных учебных заведений.

Четвёртая цель – совместное решение проблем, являющихся предметом исследования мировой научной общественности, также необходима, поскольку современные реалии, выражающиеся в различных проблемах мирового значения, такие как природные катаклизмы, освоение космоса, внедрение новых источников энергии и многое другое, можно решить только усилиями всей мировой общественности. И этому должно способствовать международное сотрудничество Российской Федерации в сфере высшего и послевузовского профессионального образования.

Заключительная пятая цель обозначена нами как привлечение дополнительных средств, используемых высшим учебным заведением на решение уставных задач. Обращаясь вновь к историческому анализу международной и внешнеэкономической деятельности вузов, следует отметить, что современный этап её развития характеризуется коммерциализацией данной сферы деятельности. Таким образом, при существующем ныне дефиците бюджетного ассигнования деятельности вузов, важно, что реализация данной цели будет способствовать укреплению материально-технической обеспеченности вуза, повышению материального содержания рабочего персонала и многому другому.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что совокупность указанных целей отражает в себе весь законодательный замысел осуществления международного сотрудничества Российской Федерации в сфере высшего и послевузовского профессионального образования.

Наряду с законодательным закреплением целей, необходимо отразить правовые «рамки» реализации международного сотрудничества Российской Федерации в сфере высшего и послевузовского профессионального образования посредством закрепления принципов. То есть основополагающих элементов развития и функционирования всего международного сотрудничества в сфере высшего и послевузовского профессионального образования.

В теории права под правовыми принципами понимаются руководящие идеи, которые выражают сущность, основные свойства и общую направленность развития правовых норм в пределах системы права либо её отдельных отраслей или институтов [5].

Таким образом, исходя из понимания «принципа» как правовой категории, можно сформулировать следующие принципы осуществления международного сотрудничества Российской Федерации в сфере высшего и послевузовского профессионального образования:

- 1) взаимное уважение субъектов международной и внешнеэкономической деятельности высших учебных заведений;
- 2) равенство участников международной и внешнеэкономической деятельности высших учебных заведений;
- 3) обоюдная выгода субъектов международной и внешнеэкономической деятельности высших учебных заведений;
- 4) международная и внешнеэкономическая деятельность высших учебных заведений не должна наносить ущерб национальному суверенитету, национальной безопасности Российской Федерации и интересам общества и государства.

Принцип взаимного уважения субъектов международной и внешнеэкономической деятельности высших учебных заведений заключается в справедливом распределении выгод и обязательств сравнимого объёма. Справедливое распределение выгод и обязательств, разумеется, не может служить простым эталоном для каждого конкретного отношения, возникающего при осуществлении международной и внешнеэкономической деятельности вузами, но должно рассматриваться именно как сбалансированный общий международно-правовой принцип.

Касаясь принципа равенства участников международной и внешнеэкономической деятельности высших учебных заведений, следует отметить, что установление в законе единых для всех границ осуществления прав, т. е. определение пределов их осуществления, является юридическим выражением равенства субъектов взаимодействия в данной сфере. Достижение соглашения между субъектами международной и внешнеэкономической деятельности вузов основывается на распределении полномочий в зависимости от функций каждого субъекта в той или иной форме международной и внешнеэкономической деятельности вузов.

Применительно к принципу обоюдной выгоды субъектов международной и внешнеэкономической деятельности высших учебных заведений отметим, что принцип взаимной выгоды особенно актуален в международном торговом праве – подотрасли международного экономического права, поскольку справедливые торговые отношения всегда подразумевают взаимовыгодное сотрудничество сторон. Подчас государства в тексте международного договора прямо прописывают, что их отношения будут, среди прочего, строиться на принципе взаимной выгоды [6].

По мнению С. И. Войтовича, принцип взаимной выгоды вытекает из принципов равноправия, суверенного равенства и сотрудничества государств. Именно эти три стержневых принципа, относящихся к положению государства на международной арене, предоставляют ему возможность на равных участвовать во взаимовыгодных экономических отношениях с другими государствами. В этой связи представляется, что такие положения достижимы лишь в случае, когда экономическое сотрудничество государств базируется на принципе взаимной выгоды [7].

В научно-правовой литературе отмечалось, что взаимная выгода может иметь место лишь тогда, когда отношения между субъектами являются не только равноправными с юридической точки зрения, но и взаимовыгодными, то есть отвечают понятию равенства также и с фактической стороны [8]. Учёт взаимных интересов участников сотрудничества – одно из важнейших свойств данного принципа, которое обуславливает необходимость его включения в практику осуществления международной и внешнеэкономической деятельности вузов.

Заключительный принцип, который состоит в том, что международная и внешнеэкономическая деятельность высших учебных заведений не должна наносить ущерб национальному суверенитету, национальной безопасности Российской Федерации и интересам общества и государства, является традиционным для международных отношений.

В частности, данный принцип вытекает из принципа международного права, включающего в себя признание и уважение политической независимости государства, его территориального верховенства и целостности, равноправия с другими государствами, права свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы, в том числе и образовательные [9].

Наряду со сказанным представляется необоснованным включение в закон «Об образовании» нормы, посвящённой академической мобильности. Анализируя содержание проекта данной нормы, следует отметить её нелогичность и дублирующий характер – таковые положения уже закреплены в проекте закона «Об образовании».

В частности, п. 1 ст. 164 закона содержит определение академической мобильности, под которой понимается обмен обучающимися, педагогическими и научными работниками Российской Федерации и иностранного государства в целях обучения, повышения квалификации, совершенствования научной и педагогической деятельности.

Не останавливаясь на анализе содержания указанной нормы, отметим лишь непонятность её присутствия в ст. 164, поскольку в законе «Об образовании» терминологическому аппарату посвящена статья 3. В этой связи представляется разумным включение понятия академической мобильности именно в неё.

Кроме того, положения о том, что обучение иностранных граждан и лиц без гражданства осуществляется как за счёт средств соответствующих бюджетов Российской Федерации, так и на основе договоров с оплатой стоимости обучения иностранными физическими или юридическими лицами дублируют содержание такой формы внешнеэкономической деятельности, как подготовка,

переподготовка и повышение квалификации иностранных граждан. Тем самым законодатель определяет академическую мобильность как форму внешнеэкономической деятельности вузов, несмотря на то, что её содержание полностью подпадает под существующую форму международной деятельности вузов – участие в программах двустороннего и многостороннего обмена студентами, аспирантами, докторантами, педагогическими и научными работниками.

Теоретические выводы и практические рекомендации по совершенствованию правового регулирования международной и внешнеэкономической деятельности высших учебных заведений в самом общем виде могут быть сформулированы в виде следующих положений:

1. Международное сотрудничество в сфере образования представляет собой постоянную целенаправленную деятельность Российской Федерации по развитию международных связей в сфере образования и научного сотрудничества, которая осуществляется на основе общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации путем её координации с деятельностью других субъектов международных отношений.

2. Считаю целесообразным законодательное закрепление права на осуществление международной и внешнеэкономической деятельности субъектом предоставления образовательных услуг различного уровня целесообразно оставить в Законе РФ «Об образовании», а конкретизированный механизм реализации осуществления международной и внешнеэкономической деятельности на уровне высших учебных заведений отразить в ФЗ «О высшем образовании...».

3. Представляется возможным сформулировать и включить в валютное законодательство России норму, устанавливающую освобождение государственных образовательных учреждений от обязательной уплаты части валютной выручки и освобождающую от обязательной продажи части валютной выручки в той части, в которой она была трансформирована инвестициями в образовательную сферу.

Библиографический список

1. Концепция развития Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/analit/official/3783>.
2. Хайрулина Н. Г., Щербаков Г. А. Роль социологических технологий в деятельности органов власти, образования и бизнеса // Известия высших учебных заведений. – 2008. – № 4. – С. 44–46. – (Сер. «Социология. Экономика. Политика»).
3. Актуальные вопросы современного образования : моногр. / под. ред. Д. Ю. Трушников. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2010.
4. Козырин А. Н. Международное сотрудничество в сфере образования: к разработке концепции интегрирующего федерального закона об образовании // Ежегодник российского образовательного законодательства. – 2008. – № 3. – С. 27.
5. Алексеев С. С. Проблемы теории права. – Свердловск, 1972. – Т. 1. – С. 102–103.
6. Пуртов А. С. Принцип взаимной выгоды в международных экономических отношениях // Российский внешнеэкономический вестник. – 2008. – № 7. – С. 3.
7. Войтович С. И. Принцип взаимной выгоды в межгосударственных экономических отношениях // Советское государство и право. – 1986. – № 2. – С. 121.
8. Шишкин В. М. О международно-правовых принципах нового международного экономического порядка // Советское государство и право. – 1980. – № 9. – С. 88.
9. Архипова Л. Б. Принцип уважения государственного суверенитета в практике заключения договоров международными организациями социалистических стран // Социалистическая экономическая интеграция и государственный суверенитет. Правовые аспекты. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1987. – С. 93.

© Изюмов И. В.

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши, Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2014 году

Все сборники будут изданы в чешском издательстве
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Прага)

15–16 января 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты»** (К-01.15.14)

17–18 января 2014 г.

Международная научно-практическая конференция II **«Развитие творческого потенциала личности и общества»** (К-01.17.14)

20–21 января 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Социальная психология детства: ребенок в семье, институтах образования и группах сверстников»** (К-01.20.14)

25–26 января 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Региональные социогуманитарные исследования. История и современность»** (К-01.25.14)

27–28 января 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Идентичность личности и группы: психолого-педагогические и социокультурные аспекты»** (К-01.27.14)

1–2 февраля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Формирование добрососедских этноконфессиональных отношений как одна из важнейших задач современной цивилизации»** (К-02.01.14)

10–11 февраля 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Профессионализация личности в образовательных институтах и практической деятельности: теоретические и прикладные проблемы социологии и психологии труда и профессионального образования»** (К-02.10.14)

15–16 февраля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Психология XXI века: теория, практика, перспектива»** (К-02.15.14)

16–17 февраля 2014 г.

Очная конференция в г. Санкт-Петербурге.

IV международная научно-практическая конференция **«Общество, культура, личность. Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания»** (К-02.05.14)

20–21 февраля 2014 г.

Очная конференция в г. Киеве.

IV международная научно-практическая конференция **«Инновации и современные технологии в системе образования»** (К-02.20.14)

25–26 февраля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Экологическое образование и экологическая культура населения»** (К-02.25.14)

1–2 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Партнерство социальных институтов воспитания в интересах детства**» (К-03.01.14)

5–6 марта 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях**» (К-03.05.14)

10–11 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Национальные культуры в социальном пространстве и времени**» (К-03.10.14)

13–14 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты**» (К-03.13.14)

15–16 марта 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность**» (К-03.15.14)

20–21 марта 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «**Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика**» (К-03.20.14)

25–26 марта 2014 г.

Очная конференция в г. Москве.

IV международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований**» (К-03.25.14)

27–28 марта 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «**Современные инфокоммуникационные и дистанционные технологии в образовательном пространстве школы и вуза**» (К-03.27.14)

29–30 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Личность и социальное развитие**» (К-03.29.14)

1–2 апреля 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «**Игра и игрушки в истории и культуре, развитии и образовании**» (К-04.01.14)

5–6 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия**» (К-04.05.14)

7–8 апреля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Социогуманитарные и медицинские вопросы современной психологии, нейрофизиологии, нейроморфологии и психолингвистики**» (К-04.07.14)

10–11 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы развития образования в XXI веке: профессиональное становление личности (философские и психолого-педагогические аспекты)**» (К-04.10.14)

15–16 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Информационно-коммуникационное пространство и человек**» (К-04.15.14)

20–21 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения»** (К-04.20.14)

22–23 апреля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Деятельность социально-культурных институтов в современной социокультурной ситуации: проблемы теории и практики»** (К-04.22.14)

25–26 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания: материалы международной научно-практической конференции»** (К-04.25.14)

28–29 апреля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Самореализация потенциала личности в современном обществе»** (К-04.28.14)

2–3 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования»** (К-05.02.14)

5–6 мая 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»** (К-05.05.14)

10–11 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире»** (К-05.10.14)

13–14 мая 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы»** (К-05.13.14)

15–16 мая 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»** (К-05.15.14)

20–21 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Текст. Произведение. Читатель»** (К-05.20.14)

22–23 мая 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Реклама в современном мире: история, теория и практика»** (К-05.22.14)

25–26 мая 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»** (К-05.25.14)

1–2 июня 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-06.01.14)

3–4 июня 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Теоретические и прикладные вопросы специальной педагогики и психологии»** (К-06.03.14)

5–6 июня 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-06.05.14)

7–8 июня 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи»** (К-06.07.14)

10–11 сентября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-09.10.14)

15–16 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-09.15.14)

20–21 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-09.20.14)

25–26 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Проблемы становления профессионала»** (К-09.25.14)

28–29 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации»** (К-09.28.14)

1–2 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-10.01.14)

5–6 октября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-10.05.14)

10–11 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы связей с общественностью»** (К-10.10.14)

12–13 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития»** (К-10.12.14)

13–14 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях»** (К-10.13.14)

15–16 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-10.15.14)

20–21 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Трансформация духовно-нравственных процессов в современном обществе»** (К-10.20.14)

25–26 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-10.25.14)

28–29 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии»** (К-10.28.14)

1–2 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-11.01.14)

3–4 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования»** (К-11.03.14)

5–6 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы»** (К-11.05.14)

10–11 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-11.10.14)

15–16 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Проблемы развития личности»** (К-11.15.14)

20–21 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-11.20.14)

25–26 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему»** (К-11.25.14)

1–2 декабря 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-12.01.14)

3–4 декабря 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития экономики и управления»** (К-12.03.14)

5–6 декабря 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-12.05.14)

7-8 декабря 2014 г. Международная научно-практическая конференция **«Безопасность человека и общества»** (К-12.07.14)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям. Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера». Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (Париж), ему присвоен номер ISSN 2078-7081; а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования. **Индекс цитирования** – принятая в научном мире мера «значимости» трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию) в других источниках. В мировой практике индекс цитирования является не только желательным, но и необходимым критерием оценки профессионального уровня профессорско-преподавательского состава.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь преподавателю
- В помощь учителю
- В помощь соискателю
- Объем журнала – 80–100 страниц.
- Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).
- Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Н., доктор экономики, доцент (София, Болгария), Большакова А. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия), Берберян А. С., доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Волков С. Н., доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия), Голандам А. К., заведующий кафедрой русского языка Гилянского государственного университета (Решт, Иран), Кашпарова Е., доктор философии (Прага, Чехия), Насимов М. О., кандидат политических наук, проректор по воспитательной работе и международным связям университета «Болашак», директор Кызылординского филиала Ассоциации политических исследований (г. Кызылорда, Казахстан), Сапик М., доктор философии, доцент (Колин, Чехия), Хрусталькова Н. А., доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphere@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jssc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей

строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 2–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Имя файла, отправляемого по e-mail соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003, тщательно выверены и отредактированы. Допускается их архивация стандартным архиватором RAR или ZIP.

Выпуски журнала располагаются на сайте НИЦ «Социосфера» по адресу <http://sociosphera.com> в PDF-формате.

Оплата публикации

Стоимость публикации составляет **200 рублей за 1 страницу**. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 150 руб. за один экземпляр. **Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации.**

Расчетный счет для перечисления денег (только для граждан РФ)

Получатель: ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
р/с № 40702810000000002313 в ФАКБ «Инвестторгбанк» (ОАО) «Пензенский» г. Пенза

ОГРН 1095837003239

ИНН 5837042277

КПП 583701001

БИК 045655722

к/с 30101810900000000722 в ГРКЦ г. Пензы ГУ Банка России по Пензенской области

Платеж: ФИО автора

Тел. (8412) 21-68-14, e-mail: sociosphera@yandex.ru

Главный редактор – Дорошин Борис Анатольевич.

Генеральный директор НИЦ «Социосфера» – Дорошина Илона Геннадьевна.

УДК 94(470)»17/18»

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XVIII–XIX ВВ.
В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

И. И. Иванов

**Семиреченский институт экономики и права,
г. Семиреченск, N-ский край, Россия**

**QUESTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SEMIRECHENSK IN XVIII–XIX
IN VIEW OF LOCAL PERIODICAL PRESS**

I. I. Ivanov

**Semirechensky Institute of Economics and Law,
Semirechensk, N-sk region, Russia**

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Key words: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М.: Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. – URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki>. – Дата обращения: 20.04.2011.
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.: Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ АСТА HUMANITAS

Научно-теоретический и методологический журнал «Acta Humanitas» публикует статьи и результаты систематического изучения социальных и общественных наук. Предмет журнала охватывает широкий круг проблем. Принимаются материалы, касающиеся политической культуры, сравнения политических систем, истории, политологии, текущих политических вопросов, философии, социологии, антропологии, этики, религиоведения, психологии и других социальных и общественных наук. Журнал открыт для чешских и зарубежных авторов и принимает к публикации материалы на **чешском** и **английском** языках. Аннотации докладов, публикуемых в журнале «Acta Humanitas» представлены на сайте ARC – Высшая школа политических и социальных наук в Колине – <http://www.vspsv.cz>.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- результаты научных исследований,
- тематические сообщения,
- рецензии,
- отчеты конференций и других научных мероприятий.

Объем журнала 70–120 страниц.

Периодичность выпусков – два раза в год (июнь и декабрь).

Главный редактор – Мирослав Сапик, доктор философских наук, доцент.

Технический редактор – Йиржи Славичек, магистр.

Редакционная коллегия: Джон Лидяк (Колин, Чехия), Владимир Срб (Колин, Чехия), Кирилл Дятка (Нитра, Словакия), Илона Дорошина (Пенза, Россия), Роман Кралик (Нитра, Словакия), Йозеф Лисий (Братислава, Словакия), Мирослав Сапик (Колин, Чехия – председатель редакционного совета).

Требования к оформлению материалов

Тексты в электронном виде направлять по электронной почте по адресу: sarik@vspsv.cz. Формат страницы А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, стиль – обычный, выравнивание по ширине. Название пишется жирным шрифтом, выравнивание по центру. На следующей строке пишутся имя и фамилия, выравнивание по центру. Следующая строка резюме (не менее 5 предложений) на чешском или английском языках, далее ключевые слова – по-чешски или по-английски (как минимум 5 ключевых слов). После пропущенной строки следует текст статьи. Объем текста 5–10 страниц. Библиографические ссылки оформляются в виде подстраничных сносок. Картинки, диаграммы, таблицы вставляются в текст и должна быть частью текста. В статье необходимы заключение и список литературы. Текст должен быть написан в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 и более поздних версий. Текст должен быть отредактирован. Статьи рецензируются, при наличии недостатков текст возвращается автору на доработку. Редакция вправе отказать автору в публикации материала, имеющего низкую научную значимость или оформленного несоответствующим образом. Статьи публикуются **бесплатно**.

Pražská radniční koalice ODS + ČSSD po komunálních volbách 2010 v kontextu teorie koalic: výsledné pozice, vyjednávací síla stran a racionalita aktérů

Jiří Kohoutek

Abstract: The article analyses the creation of the coalition of ODS and ČSSD in Prague after the municipal elections 2010 within the coalition theory context. It uses the office-seeking approach, showing the different coalition prospects for each of the successful parties in the elections. To analyze the bargaining power of the different parties, the so called Gamson Law is used, as other power indices showed ineffective in this research situation. Also the concept of rationality (in maximizing profit) is used to analyze the behaviour of the two parties that formed the coalition. The two players seemed to have shown rational behaviour and maximize their profits.

Key words: Prague, municipal elections 2010, coalition theory, office-seeking approach, bargaining power, rationality.

Předkládaná studie chce přispět k doplnění práce českých politických vědců, kteří se otázkami komunální politiky zabývají jako obecným politologickým tématem logicky se specifictějším tématům nevěnují. Patří mezi ně zejména S. Balík¹, P. Jüptner² a J. Čmejrek³....

Информация об авторе (в конце статьи)

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, научное звание

Место работы с указанием адреса

E-mail

Адрес электронной почты: **sapik@vspsv.cz**.

¹ Balík, S.: Modely exekutivních koalic na komunální úrovni. In: Dančák, B. – Fiala, P. – Hloušek, V.: Evropeizace. Nové téma politologického výzkumu. Brno: Mezinárodní politologický ústav, 2005. Balík, S.: Radniční koalice po komunálních volbách 2006. Středoevropské politické studie X, 1, s. 17–33, Brno: Mezinárodní politologický ústav MU, 2005. Balík, S.: Česká komunální politika v obcích s rozšířenou působností. Koalice, voličské vzorce a politické strany na místní úrovni v letech 1994–2006. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2008.

² Jüptner, P.: *Komunální koalice a politické modely*. In: Politologická revue X(2), 81–101. Praha, ČSPV: 2004. Jüptner, P.: Local lists in the Czech Republic. In: Reiser, M., Holtmann, E. (eds.): *Farewell to the Party Model? Independent local lists in East and West European countries*. Wiesbaden: VS Verlag, 2008. Jüptner, P.: Komunální politika v České republice a role politických aktérů na lokální úrovni. In: Fiala, V., Řichová, B. (eds.): *Úloha politických aktérů v procesu decentralizace evropských zemí. Sborník z konference konané v Olomouci 9. 12. 2002*, s. 103–112. Olomouc: Moneta-FM, 2003.

³ Čmejrek, J.: *Obce a regiony jako politický prostor*. Praha: Alfa Nakladatelství, 2008. Čmejrek, J. a kol.: *Participace občanů na veřejném životě venkovských obcí ČR*, Praha: Kernberg Publishing, 2009. Čmejrek, J. – Bubeníček, V. – Čopík, J.: *Demokracie v lokálním politickém prostoru. Specifika politického života v obcích ČR*. Praha: Grada, 2010.

ШАНОВНА НАУКОВА ГРОМАДО!

ПРОПОНУЄМО ВАМ ПРАВИЛА ОФОРМЛЕННЯ СТАТЕЙ ДО ФАХОВИХ ВИДАНЬ

Інститут обдарованої дитини НАПН України приймає наукові статті до друку у збірник наукових праць «**Навчання і виховання обдарованої дитини: теорія та практика**», який затверджено ДАК України у серії «Педагогіка» і серії «Психологія» (Протокол № 1-05/8 від 22.12. 2010 р.).

ТА **ВИПУСК ФАХОВОГО ЩОМІСЯЧНОГО НАУКОВО-МЕТОДИЧНОГО ЖУРНАЛУ «Освіта та розвиток обдарованої особистості»** (Свідоцтво: серія КВ № 19047-7837Р, 2012 р.), затверджений ДАК України (наказ МОН України № 893 від 04.07.2013 р.), серія «Педагогіка».

1. Статті у журнал та збірник приймаються постійно, збірник публікується двічі на рік (червень, грудень), а журнал – щомісячно.

2. Статті у журналі публікуватися на будуть без фотографії автора (авторів). Фото просимо надсилати у форматі jpg, tif або iff з розширенням 300 dpi або розмір фото не менш ніж 600x600 пікселей.

Статті повинні бути відредаговані та відповідати вимогам ДАК України та наказу МОН України. Обсяг наукової статті формату А4:

1. Магістрам та аспірантам – 6-12 сторінок;
2. Докторам – 15 – 20 сторінок.

3. Статті просимо оформляти таким чином:

Електронний варіант: формат А4, шрифт Times New Roman, кегль 14, через інтервал 1,5, без нумерації сторінок. Межі сторінки: зліва – 3 см, справа – 1,2 см, зверху і знизу – 3 см. Абзацний відступ 1 см. В електронному варіанті таблиці, схеми та рисунки, зроблені в текстовому редакторі Word, обов'язково мають бути згруповані.

У лівому кутку – обов'язково індекс **УДК**.

У правому кутку ім'я, по-батькові та прізвище (**жирним**), науковий ступінь, посада, місто, країна, електронна пошта (українською, російською та англійською мовами).

Посередині великими літерами – заголовок статті.

Нижче назви статті через інтервал:

- **2 анотації** (не менше 400 знаків англійською, російською мовами) і **ключові слова** (не більше п'яти) **курсивом**.

Після статті:

- **використані літературні джерела** (не менше 5, але не більше 15).
- **посилання** у тексті на кожне джерело **обов'язкове**, наприклад, [4].

Кожна стаття повинна містити таку структуру:

- вступ – постановка проблеми у загальному вигляді та її зв'язок з важливими науковими чи практичними завданнями (5-10 рядків);
- формулювання цілей статті (постановка завдання), нерозв'язаних раніше частин загальної проблеми, яким приділена означена проблема;
- виклад основного матеріалу дослідження з повним обґрунтуванням отриманих наукових результатів зі статистичною обробкою даних (4,5-5 сторінок);
- висновки і перспективи подальших розвідок у цьому напрямку.

Обов'язково додавати відомості про автора:

1. Прізвище, ім'я та по-батькові (повністю).
2. Науковий ступінь.
3. Посада.
4. Контактний телефон.
5. Електронна та домашня адреса.

4. Друкування наукових статей у фаховому збірнику здійснюється за рахунок авторів.

- **Оплата** поштовим переказом на вказану адресу. Вартість 1 сторінки А4 (коректорського варіанту) – 20 гривень.
- **Пересилання збірника** – за рахунок автора.

5. Матеріали, не оформлені відповідно до вимог Постанови Президії ДАК України друкуватися не будуть.

- **Аспірантам, здобувачам та магістрам обов'язково мати РЕЦЕНЗІЮ наукового керівника.**
- **Невідредаговані статті розглядатися не будуть.**
- **Матеріали, що не внесено до збірки, не повертаються.**

6. Статті, копії квитанцій про сплату вартості публікації надсилати на електронну пошту: **firsova@iod.gov.ua**, рецензії (оригінали) надсилати на адресу: ІОД НАПН України, вул. Салютна, 11-а, м. Київ, 03190

ЗРАЗОК

СТАТТЯ

УДК 005 + 658.8(1) + 303.425 + 37(477)

Іванова Катерина Сергіївна,
(учений ступінь, посада, місто, країна,
електронна пошта
трьома мовами: укр., рос., англ.)

**МЕТОДОЛОГІЧНІ АСПЕКТИ МАРКЕТИНГОВОЇ ОРІЄНТАЦІЇ
РИНКУ ОСВІТИ В УКРАЇНІ**

(назва трьома мовами: укр., рос., англ.)

Анотації та ключові слова. (трьома мовами: російською, якщо стаття написана українською, і, навпаки, та англійською мовою).

Процеси міжнародної інтеграції та створення якісно нових форм взаємодії підсистем економіки, політики спричинилися до того, що класичні підходи до управління стають малоефективними і непридатними у сучасних умовах [2]. Освіта може стати сферою послідовного моделювання суспільства, до якого ми прагнемо підготувати нове покоління.

Таким чином, центральним питанням проблеми є запровадження Болонської системи на теренах України. У травні 2005 року, на зустрічі міністрів освіти в Бергені (Норвегія), планується вступ України до Болонського клубу. Міністерство освіти і науки підготувало масштабний план реалізації Болонської декларації.

Використані літературні джерела

1. Лещенко М. П. Є у Полтаві така школа // Обдарована дитина / М. П. Лещенко. – К., 2002. – № 1. – С. 2–20.
2. Мар'яненко Л. В. Уміння вчителя поводитися з обдарованими учнями, як фактор його професійного зростання // Практична психологія та соціальна робота / Л. В. Мар'яненко. – К., 2001. – № 8. – С. 48–51.

За достовірність використання цитат відповідальність несе автор.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу *.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайн обложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.
- Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* **Формат страницы** А4 (210x297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

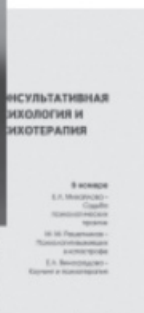
PsyJournals.ru
портал психологических изданий

ЖУРНАЛЫ по психологии **online**

Психологическая наука и образование
Архив за 1996–2010 г.г.

Консультативная психология и психотерапия
Архив за 1992–2010 г.г.

Культурно-историческая психология
Архив за 2005–2010 г.г.

Экспериментальная психология
Архив за 2008–2010 г.г.

Все журналы
включены в Перечень ВАК

онлайн подписка это

- * Удобно
- * Выгодно
- * Современно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ И БИБЛИОТЕК:

- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация

- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГНПУ

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

Часть 1

Главный редактор Б. А. Дорошин

№ 4 2013

Редактор В. А. Дорошина
Корректор Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет Г. А. Кулаковой

Подписано в печать 16.12.2013. Формат 60x84/8. Бумага писчая белая.
Учет.-изд. л. 18,25 п. л. Усл.-печ. л. 17,00 п. л. Тираж 100 экз. Заказ № 4/13.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, д. 34, ком. 201-в. (8412)21-68-14,
<http://sociosphere.com>, sociosphere@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412) 56-25-09